UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01332691 3

Отдельные тресты за этот день были (в скобках указана добыча предыдущий день):

Донбасс—104.647 (102.744).
«Москвуголь»—6.295 (5.248).
«Уралуголь»—7.249 (5.591).
«Кузбассуголь»—19.486 (19.762).
«Дальуголь»—5.461 (5.289).
«Средазуголь»—1.749 (1.722).
Караганда—2.207 (2.279).

* * *

Добыча угля в Донбассе остается на чрезвычайно низком уровне: 20 июля добыто 107 тыс. тонн, 21-го, по предварительным данным, — 108 тыс. тонн.

Характерно, что сообщаемые трестами причины отставания остаются одними и теми же за весь последний период. Это значит прежде всего, что для устранения этих причин ничего по существу не делается.

«Сталинуголь» жалуется на невыходы рабочих. Вывод отсюда может быть сделан только один: в «Сталинугле» ни администрация, ни партийные, ни профсоюзные организации не развернули настоящей борьбы с прогулами. Иначе этот мотив давно исчез бы из обихода трестовского руководства.

«Кадиевуголь» об'ясняет причину невыполнения заданий на 20 июля те

45386
43063

VI N 300/60

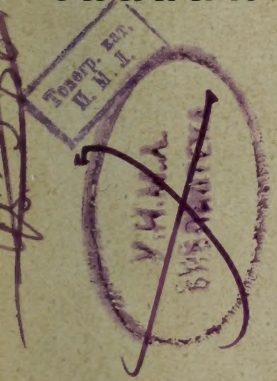
9(47)7
И265

И. И. Игнатовичъ.

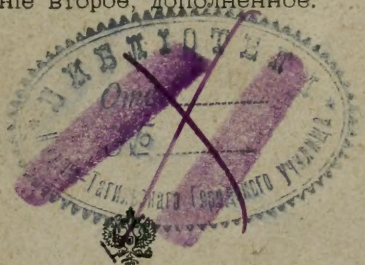
№ 210.

ПОМѢЩИЧЬИ И КРЕСТЬЯНЕ

НАКАНУНѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ.



Изданіе второе, дополненное.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1910.

X

1305

9(47)7
И 265

И. И. Игнатовичъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

ПОМѢЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ

НАКАНУНѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

БИБЛІОТЕКА Нижне-Тагильскаго Городского Училища

6р 20к

Изданіе второе, дополненное.

БИБЛИОТЕКА
Шифр Инв. 43063
Областн. Курсов Пропагандистов
г. Свердловск

Г. У.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1910.

LIBRARY
JAN 9 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

HD
715
I45
1910

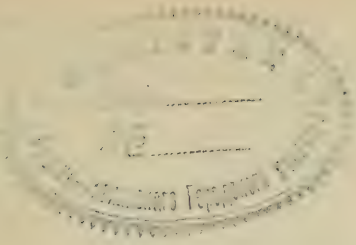
1177542

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ II изданіи, помимо болѣе или менѣе значительныхъ дополненій, сдѣланныхъ въ различныхъ главахъ книги, прибавлены еще 2 главы о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ юго- и сѣверо-западномъ краѣ (глава V), а также въ Малороссіи и Новороссіи (глава VI). Кромѣ того, разработанъ статистическій матеріалъ, заключающійся въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій («Извлеченія изъ описанія имѣній»), еще по 7 губерніяхъ (Самарской, Саратовской, Симбирской, Харьковской, Черниговской, Полтавской и Екатеринославской), сверхъ тѣхъ 20 губерній, данныя о которыхъ были приведены въ I изданіи.

И. Игнатовичъ.



ГЛАВА I.

Обязанности помѣщика передъ закономъ по отношенію къ крѣпостнымъ. — Право владѣнія крѣпостными. — Права помѣщиковъ на трудъ и личность крестьянъ. — Судебно-вотчинная власть помѣщиковъ. — Отвѣтственность передъ закономъ за злоупотребленія помѣщичьей властью.

Прежде чѣмъ говорить о дѣйствительномъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи наканунѣ паденія крѣпостного права, необходимо выяснить ихъ положеніе, какъ оно рисовалось въ законѣ, отдать себѣ отчетъ, каковы были юридическія условія жизни этой многомилліонной массы, чтобы яснѣе увидѣть, какая разница существовала между крѣпостнымъ правомъ de jure и крѣпостнымъ правомъ de facto.

Крѣпостное право въ Россіи имѣло характеръ государственный. Государство, какъ бы сознавая свое безсиліе справиться съ управленіемъ всею народною массою, часть своихъ обязанностей передавало помѣщику. Помѣщикъ, имѣя право на личный трудъ крѣпостныхъ, получая въ извѣстной степени право суда надъ своими людьми, являлся отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ за правильные взносы государственныхъ платежей и за исполненіе повинностей крестьянами и, съ другой стороны, долженъ былъ заботиться о продовольствіи крѣпостныхъ во время голода и помогать имъ въ несчастныхъ случаяхъ. Въ IX т. Св. зак., изд. 1857 г., эти обязанности опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «Владѣлецъ, въ случаѣ неурожая, не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства» (ст. 1103). За каждаго, пойманнаго въ нищенствѣ, съ владѣльца взыскивалось по 1 р. 50 к. (ст. 1105).

Неурожайные или голодные годы не были рѣдкостью въ первую половину XIX в. По указанію статистиковъ дореформеннаго времени, въ началѣ XIX в. на девять урожайныхъ

приходился одинъ полный неурожайный годъ и, кромѣ того, два раза въ 10 лѣтъ постигалъ отдѣльныя мѣстности частичный недородъ. Въ періодъ 1830 — 1845 гг. 8 лѣтъ были съ плохимъ урожаемъ для всей Россіи, и только въ 4 года (1833 — 34 и 1839 — 1840 гг.) правительству пришлось затратить на народное продовольствіе больше 75,5 милл. руб. [1]). По указанію г. Середонина въ царствованіе императора Николая I 1833, 1839, 1840, частью 1844, 1845, 1846 и 1851 были неурожайными годами [2]).

По отдѣльнымъ губерніямъ неурожайные годы были еще чаще. Въ Витебской губ. полные неурожаи съ 1814 г. держались 12 лѣтъ сряду; съ 1847 г. 3 года были полные неурожаи. Въ Пензенской губ. съ 1831 г. полные неурожаи были въ теченіе 4 лѣтъ. Мордовцевъ указываетъ, что въ крѣпостное время «большинство крестьянскаго населенія, даже въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, почти черезъ каждые 2 года въ 3-й нуждалось въ продовольствіи и обсѣмененіи полей, и періодически голодало, особенно къ началу весенняго времени» [3]). «Можно утверждать, — говоритъ г. Середонинъ,—что съ 1820 г. — перваго значительнаго неурожая въ XIX столѣтіи, западныя губерніи — Псковская, Витебская, Смоленская, Могилевская и Минская — не переставали озабочивать правительство, но всѣ предпринимаемыя мѣры мало помогали и привели эти губерніи къ разстройству» [4]).

Неудивительно, что продовольственный вопросъ серьезно занималъ правительство и заставлялъ его принимать энергичныя мѣры въ борьбѣ съ голодомъ. Трудное положеніе правительства въ голодные годы хорошо рисуется въ письмѣ Николая I къ князю Паскевичу въ 1840 г. отъ 29 (11 іюля) іюня по возвращеніи изъ Берлина: «Я нашелъ здѣсь мало утѣшительнаго, хотя много было и преувеличено. Четыре губерніи точно въ крайней нуждѣ... Требованія помощи неномѣрныя; въ двѣ губерніи требуютъ 28 милліоновъ; гдѣ ихъ взять? Всего страшнѣе, что ежели озимыя поля не будутъ засѣяны, то въ будущемъ году будетъ уже рѣшительный

---

[1]) См. Лященко. «Очерки аграрной эволюціи Россіи», т. I, стр. 193, 197—198. С.-Петербургъ, 1908 г.

[2]) С. М. Середонинъ. «Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ», т. II, ч. 1, стр. 168—169. С.-Петербургъ. 1902 г.

[3]) Д. Л. Мордовцевъ. «Наканунѣ воли». Архивные силуэты. С.-Петербургъ. 1890 г., стр. 369.

[4]) Середонинъ. «Историч. обзоръ дѣят. ком. министровъ», т. II, ч. 1, стр. 204.

голодъ; наврядъ ли мы успѣемъ закупить и доставить вовремя. Вотъ моя теперешняя главная забота. Дѣлаемъ, что можемъ; на мѣсто посланъ Строгановъ распоряжаться съ полною властью. Петербургъ тоже можетъ быть въ нуждѣ, ежели изъ-за границы хлѣба не подвезутъ... Годъ тяжелый; денегъ требуютъ всюду, и недоимки за $^1/_2$ года уже до 20 милліоновъ противу прошлогодняго года; не знаю, право, какъ выворотимся» [1]).

При такомъ затруднительномъ положеніи продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ самими помѣщиками было бы большимъ облегченіемъ для правительства и для государственнаго бюджета. Нѣкоторые помѣщики, дѣйствительно, старались помогать своимъ крестьянамъ. Были такіе, говоритъ Заблоцкій-Десятовскій, «которые изъ послѣднихъ силъ кормили крестьянъ, хотя, можетъ-быть, понуждаясь къ тому скорѣе расчетомъ, нежели филантропіей... Многіе дѣлали это изъ страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали къ помѣщикамъ, требуя прокормленія» [2]). Съ этою цѣлью заводили общественныя запашки [3]), старались поддерживать въ должномъ количествѣ хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ и т. под., но это дѣлали далеко не всѣ, да и изъ числа желающихъ не всѣ имѣли возможность прокармливать своихъ крестьянъ. При частыхъ неурожаяхъ запасы хлѣба должны были быстро истощаться, и при неимѣніи собственныхъ запасныхъ капиталовъ и хлѣба помѣщикъ долженъ былъ или уклоняться отъ продовольствія крестьянъ, или прибѣгать къ правительственной помощи, ссудамъ, займамъ и проч.; при плохихъ путяхъ сообщенія и это было

---

[1]) Кн. Щербатовъ. «Кн. Паскевичъ-Эриванскій», т. IV, стр. 439, а также «Импер. Николай I въ его письмахъ къ кн. Паскевичу». «Русскій Архивъ», 1897 г., кн. 1, стр. 28. Характерной для растерянности правительства и поисковъ его разрѣшить продовольственный вопросъ является попытка распространить среди крестьянъ суррогаты хлѣба. Въ 1822 году Министерство Внутреннихъ дѣлъ разослало въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ брошюру съ описаніемъ «средства печь хлѣбъ съ примѣсью исландскаго моха». «Исторія Россіи въ XIX в.» Изд. бр. Гранатъ, вып. II: статья Н. А. Рожкова «Экономич. развитіе Россіи въ первую половину XIX вѣка», стр. 168.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ», т. IV, стр. 318.

[3]) Въ описаніяхъ имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ, въ Симбирской губ., напр., общественная запашка отмѣчена въ 4 имѣніяхъ, изъ которой на 1 д. м. п. приходилось по 0. 31 дес. или по $^1/_3$; въ Самарской губ. общественная запашка показана въ 138 имѣніяхъ, что составляетъ 54% всѣхъ имѣній; на 1 д. м. п. приходилось по 0, 05 дес. общественной запашки. (Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, т. III.)

безполезно изъ-за трудной закупки и доставки хлѣба. На недостаточность хлѣбныхъ запасовъ указываютъ такіе факты. Въ Смоленской губ. по 8-й ревизіи въ помѣщичьихъ запасныхъ магазинахъ должно было быть ржи и ярового хлѣба 530.943 четверти; но изъ хлѣбныхъ запасовъ приходилось выдавать ссуды крестьянамъ въ 1840, 1841, 1845, 1846, 1847, 1850 и 1851 годахъ; изъ-за неурожаевъ новые запасы не поступали, «такъ что къ 1 января 1853 г. въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ не осталось ни 1 четверти» [1]). Денежный капиталъ продовольствія по Смоленской губ. за выдачею ссудъ въ неурожайные годы уже послѣ 1852 г. не только не существовалъ, но составился долгъ комиссіи народнаго продовольствія. Иногда помѣщики не могли продовольствовать своихъ крестьянъ по собственной бѣдности; это касается, главнымъ образомъ, мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Такъ Романовичъ-Славатинскій помнилъ одно семейство небогатыхъ помѣщиковъ, которое само испытывало недостатокъ въ хлѣбѣ.

Не имѣя возможности по тѣмъ или другимъ причинамъ или не желая продовольствовать своихъ крестьянъ, нѣкоторые помѣщики совершенно уклонялись отъ этой обязанности, или исполняли ее самымъ возмутительнымъ образомъ. Въ запискахъ одного сельскаго священника упоминается о цѣломъ рядѣ помѣщиковъ, которые почти совершенно не заботились о продовольствіи крестьянъ въ голодные годы. Богатый помѣщикъ Н. П. Б. въ сороковыхъ годахъ, во время страшнаго голода, отпускалъ въ мѣсяцъ по одному пуду муки на человѣка, при чемъ мука состояла изъ 30 ф. желудя и 10 ф. муки [2]); помѣщикъ Ж. выдавалъ столько же, но вмѣсто желудя выдавалось 30 ф. лебеды [3]); третій помѣщикъ К. пытался кормить крестьянъ глиною (буквально) [4]). Около двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія крестьяне Минской губ. терпѣли большой недостатокъ въ хлѣбѣ, но помѣщики и арендаторы не только не обращали вниманія на это, но еще стѣсняли ихъ отяготительными работами [5]). Въ имѣніи графа Разумовскаго, Саратовской губ., въ 1833 — 34 гг. по описи, составленной уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 23-хъ селахъ оказалось болѣе 2500 голодающихъ,

---

[1]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи». Изд. Учен. Комитета Мин. Госуд. Им. Москва 1855 г., стр. 242.

[2]) «Записки сельскаго священника». «Р. Стар.», т. XXVII, стр. 64.

[3]) Тамъ же, стр. 77.

[4]) Тамъ же, стр. 470.

[5]) Романовичъ-Славатинскій. «Дворянство въ Россіи», гл. IV, стр. 330.

при чемъ въ списки были внесены не нуждавшіеся въ хлѣбѣ, а лишь кандидаты на голодную смерть. Между тѣмъ управляющій не только не выдавалъ имъ хлѣба, но ухудшалъ ихъ положеніе, переводя несостоятельныхъ плательщиковъ съ оброка на барщину [1]). Помѣщики нерѣдко бѣжали изъ своихъ имѣній во время голодовокъ, оставляя крестьянъ на волю Божію и не оказывая имъ никакой помощи, такъ что нерѣдко цѣлыя селенія помѣщичьихъ крестьянъ бродили по дорогамъ, существуя нищенствомъ. Заблоцкій-Десятовскій свидѣтельствуетъ, что въ 1839 году многіе помѣщики бѣжали изъ имѣній.

Въ голодные 1840 — 41 годы, по его же указанію, появились тысячи нищихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ; «большая часть помѣщиковъ,—говоритъ онъ,—не въ силахъ остановить этого нищенства; весьма многіе изъ нихъ не могутъ, нѣкоторые изъ нихъ не хотятъ достаточно прокормить крестьянъ; только немногіе кормятъ широкою рукою. Сами помѣщики сознаются, что положеніе крестьянъ въ такіе голодные годы бываетъ «чудовищно» [2]). Въ 1848 — 49 гг. въ Орловской губ. было замѣтно сильное увеличеніе нищенства. Христорадничали преимущественно помѣщичьи крестьяне [3]). Помѣщики Тульской губерніи указывали, что «въ голодныя зимы положеніе крестьянина и его семьи ужасно. Онъ ѣстъ всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома,—все идетъ въ пищу. Притомъ ему не на что купить соли. Онъ почти отравляется: являются страшныя болѣзни... У женщинъ пропадаетъ молоко въ груди, и грудные младенцы мрутъ, какъ мухи» [4]).

Въ 1853 г. генералъ-адъютантъ П. Н. Игнатьевъ рисовалъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ ужасную картину голоданія населенія Витебской губ. При проѣздѣ по Могилевской и Витебской губ. онъ находилъ цѣлыя деревни, въ которыхъ нельзя было отыскать куска хлѣба; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ему давали хлѣбъ, весьма похожій на торфъ, въ другихъ показывали тщательно завернутые куски хлѣба, исключительно сохраняемые для дѣтей. По Витебской губ. хлѣбъ еще рѣже составлялъ обычную пищу для жителей, которые кормились грибами и разными сырыми веществами [5]).

---

1) Мордовцевъ. «Наканунѣ воли», стр. 60—63.

2) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ», т. IV, стр. 301.

3) Замѣтки старожила елецкаго уѣзда съ 1842 — 1872 г. П. В. Пушечникова. Р. Архивъ, 1905 г. апрѣль, стр. 569.

4) Забл.-Десят., стр. 301.

5) Середонинъ. «Историч. обзоръ дѣят. ком. министровъ», т. II, ч. I, стр. 211.

Такое ужасное положеніе, угроза болѣзней и голодной смерти заставляли крестьянъ выходить изъ инертнаго положенія и заявлять болѣе или менѣе энергично свои требованія оказать имъ продовольственную помощь. Въ царствованіе Николая I, по отчетамъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ извѣстно пять случаевъ волненій изъ-за недостатка продовольствія; но, весьма вѣроятно, ихъ было значительно больше, ибо въ Министерство сообщалось далеко не о всѣхъ волненіяхъ. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ 1840 г. «во время пребыванія управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовѣ нѣсколько тысячъ помѣщичьихъ крестьянъ шли въ городъ, но были остановлены мѣстнымъ начальствомъ и сворочены въ сторону обѣщаніемъ удовлетворить ихъ просьбы» [1]).

Движеніе въ Витебской губ. въ 1847 г., вызванное трехлѣтнимъ неурожаемъ, отсутствіемъ продовольствія для крестьянъ у помѣщиковъ, достигло грандіозныхъ размѣровъ: крестьяне шли жаловаться царю, чѣмъ кормятъ ихъ паны, надѣясь въ то же время, на основаніи ложныхъ слуховъ, получить волю. Для задержанія крестьянъ пришлось употребить военныя силы: одинъ пѣхотный полкъ, одинъ батальонъ, двѣ роты изъ двухъ другихъ полковъ, витебскій гарнизонный батальонъ и инвалидныя команды. Нѣкоторыя толпы оказали сопротивленіе; противъ нихъ употребили оружіе, произошли стычки, во время которыхъ нѣсколько крестьянъ было убито; съ другой стороны одна толпа избила солдатъ этапной команды, а станового пристава взяла въ плѣнъ. Помимо военной силы, правительству пришлось ассигновать 10.000 руб. на продовольствіе этихъ крестьянъ.

Правительство, не желая давать вымирать отъ голода значительной части населенія и стремясь освободить себя отъ расходовъ на продовольствіе голодающихъ крестьянъ и ихъ усмиренія, волею-неволею должно было всячески побуждать помѣщиковъ кормить крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ правительство брало въ опеку имѣнія тѣхъ помѣщиковъ, которые уклонялись отъ обязанности заботиться о продовольствіи крестьянъ. Такъ, въ теченіе одного 1840 г. въ опеку было отдано пять имѣній «за необезпеченіе нуждъ крестьянъ» [2]).

Правительству приходилось постоянно дѣлать наставленія начальникамъ губерній, чтобы они слѣдили за тѣмъ, чтобы помѣщики продовольствовали своихъ крестьянъ. Правитель-

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ», т. IV, стр. 302.

[2]) Матеріалы для ист. крѣп. права», стр. 56.

ству приходилось и самому заботиться о продовольствіи крестьянъ. Такъ, во время голода 1839—40 гг. «вниманіе правительства должно было отъ казенныхъ крестьянъ обратиться на помѣщичьихъ» въ виду ихъ крайне бѣдственнаго положенія. Графу Строганову было поручено отправиться въ пострадавшія губерніи и принять мѣры къ отвращенію недостатка средствъ для продовольствія и будущаго обсѣмененія полей; помѣщикамъ было выдано пособія болѣе 10 милліоновъ рублей [1]).

Когда въ Смоленской губ. была разрѣшена ссуда изъ кредитныхъ установленій по 10 руб. серебромъ на душу, то большая часть помѣщиковъ воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ. Такимъ образомъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ Смоленской губ. накопился долгъ въ 2 или 3 милліона рублей единственно для прокормленія крестьянъ» [2]). Въ 1833 г. комитетъ министровъ разрѣшилъ ссуду для продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губ. въ 1 милліонъ рублей [3]). Во время голода 1851 г. помѣщикамъ также раздавались ссуды изъ продовольственнаго капитала и т. д. Возникло цѣлое законодательство по выдачѣ ссудъ помѣщикамъ для продовольствія крестьянъ въ цѣляхъ ограничить ихъ предѣлами строгой необходимости и регулировать самое продовольствіе крѣпостныхъ, если помѣщики не выполняли этой обязанности. Правительство переходило такимъ образомъ къ болѣе и болѣе активному вмѣшательству въ продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ въ виду несостоятельности помѣщиковъ въ этомъ отношеніи.

Выдаваемыя правительствомъ ссуды возвращались крайне неаккуратно. Середонинъ указываетъ, напримѣръ, что въ 1826 г., «такая неаккуратность едва не послужила причиной обогащенія сенатской типографіи: за объявленія о наложеніи запрещенія на имѣніе по закону взыскивалось въ пользу типографіи по 5 руб. съ имѣнія, а въ 1826 г. подлежали запрещенію 1907 помѣщичьихъ имѣній одной Смоленской губ.» [4]). Правительство, выдавая ссуду, не только не могло быть увѣрено въ возвратѣ ея, но и въ томъ, что она дѣйствительно пойдетъ на нужды голодающихъ. Нерѣдко помѣщики употребляли ссуды на свои нужды. Въ 1851 г. началь-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ» (Письмо Гамалѣя къ графу Киселеву).
[2]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. статистика Смоленской губ.», стр. 243.
[3]) Середонинъ. «Историч. обзоръ дѣят. ком. мин.», т. II, ч. 1, стр. 185.
[4]) Ibid., стр. 174.

никъ Смоленской губ. писалъ, что помѣщики, получивъ ссуду, или всю брали себѣ, или выдавали крестьянамъ только часть, а другую тратили на себя [1]). Министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1852 г. предлагая генералъ-губернатору распространить на Смоленскую губ. правило объ ограниченіи ссуды на продовольствіе суммою казеннаго долга въ 125 руб. на душу, объяснялъ, «что брать ссуды деньгами всегда много охотниковъ, а хлѣбъ берутъ только въ случаѣ крайней необходимости» [2]). Н. А. Крыловъ указываетъ, что «во время голода... помѣщики хотя и брали на прокормленіе крестьянъ деньги изъ казеннаго капитала на народное продовольствіе, но одни эти деньги проигрывали въ карты, другіе платили ими долги или употребляли на свои нужды. Уплата же этихъ денегъ въ продовольственный капиталъ производилась крестьянами вмѣстѣ съ податями» [3]).

Рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ, что правительство не было обезпечено и въ безнедоимочномъ исполненіи государственныхъ повинностей помѣщичьихъ крестьянъ. Помѣщичьи крестьяне должны были уплачивать подушную подать въ размѣрѣ 95 к. серебромъ съ рев. души; различные земскіе сборы доходили до $46^3/_4$ коп. серебромъ съ души, т.-е. съ каждой рев. души взималось по 1 руб. $41^3/_4$ коп. [4]). Въ виду того, что крестьянамъ приходилось платить и за дворовыхъ, Я. Соловьевъ полагаетъ, что съ души приходилось платить по 1 руб. 53 коп. и больше. Такъ какъ раскладка платежей производилась большею частью по тягламъ (на тягло обыкновенно приходилось больше двухъ душъ), то, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Смоленской губ. было положено взимать съ тягла казенныхъ податей по 3 руб. 50 коп. серебромъ, въ иныхъ имѣніяхъ по 12 руб. ассигнаціями. По-

---

1) Романовичъ-Славатинскій, стр. 330.

2) Середонинъ, т. II, ч. 1, стр. 211.

3) Н. А. Крыловъ, «Наканунѣ великихъ реформъ». «Истор. Вѣстникъ», 1903 г., кн. IX, стр. 801.

4) По губерніямъ была разница въ копейкахъ, въ виду крайняго разнообразія земскихъ сборовъ. Такъ, Никольскій указываетъ, что въ Балашевскомъ у., Саратовской губ., въ 9-лѣтіе 1840—1848 года подушная подать и земскіе сборы достигали 1 р. $42^1/_2$ коп. Изъ нихъ земскіе сборы составлялись изъ слѣдующихъ сборовъ: земскихъ повинностей—$16^1/_2$ к., вспомогательныхъ—13 к., на полицію—9 к., поселянскихъ—$1^1/_2$ к., на продовольствіе—3 к., на присутственныя мѣста—4 к., на канцелярію—2 к., на комиссію (народнаго продовол. П. И.)—1 к., на хлѣбн. смотрителей—$1^1/_2$ к., на гимназію—$6^7/_7$ к., на институт. благородн. дѣвицъ—$7^1/_2$ к. А. Никольскій, «Хозяйственное описаніе Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи». С.-Петербургъ. 1855 г., стр. 64.

мимо этого на помѣщичьихъ крестьянахъ лежали и нѣкоторыя казенныя натуральныя повинности (дорожная повинность и т. под.). Я. Соловьевъ оцѣниваетъ ихъ въ 81 коп. на душу или по 1 руб. 62 коп. на тягло [1]).

Указанные платежи, за правильный взносъ которыхъ отвѣчалъ помѣщикъ своими имѣніями, уплачивались неаккуратно, и такимъ образомъ накоплялись большія недоимки. Романовичъ-Славатинскій указываетъ, что въ началѣ XIX в. помѣщикамъ трудно было уплачивать подушный сборъ съ рев. души, и они обременяли имѣнія массой недоимокъ по этому сбору. Въ Курской губ. въ концѣ 30-хъ годовъ казенныя недоимки достигли громадныхъ размѣровъ, ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, разсчитывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разнымъ случаямъ [2]). Въ Смоленской губ. къ 1 января 1851 года недоимка на помѣщичьихъ крестьянахъ доходила до 3 р. 50 к. съ рев. души, т.-е. была въ $2^1/_2$ раза больше всего годового оклада, включая сюда и земскіе сборы (1 руб. $41^3/_4$ коп.), при чемъ была больше въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ сильнѣе была дробность имѣній [3]). За 11 лѣтъ (съ 1848 по 1858 гг.) недоборъ подушной подати съ помѣщичьихъ крестьянъ, не считая земскихъ повинностей и сбора на капиталъ продовольствія, по свѣдѣніямъ министра финансовъ, равнялся въ среднемъ 3,79% годового оклада, въ то время, какъ недоборъ государственныхъ платежей (включая сюда и оброчную подать) съ государственныхъ крестьянъ за тотъ же періодъ равнялся лишь 2,08% [4]). При выработкѣ реформы 19 февраля 1861 г. финансовая комиссія объясняла это «единственно недостатками самого способа взиманія податей, по которому отвѣтственность за недоимки возложена была на самихъ владѣльцевъ» [5]). Правительству приходилось, конечно, бороться съ такою неаккуратностью владѣльцевъ, взыскивая съ нихъ недоимки и налагая опеки съ этою цѣлью на имѣнія. Такъ, въ 1840 году въ опекѣ состояло 916 имѣній «за

---

1) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. статистика Смоленской губ.», стр. 218.

2) Н. Рѣшетовъ. «Дѣла давно минувшихъ дней». Русскій Архивъ, 1885 г., т. II, стр. 303.

3) Я. Соловьевъ «Сельскохозяйств. статистика». стр. 252—253.

4) По отдѣльнымъ годамъ этотъ недоборъ съ помѣщичьихъ крестьянъ колебался между 1,19% (1852 г.) и 11, 92% (1855 г.). За эти годы поступленія превысили окладъ только въ 1851 г. (+ 0, 57%) и въ 1857 г. (+6. 38%).

5) Скребицкій. «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II, Боннъ на-Рейнѣ». 1868 г., т. IV, стр. 1238—1239.

неплатежи податей и недоимки»[1]). По признанію финансовой комиссіи «установленныя въ законахъ мѣры взысканія оказывались большею частью недѣйствительными въ примѣненіи на дѣлѣ»[2]). Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ указывалъ въ 1827 г., что опекунскія учрежденія не изъ кого учреждать, если, конечно, не допускать того, чтобы должникъ былъ опекуномъ имѣнія подобнаго же себѣ должника, ибо почти всѣ имѣнія больше или меньше должны казнѣ или по податнымъ или по земскимъ сборамъ[3]). Полиція, состоявшая зачастую на жалованьѣ у дворянъ, не смѣла взыскивать съ нихъ недоимокъ. Губернатору М. Н. Муравьеву пришлось прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ для взысканія съ дворянъ недоимокъ. Онъ предписалъ полиціи дѣйствовать энергично и, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было, немедленно приступать къ продажѣ имущества, въ случаѣ же уклоненія полицейскихъ чиновниковъ и неисполненія его предписаній отрѣшалъ ихъ отъ должностей[4]).

Правительство при этихъ взысканіяхъ находилось въ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, надо было прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, чтобы обезпечить взысканіе недоимокъ. Съ другой стороны, дворянство жаловалось на трудность уплаты и просило то о прощеніи недоимокъ, то о разсрочкѣ ихъ. Такъ, при воцареніи Николая I дворянство цѣлаго ряда губерній обратилось къ государю съ подобнаго рода ходатайствами[5]). Отказъ на ходатайства, строгія мѣры взысканія должны были раздражать какъ дворянство, такъ и помѣщичьихъ крестьянъ, на которыхъ въ конечномъ счетѣ падали казенныя пошлины. На это затруднительное положеніе правительства указывалъ въ 1831 году малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Репнинъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 31 іюля. Ходатайствуя о сложеніи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, князь Репнинъ писалъ, что, «побужденія мѣстнаго начальства къ платежу податей, не соразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожайные и общихъ несчастій, возрождаютъ

---

1) «Матеріалы для ист. крѣпостного права», стр. 56.
2) Скребицкій, т. IV, стр. 1239.
3) Середонинъ, «Историч. обзоръ...», т. II, ч. 1, стр. 230.
4) П. Рѣшетовъ. «Дѣла давно минувшихъ дней». «Р. Архивъ», 1885 г., кн. II, стр. 303.
5) См. Середонинъ. «Историч. обзоръ дѣят. ком. мин.», т. II, ч. 1, стр. 229—231.

ропотъ на правительство и помѣщиковъ, что нищета и скорбь производятъ въ простолюдинахъ тѣ же преступныя дѣйствія, которыя возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей, ложно образованныхъ». Указывая на распространенность среди малороссійскихъ крестьянъ «ропота противъ помѣщиковъ», «не усугубятся ли,—писалъ онъ,—сіи вредныя для общаго спокойствія чувства, когда они увидятъ милосердіе Вашего Императорскаго Величества, оказанное казакамъ и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ! [1]) Они почувствуютъ всю строгость тяжелаго взысканія податей и недоимокъ. Не покажется ли имъ рабство еще несноснѣе прежняго? Не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградою отеческаго милосердія Вашего Императорскаго Величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и вслѣдствіе закона не только удаленіе помѣщиковъ изъ ихъ владѣній на многіе годы, но и запрещеніе слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами?» [2]).

Все это показываетъ, что само правительство не могло видѣть большой пользы въ существованіи крѣпостного права. Напротивъ, тотъ фактъ, что помѣщичьи крестьяне не могли облагаться такими же налогами въ пользу государства, какъ казенные, требовали расходовъ на свое продовольствіе, при чемъ правительство не могло быть даже увѣреннымъ въ правильномъ израсходованіи выданныхъ ссудъ, — толкалъ правительство на путь освобожденія, заставлялъ его принимать мѣры къ постепенному уничтоженію крѣпостного права. Покамѣстъ государство было слабо, оно должно было платить дворянамъ за поддержку личнымъ трудомъ крестьянъ; но, какъ только оно достаточно окрѣпло, чтобы самостоятельно регулировать бытъ крестьянъ, крѣпостное право стало для правительства лишнимъ бременемъ. Во времена Павла I помѣщиковъ называли «лучшими полицмейстерами», избавляющими правительство отъ расходовъ на управленіе крестьянами, но къ половинѣ XIX вѣка эти «полицмейстеры» достаточно доказали свою несостоятельность.

---

[1]) Репнинъ намекалъ здѣсь на прощеніе недоимокъ казакамъ, уменьшеніе для нихъ податей и представленіе министра госуд. имуществъ о томъ же относительно государственныхъ крестьянъ.

[2]) «Всеподданнѣйшее письмо кн. Николая Репнина о сложеніи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ». «Р. Старина», 1896 г., кн. X.

Обратимся къ вопросу, кто по закону имѣлъ право владѣть крѣпостными. Указомъ 1730 г. было подтверждено сдѣланное еще въ Уложеніи запрещеніе владѣть населенными имѣніями боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ. Затѣмъ въ 1746 г. было запрещено купцамъ, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ и крестьянамъ, приписаннымъ къ купечеству и въ цехъ, также казакамъ, ямщикамъ, разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, — покупать во всемъ государствѣ людей и крестьянъ безъ земли и съ землями. Извѣстно, что инструкція 1754 г. окончательно запрещаетъ не-дворянамъ владѣть населенными имѣніями, а указомъ 1758 года велѣно было всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть населенными имѣніями, продать ихъ въ полугодовой срокъ, по истеченіи котораго непроданныя имѣнія должны быть отписаны на государыню.

Правонарушенія происходили на каждомъ шагу, что и вызывало рядъ подтвержденій запрещенія не-дворянамъ владѣть крѣпостными. Въ 1814 г. запрещено было владѣть дворовыми и крестьянами личнымъ дворянамъ. По закону 1836 г. деревни, населенныя крѣпостными людьми, или же крѣпостные люди безъ земли, доставшіеся лицамъ, не имѣющимъ права владѣть оными, немедленно поступали въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ отпускалась изъ казны сумма, какая полагалась обыкновенно по цѣнѣ, установленной для написанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія той губерніи. Въ 1841 г. (согласно съ инструкціею 1754 г.) запрещено было дворянкамъ по выходѣ замужъ за не-дворянъ пріобрѣтать крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли. Въ 1842 и 1853 гг. запрещено было лицамъ, вновь возведеннымъ въ дворянское званіе, до третьяго колѣна владѣть имѣніями, въ которыхъ предки мужа или жены были записаны по ревизіи. Наконецъ въ IX т. Св. Зак., изд. 1857 года, право владѣнія крѣпостными опредѣлено слѣдующимъ образомъ: потомственный дворянинъ можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли, но въ послѣднемъ случаѣ лишь при томъ условіи, если онъ владѣетъ населеннымъ крѣпостными крестьянами имѣніемъ; въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской запрещалось вовсе пріобрѣтать крестьянъ безъ земли (ст. 208). Возведенные въ дворянство изъ крѣпостного состоянія до 3-го колѣна включительно не могли никакимъ способомъ пріобрѣтать тѣхъ населенныхъ имѣній, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды

ихъ по отцу были записаны по ревизіямъ, а также и крѣпостныхъ людей безъ земли, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ. Запрещеніе это распространялось и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами изъ крѣпостного состоянія, которыя не могли получать и указанныхъ частей послѣ смерти супруговъ въ такихъ имѣніяхъ, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцамъ были крѣпостными крестьянами (ст. 212).

Дворяне нехристіанскаго вѣроисповѣданія не могли имѣть крѣпостныхъ христіанъ за исключеніемъ только тѣхъ дворянъ изъ татаръ, которые издавна владѣли населенными имѣніями въ западныхъ губерніяхъ (ст. 215). Владѣть крестьянами могли, такимъ образомъ, только дворяне. Исключеніе представляли лишь городское общество г. Смоленска и нѣкоторые смоленскіе мѣщане и купцы. Но и здѣсь населенныя имѣнія принадлежали всему смоленскому городскому обществу, а не отдѣльнымъ его членамъ; тѣ же смоленскіе мѣщане и купцы, которые пріобрѣли крестьянъ въ частное владѣніе до 1836 г., владѣли только пожизненно; по смерти владѣльцевъ крестьяне эти должны были отбираться отъ наслѣдниковъ съ вознагражденіемъ послѣднихъ на основаніи закона 1836 г. о крестьянахъ, достающихся во владѣніе разночинцамъ [1]).

Владѣніе дворовыми постепенно стѣснялось. Въ 1841 г. было запрещено пріобрѣтать ихъ безпомѣстнымъ дворянамъ, и разрѣшено сохранять уже пріобрѣтенныхъ до восьмой ревизіи съ припискою къ домамъ или при денежномъ обезпеченіи. Вообще, что касается этой стороны крѣпостного вопроса, видно стремленіе правительства ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными.

Лица, владѣвшія крѣпостными, имѣли право на трудъ послѣднихъ. Въ IX т. Свода зак., изд. 1857 г., это право помѣщиковъ опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ могъ налагать на нихъ всякія работы, взимать оброкъ и требовать личныхъ повинностей, съ слѣдующими двумя ограниченіями: 1) чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ то разоренія, и 2) чтобы положенное закономъ число дней оставлялось на исправленіе ихъ собственныхъ работъ (ст. 1045).

---

[1]) По IX ревизіи, такихъ владѣльцевъ оказалось въ Смоленскѣ 45, крѣпостныхъ у нихъ—173 д. м. п.—Я. Соловьевъ, «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ.», 1855 г., стр. 190. См. объ этомъ «Крестьянскій вопросъ» В. И. Семевскаго, т. II, стр. 543.

Государственная библиотека им. В. Г. Бѣлинского г. Свердловск
Библиотека
Шифр
Инв. 43063
Области Курсъ Деспотическ

Крестьяне обязывались работать на помѣщика три дня въ недѣлю; они не могли быть принуждаемы къ работамъ въ воскресные дни и въ извѣстные праздники (ст. 1046). Владѣлецъ имѣлъ право употреблять своихъ крѣпостныхъ людей не только для личныхъ услугъ и работъ, но могъ отдавать ихъ и постороннимъ лицамъ въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе, съ единственнымъ ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей на работу на горные заводы (ст. 1048 — 1049).

Это опредѣленіе повинностей крестьянъ отличается прежде всего крайнею неопредѣленностью. Опредѣленіе того размѣра повинностей, за которымъ могло итти уже противозаконное «разореніе» крестьянъ, возлагалось собственно на добрую волю помѣщика и того начальства, которому было поручено наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ. Кромѣ того, и то, что было опредѣленно сказано въ законѣ, постоянно нарушалось на практикѣ. Въ XIX вѣкѣ, какъ и въ XVIII, преобладала трехдневная барщина, но нерѣдко работали 4, иногда 5, а при переводѣ крестьянъ на господское содержаніе и всѣ 6 дней въ недѣлю. Кромѣ того, крестьяне нерѣдко принуждались работать въ воскресные дни и праздники; помѣщики въ эти дни налагали иногда на крестьянъ легкія побочныя работы или устраивали какъ бы добровольные сгоны рабочихъ. Размѣръ оброка въ законѣ совершенно не былъ опредѣленъ. Между тѣмъ эта форма эксплуатаціи крестьянскаго труда давала возможность отбирать отъ крестьянъ весь его заработокъ, лишая его и его семью необходимыхъ средствъ существованія.

Не было опредѣленно указано то количество земли, которое должны были давать помѣщики крестьянамъ. Размѣръ его можно было выводить лишь изъ совершенно другого закона, а именно изданнаго въ 1827 г. для опредѣленія условій продажи населенныхъ имѣній безъ крестьянъ. По этому закону имѣнія помѣщиковъ, у которыхъ за залогомъ или продажею земли будетъ оставаться земли менѣе $4\frac{1}{2}$ дес. на душу, должны были отбираться въ казенное вѣдомство. На дѣлѣ этотъ законъ обыкновенно не исполнялся, но онъ важенъ тѣмъ, что въ немъ видно молчаливое признаніе связи крестьянъ съ землею и опредѣленіе minimum'а требующагося для крестьянъ земельнаго обезпеченія. Родъ, количество работы не ограничивались закономъ. Право помѣщиковъ отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе (по закону 1824 г. воспрещено было отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе лицамъ, не имѣющимъ по закону права

владѣть ими) приводило на практикѣ къ торговлѣ крѣпостными наподобіе торговли невольниками.

Помѣщикъ имѣлъ право переводить крестьянъ во дворъ, а дворовыхъ садить на пашню (ст. 1047, IX т. Св. зак., изд. 1857 г.). Чрезмѣрное увеличеніе дворовыхъ отъ 9-й до 10-й ревизіи (по 9-й ревизіи было 1.035.924 д., а по 10-й 1.467.378) — вѣроятно, въ виду упорныхъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ — вызвало указъ 2 марта 1858 г., запрещавшій дальнѣйшій переводъ крестьянъ, записанныхъ по 10-й ревизіи осѣдлыми, въ число дворовыхъ. Но, кромѣ офиціальнаго зачисленія крестьянъ въ дворовые, практиковалось простое употребленіе крестьянъ для личныхъ услугъ и различныхъ работъ при домѣ, когда крестьянинъ, не теряя своего имени, находился собственно въ положеніи дворовaго; съ другой стороны, многіе дворовые имѣли отдѣльныя избы, огороды, скотъ, такъ что ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ положенія крестьянъ. Поэтому провести строгое различіе между этими двумя группами крѣпостныхъ очень трудно.

Строго говоря, крестьяне не могли называться осѣдлыми, такъ какъ ихъ осѣдлость также зависѣла отъ воли господина. Въ Св. зак., изд. 1857 г., за помѣщикомъ признается право переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями съ однѣхъ земель на другія, какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ (ст. 1060). Ограниченіе этого права касалось лишь случаевъ переселенія крестьянъ, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ: помѣщики могли переселять ихъ лишь съ согласія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они состояли въ залогѣ (ст. 1063). Для того, чтобы переселить крестьянъ, достаточно было подать прошеніе въ земскій судъ, и можно было начать переселеніе, не дожидаясь соотвѣтствующаго дозволенія или указа.

Насколько и какъ пользовались помѣщики этимъ правомъ, показываетъ случай, приводимый Самаринымъ. Имѣніемъ N, Полтавской губерніи, управлялъ нѣкто Полякъ. Будучи убѣжденъ въ томъ, что богатый крестьянинъ вреденъ въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ систематически разорялъ крестьянъ, перенося ихъ избы съ одного мѣста на другое и переселяя богатыхъ крестьянъ въ степь. Дѣйствительно, онъ достигъ того, что вся деревня была разорена. Романовичъ-Славатинскій зналъ помѣщика въ Малороссіи, который постоянно переселялъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. «Едва крестьяне успѣвали обжиться въ имѣніи А., какъ помѣщикъ переводилъ

ихъ уже въ имѣніе Б. и т. д.» [1]). Помѣщики нерѣдко прибѣгали къ переселеніямъ крестьянъ, чтобы избѣжать исполненія повинностей. Кошелевъ зналъ помѣщиковъ, которые прибѣгали къ переселеніямъ какъ къ угрозѣ и наказанію, въ случаѣ неисправнаго исполненія повинностей. Наказаніе дѣйствовало, говоритъ Кошелевъ, и платежи вносились аккуратно [2]). Иные помѣщики переселяли крестьянъ въ виду недостатка земли въ имѣніи. Напримѣръ, въ 1845 г. «въ Тверской губ., въ имѣніи помѣщика Головина крестьяне оказали неповиновеніе по поводу предположеннаго владѣльцемъ переселенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ другой уѣздъ, по причинѣ недостатка земли въ этомъ имѣніи» [3]). Веригинъ, управлявшій имѣніями Нарышкиныхъ въ 20 — 40-хъ годахъ, примѣнялъ переселеніе въ широкихъ размѣрахъ въ цѣляхъ поднять благосостояніе крестьянъ: неисправныхъ оброчниковъ онъ выселялъ въ особыя селенія, переводя на барщину; въ двухъ деревняхъ всѣхъ лишнихъ крестьянъ противъ назначеннаго имъ земельнаго надѣла онъ переселилъ въ саратовскія степи. Хотя Веригинъ и былъ увѣренъ въ благодѣтельности этой мѣры для крестьянъ, но крестьяне держались, очевидно, другой точки зрѣнія. Самъ Веригинъ сознается, что при переселеніяхъ въ имѣніяхъ Л. А. Нарышкина были «дерзости, ослушанія, волненія крестьянъ»; саратовскіе же помѣщики предупреждали главноуправляющаго, что отъ переселеній Веригина взбунтуется вся вотчина, откуда выселялись крестьяне. Тѣми же ропотомъ и ослушаніями, по собственному признанію Веригина, сопровождались разселенія и въ имѣніяхъ Э. Д. Нарышкина [4]). Съ другой стороны, извѣстно, что въ 1843 г. въ саратовской вотчинѣ Л. А. Нарышкина произошло волненіе, и одною изъ причинъ его, по указанію мѣстнаго исправника, было ухудшеніе экономическаго положенія крестьянъ изъ-за переселенія крѣпостныхъ изъ другихъ имѣній и перевода крестьянъ съ оброка на барщину [5]).

Переселенія совершались и подъ вліяніемъ слуховъ объ освобожденіи изъ желанія помѣщиковъ заранѣе обезпечить за собою лучшія земли, предупредить чрезполосицу и округ-

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. гл. IV. стр. 330.

[2]) Кошелевъ. «Записки по уничтоженію крѣпостного права», стр. 138—139.

[3]) «Матеріалы для исторіи крѣпостного права», стр. 129.

[4]) Веригинъ. «Записки». «Р. Стар.» 1893 г., кн. IV. стр. 123—125, и кн. VI, стр. 141, 171—173.

[5]) Мордовцевъ. «Наканунѣ воли». стр. 357—361.

лить свои владѣнія. Такъ, помѣщикъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., Дивовъ, узнавъ въ 1846 г., что въ правительственныхъ сферахъ шли исподволь работы для уничтоженія крѣпостного права, поспѣшилъ переселить свою деревню, чтобы заранѣе отдѣлить господскія поля отъ крестьянскихъ на случай обязательнаго надѣленія крестьянъ пахотною землею. Переселеніе это, несмотря на широкую помощь помѣщика, совершилось, «конечно, не безъ тайнаго ропота переселенныхъ крестьянъ, крѣпко привыкшихъ къ старому пепелищу»[1]). Передъ реформою 19 февраля 1861 г. переселенія крестьянъ для указанныхъ цѣлей приняли массовый характеръ, при чемъ крестьянъ нерѣдко переселяли на неудобныя земли: песчаныя, болотистыя и т. под. Желаніе прекратить подобныя переселенія вызвало Высочайшее повелѣніе отъ 4 марта 1858 г., объявленное въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ 20 марта, и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 декабря того же года [2]).

Нерѣдко при переселеніяхъ помѣщики поступали недобросовѣстно съ крестьянами. Такъ, помѣщикъ Пензенской губерніи Жадовскій перевелъ въ пятидесятыхъ годахъ своихъ крестьянъ въ Оренбургскую губернію, при чемъ взялъ себѣ деньги, вырученныя при продажѣ ихъ домовъ и хлѣба на корню, а за избы, выстроенныя на новыхъ мѣстахъ, взималъ съ крестьянъ плату, вычитаемую изъ ихъ заработковъ [3]). Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что крестьяне нерѣдко даже физически очень худо переносили подобныя невольныя переселенія. Многіе крестьяне умирали прежде, нежели обживались на новыхъ мѣстахъ. Такъ, одинъ помѣщикъ переселилъ крестьянъ изъ Витебской губерніи подъ Кизляръ. Тамъ въ первые годы умерло ихъ болѣе двухъ третей [4]). Рѣдкій изъ помѣщиковъ заготовлялъ для крестьянъ порядочныя помѣщенія; большею частью первые годы они проживали въ землянкахъ [5]). Въ этомъ отношеніи характерно переселеніе крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщику Дурасову, въ сороковыхъ годахъ изъ Курской въ Оренбургскую губ. Управляющій имѣніемъ Дурасова, найдя, что въ имѣніи послѣдняго крестьянъ не-

---

1) «Записки гр. М. Д. Бутурлина». «Р. Архивъ», 1898 г., кн. II, стр. 266.
2) «Матеріалы для ист. упраздненія крѣп. сост.», т. I, стр. 345—346.
3) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 331.
4) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 285.
5) Тамъ же. На то же самое указываетъ баронъ Гакстгаузенъ. См. Гакстгаузенъ. «Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни Россіи», т. I, стр. 358.

соразмѣрно много сравнительно съ количествомъ земли, продалъ часть ихъ (150 рев. душъ) въ Оренбургскую губ., и крестьяне немедленно были перечислены туда по бумагамъ. Управляющимъ было обѣщано, что крестьяне найдутъ на новыхъ мѣстахъ готовыя хаты, полное продовольствіе, и имъ дадутся разныя льготы и всякія милости. Крестьяне, скрѣпя сердце, отправились и позднею осенью пришли въ Оренбургскую губ., гдѣ не нашли для себя никакихъ помѣщеній; а такъ какъ помѣститься имъ было негдѣ, то они должны были зимовать въ наскоро сдѣланныхъ ихъ же руками землянкахъ. Зимой у нихъ появились разныя болѣзни; люди, не привыкшіе къ суровому климату и дурной обстановкѣ, умирали въ большомъ количествѣ, въ особенности дѣти. Весною, самовольно вернувшись въ родное село, крестьяне говорили, что они оставили въ Оренбургской губ. «болѣе половины своихъ родныхъ зарытыми въ могилахъ». Въ отвѣтъ на уговариванія уѣзднаго предводителя дворянства вернуться на земли ихъ новаго владѣльца, старики съ какимъ-то отчаяніемъ и рѣшимостью заявляли: «чтобы всѣмъ намъ помирати, такъ лучше дѣлайте съ нами, что хотите, а мы волей туда не пойдемъ». По приказанію губернатора, этихъ крестьянъ разыскивали по сосѣднимъ селамъ, ловили въ лѣсахъ и по мѣрѣ сбора отправляли по этапу въ Оренбургскую губернію [1]).

Крѣпостное право въ развитомъ состояніи очень близко подходило къ рабовладѣнію. Однимъ изъ сильнѣйшихъ признаковъ почти полнаго сліянія понятія крѣпостного и раба служило право помѣщика на куплю и продажу крѣпостныхъ. Помѣщики торговали своими крѣпостными, продавали ихъ съ землею и безъ земли, цѣлыми имѣніями и въ розницу, раздѣляя семьи, отрывая дочерей и сыновей отъ родителей, и т. д. Крестьянъ вывозили на ярмарки, публиковали объ ихъ продажѣ въ газетахъ, продавали съ молотка за частные и казенные долги.

Борьба правительства съ этою принадлежностью крѣпостного права началась съ XVIII вѣка, хотя его мѣропріятія были очень неопредѣленны и нерѣшительны. Еще въ 1771 г. запрещена была продажа крестьянъ безъ земли съ молотка. Въ 1792 г. было разъяснено, что продавать крестьянъ съ аукціона можно, но безъ употребленія молотка. Въ 1798 г. было постановлено, что крестьяне, при взысканіи казенныхъ

---

[1]) Н. Рѣшетовъ, «Дѣла давно минувшихъ дней». «Русскій Архивъ», 1886 г., т. I, стр. 212—217.

долговъ, не могутъ быть продаваемы съ публичнаго торга, а должны отписываться въ казну съ зачетомъ долга по оцѣнкѣ получаемаго съ нихъ дохода. Наконецъ въ 1833 г. было постановлено не принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ крѣпостныхъ безъ земли, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ; при взысканіи же частныхъ долговъ, совершонныхъ подъ обезпеченіе крѣпостными безъ земли до этого узаконенія, было постановлено зачислять такихъ крѣпостныхъ безъ раздробленія семействъ въ казенное вѣдомство, выдавая кому слѣдуетъ изъ казны по 300 руб. за каждую ревизскую душу мужескаго пола и по 150 руб. за ревизскую душу женскаго пола. Этимъ же закономъ запрещалась продажа крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, съ раздробленіемъ семействъ. Такъ какъ торговля людьми происходила на рынкахъ, такъ что, напримѣръ, еще въ 1807 г. на Урюпинскую ярмарку привозились скованные люди для продажи ихъ въ розницу, то въ 1808 г. запрещено было продавать крѣпостныхъ на ярмаркахъ и торгахъ. Запрещенія мало дѣйствовали, и продажа людей на ярмаркахъ продолжалась. Въ 1822 г. было запрещено печатать публикаціи о продажѣ людей безъ земли, но онѣ продолжались печататься подъ видомъ публикаціи объ отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженіе.

Передъ раскрѣпощеніемъ крестьянъ законъ такимъ образомъ регулировалъ продажу и покупку крѣпостныхъ. Въ IX т. Св. зак., изд. 1857 г., право продавать и покупать крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, предоставлено только потомственнымъ дворянамъ, притомъ только тѣмъ изъ нихъ, которые владѣютъ населенными имѣніями (ст. 1069). Безусловно запрещена продажа крѣпостныхъ гражданамъ Финляндіи и чиновникамъ земли Войска Донского, для переселенія ихъ на войсковыя земли (ст. 1085). За этими ограниченіями дозволялась продажа какъ цѣлыми имѣніями, такъ и отдѣльными семьями. Помѣщикъ могъ продавать какъ лично, такъ и черезъ другихъ лицъ по довѣренности, но послѣднюю не могъ выдавать лицамъ, не имѣющимъ дворянскихъ правъ на продажу и покупку крѣпостныхъ безъ земли (ст. 1071); при покупкѣ же и продажѣ крѣпостныхъ съ землею дозволялось выдавать всякому лицу безъ ограниченія (ст. 1072). Запрещались публикаціи (1822 г.) о продажѣ людей въ розницу безъ земли; запрещалась продажа на ярмаркахъ и торгахъ — поименно и безъ земли (ст. 1062). Въ Малороссіи продажа крестьянъ безъ земли была запрещена еще въ 1798 г. —

Конечно, на практикѣ происходили различные обходы всѣхъ этихъ узаконеній.

Иногда для того, чтобы продать дѣтей, отпускали родителей на волю, иногда образовывали путемъ брака новую семью и продавали такимъ образомъ. Особенно часто прибѣгали къ продажѣ подъ видомъ отдачи крѣпостныхъ въ услуженіе, хотя въ 1824 г. послѣдовало ограниченіе и этого права путемъ запрещенія отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть ими. Но это запрещеніе мало повліяло на положеніе дѣлъ. Отдача крѣпостныхъ на заработки процвѣтала въ лѣвобережной Малороссіи. Въ правобережной Малороссіи было развито очень сильно воздѣлываніе свекловицы. Фабриканты, какъ свидѣтельствуетъ Самаринъ, посылали евреевъ за Днѣпръ «подряжать людей у помѣщиковъ, помѣщики вербуютъ ихъ сотнями, забираютъ за нихъ деньги и отпускаютъ ихъ безъ продовольствія и теплой одежды. Въ случаѣ бѣгства съ дороги ихъ бьютъ и возвращаютъ обратно»... Эти бѣлые негры, пришедши на мѣсто, томятся болѣзнями, умираютъ десятками, тоскуютъ и бѣгутъ толпами [1]). Нѣкоторые помѣщики дѣлали особый промыселъ изъ торговли людьми. Нѣкій Ч — ій «купилъ близъ Саратова земельный участокъ и занялся тѣмъ, что завязалъ сношенія съ управляющими имѣній крупныхъ помѣщиковъ, которые въ нихъ никогда не заглядывали, и скупалъ крестьянскихъ дѣтей-сиротъ, выращивалъ ихъ у себя и, по достиженіи извѣстнаго возраста, продавалъ дѣвокъ въ замужество для крестьянъ, а мужчинъ ставилъ внѣ очереди въ рекруты или представлялъ для заселенія Сибири, за что тогда казна выдавала по 300 руб. за человѣка» [2]).

Особенно часто практиковалась незаконная торговля людьми при продажѣ ихъ въ рекруты. Продажа крѣпостныхъ для поставки ихъ въ рекруты была прямо позволена закономъ 1717 и 1720 гг. Съ тѣхъ поръ подобная торговля сильно развилась, такъ что со второй половины XVIII вѣка послѣдовали запрещенія. Въ 1766 г. запрещено было совершать купчія на взрослыхъ крѣпостныхъ за три мѣсяца до рекрутскихъ наборовъ, но отпускъ ихъ на волю для приписки къ казеннымъ селеніямъ былъ разрѣшенъ закономъ 1792 г. Затѣмъ въ 1804 г. велѣно принимать крѣпостныхъ въ рекруты

---

[1]) Самаринъ. Сочиненія, т. II, стр. 5—6.

[2]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы 40-хъ гг.». «Русская Старина». 1898 г., августъ, стр. 335.

не ранѣе, какъ черезъ три года по совершеніи купчей. Но обходы этихъ законовъ совершались очень свободно, и продажа охотниковъ въ рекруты процвѣтала. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году въ Курскую губернію нѣкій мѣщанинъ привезъ изъ Москвы 22 человѣка для продажи въ рекруты. Торговлею занимались даже чиновники: Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ его время въ Калужскую губернію часто пріѣзжалъ чиновникъ изъ Москвы, торговавшій охотниками, конечно, изъ помѣщичьихъ крестьянъ [1]). Помѣщичьи крестьяне также покупали за себя охотниковъ, выплачивая нерѣдко громадныя деньги и передавая квитанцію помѣщику [2]). Покупка рекрута обходилась крестьянину нерѣдко до 2000 руб., такъ какъ 1000 или 1500 рублей приходилось платить помѣщику, около 500 — 600 руб. давалось охотнику, да еще угощенія и задабриванія послѣдняго стоили дорого, такъ какъ до сдачи въ рекруты охотникъ гулялъ вовсю и сорилъ деньгами. Отпускная давалась охотнику нерѣдко за нѣсколько дней или, какъ полагалось по закону, за шесть мѣсяцевъ, но въ такихъ случаяхъ отпускная обыкновенно не показывалась предназначенному къ сдачѣ въ рекруты. Послѣдній нерѣдко узнавалъ о своей вольности только въ рекрутскомъ присутствіи. Его приводили сюда сильно возбужденнаго, какъ бы отуманеннаго; подкупленный чиновникъ обыкновенно небрежно спрашивалъ его, идетъ ли онъ охотою; крестьянинъ, слыша постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что онъ охотникъ, почти безсознательно отвѣчалъ утвердительно, и несчастному забривали лобъ. Если вспомнить всю тяжесть солдатской службы въ то время, названіе «несчастнаго» вполнѣ приложимо здѣсь, и вполнѣ понятны всѣ лишенія, всѣ затраты, которыя производились крестьянами для того, чтобы избавиться отъ воинской повинности.

По закону, помѣщикъ долженъ былъ самъ поставлять рекрутъ, при чемъ помѣщики, имѣвшіе менѣе 20 душъ, участвовали въ рекрутчинѣ лишь деньгами, а не натурою. Помимо очередныхъ рекрутскихъ наборовъ помѣщики имѣли право въ любое время представлять своихъ крестьянъ для сдачи въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, получая зачетныя квитанціи. Это давало возможность помѣщикамъ примѣнять сдачу въ солдаты, какъ одну изъ мѣръ наказанія за провинности и какъ способъ удалить изъ имѣній не-

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 293.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 40.

удобные для себя въ томъ или другомъ отношеніи элементы. Иные помѣщики сдавали крестьянъ въ рекруты за малѣйшія провинности, иногда даже для того, чтобы избавиться отъ мужа понравившейся имъ молодухи. Одинъ помѣщикъ отдавалъ въ рекруты тѣхъ крѣпостныхъ, въ которыхъ рѣзко сказывалось отрицательное отношеніе къ господской власти [1]). Нѣкоторые помѣщики дѣлали изъ зачетныхъ квитанцій способъ наживы, продавая ихъ сторонним крестьянамъ, купцамъ и мѣщанамъ за 500, 600 и болѣе рублей [2]). Другіе позволяли своимъ зажиточнымъ крестьянамъ откупаться деньгами отъ поставки рекрутъ, заставляя такимъ образомъ нести тяжесть рекрутской повинности семьи бѣднѣйшихъ крестьянъ и дѣлая рекрутскіе наборы источникомъ своего обогащенія. В. А. Демидовъ, помѣщикъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, дозволялъ крестьянамъ откупаться отъ рекрутскаго набора, внося ему по 1500 руб. за рекрута; вмѣсто этихъ откупившихся крестьянъ помѣщикъ сдавалъ «лѣнтяевъ, игроковъ, воровъ» и другихъ негодныхъ, по его мнѣнію, крестьянъ. Такая торговля дала ему за 12 лѣтъ 17.177 руб. 82 коп. дохода [3]). Передъ реформою 19 февраля 1861 года мелкопомѣстные помѣщики стали въ большомъ количествѣ представлять крѣпостныхъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ съ цѣлью получить изъ казны за зачетныя квитанціи по 300 руб. серебромъ; весьма вѣроятно, не малую роль играла здѣсь боязнь освобожденія крестьянъ безъ всякаго вознагражденія и желаніе сохранить за собою большее количество земли. Это движеніе среди помѣщиковъ вызвало циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 марта 1858 г., имѣющій цѣлью затруднить сдачу въ рекруты строгимъ соблюденіемъ закона при пріемахъ въ рекруты; затѣмъ циркуляромъ отъ 5 ноября 1858 г. объявлено было высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ пріема людей въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ отъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ [4]).

Крестьяне были почти совсѣмъ безправными личностями. Они были отданы подъ власть помѣщика, а государство для

---

[1]) «Воспоминанія, мысли и признанія доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина». «Русская Старина», 1895 г., іюль, стр. 115—116.

[2]) Крыловъ. «Накануне великихъ реформъ». «Ист. Вѣстн.», 1903 г., кн. 9-я, стр. 810.

[3]) Снѣжневскій. «Быковская вотчина Демидовыхъ». Дѣйствія Нижегор. Губ. Уч. Арх. Ком., т. VII, стр. 69, 118.—Н. Новгородъ, 1909 г.

[4]) Матеріалы по ист. освобожд. крестьянъ, т. I, стр. 347—349.

нихъ какъ бы не существовало. Еще указомъ 1741 г. крѣпостные были устранены отъ присяги государю, но лишь въ 1826 г. было опредѣленно запрещено приводить крестьянъ къ присягѣ на повиновеніе господину.

По Уложенію 1845 г. возмущеніе крестьянъ и дворовыхъ противъ помѣщиковъ, управляющихъ, волостныхъ и общественныхъ управленій приравнивалось къ возстанію противъ властей, правительствомъ установленныхъ, и виновные въ немъ должны были подвергаться наказаніямъ, назначеннымъ за это послѣднее преступленіе. Еще въ 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать жалобы и челобитныя на помѣщиковъ подъ угрозою наказанія кнутомъ и безсрочной ссылки въ Нерчинскъ на каторжныя работы. Это наказаніе постепенно смягчалось, но и по Уложенію 1845 г. крѣпостные за подачу жалобы на помѣщика подвергались наказанію розгами до 50 ударовъ. Этими постановленіями крестьянинъ лишался гражданскихъ правъ, являлся совершенно оторваннымъ отъ государства и отданнымъ подъ власть помѣщика; правительство лишь косвенно заботилось о его благосостояніи, смотря на крестьянъ, какъ на платежную силу, необходимую для существованія государства, такъ какъ помѣщичьи крестьяне такъ же, какъ и остальные, платили государственныя подати и исполняли повинности, необходимыя для государства: рекрутскую, подорожную и т. под. Крестьянинъ долженъ былъ безусловно повиноваться владѣльцу во всемъ, что не противорѣчитъ общегосударственнымъ узаконеніямъ, платить оброки и исполнять работы и всякаго рода повинности, налагаемыя на него помѣщикомъ.

На дѣлѣ власть помѣщика была еще сильнѣе: крестьяне зачастую готовы были скорѣе нарушить общегосударственные законы, чѣмъ ослушаться помѣщика. Помѣщикъ былъ ближе къ крестьянину и сильнѣе: на глазахъ крестьянъ различные правительственные органы нерѣдко покрывали преступленія помѣщиковъ, чиновники находились на жалованьѣ у послѣднихъ и т. под. Въ этомъ отношеніи характерно сопротивленіе законнымъ властямъ, оказанное въ 1818 г. дворовыми людьми по приказанію ихъ помѣщика, князя Голицына [3]). Такимъ образомъ сильно развитая власть помѣщика приводила порою въ безсиліе государственную власть по отношенію къ значительной части населенія.

---

[3]) Повалишинъ. «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 97 — 99. Рязань, 1903 г.

Крестьянинъ не имѣлъ права собственности какъ на недвижимое, такъ и движимое имущество. Крестьяне могли пріобрѣтать недвижимую собственность лишь на имя помѣщика, что практиковалось до самой реформы. Но такія сдѣлки неминуемо вели къ злоупотребленіямъ, такъ какъ помѣщики могли безнаказанно присвоить себѣ имущество крѣпостного, а послѣдній не имѣлъ никакого права оспаривать подобное присвоеніе чужой собственности. Законъ 1848 г. дозволилъ крестьянамъ покупать недвижимое имущество на свое имя, но лишь съ *согласія помѣщика*. Кромѣ того, самое право было не безусловное и вело къ злоупотребленіямъ въ силу существующихъ узаконеній. Такъ, помѣщикъ имѣлъ право запретить крестьянину отчуждать его собственность; крѣпостной не былъ свободенъ въ защитѣ своего имущества, такъ какъ онъ могъ начать искъ лишь съ дозволенія помѣщика. Самое пріобрѣтеніе на имя крѣпостного не обезпечивало въ цѣлости его имущества отъ посягательства помѣщика, такъ какъ крѣпостной не имѣлъ права иска противъ своего господина [1]).

Вообще злоупотребленія, касающіяся присвоенія недвижимаго имущества крестьянина его господиномъ, были многочисленны въ крѣпостное время. Несмотря на позволеніе крестьянамъ покупать на свое имя недвижимое имущество, крѣпостные до самаго паденія крѣпостного права обыкновенно пріобрѣтали его на имя господина, и, если помѣщикъ разорялся, имущество крестьянъ шло на уплату его долговъ [2]). Здѣсь можно привести характерный случай съ крестьянами графа Панина, которому пришлось играть важную роль при выработкѣ Положенія 19 февраля. Въ Ригѣ жило нѣсколько семействъ его крестьянъ, занимавшихся огородничествомъ на мѣстахъ, купленныхъ ими на собственныя деньги, но на имя Панина. Когда эти мѣста понадобились казнѣ при постройкѣ желѣзной дороги, правленіе обратилось къ Панину съ запросомъ о размѣрѣ вознагражденія за эти земли. Панинъ, въ порывѣ великодушія, отдалъ земли, пріобрѣтенныя трудами другихъ лицъ, даромъ [3]). С. В. Шереметевъ поступилъ такимъ образомъ. Многими его крестьянами были куплены сотни десятинъ. «Всѣ эти земли въ 1850 г. онъ отобралъ отъ крестьянъ вмѣстѣ съ документами и на одной части земель поселилъ

[1]) Кромѣ иска о свободѣ изъ крѣпостного состоянія.

[2]) Самаринъ, соч., т. II, стр. 40—41, примѣчаніе.

[3]) «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія и мѣщичьихъ крестьянъ», т. III, стр. 87.

дер. Аптеневку, крестьянамъ же зачелъ за отобранную землю не болѣе, какъ 0,01 ея стоимости въ оброкъ» [1]). Впрочемъ, нѣкоторые господа признавали имущественныя сдѣлки своихъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ гр. Шереметевъ, при чемъ въ пользу графа поступалъ извѣстный процентъ стоимости пріобрѣтеннаго или проданнаго крестьянами имущества.

Какъ мы видѣли уже, право крестьянъ на землю признавалось закономъ не прямо, а косвенно.

Крестьянинъ не могъ уходить изъ имѣнія безъ разрѣшенія господина, переходить въ другія сословія, поступать въ военную службу, не былъ воленъ въ выборѣ занятій; даже въ брачной жизни онъ не былъ свободенъ, такъ какъ не могъ вступать въ бракъ безъ дозволенія владѣльца, вслѣдствіе чего происходила масса злоупотребленій. Каждый шагъ крѣпостного человѣка зависѣлъ отъ доброй воли господина: онъ могъ дать относительную свободу крестьянину, могъ регулировать и слѣдить за каждымъ его шагомъ, распоряжаться его личностью, что особенно сильно проявлялось въ виду широкой вотчинно-судебной власти помѣщика. Общимъ судамъ крестьянинъ былъ подчиненъ лишь по уголовнымъ дѣламъ и отчасти въ дѣлахъ гражданскихъ, при спорахъ о неправильномъ присвоеніи имущества между нимъ и посторонними лицами, хотя самый искъ со своей стороны крѣпостной могъ начинать лишь съ разрѣшенія помѣщика. Помѣщики являлись по закону ходатаями по дѣламъ своихъ крѣпостныхъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Въ 1842 г. былъ изданъ законъ въ пользу крѣпостныхъ относительно удовлетворенія ихъ за обиды, при чемъ они были сравнены въ этомъ отношеніи съ государственными крестьянами.

Крестьянинъ не имѣлъ права на образованіе и здѣсь опять-таки зависѣлъ отъ воли помѣщика. Мало того, рескриптомъ 1827 г. государя министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому запрещалось отдавать крѣпостныхъ въ гимназіи и университеты, а разрѣшалось обучать ихъ лишь въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, также въ частныхъ заведеніяхъ хозяйству, садоводству, ремесламъ, если программа этихъ заведеній была не выше программы уѣздныхъ училищъ.

---

[1]) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III; ст. Снѣжневскаго: «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля и первые годы послѣ нея», стр. 69.

Безправность, экономическая эксплуатація и притѣсненія крестьянъ помѣщиками не могли бы проявляться въ той степени, въ какой они существовали въ дѣйствительности, если бы помѣщики не имѣли права вотчиннаго суда надъ крѣпостными. Эта вотчинно-судебная власть давала имъ возможность эксплуатировать рабочія силы крестьянъ подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Присматриваясь къ отношенію закона къ помѣщичьей судебной и полицейской власти, можно замѣтить, что положеніе крестьянъ, въ которое они были поставлены въ судебномъ и полицейскомъ отношеніи къ помѣщику, было ужасно по своей безправности. Но уже самый фактъ опредѣленія въ Уложеніи 1845 г. наказаній, которыя могъ налагать помѣщикъ на крестьянъ, показываетъ, что правительство вступило на путь регламентаціи права наказанія помѣщиками крѣпостныхъ, а идя по этому пути, оно должно было притти къ необходимости тщательнѣе регулировать вотчинно-судебную власть помѣщика. Въ Св. зак. власти помѣщика положены хотя крайне широкія, но все же хоть какія-нибудь границы.

Право вотчиннаго суда надъ крѣпостными было неопредѣленно до составленія Св. законовъ. Единственный видъ наказанія, регламентаціей котораго занималось правительство еще въ XVIII вѣкѣ, было право ссылки въ Сибирь. Такое вниманіе къ этому роду наказаній нужно объяснить тѣмъ, что самая ссылка въ Сибирь была разрѣшена въ 1760 г. въ виду государственныхъ интересовъ, «понеже», говорится въ указѣ, «въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи Нерчинскаго уѣзда состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыя къ заселенію государственный интересъ требуетъ» [1]). Помѣщикамъ было дано право ссылать за различные проступки, лишь бы ссылаемые крестьяне были годны къ работѣ и не старѣе 45-ти лѣтъ. Помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію. Съ ссылаемымъ отпускалась жена; малолѣтнихъ же дѣтей помѣщикъ могъ оставить при себѣ. За жену и дѣтей помѣщикъ получалъ опредѣленное закономъ вознагражденіе.

Не буду останавливаться на исторіи ограниченій и расширеній этого права помѣщиковъ. Такъ, въ 1773 году пріемъ въ зачетъ рекрутъ былъ пріостановленъ, но черезъ полтора года опять велѣно было попрежнему отправлять въ Сибирь осужденныхъ въ ссылку. Подтвержденное Павломъ I право

[1]) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 286.

ссылки было пріостановлено при Александрѣ I, но разрѣшено въ 1822 г., а въ 1824 г. было уничтожено даже ограниченіе этого права годностью къ работѣ и 45-лѣтнимъ возрастомъ. Наконецъ въ 1827 г. былъ опредѣленъ предѣльный возрастъ въ 50 лѣтъ, если только ссылаемые не были дряхлы или увѣчны; разлучать супруговъ не разрѣшалось, и повелѣвалось отпускать съ родителями дѣтей мужескаго пола до пяти, а женскаго пола до десяти лѣтъ; помѣщикъ обязывался снабжать пересылаемыхъ кормовыми деньгами и одеждой до Тобольска, платя за нихъ подати до новой ревизіи. Порядокъ же при переселеніи былъ слѣдующій: помѣщикъ представлялъ пересылаемыхъ въ губернское правленіе при прошеніи, съ приложеніемъ свидѣтельства уѣзднаго предводителя и земскаго суда въ томъ, что пересылаемые дѣйствительно принадлежатъ ему, имѣютъ извѣстныя лѣта и не состоятъ въ торговыхъ дѣлахъ по дозволенію помѣщика. Но и на этомъ не остановилось законодательство и въ 1831 г. было постановлено крѣпостныхъ, наказанныхъ по судебному приговору, въ случаѣ нежеланія помѣщика принять ихъ обратно, ссылать въ Сибирь на поселеніе, даже въ возрастѣ выше 50-ти лѣтъ. Въ 1846 г. было прямо разрѣшено ссылать крѣпостныхъ старше 50-ти лѣтъ, лишь бы было доказано, что они были въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, въ одной изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, хотя помѣщикъ въ такихъ случаяхъ обязывался внести, сверхъ кормовыхъ денегъ и одежды, сумму, равную положенной въ той губерніи за каждую для письма крѣпостей ревизскую душу. Изъ ссылаемыхъ же въ Сибирь губернское правленіе годныхъ къ военной службѣ опредѣляло на военную службу, а негодныхъ отправляло въ Сибирь. Крѣпостные ссылались въ большомъ количествѣ: въ періодъ отъ 1822 — 1833 гг. количество сосланныхъ равнялось 1283 человѣкамъ. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., напр., за періодъ времени отъ 8 ревизіи до 9-й число сосланныхъ на поселеніе было вдвое больше, нежели между удѣльными крестьянами [1]). Передъ реформою 19 февраля 1861 г. помѣщики мѣстами стали такъ часто и въ такомъ количествѣ представлять людей для ссылки въ Сибирь, что правительство циркулярами ми-

---

[1]) В. В. Трубниковъ. «Результаты народныхъ переписей въ Ардатовск. уѣздѣ. Симбирской губ.» — Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи, изд. статистич. отдѣл. Импер. Русск. Геогр. Общества, кн. III, стр. 368. СПБ. 1858 г.

нистра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 августа и 6 декабря 1858 г. поспѣшило затруднить ссылку въ Сибирь.

Несмотря на освобожденіе изъ крѣпостного состоянія, какъ слѣдствіе этого наказанія, оно было очень тяжело для крестьянъ. Такъ какъ дѣти выше указаннаго возраста должны были оставаться у помѣщика, то семья, ссылаемая въ Сибирь, нерѣдко раздроблялась. Переселенцы отправлялись по большей части въ оковахъ. Условія ихъ пересылки были такъ ужасны, что масса умирала по дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста назначенія. Право ссылки было еще тѣмъ жестоко, что въ законѣ не было опредѣлено, за какія провинности помѣщикъ имѣлъ право сослать своего крѣпостного въ Сибирь, а губернское правленіе не должно было входить въ выясненіе причинъ ссылки человѣка при представленіи такового помѣщикомъ. Такимъ образомъ единственнымъ ограниченіемъ произвола помѣщика была личная невыгода лишиться рабочей силы.

Хотя право ссылки въ Сибирь принадлежало исключительно самому помѣщику, но примѣняли это наказаніе и управляющіе, и приказчики, даже сами крестьяне, если вотчинный судъ былъ предоставленъ имъ самимъ. Такъ, въ памятной книгѣ А. Ф. Полушина, крестьянина с. Иванова, Шуйскаго уѣзда, гр. Шереметева, записано подъ 1827 г.: «сего года въ мартѣ и іюнѣ мѣсяцахъ съ дозволенія его сіятельства графа отданы на поселеніе 12 человѣкъ плутовъ и распутныхъ людей» [1]).

Въ числѣ малочисленныхъ ограниченій вотчинной власти нужно отмѣтить изданное въ 1854 г. запрещеніе помѣщикамъ предоставлять въ общихъ довѣренностяхъ управителямъ право навсегда удалять крестьянъ изъ имѣнія и отдавать ихъ въ рекруты, но дозволено уполномочивать на это управителя или кого-либо другого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ упоминаніемъ лица, подвергаемаго наказанію. Но зато, съ другой стороны, еще въ 1847 г. было дозволено помѣщикамъ удалять изъ своихъ имѣній несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ людей «порочнаго поведенія» 8—17-лѣтняго возраста, отдавая ихъ на общемъ основаніи въ распоряженіе губернскаго правленія; мальчики распредѣлялись обыкновенно по батальонамъ военныхъ кантонистовъ, а дѣвочекъ отдавали въ

---

[1]) «Къ исторіи русской промышленности. Памятная книга крестьянина села Иванова А. Ф. Полушина съ дополнительными примѣчаніями сына его и внука 1751—1850 г.» «Р. Архивъ», 1898 г., кн. VI, стр. 196.

палату государственныхъ имуществъ для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ мѣста жительства уѣздахъ.

Право вотчиннаго суда признавалось правительствомъ еще въ началѣ XVIII вѣка какъ существующій фактъ. Въ Св. зак., изд. 1833 г., вотчинная судебная власть уже опредѣлялась. Помѣщику предоставлялось право для поддержанія порядка и повиновенія среди крестьянъ употреблять домашнія средства исправленія и наказанія *по его усмотрѣнію*, лишь бы только не было увѣчья и опасности для жизни. Въ случаѣ нежеланія владѣльца употреблять свою власть или при безуспѣшности налагаемыхъ наказаній помѣщикъ имѣлъ право просить законнаго содѣйствія администраціи. За полицейскіе проступки противъ помѣщика крѣпостные могли подвергаться или полицейскому наказанію съ возвращеніемъ обратно къ владѣльцу, или заключенію въ смирительныхъ или рабочихъ домахъ *на срокъ самимъ владѣльцемъ опредѣленный* [1]). Какъ видно изъ этого опредѣленія, закономъ открывался путь къ полному произволу помѣщика надъ личностью крѣпостного. Наказанія опредѣлялись по личному вкусу и воззрѣнію помѣщика.

Законодательство въ своихъ дальнѣйшихъ постановленіяхъ, регламентируя роды и виды наказаній крѣпостныхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ухудшило положеніе крестьянъ, такъ какъ закрѣпило буквою закона нѣкоторыя изъ крайностей проявленія вотчинной судебной власти, которыя существовали въ жизни. Ко времени же второго изданія Свода законовъ и составленія Уложенія 1845 г. роды и мѣры наказаній приводятся въ систему и опредѣляются точнѣе, что осталось безъ измѣненія и въ третьемъ изданіи Св. зак. въ 1857 г. Тѣ изъ проступковъ и преступленій крѣпостныхъ, говорится тамъ, которыя не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и совершаются противъ помѣщика, семьи его или противъ его крѣпостныхъ, подлежатъ расправѣ самого помѣщика; въ случаѣ нежеланія послѣдняго употребить предоставленное ему закономъ право суда или же признанія съ его стороны, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, виновный отсылается «въ полицію или судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ нимъ по правиламъ уложенія о наказаніяхъ». Если проступокъ или преступленіе совершено противъ посторонняго лица, то обидѣвшій подвергается суду помѣщика

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 561.

лишь по просьбѣ самого обиженнаго; въ противномъ случаѣ, т.-е. если жалоба обиженнаго поступитъ прямо къ мѣстному начальству, дѣла этого рода разсматриваются въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи. Закономъ былъ опредѣленъ размѣръ и родъ наказаній, а именно: «наказанію *розгами* можно было подвергать до 40, а *палками* до 15-ти ударовъ; затѣмъ аресту въ *сельской тюрьмѣ* отъ 1 — 7 дней, а въ случаяхъ особой важности до двухъ мѣсяцевъ, «сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія установленными» [1]). За преступленія болѣе важныя, или когда мѣры домашняго исправленія оказывались тщетными, помѣщикъ имѣлъ право отсылать крѣпостныхъ въ рабочіе или смирительные дома на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ или въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на срокъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ. Помѣщикъ имѣлъ право отдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты или удалять изъ имѣній съ предоставленіемъ въ распоряженіе гражданскаго вѣдомства. Хотя эти постановленія жестоки, но они въ извѣстной мѣрѣ кладутъ уже предѣлъ помѣщичьему произволу. Ухудшеніе было въ официальномъ признаніи сельской тюрьмы съ правомъ, для предупрежденія побѣга, заковывать въ кандалы, такъ какъ это значилось въ 87-й ст. устава о содержащихся подъ стражею, что по закону распространялось и на сельскія тюрьмы. Такое признаніе закономъ возмутительныхъ фактовъ практики помѣщичьей судебной расправы могло справедливо возмущать передовыхъ людей. Но напрасно говоритъ Самаринъ, что практика отстала отъ закона, и помѣщики не смѣютъ заводить у себя тюрьмы, забивать людей въ кандалы и т. д. [2]). Ниже мы встрѣтимся съ фактами именно этого рода.

По этимъ очень краткимъ и неполнымъ опредѣленіямъ права помѣщиковъ надъ личностью ихъ крѣпостныхъ можно видѣть, что самый законъ предоставлялъ широкій просторъ произволу господъ надъ ихъ крѣпостными. При подкупности и продажности чиновниковъ и солидарности дворянъ, даже и тѣ ничтожныя и малочисленныя гарантіи личности крѣпост-

---

[1]) Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 562. Однако еще въ томъ же 1845 г. въ одномъ изъ циркуляровъ министра вн. дѣлъ предписывалось властямъ слѣдить за тѣмъ, чтобы помѣщики, «пользуясь правомъ употреблять домашнія средства для исправленія крѣпостныхъ своихъ людей, отнюдь не позволяли себѣ наказывать ихъ до увѣчья». Мордовцевъ. «Накануне воли», стр. 362.

[2]) Самаринъ, т. II, стр. 72.

ныхъ, какія существовали въ нашемъ законодательствѣ, обыкновенно игнорировались на практикѣ.

Этому способствовало и то обстоятельство, что въ законѣ очень слабо указана отвѣтственность помѣщиковъ за неисполненіе постановленій, регулирующихъ взаимныя отношенія помѣщика и крѣпостныхъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что въ законѣ не было опредѣленной мѣры наказанія за смертоубійство истязаніями при наказаніи, какъ это и было признано самимъ Сенатомъ еще въ 1762 г. Поэтому «наказанія помѣщиковъ» за подобныя преступленія были крайне разнообразны, начиная отъ «преданія дѣла волѣ Божіей» и церковнаго покаянія до заключенія въ монастырь, въ тюрьму, лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на поселеніе или въ каторжную работу. Впрочемъ, въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 г. говорится: «Если отъ нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій причинится кому-либо смерть, то виновный въ томъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ одного до трехъ лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или къ заключенію въ тюрьмѣ отъ шести мѣсяцевъ до одного года и предается церковному покаянію».— За разореніе крѣпостныхъ помѣщиками на имѣніе налагалась опека. По Уложенію о наказаніяхъ 1845 г., если виною помѣщика, черезъ обремененіе населенія безмѣрными сборами или иными также непомѣрными тягостями, имѣніе будетъ доведено до разоренія, то какъ это, такъ и другія имѣнія того же помѣщика брались въ опеку, и помѣщику воспрещалось какъ личное, такъ и отдача кому-либо въ управленіе или владѣніе, «развѣ чрезъ продажу, законно совершенную». Сверхъ того, помѣщикъ навсегда лишался права участвовать въ дворянскихъ выборахъ. При изобличеніи помѣщика въ жестокости налагалась опека надъ всѣми его имѣніями; помѣщикъ лишался права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ и подвергался заключенію въ смирительномъ домѣ отъ года до трехъ лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (права поступать на государственную и общественную службу, участвовать въ выборахъ и пр.), или же, безъ лишенія этихъ правъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Какъ видно уже изъ этихъ отрывочныхъ указаній, наказанія не могли быть особенно страшными для помѣщиковъ и останавливать ихъ эксплуатацію крѣпостныхъ.

Еще яснѣе обнаруживается возможность злоупотребленій при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣмъ, какъ могли они выплывать наружу и доходить до свѣдѣнія начальства. Еще Петръ I поручалъ земскимъ комиссарамъ наблюдать за помѣщиками и доносить объ этомъ воеводамъ, которые производили слѣдствіе и, въ случаѣ разоренія помѣщикомъ имѣнія, брали его подъ началъ. При Екатеринѣ II злоупотребленія должны были раскрываться земскою полиціею. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ раскрытіе преступленій могло происходить очень рѣдко, такъ какъ земскіе комиссары и земская полиція сами зависѣли отъ помѣщиковъ. Не лучше обстояло дѣло и въ XIX вѣкѣ. По закону 1817 г. назначеніе опеки надъ помѣщиками зависѣло отъ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, — отъ дворянскихъ собраній. Въ 1829 г. правила были изложены точнѣе: начальники губерніи послѣ формальнаго изслѣдованія постановляли наложить опеку надъ тѣмъ или другимъ имѣніемъ, но свое постановленіе предлагали для обсужденія дворянскому сословію. Постановленіе дворянскаго депутатскаго собранія подлежало утвержденію Сената. Если дворянское собраніе было несогласно съ начальникомъ губерніи, тогда оба мнѣнія вносились для окончательнаго рѣшенія въ сенатъ. Рескриптомъ 19 іюня 1826 г. Николая I министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому поставлялось дворянству въ непремѣнную обязанность кроткое и законное обращеніе съ крестьянами. Рескриптомъ 6 сентября 1826 г. на предводителей дворянства возлагалась обязанность наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ подъ угрозою взысканія за неисполненіе этой обязанности. Уѣздные предводители, говорилось въ рескриптахъ, должны тайно безъ всякаго письменнаго дѣлопроизводства, слѣдить за обращеніемъ помѣщиковъ съ крѣпостными; земскіе исправники обязаны были сообщать имъ о всѣхъ случаяхъ нарушенія помѣщичьей власти. Предводитель, удостовѣрившись въ правильности донесенія исправника, сначала внушалъ помѣщику необходимость перемѣны въ обращеніи съ крѣпостными; если это внушеніе не достигало цѣли, уѣздный предводитель представлялъ дѣло на разсмотрѣніе губернскаго предводителя, а этотъ послѣдній сообщалъ о томъ начальнику губерніи и совмѣстно съ нимъ принималъ мѣры пресѣченія, т.-е. производилось формальное разслѣдованіе, и результаты его съ заключеніемъ губернскаго правленія передавались на обсужденіе дворянскаго собранія для рѣшенія вопроса о на-

ложеніи опеки на имѣніе. Предводителямъ пересылались для разслѣдованія жалобы крестьянъ на помѣщиковъ.

При разсмотрѣніи самой организаціи раскрытія злоупотребленій бросается въ глаза ея главнѣйшій недостатокъ, а именно: слѣдить за злоупотребленіями помѣщичьей властью было предоставлено самимъ дворянамъ. Иначе нельзя охарактеризовать систему, которою обнаруживать злоупотребленія и производить разслѣдованія ихъ по донесеніямъ исправниковъ и жалобамъ крестьянъ поручалось выборному лицу отъ того же самаго дворянства, слѣдить за поведеніемъ котораго оно было обязано передъ закономъ. Связанные сословными и экономическими интересами, а зачастую и родственными связями съ окружающимъ дворянствомъ, предводители, «по обязанности своей выборныхъ отъ сословія поддерживали помѣщичью власть, и притомъ настолько, что, руководствуясь взглядомъ обѣлять всякаго, кто носилъ званіе дворянина, — взглядомъ чисто-дворянскимъ, — очень часто грѣшили противъ истины въ разслѣдованіи дѣла, придавая ему односторонній характеръ.» [1]). Иногда предводители умышленно не видѣли злоупотребленій, считая обнаруженіе злоупотребленій и наказаніе за нихъ подрывомъ авторитета помѣщиковъ предъ крестьянами. Иногда, впрочемъ, предводители не обнаруживали злоупотребленій неумышленно, въ силу привычки къ злоупотребленіямъ, взгляду на нихъ, какъ на обычное явленіе въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Но каковы бы ни были причины, по которымъ предводители оказывались не на высотѣ положенія, въ которое были поставлены закономъ, — фактъ былъ тотъ, что въ большинствѣ случаевъ предводители дворянства давали отзывы въ пользу помѣщиковъ.

Дворянскія депутатскія собранія, отъ которыхъ зависѣло наложеніе опекъ за злоупотребленія властью, не могли, какъ коллегія, стоять выше тѣхъ лицъ, изъ которыхъ состояли. Предводители и депутаты отъ дворянства, связанные общими интересами со всѣмъ дворянствомъ губерніи, заинтересованные сохраненіемъ престижа помѣщичьей власти, склонны были всячески затушовывать и оправдывать проступки провинившихся собратьевъ. Лишь вопіющія злоупотребленія или исключительное вниманіе высшаго правительства къ тому или другому дѣлу заставляло дворянство налагать опеку на имѣніе

---

[1]) Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. 1896 г., т. XI, вып. 2. См. ст. Повалишина: «Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными», стр. 113.

помѣщика. Впрочемъ, нерѣдко имѣли значеніе связи помѣщика и величина его имѣнія [1]).

Другія лица, обязанныя по закону доносить и разслѣдовать дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, также находились въ зависимости отъ дворянства. Исправники, судьи и засѣдатели земскаго суда избирались самими помѣщиками. Сафоновичъ, бывшій орловскій губернаторъ, замѣчаетъ, что въ его губерніи исправники были выбраны «по интригамъ вліятельныхъ дворянъ въ уѣздѣ съ цѣлью обезпечить ихъ существованіе» и «въ предводителяхъ и другихъ важныхъ мѣстностяхъ въ уѣздѣ» находили «усердныхъ защитниковъ» при малѣйшемъ замѣчаніи о допущенныхъ ими безпорядкахъ [2]). Боязнь лишиться покровителей и средствъ къ существованію лишала, конечно, всякой самостоятельности подобныхъ исправниковъ. Аткарскій исправникъ Мироновъ, осмѣлившійся разоблачить жестокое обращеніе помѣщика Карпова со своими крестьянами, не былъ выбранъ въ слѣдующее 3-лѣтіе и умеръ почти нищимъ [3]). Кромѣ того, эти лица выбирались изъ среды дворянъ же, слѣдовательно, по своимъ взглядамъ, интересамъ были плоть отъ плоти и кость отъ кости тѣхъ, злоупотребленія которыхъ они должны были пресѣкать.

Помимо того, вышеуказанныя лица состояли большею частью у помѣщиковъ на тайномъ жалованьѣ. Такъ, «скопинскій предводитель дворянства (Рязанской губ.), Лихаревъ, сдѣлалъ въ пользу судьи Бѣгичева подписку отъ дворянъ на его содержаніе, что и обратилось въ обязательство подписавшихся уплачивать подписныя деньги ежегодно на все время службы: подписныя суммы были отъ 3 до 50 руб., общее количество — 523 руб.» Приношенія были уничтожены по разъясненію дѣла министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1858 г. [4]). Подкупы распространялись на всѣхъ лицъ, ведшихъ слѣдствіе. На это указываютъ многіе факты. Помѣщикъ Смоленской губ., Каленовъ, нѣсколько разъ привлекавшійся къ суду по поводу жестокаго обращенія съ крѣпостными, самъ разсказывалъ, что при веденіи слѣдствія онъ, «какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, встрѣчалъ жандармскаго полковника у заставы, пересажи-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что вообще чѣмъ крупнѣе, богаче и знатнѣе былъ помѣщикъ, тѣмъ безнаказаннѣе могъ онъ свирѣпствовать въ имѣніи, нарушая даже тѣ ничтожныя границы, которыя указывались закономъ помѣщичьей власти.

[2]) Воспоминанія В. И. Сафоновича. «Р. Архивъ», 1903 г., кн. V, стр. 108.

[3]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 254.

[4]) Новалишинъ. «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 116—117.

валъ его въ свою коляску, запряженную шестерикомъ, отвозилъ въ Александрино (свое имѣніе), и послѣ нѣсколькихъ пріятно проведенныхъ дней полковникъ уѣзжалъ, не собравъ никакихъ неблагопріятныхъ для Каленова фактовъ»[1]). Такъ, ревизія, назначенная по дѣлу о злоупотребленіи властью помѣщика Рязанской губ. Горяинова въ виду открытія злоупотребленій земскимъ судомъ и обѣленія его уѣзднымъ обнаружила слѣдующее: помѣщикъ Горяиновъ продалъ болѣе 20 человѣкъ своихъ крестьянъ изъ тѣхъ, которые показали противъ него въ земскомъ судѣ, тѣмъ лицамъ, которыя имѣли вліяніе на постановленіе приговора, или родственникамъ ихъ и выдалъ также закладные на 50 тысячъ[2]). Въ другомъ дѣлѣ—о смерти отъ истязаній крѣпостного мальчика помѣщика Рязанской губ.—«врачъ и засѣдатель пріѣхали по обыкновенію черезъ недѣлю, когда тѣло, будучи въ теплой избѣ, достаточно разложилось, признаковъ побоевъ не открыли, хотя бывшіе при осмотрѣ понятые и указывали «на животѣ, ниже пупа, надъ тайнымъ мѣстомъ синія пятна». На эти замѣчанія стряпчій «съ крикомъ и бранью отвѣчалъ имъ: «Развѣ не видите, что болѣзнь его испортила?» А когда крестьянинъ Петровъ тоже указывалъ на это мѣсто, то засѣдатель закричалъ на него: «Ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь!» ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть»[3]). Не только въ этомъ дѣлѣ, но и зачастую при разслѣдованіи дѣлъ о смерти крѣпостныхъ отъ истязаній врачи пріѣзжали на вскрытіе тогда, когда тѣло, помѣщаемое обыкновенно въ теплой избѣ, настолько разлагалось, что открытіе причины смерти посредствомъ вскрытія являлось невозможнымъ. Если же вскрытіе и производилось немедленно, то обыкновенно находили какую-либо болѣзнь, вызвавшую смерть, хотя иногда при вторичномъ разслѣдованіи, даже при бѣгломъ осмотрѣ, обнаруживалось противное.

Въ дѣлѣ саратовскаго помѣщика Лачинова въ концѣ 20-хъ гг., по поводу смерти его дворовой дѣвушки, отъ побоевъ преждевременно разрѣшившейся отъ бремени, «полицейскія власти дѣйствовали положительно преступно, всѣми силами стараясь такъ направить и расположить имѣв-

---

[1]) «Воспоминанія, мысли и признанія доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина». «Русская Старина», 1895 г., май, стр. 76.

[2]) Повалишинъ. «Ряз. помѣщики». стр. 115.

[3]) Повалишинъ, стр. 122.

шіеся въ ихъ распоряженіи факты, чтобы вся гнусность этого дѣла была закрыта, закутана, до невозможности распутанія, чтобы, однимъ словомъ, преступникъ былъ выгороженъ окончательно». Врачи, напримѣръ, настаивали каждый день на доставленіи имъ свѣдѣній для опредѣленія причины смерти дѣвушки, но полицейскія власти ни слова не отвѣчали. Доктора жаловались на это губернатору, князю Голицыну, «князь Голицынъ настаивалъ на быстротѣ исполненія дѣла, и эти настоянія не были особенно страшны для полиціи, которая считала своимъ жизненнымъ вопросомъ угождать дворянамъ, ибо всѣ высшія полицейскія власти — исправники, засѣдатели и пр. — избирались дворянами и отъ нихъ большею частью получали свое кормленіе, а затѣмъ каменные дома, усадьбы, сады, земли и пр.» [1]).

Помимо подкупа лицъ, ведшихъ разслѣдованіе по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, раскрытіе злоупотребленій тормозилось малымъ количествомъ свидѣтелей. Крѣпостные помѣщика, находившагося подъ слѣдствіемъ, боялись показывать противъ господина, такъ какъ, зная, какъ легко барину оправдаться, боялись мести съ его стороны. Ихъ опасенія были не безосновательны. Напримѣръ, помѣщикъ Сухановъ заранѣе приказалъ крестьянамъ, видѣвшимъ и знавшимъ объ истязаніи мальчика, молчать, подъ опасеніемъ «содрать шкуру» за обнаруженіе истины [2]). Помѣщики Рязанской же губ. Польскіе посадили одну дѣвушку на цѣпь, а другую содержали съ рогаткою на шеѣ за то, что онѣ пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращеніе съ ними [3]). Впрочемъ, если крѣпостные и свидѣтельствовали противъ помѣщика, ихъ показаніямъ не давали безусловной вѣры, такъ какъ они могли умышленно усугубить проступокъ помѣщика. Посторонніе крестьяне или ограничивались ссылками на слухи, или оттоваривались незнаніемъ, не желая впутываться въ судебную волокиту. Сосѣди-помѣщики также отзывались по большей части незнаніемъ, не желая своими показаніями увеличивать отвѣтственность сосѣда, въ положеніи котораго они могли очутиться не сегодня, такъ завтра, а также не желая и подрывать авторитетъ помѣщика въ глазахъ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ въ низшихъ инстанціяхъ дѣло обнаруженія злоупотребленій помѣщиковъ сопровождалось такими обстоятельствами, что всѣ стремленія и попытки правитель-

[1]) Мордовцевъ. «Наканунѣ воли», стр. 114 – 115.
[2]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. IX, вып. II.
[3]) Ibid., стр. 114.

ства ограничить помѣщичью власть, предупредить возможныя злоупотребленія, не могли ни къ чему повести. Правительство могло издавать благопріятные для крестьянъ указы и т. п., но при существовавшей организаціи мѣстнаго правительственнаго механизма, при взяточничествѣ чиновниковъ, эти благія намѣренія должны были оставаться мертвою буквою.

Этому благопріятствовало то обстоятельство, что даже чиновники, занимавшіе высшіе посты, какъ, напримѣръ, губернаторы, покровительствовали помѣщикамъ, защищали неограниченность ихъ власти, считая крѣпостное право основою государственнаго порядка. Въ этомъ отношеніи интересенъ эпизодъ съ вышеупомянутымъ Каленовымъ. Приговоренный къ тюремному заключенію по дѣлу о засѣченіи имъ своего крѣпостного, Каленовъ хлопоталъ въ Сенатѣ о смягченіи наказанія. Между прочимъ, онъ отправился къ одному сенатору, прося его похлопотать объ его дѣлѣ. Каленовъ откровенно изложилъ ему свое дѣло. «Господи Боже мой! — удивился старичокъ, — и изъ-за этого нынче безпокоятъ дворянина! Я вамъ скажу по секрету, что я самъ въ молодости сдѣлалъ то же самое» [1]).

При такихъ условіяхъ немудрено, что борьба съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ приводила къ ничтожнымъ результатамъ. Находились, напримѣръ, такіе губернаторы, которые или по долгу службы, или по искреннему желанію, старались ограничивать помѣщичью власть законными рамками. Но они были безсильны бороться съ дворянствомъ, сплоченнымъ кровными крѣпостными интересами. «Если въ пылу своего усердія, — разсказываетъ Сафоновичъ, — онъ (губернаторъ) слишкомъ уже задѣвалъ интересы дворянства, тогда воздымалась на него буря, которая могла затихать только при уступкѣ, а въ противномъ случаѣ разрасталась до урагана, и въ Петербургъ летѣли со всѣхъ сторонъ заявленія о неблагонадежности губернатора. Они не прекращались до того времени, пока его не смѣняли или не переводили въ другую губернію» [2]). Самъ Сафоновичъ долженъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе неудовольствія дворянъ. Неудивительно, что нѣкоторые губернаторы, по указанію Н. А. Крылова, «по жалобамъ крестьянъ на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ и по другимъ дѣламъ помѣщиковъ обыкновенно наводили справки,

---

[1]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина». «Русская Старина», 1895 г., май, стр. 81.

[2]) «Воспоминанія В. И. Сафоновича». «Р. Архивъ», 1903 г., кн. V, стр. 114.

на комъ онъ женатъ, кто у него бабушки и тетушки, вообще какія связи въ Петербургѣ» [1]).

Характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее дѣло. Въ концѣ 20-хъ годовъ были довольно крупныя волненія въ имѣніи министра двора князя П. М. Волконскаго въ селѣ Скачкахъ, Балашевскаго уѣзда, Саратовской губ. Саратовскій губернаторъ князь Голицынъ не разъ обращался къ князю Волконскому съ указаніемъ на стѣсненное экономическое положеніе крестьянъ, какъ главную причину волненія, но всякій разъ безуспѣшно. Дознанія уѣзднаго предводителя дворянства Струкова, извѣстнаго, по указанію Мордовцева, защитою интересовъ дворянъ, выяснили экономическія притѣсненія крестьянъ, но и это не помогло дѣлу. Вся причина безсилія мѣстныхъ властей устранить главную причину волненія состояла въ официальномъ положеніи князя Волконскаго, какъ министра двора. Письма и указанія князя Голицына, присылка имъ жалобы крестьянъ, гдѣ подробно излагались причины ихъ недовольства своимъ положеніемъ, не помогали. Лишь послѣ извѣщенія князя Волконскаго объ истинныхъ причинахъ волненій крестьянъ генералъ-губернаторомъ помѣщикъ перемѣнилъ только управляющаго. Мѣстное начальство всячески усмиряло крестьянъ, ставило воинскія команды, арестовывало, ссылало «зачинщиковъ» въ Сибирь, въ другія вотчины князя, сажало въ тюрьмы и рабочіе дома, но ничего не могли подѣлать съ сановникомъ княземъ Волконскимъ, чтобы заставить его устранить главную причину волненія — экономическія притѣсненія крестьянъ [2]).

Князь М. Воронцовъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, въ своемъ письмѣ къ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу въ 1831 г. по «поводу дѣла о сѣченіи беременныхъ женщинъ» управляющимъ въ имѣніи херсонской помѣщицы Акатцековой, въ сильныхъ выраженіяхъ рисовалъ это безсиліе правительства въ борьбѣ съ злоупотребленіями помѣщичьей властью. «Всякій разъ, какъ я узнаю о подобныхъ происшествіяхъ,— писалъ онъ, — я дѣлаю все, что въ моей власти, чтобы начать дѣло и наказать; я не останавливаюсь ни передъ какими сопротивленіями, съ которыми, я хорошо знаю, въ подобныхъ случаяхъ приходится встрѣчаться. Но что значитъ 10, или 12, или 15 негодниковъ, которыхъ я подвергаю суду и боль-

---

[1]) П. А. Крыловъ. «Накан. вел. реф.» «Истор. Вѣстн.», 1903 г., кн. IX, стр. 800.

[2]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 31—58.

шая часть которыхъ еще не расплатилась за 100 или 200 проступковъ, совершаемыхъ ежедневно въ странѣ; тѣмъ болѣе, что, если даже кто и строго наказанъ за подобныя дѣла, никто про это не знаетъ верстъ за 50, ибо наши суды не гласны, и даже напечатать въ газетахъ, что такой-то помѣщикъ или управляющій былъ наказанъ за угнетеніе или звѣрство, мы не имѣемъ права. Существуетъ какая-то всеобщая увѣренность, что правительство не желаетъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла и что власть надъ крестьянами и слугами должна оставаться неограниченною. Отсюда сами судьи, которые охотно ссылаютъ въ Сибирь и присуждаютъ наказаніе кнутомъ за кражу 120 рублей, ссылку на поселеніе за бродяжничество, стараются не наказывать владѣльцевъ за доказанныя и повторенныя убійства и даже не желаютъ держать въ тюрьмахъ во время веденія дѣла. Вѣрите ли, — продолжаетъ онъ,—упомянувъ о нѣсколькихъ крайне жестокихъ помѣщикахъ, стоитъ мнѣ дней 15 не справляться о ходѣ такого дѣла, и я навѣрное узнаю, что всѣ эти чудовища пребываютъ спокойно въ своихъ домахъ и помѣстьяхъ, бичуя и свирѣпствуя надъ своими людьми, какъ будто бы ничего не произошло, въ это же время въ тюрьмахъ будутъ держать множество людей, которые по закону должны быть на поручительствѣ».

«Такое искаженіе понятій, — замѣчаетъ князь Воронцовъ,— происходитъ всецѣло отъ состоянія законодательства или скорѣе отъ безразличнаго отношенія правительства къ подобнымъ злоупотребленіямъ». «Я хорошо знаю, — спѣшитъ оговориться князь Воронцовъ,—что всякій разъ, какъ что-либо въ этомъ родѣ дойдетъ до свѣдѣнія государя, онъ громитъ преступниковъ... Но что значитъ 4, 5, 6 случаевъ въ годъ, которые доходятъ до его свѣдѣнія, когда тысячи остаются неизвѣстными, и особенно,—повторяетъ князь Воронцовъ,—въ странѣ, гдѣ никто не знаетъ черезъ обнародованіе отчета о преступленіяхъ и наказаніяхъ, что можетъ ожидать его самого, если онъ совершитъ то же» [1]). Эта характеристика, сдѣланная княземъ Воронцовымъ въ началѣ 30-хъ годовъ, осталась справедливою и для послѣдующаго времени. Конечно, высшее правительство не вполнѣ безразлично относилось къ злоупотребленіямъ помѣщичьей властью. Выше были указаны нѣкоторыя, хотя и крайне слабыя попытки правительства ограничить крѣпостное право.

---

[1]) «2 письма кн. Воронцова къ графу Бенкендорфу», «Р. Архивъ», 1890 г., кн. VII, стр. 305—316.

Описанное отношеніе къ злоупотребленіямъ помѣщичьей властью со стороны лицъ, обязанныхъ по закону слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ, не ускользало также отъ вниманія правительства. Министерство Внутреннихъ дѣлъ неоднократно предписывало губернаторамъ ставить на видъ предводителямъ дворянства необходимость раскрывать злоупотребленія помѣщичьей властью. Въ 1840 г., по поводу открытія черезъ слѣдствіе жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщика Сводковскаго въ продолженіе почти 25 лѣтъ, былъ сдѣланъ строгій выговоръ могилевскому гражданскому губернатору, губернскому и уѣздному предводителю дворянства; военно-уѣздный начальникъ, земскій исправникъ и становой приставъ преданы уголовному суду. «О таковомъ взысканіи дано знать всѣмъ губернаторамъ, а черезъ нихъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ подтвержденіемъ имѣть болѣе бдительное наблюденіе за образомъ управленія помѣщиками ихъ крестьянъ». Однако въ 1842 г. пришлось опять подтверждать предводителямъ дворянства ихъ обязанность наблюдать за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами и раскрывать злоупотребленія помѣщичьей властью. Въ 1846 г. былъ преданъ суду уѣздный предводитель дворянства Калужской губ. за несвоевременное донесеніе о жестокомъ обращеніи съ крестьянами помѣщика Хитрово. Въ томъ же году были преданы суду по тѣмъ же причинамъ три уѣздныхъ предводителя дворянства Тульской и Орловской губ., и объявленъ строгій выговоръ губернскому предводителю дворянства съ внесеніемъ въ формулярный списокъ; объ этихъ мѣрахъ было сообщено всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства [1]).

Всѣ эти принимаемыя правительствомъ мѣры оставались безъ результата. При указанной выше организаціи раскрытія злоупотребленій помѣщичьей властью, при очерченномъ отношеніи къ помѣщикамъ какъ низшей, такъ и высшей администраціи, крѣпостное право могло принимать на практикѣ тѣ формы, которыя требовались жизнью, независимо отъ закона. Этому благопріятствовала неопредѣленность тѣхъ постановленій, которыми законодательство имѣло въ виду ограничить помѣщичью властъ. Крѣпостной крестьянинъ, до самаго осво-

[1]) «Матеріалы для исторіи крѣп. права», стр. 49, 153—154. Въ 1854 г. комитетъ министровъ постановилъ сдѣлать выговоръ нѣжинскому предводителю дворянства за благопріятный отзывъ о помѣщикѣ П. и его женѣ, изобличенныхъ въ крайне жестокомъ обращеніи съ крестьянами. Середонинъ, т. II, ч. 1, стр. 336.

божденія, былъ по закону безправною личностью, за исключеніемъ ограниченія права вотчиннаго суда по уголовнымъ преступленіямъ, весьма слабаго ограниченія повинностей тѣми рамками, за которыми лежало полное разореніе крѣпостныхъ, что было невыгодно самому правительству, и нѣкоторыми другими ничтожными ограниченіями, которыя, конечно, не принимались во вниманіе въ жизни. При безправности помѣщичьихъ крестьянъ, при недостаточности мѣръ, которыми правительство стремилось урегулировать власть помѣщиковъ надъ крѣпостными, можно смѣло сказать, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ de jure не есть еще положеніе ихъ de facto. Для того, чтобы понять сущность крѣпостныхъ отношеній, то положеніе, въ которомъ находились крестьяне ко времени 1861 г., чтобы выяснить тенденціи, которыя носило въ своемъ развитіи крѣпостное право, — нужно разъяснить фактическое положеніе крѣпостныхъ, къ выясненію котораго я и перейду въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ГЛАВА II.

Численность крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ.—Процентное распредѣленіе ихъ по губерніямъ.—Процентное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами. — Земельные надѣлы крестьянъ.

Обращаясь къ выясненію фактическаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ, напомнимъ ихъ численность по десятой ревизіи. Изъ 21.625.609 душъ обоего пола (не считая крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ) собственно крестьянъ было 20.158.231 душа обоего пола, а дворовыхъ 1.467.378 душъ обоего пола. Отношеніе численности помѣщичьихъ крестьянъ ко всей массѣ населенія уменьшилось съ XVIII вѣка, а именно: въ періодъ времени съ 1747 по 1837 гг. отношеніе это составляло 45%, къ десятой ревизіи эта цифра упала до 37½%. Уменьшеніе крѣпостныхъ объясняется прекращеніемъ пожалованій и иныхъ искусственыхъ мѣръ, увеличивающихъ число крѣпостныхъ, постепеннымъ освобожденіемъ нѣкоторой части крестьянъ, переходомъ крѣпостныхъ въ другія сословія (при отбываніи рекрутской повинности, ссылкѣ въ Сибирь и т. п.) [1].

[1] П. Н. Милюковъ. «Крестьяне». Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, А., стр. 685. П. Н. Милюковъ указываетъ, въ числѣ прочихъ причинъ, также и на слабость естественнаго прироста, въ виду неблагопріятныхъ условій жизни. В. В. Трубниковъ, разсмотрѣвъ вліяніе разныхъ факторовъ на приростъ или уменьшеніе различныхъ группъ населенія Ардатовскаго уѣзда,

Съ 1812 года и абсолютное количество крѣпостныхъ или стояло на одной высотѣ, или падало.

Распредѣленіе крѣпостной массы было крайне неравномѣрно и сложилось, какъ указываетъ П. И. Милюковъ, «подъ прямымъ вліяніемъ историческихъ причинъ, среди которыхъ главными можно считать: степень близости къ московскому центру и степень давности заселенія» [1]). Отсюда и произошло, напримѣръ, скопленіе массы крѣпостного люда въ нечерноземныхъ губерніяхъ на ряду съ рѣдкимъ населеніемъ вообще и малымъ количествомъ крѣпостныхъ въ плодородныхъ, но окраинныхъ губерніяхъ. «Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ,—говоритъ Кавелинъ,—заключается, если не единственная, то, безспорно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія и искусственнаго направленія его промышленной дѣятельности» [2]). Это неправильное распредѣленіе крѣпостного населенія можно видѣть изъ таблицы Тройницкаго [3]), который раздѣлилъ всѣ губерніи на четыре группы по процентному количеству въ нихъ крѣпостныхъ. Изъ этой таблицы видно, что въ одну группу входятъ 16 губерній, изъ которыхъ большинство находится въ нечерноземной полосѣ. (Въ ихъ число не попала Московская губернія въ силу того, что въ ней понижающимъ крѣпостной процентъ элементомъ оказывается столичное населеніе; иначе ее нужно было бы отнести къ первой группѣ.)

Симбирской губ. между VIII и IX ревизіями, пришелъ. между прочимъ. къ выводу, что «причина меньшаго коэффиціента приращенія между помѣщичьими крестьянами въ сравненіи съ удѣльными заключается въ большей смертности первыхъ. а именно на 0,2% такъ и въ меньшей нарождаемости на 0,4%». В. В. Трубниковъ. «Результаты народныхъ переписей въ Ардатовск. у., Симбирской губ.» Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи. издаваемый Статистич. Отдѣл. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. III, стр. 366. Изд. 1858 г.

[1]) Милюковъ. Тамъ же, стр. 685.

[2]) Кавелинъ, сочиненія, т. II., стр. 26.

[3]) Тройницкій. «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи». Спб. 1861 г., стр. 85. Закавказскія губерніи исключены изъ приводимой ниже таблицы, такъ какъ положеніе крѣпостныхъ этихъ губерній вообще не затрогивается въ нашихъ статьяхъ.

I. *Губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ выше 50%.*

1. Смоленская	69,07%	8. Владимирская	57,91
2. Тульская	68,94	9. Кіевская	57,66
3. Могилевская	64,69	10. Костромская	57,41
4. Калужская	61,80	11. Витебская	57,08
5. Минская	60,74	12. Ярославская	57,07
6. Подольская	59,54	13. Волынская	56,54
7. Нижегородская	58,97	14. Рязанская	56,50
		15. Псковская	53,81
		16. Тверская	50,63

Еще рѣзче видно это изъ таблицы, показывающей процентное распредѣленіе крѣпостного населенія Европейской Россіи по районамъ [1]). Наибольшее количество крѣпостныхъ (28,5%) находилось въ 12 великороссійскихъ нечерноземныхъ губерніяхъ; 22,5% — въ 7 центральныхъ великороссійскихъ черноземныхъ губерніяхъ; 3-е мѣсто занимаетъ Малороссія (17,8%) [2]), при чемъ только въ двухъ губерніяхъ правобережной Малороссіи было 10% крѣпостныхъ, и въ трехъ лѣвобережной Малороссіи — 7,8%; 9,8% приходилось на сѣверо-западныя губерніи [3]); затѣмъ идутъ три поволжскихъ губерніи (6%), новороссійскія степныя (3,2%), пріуральскія сѣверныя (1,9%), восточныя степныя (1,7%), земля Войска Донского (1,3%), астраханская губернія (0,1%), и, наконецъ, 7,3% приходится на губерніи, не вошедшія въ указанную таблицу, изъ которыхъ 4% крѣпостныхъ были въ одной Волынской губерніи и 2% въ Витебской. Итакъ, почти $^1/_3$ крѣпостныхъ сосредоточивалась въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Въ поволжскихъ черноземныхъ губерніяхъ, въ степныхъ (восточныхъ и новороссійскихъ), гдѣ народонаселеніе вообще было рѣдко, а почва плодородна, было лишь около 11% всѣхъ

II. *Губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 50—25%.*

17. Орловская	47,26
18. Пензенская	46,25
19. Виленская	45,95
20. Новгородская	43;07
21. Гродненская	40,97
22. Саратовская	40.19
23. Курская	33.19
24. Тамбовская	39,87
25. Московская	38,84.
26. Симбирская	38,83
27. Черниговская	37,61
28. Полтавская	37,47
29. Ковенская	36.90
30. Пермская	32,21
31. Донского войска земля	31,91
32. Екатеринославск.	31,51
33. Херсонская	31,27
34. Харьковская	29,77
35. Воронежская	26,94

III *Губерн. съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25—10%.*

36. С.-Петербурская	24.03
37. Вологодская	22,89
38. Самарская	15,32
39. Казанская	13,89
40. Оренбургская	11,81

IV. *Губерн. съ крѣпостн. населеніемъ ниже 10%.*

41. Таврическая	5,97
42. Олонецкая	3,99
43. Вятская	2,64
44. Астраханская	2,60
45. Бессарабская	1,17

[1]) См. таблицу № 1.

[2]) Съ присоединеніемъ Волынской губерніи % крѣпостныхъ повысится до 21,8 по всей Малороссіи и до 14% въ одной правобережной.

[3]) Съ присоединеніемъ Витебской губерніи % крѣпостныхъ повысится до 11,7%.

крѣпостныхъ; въ великороссійскихъ же черноземныхъ губерніяхъ, сравнительно густо населенныхъ, было 22,5% всего крѣпостного населенія.

Въ то же время очевидно, что въ нечерноземной полосѣ земледѣліе не можетъ приносить тѣхъ выгодъ, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, и при густотѣ населенія становятся болѣе выгодными промышленныя занятія. Въ силу этой-то причины, главнымъ образомъ, и замѣчается уже въ XVIII вѣкѣ различіе въ системѣ помѣщичьихъ хозяйствъ на сѣверѣ и на югѣ Россіи. На сѣверѣ преобладала оброчная система, на югѣ, въ черноземныхъ губерніяхъ, напротивъ, преобладали издѣльныя повинности крестьянъ.

При сосредоточеніи значительной доли крѣпостного населенія въ великороссійскихъ нечерноземныхъ губерніяхъ и сравнительно ничтожнаго количества его въ наиболѣе удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ, оброчные крестьяне должны были если не преобладать, то, по крайней мѣрѣ, составлять очень крупную часть крѣпостного населенія.

Въ виду громадной разницы въ положеніи оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ, при чемъ положеніе оброчныхъ было несравненно лучше издѣльныхъ, необходимо выяснить, какъ измѣнилась численность тѣхъ и другихъ въ XIX столѣтіи сравнительно съ XVIII вѣкомъ. При сужденіи объ улучшеніи или ухудшеніи положенія крѣпостныхъ по количеству барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ нельзя, однако, забывать, что въ XIX вѣкѣ развились въ значительной степени смѣшанныя повинности, т.-е. появилось много крестьянъ, платившихъ оброкъ и въ то же время отбывавшихъ барщину. Въ 13 нечерноземныхъ губерніяхъ ца смѣшанныхъ повинностяхъ состояло 22,49% или болѣе $^1/_5$ всѣхъ крестьянъ тѣхъ губерній; въ 10 черноземныхъ губерніяхъ — 10,25%, а по всѣмъ 23 губерніямъ Великороссіи — 16,54%, т.-е. болѣе $^1/_6$ [1]).

Въ XVIII вѣкѣ оброчные крестьяне пользовались почти полнымъ самоуправленіемъ и почти всею землею господина. Въ XIX вѣкѣ хотя количество оброчныхъ, какъ мы увидимъ ниже, сильно возросло въ нечерноземныхъ губерніяхъ, но благосостояніе врядъ ли сильно повысилось, такъ какъ въ XIX вѣкѣ помѣщики зачастую заводили въ имѣніи небольшую господскую запашку, а это уменьшало количество крестьянской земли, съ одной стороны, а съ другой, — понижало степень самоуправленія оброчныхъ крестьянъ, такъ какъ барщин-

[1]) См. таблицу № 2.

ная обработка земли требовала большаго присмотра, а слѣдовательно, и большаго вмѣшательства въ крестьянскую жизнь со стороны помѣщика. Тѣмъ не менѣе положеніе оброчныхъ крестьянъ и въ XIX вѣкѣ было несравненно лучше, независимѣе, чѣмъ положеніе барщинныхъ. Поэтому, для выясненія вопроса объ улучшеніи или ухудшеніи положенія крѣпостныхъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII, здѣсь приводится таблица, показывающая распредѣленіе барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ двадцати великороссійскихъ губерніяхъ въ XVIII и XIX вѣкахъ [1]).

	XVIII вѣкъ.		XIX вѣкъ.			
			Въ имѣн., имѣющ. болѣе 100 душъ.		Во всѣхъ имѣніяхъ.	
Нечерноземныя губерніи.	% оброч.	% издѣльн.	% оброч.	% издѣльн.	% оброч.	% издѣльн.
1. Владимир. . .	50	50	92,53	8,47	70	30
2. Ярославск. .	78	22	90,87	9,13	87,4	12,6
3. Костром. . .	85	15	89,13	10,87	87,5	12,5
4. Олонецкая .	66	34	88,64	11,36	72	28
5. Московская .	36	64	80,27	19,73	68	32
6. Вологод. . .	83	17	80,04	19,96	84	16
7. Нижегород. .	82	18	74,38	25.62	68	32
8. Тверская . .	46	54	68,25	31,75	41	59
9. Новгородск. .	49	51	65,14	34,86	45,6	54,4
10. Калужская .	58	42	58,79	41,21	55	45
11. Смоленск. . .	30	70	33,89	66,11	27	73
12. Псковская. .	21	79	32,81	67,19	23	77
Итого въ 12 нечерноз. губ. . .	55	45	69,47	30,53	58,9	41,1
13. С.-Петерб. .	51	49	63.14	36.86	—	—
Черноземныя губ.						
1. Воронежск. .	64	36	58,76	41,24	45	55
2. Рязанская . .	19	81	47.98	52,02	38	62
3. Тульская . .	8	92	27,23	72,77	25	75
4. Орловская .	34	66	25,88	74,12	28	72
5. Тамбовская .	22	78	21,60	78,40	22	78
6. Пензенская .	52	48	18,52	81,48	25	75
7. Курская . .	8	92	16.67	83,33	24,5	75,5
Итого въ 7 черноземн. губ. . .	26,1	73,9	32,23	67,77	28,8	71,2
По 19 губер. . .	46,3	53,7	53,83	46,17	47,6	52,4

[1]) Относительно XVIII вѣка приведены данныя по 20 губерніямъ, вычисленныя В. И. Семевскимъ. Приводимыя въ первой графѣ данныя о количествѣ

Изъ приведенной таблицы видно, что процентъ оброчныхъ крестьянъ повысился въ губерніяхъ:

Въ имѣн., имѣющ. болѣе 100 душъ.		Во всѣхъ имѣніяхъ.	
1. Московской	на 44 %	1. Московской	на 32 %
2. Владимирской . . .	» 42.5»	2. Владимирской . . .	» 20 »
3. Рязанской	» 29 »	3. Рязанской	» 19 »
4. Олонецкой	» 23 »	4. Тульской	» 17 »
5. Тверской	» 22 »	5. Курской	» 16,5 »
6. Тульской	» 19 »	6. Ярославской . . .	» 9.4»
7. Новгородской . . .	» 16 »	7. Олонецкой	» 6 »
8. Ярославской . . .	» 13 »	8. Костромской . . .	» 2,5»
9. Псковской	» 12 »	9. Псковской	» 2 »
10. С.-Петербургск. . .	» 12 »	10. Вологодской . . .	» 1 »
11. Курской	» 9 »		
12. Смоленской	» 4 »		
13. Костромской . . .	» 4 »		
14. Калужской	» 1 »		

оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ вычислены на основаніи приложеній къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій («Извлеченіе изъ описаній имѣній по великороссійскимъ губерніямъ» о помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ», т. I—IV), по образцу работы кн. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ» (Рязань, 1898 г., гл. III). Цифры по Рязанской губерніи взяты изъ работы кн. Волконскаго (см. таблицу № 1). При сужденіи о величинѣ процента оброчныхъ нельзя забывать, что процентъ выводился на основаніи подсчета тяголъ издѣльныхъ, оброчныхъ и состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ, но не душъ; поэтому выпускались такія имѣнія, гдѣ не показано количество тяголъ, или же гдѣ распредѣленіе ихъ на указанныя группы не ясно. Такъ какъ имѣнія безъ раздѣленія на тягла были преимущественно оброчныя, то изъ-за исключенія ихъ долженъ былъ понизиться процентъ оброчныхъ. Тягла, состоящія на смѣшанныхъ повинностяхъ, относились то къ оброчнымъ, то къ издѣльнымъ тягламъ, смотря по величинѣ денежнаго оброка, а именно: тягла, платившія менѣе $^1/_2$ средняго по губерніи чисто денежнаго оброка, относились къ издѣльнымъ; нужно замѣтить, что получились ничтожныя отчисленія. Во второй графѣ приведены проценты оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ касательно всѣхъ имѣній (менѣе и болѣе 100 душъ), вычисленные на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ III и VI тт. Трудовъ Редакціонныхъ Комиссій. Нужно замѣтить, что цифры относительно всѣхъ имѣній нужно принимать съ осторожностью, такъ какъ неизвѣстно, къ какой группѣ—издѣльныхъ или оброчныхъ — относили крестьянъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, въ Хозяйственномъ отдѣленіи Редакціонныхъ Комиссій не было яснаго представленія объ этомъ: напримѣръ, въ Курской губ., при повѣрочныхъ работахъ, смѣшанныя тягла отнесены къ группѣ издѣльныхъ, что совсѣмъ не можетъ быть принято. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ издѣльные крестьяне совершенно не отдѣлены отъ оброчныхъ, такъ что при вычисленіи процента приходилось выпускать крѣпостныхъ подобныхъ уѣздовъ; такіе уѣзды встрѣчаются въ губерніяхъ Орловской (5 уѣздовъ) и Тверской (1 уѣздъ). Въ Рязанской губ. въ трехъ уѣздахъ показаны только оброчные безъ издѣльныхъ, а въ одномъ только издѣльные. Кромѣ того, цифры Редак-

Уменьшеніе числа оброчныхъ крестьянъ наблюдается въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Въ имѣн., имѣющ. болѣе 100 душъ.		Во всѣхъ имѣніяхъ.	
1. Пензенской . . .	на 33,5 %	1. Пензенской	на 27 %
2. Орловской	» 8 »	2. Воронежской . . .	» 19 »
3. Нижегородской . .	» 8 »	3. Нижегородской . .	» 14 »
4. Воронежской . .	» 5 »	4. Орловской	» 6 »
5. Вологодской . . .	» 3 »	5. Тверской	» 6 »
		6. Новгородской . . .	» 3,4 »
		7. Калужской [1]) . . .	» 3 »
		8. Смоленской	» 3 »

Изъ той же таблицы видно, что въ то время, какъ въ 12 нечерноземныхъ губерніяхъ процентъ оброчныхъ повысился съ 55% (XVIII в.) до 58,9% во всѣхъ имѣніяхъ и до 69,47 въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, — въ 7 черноземныхъ губерніяхъ количество оброчныхъ увеличилось съ 26,1 (XVIII в.) до 28,8% въ XIX в. во всѣхъ имѣніяхъ и до 32,23 въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ. Другими словами, въ то время, какъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ процентъ оброчныхъ увеличился на 3,9% во всѣхъ имѣніяхъ, а въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ (болѣе 100 душъ) на 14,02%, въ черноземныхъ губерніяхъ во всѣхъ имѣніяхъ оброчные увеличились на 2,7, а въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, на 6,1%. По всѣмъ 19 губерніямъ процентъ оброчныхъ повысился съ 46,3 въ XVIII в. до 47,6% во всѣхъ имѣніяхъ, и до

ціонныхъ Комиссій проредактированы крайне небрежно. Процечты оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, выведенные по «Приложеніямъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій», хотя охватываютъ меньшую группу крестьянъ, болѣе вѣрны, чѣмъ вторыя цифры. На данныя о процентѣ оброчныхъ въ Вологодской губ. Положиться нельзя, такъ какъ тамъ во многихъ имѣніяхъ показаны повытки, по количеству же душъ, приходящихся на тягла и повытки, отождествить эти двѣ величины нельзя. При среднемъ выводѣ относительно нечерноземныхъ губ. исключена Петербургская губ. въ виду отсутствія свѣдѣній о количествѣ барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ по этой губерніи относительно всѣхъ имѣній въ XIX вѣкѣ.

[1]) У А. А. Корнилова въ его книгѣ «Крестьянская реформа въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ» (стр. 5) приведены данныя о количествѣ оброчныхъ, смѣшанныхъ и оброчныхъ крестьянъ по всѣмъ имѣніямъ, собранныя калужскимъ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ передъ объявленіемъ Положенія 19 февраля 1861 г. По этимъ даннымъ, отличающимся, по указанію А. А. Корнилова, бо́льшею точностью, чѣмъ данныя, доставленныя калужскимъ губернскимъ дворянскимъ комитетомъ, оброчныхъ было 114. 964 или 42%, на смѣшанныхъ повинностяхъ — 60. 413 д. или 22%, издѣльныхъ—100. 636 д. или 36%. Соединивъ въ одну группу оброчныхъ и смѣшанныхъ, видимъ, что число оброчныхъ равняется 64%, т.-е. количество ихъ не только не понизилось съ XVIII в., но возросло на 6%.

53,83% въ имѣніяхъ свыше 100 душъ, т.-е. на 1,3% — въ первомъ случаѣ и на 7,5% — во второмъ. Такое повышеніе количества оброчныхъ, само по себѣ ничтожное, нисколько не говоритъ объ улучшеніи положенія крестьянъ, особенно въ виду распространенія, какъ было указано, смѣшанныхъ повинностей, нерѣдко очень тяжелыхъ для крестьянъ.

Изъ приведенныхъ цифръ вытекаетъ, что оброчная система, по даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ, развивалась сильнѣе въ нечерноземныхъ губерніяхъ, захватывая наканунѣ реформы почти $^3/_5$ всѣхъ крестьянъ; въ черноземныхъ же 7 губерніяхъ количество оброчныхъ хотя и увеличилось, но въ меньшемъ размѣрѣ: ихъ число и въ XIX вѣкѣ охватывало менѣе $^1/_3$ всѣхъ крестьянъ. По даннымъ относительно имѣній свыше 100 душъ это преобладаніе оброчной системы выражается также рѣзко: въ то время какъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ на оброкѣ состояло болѣе $^2/_3$ крѣпостныхъ, въ черноземныхъ—лишь $^1/_3$.

Связь между барщинной и оброчной системой, съ одной стороны, и степенью плодородности почвы и удобствъ для земледѣлія съ другой — рѣзко выступаетъ изъ слѣдующей таблицы, показывающей распредѣленіе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ по районамъ по даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ [1]).

---

[1]) См. таблицу № 1. Распредѣленіе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ по отдѣльнымъ губерніямъ было слѣдующее:

Губерніи.	% оброч.	% издѣльн.	Губерніи.	% оброч.	% издѣльн.
1. Костромская . . .	87,5	12,5	22. Курская	24,5	75,5
2. Ярославская . . .	87	13	23. Псковская	23	77
3. Астраханская . .	87	13	24. Тамбовская . . .	22	78
4. Вологодская . . .	84	16	25. Самарская	21	79
5. Олонецкая	72	28	26. Казанская	14	86
6. Владимирская . .	70	30	27. Оренбургская . .	9	91
7. Нижегородская . .	68	32	28. Виленская	8	92
8. Московская . . .	68	32	29. Подольская . . .	4	96
9. Вятская	64	36	30. Могилевская . . .	3	97
10. Калужская	55	45	31. Земля В. Донск. .	2,8	97,2
11. Новгородская . .	46	54	32. Минская	2,6	97,4
12. Воронежская . . .	45	55	33. Пермская	2,5	97,5
13. Тверская	41	59	34. Гродненская . . .	2	98
14. Рязанская	38	62	35. Кіевская	1,6	98,4
15. Саратовская . . .	33	67	36. Харьковская . . .	1,5	98,5
16. Ковенская	29	71	37. Полтавская . . .	0,6	99,4
17. Орловская	28	72	38. Черниговская . .	0,2	99,8
18. Смоленская . . .	27	73	39. Екатеринославск. .	0,2	99,8
19. Тульская	25	75	40. Херсонская . . .	0,1	99,9
20. Пензенская . . .	25	75	41. Таврическая . . .	0	100
21. Симбирская . . .	25	75			

Губерніи.	% оброчн.	% издѣльныхъ.
Великороссійскія:		
а) астраханская	87	13
б) нечерноземныя	58,9	41,1
в) черноземныя	28,8	71,2
г) поволжскія	26,7	73,3
д) восточныя степныя	17	83
е) пріуральскія-сѣверныя	9,8	90,2
Сѣверо-западныя	7,6	92,4
Земля В. Донск.	2,8	97,2
Малороссія:		
а) правобережная	2,6	97,4
б) лѣвобережная	0,7	99,3
Новороссійскія степныя	0,1	99,9
По 40 губерніямъ и Области В. Донского	28,1	71,9

Изъ этой таблицы видно, что крестьянъ отпускали на оброкъ преимущественно въ нечерноземныхъ губерніяхъ, къ которымъ слѣдуетъ отнести и Астраханскую губернію, хотя и южную степную; изъ сѣверныхъ губерній процентъ издѣльныхъ высокъ лишь въ пріуральскихъ сѣверныхъ губерніяхъ (90,2), но въ Пермской и Вятской губерніяхъ было много горныхъ заводовъ, гдѣ крестьяне и отбывали барщину. Во всѣхъ остальныхъ районахъ господствуетъ барщина, поглощающая почти всѣхъ крестьянъ въ новороссійскихъ губерніяхъ, лѣвобережной Малороссіи, правобережной Малороссіи, въ землѣ Войска Донского и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, т.-е. именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по тѣмъ или другимъ условіямъ было выгодно вести помѣщичье хозяйство, а промыслы среди крестьянъ не развились. По всѣмъ 40 губерніямъ и области Войска Донского, гдѣ есть свѣдѣнія о количествѣ оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ по всѣмъ имѣніямъ, процентъ оброчныхъ равняется 28,1, издѣльныхъ — 71,9, т.-е. во всей крѣпостной массѣ Европейской Россіи (не считая Кавказа) преобладала барщина, несмотря на то, что, какъ выше было указано, почти $^1/_3$ крѣпостного населенія находилась въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ была выгоднѣе оброчная система[1]).

Процентныя отношенія данной таблицы вычислены на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ III и VI тт. Трудовъ Редакціонныхъ Комиссій и слабыя стороны которыхъ были указаны въ примѣчаніи 1 на стр. 47. Губерніи Витебская, Волынская и С.-Петербургская пропущены, такъ какъ въ указанныхъ данныхъ нѣтъ распредѣленія крестьянъ этихъ губерній на оброчныхъ и издѣльныхъ.

[1]) Н. А. Крыловъ приводитъ болѣе полныя цифры оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ относительно всего крѣпостного населенія, но, къ сожалѣнію, не указано, какимъ статистическимъ матеріаломъ пользовался авторъ.

Можно думать, что процентъ оброчныхъ по всей Европейской Россіи былъ бы еще ниже, если бы въ силу историческихъ причинъ крѣпостные не сосредоточивались такою массою въ нечерноземныхъ губерніяхъ.

Эти явленія выступаютъ еще рѣзче по даннымъ объ имѣніяхъ, гдѣ было выше 100 душъ. Наканунѣ реформы количество оброчныхъ и издѣльныхъ по 23 губерніямъ Великороссіи было таково [2]):

Великороссія.	% оброч.	% смѣш.	% издѣльн.	% оброч.	% издѣльн.
13 нечерноземныхъ губ.	47,22	22.49	30,29	68,78	31,22
10 черноземныхъ губ.	20,45	10,25	69.30	30,30	69,70
Въ 23 губерніяхъ	34,19	16,54	49,27	50,05	49,95

Изъ приведенной таблицы видно перемѣщеніе цифръ. Въ 13 нечерноземныхъ губерніяхъ Великороссіи на барщинѣ почти $^1/_3$; въ 10 черноземныхъ губерніяхъ, наоборотъ, почти $^1/_3$ на оброкѣ. Въ общемъ выводѣ по 23 губерніямъ эти цифры компенсируются и дѣлятъ крѣпостное населеніе почти на двѣ равныя части: барщинную и оброчную. Но при этомъ нельзя забывать, что изъ числа оброчныхъ $^1/_3$ состояла на смѣшанныхъ повинностяхъ, что приближало ихъ къ барщиннымъ и указывало на распространенность барщинной запашки.

Въ малороссійскихъ губерніяхъ оброчныхъ было очень мало:

Губерніи.	% оброчн.	% издѣльн.
Харьковская	9.50	90.44
Черниговская	2,56	97,44
Полтавская	1,14	98,86

Въ новороссійской Екатеринославской губерніи въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, оброчные крестьяне встрѣчались

По его свѣдѣніямъ, на издѣльной повинности состояло . 6.795.274 души
» оброчной » » . 3.002.923 »

Всего . . . . . 9.798.197 душъ.

Слѣдовательно, на оброкѣ состояло всего 31,7% и на барщинѣ — 68,3% крѣпостныхъ, что не сильно разнится отъ процентнаго вычисленія, сдѣланнаго на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ III и VI тт. Тр. Ред. Ком., (см. статью П. А. Крылова «Наканунѣ великой реформы». «Историч. Вѣстникъ», 1903 г., кн. IX, стр. 816.

[1]) См. таблицу № 2, вычисленную на основаніи Приложеній къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій. Въ малороссійскихъ губерніяхъ процентъ оброчныхъ и издѣльныхъ вычисленъ на основаніи оброчныхъ *душъ*, а не тяголъ.

такъ рѣдко, что въ описаніяхъ этихъ имѣній нѣтъ цифровыхъ данныхъ о нихъ, а есть лишь отдѣльныя указанія въ примѣчаніяхъ на существованіе оброчныхъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ.

Преобладаніе оброчныхъ крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется неблагопріятными условіями для сельскаго хозяйства. Неплодородная почва дѣлала невыгоднымъ веденіе барщиннаго сельскаго хозяйства потому, во-первыхъ, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ для обезпеченія быта крестьянъ необходимо большее количество земли, такъ что, по обезпеченіи крестьянъ землею, у помѣщика могло остаться мало земли; а во-вторыхъ, неплодородная почва требовала усиленнаго искусственнаго удобренія, т.-е. сильно увеличивала издержки производства, что, при низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и трудности сбыта сельскихъ продуктовъ, сильно затрудняло веденіе сельскаго хозяйства. Между тѣмъ въ нечерноземныхъ центральныхъ, относительно густо населенныхъ губерніяхъ наличность промышленныхъ и торговыхъ центровъ обусловливала возможность развитія отхожихъ промысловъ и занятій промышленностью. Такъ какъ отхожіе промыслы и занятія промышленностью могутъ итти успѣшнѣе при свободѣ трудящейся личности, то помѣщики нечерноземныхъ центральныхъ губерній отпускали на оброкъ большую часть своихъ крестьянъ.

Въ Калужской губерніи, напримѣръ, по указанію губернскаго комитета, даже барщинные крестьяне зимою уходили на заработки: обыкновенно около 15 сентября послѣ уборки хлѣба для этой цѣли отпускался одинъ изъ двухъ работниковъ; иные же помѣщики отпускали и другого работника послѣ 15 ноября «по исправленіи строеній». «Общій характеръ калужскихъ хозяйствъ смѣшанный, т.-е. доходы взимаются частью оброкомъ, частью обработкою незначительныхъ запашекъ». Причина этихъ явленій, по указанію того же комитета, та, что «безъ промысловъ на сторонѣ губернія не прокормилась бы по непроизводительности почвы», такъ что весь доходъ былъ «основанъ на трудѣ». Въ Московской губерніи занятіе земледѣльческими промыслами было такъ выгодно, что, напримѣръ, въ подмосковномъ имѣніи Жукова въ 40-хъ годахъ барщинные крестьяне для своихъ и господскихъ полевыхъ работъ нанимали работниковъ, такъ какъ крестьяне «надѣялись не на хлѣбопашество, а на шелковую фабрику» [1]).

---

[1]) Н. А. Рожковъ. «Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX в.» «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ». Изд. бр. Гранатъ. Вып. II, стр. 153.

Въ лѣсныхъ губерніяхъ возможность лѣсныхъ промысловъ и трудность обработки земли приводила также къ сильному развитію оброчной системы.

Тѣмъ не менѣе близость хлѣбнаго рынка и плохіе пути сообщенія, затруднявшіе доставку хлѣба изъ черноземныхъ губерній, дѣлала выгодною въ извѣстной мѣрѣ барщинную запашку и въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Этимъ объясняется распространенность смѣшанныхъ повинностей въ нечерноземныхъ губерніяхъ и пониженіе количества оброчныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Уменьшеніе количества оброчныхъ крестьянъ замѣчается въ Тверской, Новгородской, Смоленской и Калужской губерніяхъ [1]) (по даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ). Пониженіе это станетъ еще болѣе замѣтнымъ, если принять во вниманіе, что въ этихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, былъ наибольшій процентъ крестьянъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ.

Я. Соловьевъ, указывая, что въ Смоленской губерніи на оброкъ отпускали «или цѣлыми селеніями, или только нѣкоторыхъ крестьянъ, особенно зажиточныхъ», говоритъ, что количество имѣній, исключительно оброчныхъ «весьма ограничено и преимущественно состоитъ изъ обширныхъ юсуповскихъ имѣній въ Юхновскомъ уѣздѣ съ легкимъ оброкомъ»; онъ констатируетъ, что во многихъ изъ оброчныхъ имѣній крестьяне, кромѣ оброка, обрабатываютъ и незначительное количество земли на помѣщика [2]).

Какъ видно изъ примѣчаній къ имѣніямъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ, въ «Извлеченіяхъ изъ описанія имѣній», въ этихъ же губерніяхъ встрѣчается особая группа крестьянъ, которые лѣтомъ состояли на барщинѣ, а зимою отпускались на оброкъ. Это обстоятельство зависѣло, вѣроятно, отъ того, что въ сельской промышленности время производства не совпадаетъ съ рабочимъ временемъ. Въ южныхъ губерніяхъ, въ относительно тепломъ климатѣ, это обстоятельство менѣе замѣтно; кромѣ того, при плохихъ путяхъ сообщенія зимнее время барщинныхъ крестьянъ могло уходить отчасти на извозы. Въ нечерноземныхъ же губерніяхъ именно близость хлѣб-

---

[1]) Замѣчаемое уменьшеніе количества оброчныхъ въ Нижегородской губ. произошло, быть-можетъ, на счетъ ея земледѣльческихъ черноземныхъ уѣздовъ. Рѣзкое пониженіе количества оброчныхъ въ Тверской губерніи во всѣхъ имѣніяхъ сравнительно съ сильнымъ повышеніемъ ихъ въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 д., наводитъ на подозрѣніе, не были ли крестьяне на смѣшанныхъ повинностяхъ причислены къ издѣльнымъ крестьянамъ.

[2]) Я. Соловьевъ. Сельско-хозяйств. статистика Смоленск. губ., стр. 194.

ныхъ рынковъ и обусловливала выгодность земледѣлія, а потому извозы не могли отнять много времени у барщинныхъ крестьянъ. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ помѣщику было выгодно отпускать крестьянъ зимою на оброкъ, имѣя въ то же время барщинную запашку.

Иные помѣщики переходили къ барщинной системѣ въ виду крупныхъ оброчныхъ недоимокъ. Такъ, мѣстный изслѣдователь по Тверской губерніи указывалъ въ 50-хъ годахъ, что «тамъ, гдѣ оброчные по какимъ-либо причинамъ дошли до такого состоянія, что не могутъ не только платить оброка и натуральныхъ повинностей помѣщикамъ, но даже платить податей въ казну, барщина вводится и теперь». Изслѣдователь держится того взгляда, что эксплуатація земли подъ личнымъ надзоромъ выгоднѣе отпуска крестьянъ на оброкъ [1]). Помѣщикъ Костромской губерніи, Дмитріевъ, также доказываетъ бо́льшую выгодность барщины передъ оброкомъ, указывая, что большая часть зажиточныхъ помѣщиковъ Костромской губерніи достигли благосостоянія, переводя крестьянъ на издѣлье [2]). Тѣмъ не менѣе процентъ издѣльныхъ въ Костромской губерніи и ко времени реформы былъ невеликъ (12,5%). Въ 1859 г. костромской губернскій комитетъ замѣтилъ въ Общемъ Сводѣ свѣдѣній о состояніи помѣщичьихъ крестьянъ, что издѣльныя тягла, сохраняя свою цифру по принятому въ каждомъ имѣніи хозяйственному расчету, почти ежегодно замѣняются въ большинствѣ имѣній другими, поступая съ издѣлья на чистый оброкъ или смѣшанныя повинности. «Къ такому порядку издѣльнаго назначенія приводитъ свойство губерніи — промысловый по преимуществу, и на издѣлье поступаютъ или по очереди, сколько нужно тяголъ, или замотавшіеся промышленники».

Въ южныхъ губерніяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше таблицъ, преобладала барщинная система, но замѣчается, что по сравненію съ XVIII вѣкомъ въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ произошло увеличеніе оброчныхъ крестьянъ. Ясно, что здѣсь на распредѣленіе крестьянъ по указаннымъ группамъ имѣли вліяніе другія причины, кромѣ выгодности земледѣлія. Одною изъ такихъ причинъ могло быть малоземелье этихъ губерній. Въ малоземельныхъ мѣстностяхъ ростъ крѣпостного населенія ставилъ помѣщиковъ въ затруднительное

[1]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ., въ сельско-хозяйств. отношеніи». Изд. Учен. Ком. М. Гос. Им. СПБ. 1854 г., стр. 99, 103.

[2]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практическихъ замѣчаній Кинешемскаго земледѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губ.» Москва, 1855 г., стр. 19—24.

положеніе. При малоземеліи имѣнія становилось все труднѣе и труднѣе надѣлять землею вновь прибывающее населеніе. Помѣщики справлялись съ этимъ затрудненіемъ различнымъ образомъ.

Одни изъ нихъ, чтобы избѣжать надѣленія землею прибывавшее населеніе, продавали крестьянъ на свозъ, другіе переселяли въ многоземельныя имѣнія, если имѣли таковыя. Въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій встрѣчаются указанія, что нѣкоторые помѣщики арендовали земли у сторонннхъ лицъ для себя или для крестянъ, иногда для собственныхъ нуждъ и для крестьянъ [1]). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ по свѣдѣніямъ, даннымъ помѣщиками, крестьяне и сами арендовали земли у сторонннхъ владѣльцевъ [2]). Наконецъ многіе помѣщики обращали часть крестьянъ въ затяглыхъ, не несшихъ никакихъ повинностей, но и не получавшихъ земли, другіе надѣляли крестьянъ землею на счетъ собственной запашки, а такъ какъ уменьшенная запашка требовала меньше рабочихъ рукъ, то или всѣ крестьяне платили незначительный оброкъ взамѣнъ уменьшенія барщины, или же часть крестьянъ оставлялась на прежней барщинѣ, а часть отпускалась на чистый оброкъ; такимъ путемъ образовались имѣнія съ крестьянами на смѣшанныхъ повинностяхъ и имѣнія, гдѣ часть крестьянъ была на барщинѣ, а часть на оброкѣ. Наконецъ уменьшеніе барщинной запашки изъ-за надѣленія новыхъ тяголъ землею могло дойти до того, что помѣщику становилось выгоднѣе отдать крестьянамъ всю землю и отпустить всѣхъ крестьянъ на оброкъ. Этимъ-то обстоятельствомъ и можно объяснить увеличеніе процента оброчныхъ въ Курской, Тульской, Рязанской губ. [3]).

---

[1]) Такъ, въ 6 имѣніяхъ (Тамбовской губ.— 2, Симбирской — 1, Саратовской—1, Рязанской—1, Орловской —1) помѣщики снимали землю для себя, въ 8 имѣніяхъ (въ Тамбовской—1, Саратовской—2, Самарской — 2, Рязанской — 1, въ Пензенской—1, въ Казанской —1) помѣщики снимали землю для крестьянъ; изъ этихъ имѣній въ трехъ земля снималась и для помѣщиковъ и для крестьянъ (въ Тамбовской губ.— 1, въ Саратовской — 1 и въ Рязанской - 1). Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій: «Извлеченія изъ писаній имѣній», т. I—IV и VI.

[2]) Указаніе на это встрѣчается въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком. относительно 6 имѣній (въ Псковской — 1 имѣніе, въ Смоленской — 1, въ Нижегородской—1, Рязанской - 1, Орловской - 1, Саратовской—1): въ двухъ изъ этихъ имѣній (въ Орловской и Псковской губ.) крестьяне не имѣли другой земли, кромѣ арендованной.

[3]) Впрочемъ, нельзя забывать, что послѣдняя губернія принадлежитъ своею сѣверною частью къ нечерноземнымъ губерніямъ, а южною къ черноземъ-

Кромѣ малоземелья, были и другія причины развитія оброчной системы въ черноземныхъ губерніяхъ. Повышающимъ процентъ оброчныхъ обстоятельствомъ могла быть наличность въ губерніи большого числа крупныхъ помѣщиковъ. Здѣсь играла роль прежде всего величина имѣнія. Такъ какъ барщинная система сельскаго хозяйства требовала строгаго неустаннаго надсмотра надъ рабочими, то въ большихъ имѣніяхъ она становилась крайне затруднительною, и въ такихъ имѣніяхъ нерѣдко крестьянъ переводили на оброкъ. Кромѣ того, имѣла значеніе величина всего состоянія владѣльца. Богатый помѣщикъ могъ довольствоваться низкимъ доходомъ съ имѣнія, нисколько не урѣзывая своихъ расходовъ, а потому могъ отпускать крестьянъ на оброкъ даже въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ было несомнѣнно выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ. Это хорошо иллюстрируется примѣромъ Воронежской губерніи. Какъ видно изъ таблицы (по имѣніямъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ), Воронежская губ. принадлежитъ къ числу оброчныхъ (въ ней $^0/_0$ оброчныхъ 58,76). Въ ней находится громадное имѣніе гр. Шереметева, въ которомъ всѣ крестьяне отпущены были на оброкъ и составляли 33.889 тяголъ (собственно земельныхъ участковъ). Если исключить это имѣніе, то процентъ оброчныхъ опустится до 34,2, а процентъ издѣльныхъ поднимется до 65,8, и Воронежская губернія займетъ мѣсто среди губерній съ преобладающимъ процентомъ барщинныхъ крестьянъ. Эту зависимость развитія оброчной и барщинной системы отъ величины имѣнія можно замѣтить, присматриваясь къ приведеннымъ таблицамъ. Сравнивая процентное количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ во всѣхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, замѣчаемъ слѣдующее: даже въ губерніяхъ съ повысившимся сравнительно съ XVIII вѣкомъ процентомъ оброчныхъ крестьянъ повышеніе это менѣе замѣтно для всѣхъ имѣній, чѣмъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Въ губерніяхъ же съ переходнымъ характеромъ, какъ Смоленская, Новгородская, Тверская, процентъ оброчныхъ въ первомъ случаѣ даже понизился сравнительно съ XVIII вѣкомъ.

нымъ. Снѣжневскій, детально разработавшій архивной матеріалъ Дворянской Опеки по Нижегородскому уѣзду—о помѣщичьихъ имѣніяхъ съ конца XVIII в. до освобожденія крестьянъ, указываетъ какъ на причину развитія оброчной системы въ этомъ уѣздѣ, кромѣ значительнаго развитія промысловъ, на малоземельность его. В. Снѣжневскій. «Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства въ Нижегородск. губ.» Дѣйствія Нижегор. Уч. Арх. Ком. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. 1905 г., вып. VI, стр. 20.

Касательно черноземной Курской губерніи является недоумѣніе: при включеніи имѣній, имѣющихъ менѣе 100 душъ, процентъ оброчныхъ повысился сильнѣе. Но если мы вспомнимъ, что увеличеніе процента оброчныхъ въ этой губерніи объясняется малоземельемъ, тогда придется признать, что, если отъ малоземелья бросали земледѣліе и переводили крестьянъ на оброкъ крупные владѣльцы, то, вѣроятно, тѣмъ въ большей степени принуждались къ тому же мелкіе владѣльцы.

Распространеніе оброчной и барщинной системы зависѣло также отъ абсентеизма помѣщиковъ, который опять-таки сильнѣе замѣчался у крупныхъ владѣльцевъ; отсутствіе въ имѣніяхъ помѣщиковъ, стремившихся на государственную службу и предпочитавшихъ готовые доходы кропотливому веденію сельскаго хозяйства, часто вызывало предпочтеніе оброчной системы передъ барщинной. Въ мелкихъ имѣніяхъ помѣщики чаще жили сами и лично вели сельское хозяйство, при чемъ здѣсь, даже при отпускѣ большей части крестьянъ на оброкъ, помѣщики старались имѣть хотя небольшую, но собственную запашку. Въ большихъ имѣніяхъ помѣщикъ рѣже вмѣшивался въ личную жизнь крѣпостного, не имѣя иногда даже физической возможности дѣлать это; въ мелкихъ же имѣніяхъ господинъ или управитель могъ наблюдать за каждымъ шагомъ крѣпостного и въ большей степени эксплуатировать рабочія силы крестьянъ.

Современники и мѣстные изслѣдователи свидѣтельствуютъ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ въ рукахъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. «У богатыхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ нѣсколькихъ тысячъ душъ,—пишетъ Никитенко въ своей автобіографіи,—крестьяне еще были менѣе угнетены, состоя большею частью на оброкѣ, хотя и имъ приходилось не мало терпѣть отъ самоуправства управителей и приказчиковъ. Зато мелкопомѣстные землевладѣльцы буквально высасывали силы и достояніе у несчастныхъ, имъ подвластныхъ. Послѣдніе не располагали ни временемъ ни собственностью: первое поглощалось барщиною, вторая находилась въ зависимости отъ жадности и произвола помѣщиковъ» [1]). Перовскій въ своей запискѣ 1845 г. указалъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, «особенно мелкопомѣстныхъ», крестьяне «разорены болѣе, чѣмъ бѣднѣйшіе изъ крестьянъ государственныхъ» [2]). Въ Рязанской

[1]) А. В. Никитенко. «Записки и дневникъ», т. I, стр. 42 - 43.
[2]) В. И. Семевскій. «Кр. Вопросъ», т. II, стр. 137.

губ., по словамъ Повалишина, «иногда стѣсненія, претерпѣваемыя крестьянами, происходили ни отъ чего другого, какъ отъ бѣдности помѣщика, который не имѣлъ средствъ порядочно держать своихъ крестьянъ, но даже и самого себя» [1]). По свѣдѣніямъ, собраннымъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ въ эпоху выработки реформы 19 февраля, въ 40 губерніяхъ, у 7.208 помѣщиковъ, владѣвшихъ менѣе 20 душъ (16,1% общаго числа такихъ помѣщиковъ), приходилось всей помѣщичьей и крестьянской земли на душу менѣе 4½ дес. [2]). Въ ихъ рукахъ было 60.282 р. д. м. п., или 17,8% общаго числа крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ, имѣвшимъ менѣе 20 душъ. Изъ числа этихъ крестьянъ лишь 30.662, или 50,86% были надѣлены землею; безземельныхъ же, жившихъ или въ особыхъ домахъ, или въ видѣ дворовыхъ, было 29.620 душъ, или 49,14%. Помѣщичьей и крестьянской земли приходилось на одного крестьянина, *надѣленнаго* землею, 5,5 дес. [3]).

Приведенные факты показываютъ, что дробленіе имѣній должно было вести къ ухудшенію положенія крестьянъ. При жалобахъ крестьянъ Саратовской губ. на своихъ помѣщиковъ Кривцова, Рюмина и Пашкова предводитель дворянства указывалъ, какъ на причину жалобъ, на то, что крестьяне раньше принадлежали графу Разумовскому, пользовались большою свободою, бо́льшимъ количествомъ земли. Теперь же земли стало меньше, и «новые помѣщики ихъ не баловали, какъ баловали прежде управляющіе» [4]). Одинъ малороссійскій крестьянинъ, на вопросъ Г — а о причинахъ упадка благосостоянія крестьянъ, отвѣтилъ, помявшись: «Дѣдъ твой былъ гораздо богаче отца твоего и тебя, а жилъ простѣе, истрачивалъ немного; у него было нѣсколько сыновей, имѣніе раздѣлилось, а каждый хотѣлъ жить не только не хуже дѣда твоего, но еще прибавилъ разныя затѣи; имѣніе отца твоего тоже раздробилось, и тебѣ досталась только часть; значитъ, ты бѣднѣе его, а между тѣмъ у отца твоего не было ни такого дома, ни такой роскоши, такъ о чемъ же разговаривать» [5]).

---

[1]) Повалишинъ. «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 31.

[2]) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что у 554 владѣльцевъ изъ этого числа имѣлись земли или имѣнія въ другихъ губерніяхъ.

[3]) Скребицкій. «Крестьянское дѣло въ царствов. Александра II», т. IV, стр. 1252 — 1259.

[4]) Мордовцевъ. «Наканунѣ воли», стр. 264.

[5]) Самаринъ, т. II, стр. 9.

Въ виду зависимости системъ хозяйства и благосостоянія крестьянъ отъ величины имѣнія интересно выяснить распредѣленіе помѣщиковъ по числу имѣвшихся у нихъ во владѣніи душъ и измѣненіе, происшедшее въ этомъ отношеніи съ XVIII вѣка. Приведемъ для этого таблицу Тройницкаго [1]) о количествѣ землевладѣльцевъ, раздѣленныхъ, по количеству имѣющихся у нихъ душъ, на шесть группъ:

По 8 ревизіи [2]).

	Владѣльц.	%	У нихъ крѣпост.	%	На 1 влад. прих.
1. Безпомѣстные	17.763	14,0	62.183	0,6	3
2. Имѣющіе до 20 д.	58.457	45,9	450.037	4,1	8
3. Имѣющіе отъ 21—100 душъ .	30.417	24,0	1.500.357	13,9	49
4. Имѣющіе отъ 101—500 душъ.	16.740	13.2	3.634.194	33,9	217
5. Имѣющіе отъ 501—1000 душъ.	2.273	1,8	1.562.831	14,5	688
6. Имѣющіе болѣе 1000 душъ. .	1.453	1,1	3.556.959	33,0	2448

По 10 ревизіи.

	Владѣльц.	%	У нихъ крѣпост.	%	На 1 влад. прих.
1. Безпомѣстные	3.633	3,5	12.045	0.1	3
2. Имѣющіе до 20 душъ	41.016	39,5	327.534	3.1	8
3. Имѣющіе отъ 21—100 душъ .	35.498	34,2	1.666.073	15,8	47
4. Имѣющіе отъ 101 — 500 душъ.	19.930	19,2	3.925.102	37.1	197
5. Имѣющіе отъ 501—1000 душъ.	2.421	2,3	1.569.888	14,9	648
6. Имѣющіе болѣе 1000 душъ. .	1.382	1,3	3.050.540	29.0	2207

Изъ этихъ цифръ видно, что сокращеніе произошло въ группахъ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 20 душъ, и въ группѣ, имѣвшей болѣе 1000 душъ крестьянъ, какъ въ количествѣ самихъ владѣльцевъ, такъ и въ количествѣ владѣемыхъ ими крестьянъ. Наоборотъ, увеличеніе и вдалѣльцевъ, и имѣющихся у нихъ крестьянъ произошло въ группахъ, имѣющихъ отъ 20 — 1000 душъ. На такое уменьшеніе мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ могли повліять мѣры, принятыя пра-

---

[1]) Тройницкій. «Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й народной переписи», стр. 67. Таблица дополнена процентными вычисленіями П. Н. Милюкова. (П. Милюковъ. «Крестьяне», стр. 686); кромѣ того, вычислено количество крѣпостныхъ, приходящихся на одного владѣльца.

[2]) В. И. Семевскій указываетъ, что количество землевладѣльцевъ по восьмой ревизіи, имѣвшихъ менѣе 100 душъ (84%), согласно изслѣдованію Кеппена, и число таковыхъ же владѣльцевъ въ XVIII вѣкѣ — совпадаютъ. В. И. Семевскій. «Крестьяне при имп. Екатеринѣ II», стр. 30.

вительствомъ къ переселенію ихъ въ многоземельныя губерніи. Такъ, напримѣръ, въ 1843 г. комитетомъ министровъ было положено предоставить малоземельнымъ дворянамъ Смоленской, Рязанской и Симбирской губерній переселиться на свободныя казенныя земли въ Симбирской губерніи, гдѣ предполагалось отводить имъ участки земли по 60 дес. на семейство, и въ Курганскомъ уѣздѣ, Тобольской губ., гдѣ предполагалось давать по 80 дес. на семейство. По нѣкоторымъ признакамъ дворяне не очень охотно отозвались на это мѣропріятіе правительства. Когда по этому поводу были запрошены дворянства Смоленской, Рязанской, Симбирской, Калужской и Вологодской губ., «то изъ числа малоземельныхъ нуждающихся дворянъ (9287 чел. об. п.) только 448 семействъ изъявили желаніе переселиться; изъ Тульской губ. пожелали выселиться изъ 207 семей только 30 семействъ» [1]). Въ Смоленской губерніи въ 50 годахъ, по словамъ Я. Соловьева, изъ числа дворянъ, не имѣвшихъ крѣпостныхъ и предположенныхъ къ выселенію, «кажется, не переселено ни одно семейство» [2]). Въ Рязанской губерніи, по указанію Повалишина, охотниковъ переселяться было «очень много», и хотя переселилось весьма значительное число дворянскихъ семей, но далеко не всѣ; нѣкоторые «требовали извѣстныхъ угодій и удобнаго расположенія ихъ» [3]). Во всякомъ случаѣ въ общемъ, какъ указано, количество мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (первыя 2 группы) ко времени 10-й ревизіи уменьшилось, хотя и наканунѣ реформы ихъ было, какъ видно изъ таблицы, значительное число (43%). Къ счастью, въ ихъ рукахъ было лишь 3,2% крѣпостныхъ крестьянъ, число коихъ такимъ образомъ со времени 8-й ревизіи уменьшилось на $1\frac{1}{2}\%$. Вслѣдствіе уменьшенія этихъ 2-хъ группъ, мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 100 душъ, стало со времени 8-й ревизіи меньше; количество же крѣпостныхъ въ ихъ рукахъ почти не измѣнилось, составляя менѣе $\frac{1}{5}$ крѣпостного населенія. Съ другой стороны необходимо отмѣтить увеличеніе какъ количества крупныхъ помѣщиковъ, владѣющихъ отъ 100 до 500 душъ, такъ и количества ихъ крестьянъ: этой группѣ владѣльцевъ принадле-

---

[1]) Середонинъ. «Обзоръ дѣят. комитета министровъ», т. II, ч. 1, стр. 233 — 234.

[2]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. статистика Смол. губ.», стр. 193.

[3]) Повалишинъ. «Ряз. помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 31.

жало наибольшее количество крѣпостныхъ (37,1%). Въ этихъ имѣніяхъ помѣщичье хозяйство могло имѣть наиболѣе благопріятныя условія для развитія: достаточное количество рабочихъ рукъ, не исключающее возможности личнаго надзора за хозяйствомъ; богатство, полнота дворянскихъ правъ давали въ то же время вліяніе на мѣстную жизнь.

Судя по количеству крѣпостныхъ, падающихъ на одного владѣльца, концентраціи имѣній не только не произошло, но замѣчается скорѣе наклонность къ размельчанію ихъ. За исключеніемъ первыхъ двухъ группъ, въ которыхъ количество крѣпостныхъ на одного владѣльца не измѣнилось, во всѣхъ остальныхъ группахъ во время 10-й ревизіи на одного владѣльца приходилось меньше крѣпостныхъ, чѣмъ во время 8-й ревизіи. Это явленіе особенно замѣтно въ шестой группѣ (имѣющихъ болѣе 1000 душъ), гдѣ число крѣпостныхъ, приходящихся на одного владѣльца, сократилось на 10%, и въ четвертой группѣ (имѣющихъ отъ 100 до 500 душъ), гдѣ это же сокращеніе превышаетъ 9%; въ пятой группѣ сокращеніе числа крѣпостныхъ на одного владѣльца достигаетъ лишь 6%.

Оканчивая выясненіе главнѣйшихъ причинъ, вліявшихъ на преобладаніе той или другой системы помѣщичьяго хозяйства, можно отмѣтить общее направленіе его развитія. При переходѣ натуральнаго помѣщичьяго хозяйства къ денежному, по мѣрѣ увеличенія потребностей помѣщиковъ, для удовлетворенія которыхъ уже требовались деньги, каждый помѣщикъ стремился такъ организовать свое хозяйство, чтобы оно при данныхъ условіяхъ почвы, климата и пр. приносило наибольшій денежный доходъ. Отсюда получилось развитіе въ различныхъ мѣстностяхъ или барщинной или оброчной системы и ихъ видоизмѣненіе, развитіе дворянскихъ фабрикъ и т. п. Гдѣ только была выгодна барщинная запашка, помѣщики селились въ имѣніяхъ и лично вели хозяйство, переѣзжая въ городъ на зиму. Это осѣданіе дворянства на землю замѣчалось современниками. «Въ настоящее время, — говоритъ Гакстгаузенъ, бывшій въ Россіи въ 1843 г., — дворяне болѣе, чѣмъ прежде, живутъ въ деревнѣ, хотя все еще не въ той степени, чтобы они могли быть названы сельскимъ дворянствомъ; но все-таки они посѣщаютъ свои имѣнія, занимаются хозяйствомъ въ нихъ, что видно изъ того, что число барщинныхъ крестьянъ постоянно возрастаетъ, тогда какъ оброчное положеніе, дотолѣ господствовавшая форма взиманія дохода съ крестьянъ во

всей Великороссіи, прекращается» [1]). «Раньше, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — молодые дворяне, лѣтъ съ семнадцати, уже стремились поступить на гражданскую или военную службу, гдѣ и оставались, докуда могли... Теперь же большинство выходитъ въ отставку черезъ нѣсколько лѣтъ и поселяются въ имѣніяхъ, чтобы заниматься сельскою или мануфактурною промышленностью. Въ то время, какъ раньше помѣщики очень мало занимались сельской экономіей, въ настоящее время многіе образованные помѣщики, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, начинаютъ серьезно заниматься сельской промышленностью и переводить крестьянъ съ оброка на барщину, что заставляетъ ихъ жить въ имѣніяхъ, чтобы лично наблюдать за веденіемъ хозяйства» [2]).

Я. Соловьевъ далъ подробную характеристику въ этомъ отношеніи различныхъ группъ дворянъ въ Смоленской губ. въ 50-хъ годахъ. Дворяне безъ крестьянъ жили отдѣльными селами, обрабатывая клочки своихъ земель, и на этихъ дворянъ, главнымъ образомъ, направлялись мѣры правительства къ переселенію ихъ. Дворяне, имѣвшіе менѣе 20 душъ, приближались къ крестьянамъ; они или совершенно не служили, или послѣ кратковременной службы жили безвыѣздно въ деревняхъ. Имѣвшіе отъ 21 до 100 душъ очень быстро оставляли службу и также круглый годъ жили въ деревнѣ. Помѣщики, у которыхъ было отъ 100 до 500 душъ, зимою жили обыкновенно въ городахъ; лѣтомъ неслужащіе жили въ имѣніяхъ или для отдыха, или для веденія хозяйства. И, наконецъ, помѣщики, имѣвшіе болѣе 500 душъ, очень рѣдко занимались сами хозяйствомъ, рѣдко жили въ имѣніяхъ, проводя время большею частью въ столицахъ. Тѣмъ не менѣе, по указанію автора, двумя третями помѣщичьихъ крестьянъ управляли сами помѣщики, и не болѣе одной трети крестьянъ поручалось управленію наемныхъ управляющихъ или бурмистровъ изъ крестьянъ [3]). В. Преображенскій опредѣлялъ количество помѣщиковъ, живущихъ въ имѣніяхъ въ Тверской губ., приблизительно въ $^1/_4$ всего ихъ числа [4]).

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 426. Конечно, съ замѣчаніемъ Гакстгаузена о прекращеніи оброчнаго положенія въ Великороссіи можно отчасти согласиться только относительно мѣстностей, выгодныхъ для земледѣлія.

[2]) Указ. соч., т. III, стр. 63.

[3]) Я. Соловьевъ. «Сельскохоз. статист. Смол. губ.», стр. 193—194.

[4]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ.», стр. 103.

Господ́ство той или другой системы помѣщичьяго хозяйства отзывалось на крестьянахъ прежде всего въ количествѣ земли, отводимой имъ помѣщиками. Въ XVIII вѣкѣ, по указанію В. И. Семевскаго, согласно свидѣтельствамъ современниковъ, въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ вся земля была въ пользованіи крестьянъ, количество же смѣшанныхъ вотчинъ было ничтожно, поэтому можно считать, что въ оброчныхъ имѣніяхъ почти вся земля была отдана крестьянамъ. Нужно замѣтить при этомъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ въ XVIII вѣкѣ крестьяне пользовались лѣсомъ весьма свободно. Средній надѣлъ на душу равнялся 13½ десятинамъ, въ числѣ которыхъ было 4 десятины пашни. Въ барщинныхъ имѣніяхъ въ XVIII в. на долю крестьянъ приходилось приблизительно $^2/_3$ всей помѣщичьей земли; на душу въ среднемъ по 8-ми десятинъ въ черноземной полосѣ и 7 десятинъ — въ черноземной. Нельзя забывать, что въ этотъ приблизительный надѣлъ включенъ и лѣсъ, которымъ крестьяне пользовались подъ наблюденіемъ помѣщика, или имъ отводились отдѣльные лѣсные участки [1]). Въ XIX вѣкѣ отношеніе между господскою и крестьянскою удобною землею (безъ лѣса) выражается въ слѣдующихъ цифрахъ [2]).

Губерніи.	% всей удобной земли безъ лѣса. У крестьянъ.	У помѣщиковъ.	Губерніи.	% всей удобной земли безъ лѣса. У крестьянъ.	У помѣщиковъ.
1. Петербургская.	79,66	20,34	14. Пензенская . .	57,25	42.75
2. Владимирская .	79,52	20.48	15. Рязанская. . .	52,60	47.40
3. Ярославская .	79,23	20,77	16. Тульская . . .	52,00	48.00
4. Нижегородская.	79,20	20,80	17. Костромская. .	50.02	49,98
5. Тверская . . .	77,18	22,82	18. Саратовская. .	47,76	52,24
6. Калужская . .	76,02	23,98	19. Курская. . . .	47,25	52.75
7. Вологодская. .	73,37	26.63	20. Тамбовская . .	47,20	52,80
8. Смоленская . .	71,41	28,59	21. Орловская. . .	46,67	52.33
9. Псковская . .	68,24	31,76	22. Воронежская. .	46,05	53,95
10. Новгородская .	67,45	32,55	23. Самарская. . .	37,00	63.00
11. Олонецкая . .	65,61	34,39	24. Харьковская. .	31,82	68,18
12. Черниговская .	61,35	38,65	25. Полтавская . .	31,37	68,63
13. Симбирская . .	57,26	42,74	26. Екатеринослав.	18,43	81,57

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II», т. I, стр. 34—36.

[2]) См. таблицу № 3. Таблица вычислена по образцу работы кн. Волконскаго, на основаніи свѣдѣній о помѣщичьихъ и крестьянскихъ земляхъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком. (т. I—IV и VI); цифра по Рязанской губ. взята изъ работы кн. Волконскаго. Относительно этихъ свѣдѣній нужно замѣтить, что они очень неполны и неясны. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянская земля не

На этой таблицѣ отражается раздѣленіе крѣпостной Россіи на двѣ половины, сообразно принятой системѣ хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: въ нечерноземныхъ съ преобладаніемъ процента оброчныхъ крестьянъ замѣтно преобладаніе крестьянской земли надъ господскою; въ черноземныхъ же губерніяхъ, гдѣ преобладалъ процентъ издѣльныхъ, замѣчается или равномѣрное распредѣленіе удобной земли между помѣщиками и крестьянами, или же преобладаніе господской земли надъ землею, находящейся въ пользованіи крестьянъ. Въ Екатеринославской губ. количество крестьянской земли спускается ниже $^1/_5$ части всей земли, но это объясняется въ значительной степени малонаселенностью этой губерніи.

Въ дѣйствительности, крестьяне, кромѣ показаннаго количества земли, въ большинствѣ случаевъ пользовались и лѣсомъ для своихъ нуждъ: отопленіе, постройки, ремонтъ ихъ и т. д.; иногда помѣщичьимъ лѣсомъ крестьяне пользовались для своихъ подсобныхъ лѣсныхъ промысловъ; въ рѣдкихъ случаяхъ крестьянамъ отводились особые лѣсные участки, чаще они пользовались лѣсомъ съ разрѣшенія и подъ контролемъ помѣщика. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ помѣщики стали дорожить ими и стѣснять крестьянъ въ пользованіи лѣсомъ. Такъ Н. А. Крыловъ указываетъ, что Симбирская губернія, считавшаяся въ началѣ XIX вѣка лѣсистою, къ 50-мъ годамъ стала почти степною. Ко времени реформы помѣщики стали уже заботиться о сохраненіи лѣсовъ, стѣсняли пользованіе ими, назначали караульщиковъ и полѣсовщиковъ. За самовольныя порубки крестьянъ наказывали, хотя послѣдніе все же продолжали смотрѣть на лѣсъ, какъ общее достояніе [1]). Въ Черниговской губерніи, судя по Приложеніямъ къ Труд. Редакціон. Комиссій, крестьяне продолжали большею частью пользоваться лѣсомъ безплатно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ 23-хъ имѣніяхъ) пользовались имъ за извѣстное количество рабочихъ дней или иную плату; въ очень рѣдкихъ случаяхъ были выдѣлены особые участки лѣса.

показана, и въ такомъ случаѣ приходилось совершенно выпускать имѣніе, что уменьшало количество крестьянъ, относительно которыхъ дѣлался выводъ.

[1]) Н. А. Крыловъ. «Накан. вел. реф.» «Истор. Вѣстн.», 1903 г., кн. IX, стр. 816.

Сравнивая это распредѣленіе съ приблизительнымъ распредѣленіемъ земли въ XVIII вѣкѣ, нужно отмѣтить измѣненіе отнюдь не въ пользу крестьянъ. Количество удобной земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, не поднимается выше $^4/_5$ всей удобной земли даже въ губерніяхъ съ наибольшимъ процентомъ оброчныхъ, опускаясь въ то же время въ черноземныхъ губерніяхъ ниже половины всей удобной земли; въ XVIII вѣкѣ, какъ сказано, количество земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, очень часто вдвое превосходило то, какое оставалось за господиномъ. Это указываетъ на ухудшеніе положенія крестьянъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII.

Такое уменьшеніе количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, зависѣло, главнымъ образомъ, отъ развитія помѣщичьяго барщиннаго хозяйства. Пока господинъ не дорожилъ собственною запашкою, онъ предоставлялъ большую часть земель крестьянамъ. Въ XIX вѣкѣ, при увеличеніи потребностей помѣщиковъ, потребовалось повышеніе дохода съ имѣнія, при чемъ требовался преимущественно денежный доходъ. Результатомъ явилось стремленіе увеличить барщинную запашку для производства сельскихъ продуктовъ въ большемъ количествѣ для сбыта на рынкѣ; понятно, такое увеличеніе запашки шло на счетъ крестьянскихъ земель. Барщинная запашка заводилась даже въ нечерноземныхъ губерніяхъ, что было, какъ сказано, одною изъ причинъ распространенія смѣшанныхъ повинностей крестьянъ.

Уменьшеніе относительнаго количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, еще неблагопріятнѣе вліяло на положеніе послѣднихъ потому, что населеніе продолжало возрастать. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы при увеличеніи населенія поглощать все бо́льшую и бо́льшую часть помѣщичьихъ земель, крестьянское землепользованіе, напротивъ, все болѣе и болѣе уменьшалось. Такъ какъ въ нечерноземныхъ, оброчныхъ губерніяхъ отношеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель измѣнилось менѣе всего, то здѣсь можно лишній разъ подчеркнуть преимущества положенія оброчныхъ крестьянъ передъ барщинными.

Различіе между положеніемъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ яснѣе раскрывается изъ разсмотрѣнія среднихъ крестьянскихъ надѣловъ, вычисленныхъ на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, о земляхъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Крестьянскіе надѣлы въ XIX вѣкѣ, около времени раскрѣ-

поцѣнія, въ вышеупомянутыхъ двадцати трехъ губерніяхъ были слѣдующіе [1]):

Губерніи.	Удобной земли на 1 рев. душу м. п.	Губерніи.	Удобной земли на 1 рев. душу м. п.
1. Вологодская	8,68	15. Орловская	3,50
2. Новгородская	8,61	16. Калужская	3,38
3. Олонецкая	7,64	17. Екатеринославская .	3,26
4. Петербургская . . .	6,40	18. Пензенская	3,24
5. Костромская	5,85	19. Черниговская	3,17
6. Смоленская	5,29	20. Воронежская	3,02
7. Самарская	5,27	21. Тульская	2,88
8. Псковская	5,04	22. Тамбовская	2,88
9. Ярославская	4,70	23. Московская	2,86
10. Саратовская	4,41	24. Рязанская	2,74
11. Тверская	4,41	25. Харьковская	2,53
12. Нижегородская . . .	3,83	26. Курская	2,48
13. Владимирская	3,72	27. Полтавская	2,04
14. Симбирская	3,52		

При разсмотрѣніи размѣровъ среднихъ надѣловъ замѣчается та же разница между нечерноземными оброчными, и черноземными издѣльными губерніями. По мѣрѣ увеличенія выгодности для помѣщика занятія земледѣліемъ уменьшается и количество удобной земли на ревизскую душу.

---

[1]) См. таблицу № 3. Въ составъ среднихъ надѣловъ входитъ усадебная земля, пахотная, луга, сѣнокосы, если есть, то кустарники, иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, лѣсъ; нужно замѣтить, что зачастую сѣнокосы были расположены въ господскихъ лѣсахъ. По указанію Редакціонныхъ Коммиссій большаго довѣрія заслуживаетъ показанное количество пахотной и усадебной земли; въ показаніяхъ о лугахъ и сѣнокосахъ есть много неточностей, которыя имѣютъ послѣдствіемъ то, что средніе выводы о надѣлахъ, вообще, ниже дѣйствительности; они, впрочемъ, ближе подходятъ къ истинѣ въ черноземной полосѣ, гдѣ пропорція луговъ и сѣнокосовъ къ пахотнымъ землямъ вообще очень мала, и, напротивъ, могутъ быть принимаемы только за приблизительные въ нечерноземныхъ и преимущественно въ малонаселенныхъ губерніяхъ, гдѣ луговые и сѣнокосные надѣлы преобладали надъ пахотными (Скребицкій. «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II», т. III, стр. 826). Крестьянскіе надѣлы въ степныхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Самарской, Екатеринославской, нужно принимать съ особенною осторожностью, ибо здѣсь существовало еще залежное хозяйство, при которомъ надѣлы отличались большою неопредѣленностью. По этой именно причинѣ Редакціонныя Коммиссіи сочли необходимостью назначить въ степныхъ губерніяхъ указные надѣлы. Крестьянскій душевой надѣлъ въ Харьковской, Полтавской, Черниговской и Екатеринославской губ. еще не характеризуетъ степени обезпеченности крестьянъ, ибо въ этихъ губерніяхъ, какъ видно изъ таблицъ №№ 6—10. крестьяне надѣлялись различнымъ количествомъ земли въ зависимости отъ того, имѣлся ли у нихъ скотъ, какой и въ какомъ количествѣ. О положеніи этихъ крестьянъ см. гл. VI.

Замѣчаемое уменьшеніе среднихъ надѣловъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ приблизительными средними надѣлами XVIII вѣка имѣло свою причину прежде всего въ приростѣ населенія при отсутствіи или маломъ количествѣ прирѣзаемой земли. Въ связи съ этимъ стоитъ вліяніе на величину надѣла малоземелья или многоземелья губерній [1]). Вполнѣ естественно, что самая малоземельная губернія (Курская) имѣла въ то же время наименьшій средній душевой надѣлъ удобной земли. Въ силу этой причины въ число губерній съ малымъ надѣломъ попали такія нечерноземныя губерніи, какъ Московская и Владимирская; самое малоземелье этихъ губерній содѣйствовало развитію промышленныхъ занятій среди крѣпостныхъ.

На величину надѣла имѣла вліяніе система земледѣлія. Въ такихъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ: Новгородская, Костромская, Вологодская, гдѣ встрѣчалось мѣстами лядинное хозяйство, выше былъ и надѣлъ. Распространеніемъ переложной системы и многоземельностью объясняются сравнительно большіе надѣлы въ такихъ черноземныхъ губерніяхъ, какъ Самарская, Саратовская, Екатеринославская; какъ было замѣчено, въ дѣйствительности крестьянскіе надѣлы тамъ были, вѣроятно, еще значительнѣе. Веригинъ, управляющій имѣніями Нарышкиныхъ въ 40-хъ годахъ, давалъ въ саратовскомъ степномъ имѣніи Л. А. Нарышкина по 10 дес. удобной земли, кромѣ отведенной подъ поселеніе и большихъ выгоновъ [2]). Въ Общемъ Сводѣ свѣдѣній о состояніи помѣщичьихъ имѣній, представленномъ въ концѣ 50-хъ годовъ въ Земскій Отдѣлъ Мини-

---

[1]) Всей земли (крестьянской и помѣщичьей) на одну ревизскую душу мужескаго пола приходилось слѣдующее количество десятинъ въ разныхъ губерніяхъ (Скребицкій, т. II, стр. 1491—1533).

1. Новгородская	21,4.	14. Ярославская	7,8.
2. Екатеринославская .	19.7.	15. Воронежская	7,3.
3. Петербургская . . .	16,9.	16. Владимирская	7,0.
4. Вологодская	15.7.	17. Нижегородская . . .	7,0.
5. Самарская	15,6.	18. Полтавская	6,8.
6. Костромская	14,3.	19. Калужская	6,5.
7. Псковская	13,3.	20. Тамбовская	6,3.
8. Саратовская	10,3.	21. Пензенская	6,1.
9. Тверская	9,0.	22. Орловская	6,0.
10. Симбирская	8,8.	23. Московская	5,5.
11. Харьковская	8,5.	24. Рязанская	5,3.
12. Смоленская	8,1.	25. Тульская	5,1.
13. Черниговская	8,1.	26. Курская	4,9.

[2]) П. В. Веригинъ. «Записки». «Р. Старина», 1893 г., кн. IV, стр. 135.

стерства Внутреннихъ дѣлъ, показано, что одно крестьянское тягло получало 9 дес. 1470 саж. земли. Въ Екатеринославской губ. крестьяне получали въ многоземельныхъ имѣніяхъ, отдаленныхъ отъ городовъ, столько земли, сколько могли обработать, и лишь недостатокъ времени, занятаго барщиной, и рабочаго скота, мѣшалъ имъ увеличивать свои запашки.

Имѣла значеніе и плодородность почвы губерніи въ связи съ развитіемъ промышленныхъ занятій. При отсутствіи подсобныхъ промысловъ, при неплодородности почвы помѣщику волею-неволею приходилось предоставлять крестьянамъ количество земли, достаточное для поддержанія существованія самого крестьянина и его семьи: въ противномъ случаѣ вся тяжесть содержанія нищаго населенія легла бы на него самого. Впрочемъ, иные помѣщики этимъ не смущались и доводили крестьянъ до нищенства, урѣзывая надѣлъ и налагая повинности и работы выше силъ крестьянина.

Снѣжневскій въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о помѣщичьемъ и крестьянскомъ крѣпостномъ хозяйствѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ съ конца XVIII до 1861 г. приводитъ слѣдующую таблицу, показывающую величину крестьянскаго надѣла и измѣненія въ немъ со времени послѣдняго 10-лѣтія XVIII вѣка. По его вычисленіямъ, надѣлъ пахотной земли на 1 рев. душу съ 1790 — 1800 гг. (по даннымъ о 31 имѣніи) равняется 2,8 дес. (колеблясь отъ 1,5 дес. до 6,1 дес.); покоса приходилось по 0,5 дес. въ среднемъ. Въ XIX вѣкѣ этотъ надѣлъ былъ по десятилѣтіямъ таковъ:

Годы.	Количество имѣній.	Количество селеній.	Пашни дес. на 1 рев. д.	Покоса дес. на 1 рев. д.
1801—1810	2	5	4,5	—
1811—1820	4	12	3,8	0,8
1821—1830	27	53	2,9	0,45
1831—1840	26	33	3,3	0,34
1841—1850	43	51	3,3	0,5
1851—1860	31	60	3,3	0,6

При всей скудости свѣдѣній, изъ которыхъ сдѣланъ выводъ, можно все же сдѣлать заключеніе, что пахотный надѣлъ, повысившись съ 30-хъ годовъ, остался неизмѣннымъ въ этомъ малоземельномъ съ значительно развитыми промыслами уѣздѣ; неизмѣннымъ, приблизительно, оставался и размѣръ покоса [1]).

[1]) Снѣжневскій. «Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства въ Нижегородскомъ уѣздѣ. «Дѣйствія Нижег. Уч. Арх. Ком.», 1905 г., вып. VI, стр. 12.

Въ высшей степени интересно выяснить вопросъ, обезпечивалъ ли земельный надѣлъ лишь минимумъ необходимыхъ средствъ къ существованію, малѣйшее уклоненіе отъ котораго вело уже къ разоренію крестьянина, или же онъ вполнѣ обезпечивалъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей крестьянъ даже въ неблагопріятные для земледѣлія годы. Выясненіе этого вопроса тѣмъ болѣе важно, что Редакціонныя Комиссіи, при опредѣленіи максимума надѣла въ каждой отдѣльной мѣстности, приняли за исходный пунктъ существующій надѣлъ (въ 1859 году), признавъ, что въ крѣпостное время «въ фактѣ преобладающаго надѣла практически выразилось долголѣтнимъ опытомъ дознанное соотношеніе между крестьянскими нуждами и мѣстными средствами, служащими къ ихъ удовлетворенію» [1]).

Для выясненія степени достаточности надѣла для обезпеченія существованія крѣпостного населенія возьмемъ расчетъ Янсона. Янсонъ считаетъ, что въ нечерноземной полосѣ «на тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно, достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ, для того, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и притомъ, если земля не очень ужъ плоха, не можетъ быть, съ усадьбою, менѣе восьми десятинъ» на одну ревизскую душу; при этомъ онъ считаетъ, что изъ этихъ восьми десятинъ можетъ быть по двѣ десятины пахоты въ клину. При такомъ надѣлѣ, при урожаѣ самъ-третей, получится, за вычетомъ сѣмянъ, количество хлѣба, едва достаточное на прокормленіе $2^1/_2$ душъ, т.-е. приблизительно того числа, какое приходится на одну ревизскую душу. Уплата различныхъ денежныхъ повинностей сюда не входитъ. Средніе надѣлы въ нечерноземныхъ губерніяхъ, вычисленные на основаніи Приложеній, показываютъ, что въ большинствѣ нечерноземныхъ губерній средній надѣлъ не достигалъ указанной Янсономъ нормы, въ иныхъ губерніяхъ опускаясь до $^3/_8$ (въ Московской губерніи). Это обстоятельство, т.-е. недостаточность надѣловъ, не давало крестьянамъ возможности существовать, занимаясь земледѣліемъ, и дѣлало необходимыми подсобные промыслы. Въ лучшемъ случаѣ, если предположить, что ошибка при вычисленіяхъ среднихъ надѣловъ, вслѣдствіе неполноты свѣдѣній, достигаетъ двухъ десятинъ, то и тогда въ большей части нечерноземныхъ губерній земельный надѣлъ могъ удовлетворить только продовольственной потребности крѣпостного насе-

[1]) Скребицкій, т. II, стр. 1378.

ленія. Оброки же и уплата подушныхъ ложились всецѣло на подсобные промыслы крѣпостныхъ. Еще больше оттѣняется недостаточность земельнаго обезпеченія при выясненіи количества пахотной земли на одну ревизскую душу. Янсонъ полагаетъ необходимымъ надѣлъ въ шесть десятинъ пахотной земли въ трехъ поляхъ. Между тѣмъ количество пахотной земли въ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ было слѣдующее [1]):

Въ	Нижегородской	губ.	на	1	рев.	душу	приход.	пахоты	2,83 дес.
»	Калужской	»	»	»	»	»	»	»	2,60 »
»	Ярославской	»	»	»	»	»	»	»	2,31 »
»	Тверской	»	»	»	»	»	»	»	2,27 »
»	Олонецкой	»	»	»	»	»	»	»	1,87 »
»	Московской	»	»	»	»	»	»	»	1,63 »

Понятно, что при такомъ количествѣ пахотной земли земледѣліе не могло имѣть главнаго значенія, требуя подсобныхъ промысловъ. Въ этихъ губерніяхъ не могло быть крупнаго, достаточнаго для существованія надѣла и потому, что это были самыя малоземельныя изъ нечерноземныхъ губерній. Въ Нижегородской, Калужской, Московской, Ярославской губерніяхъ даже общее количество помѣщичьей и крестьянской земли не достигало восьми десятинъ, необходимыхъ, согласно Янсону, для обезпеченія одной ревизской души. Насколько недостаточенъ былъ надѣлъ пахотной земли въ Ярославской губерніи, показываетъ расчетъ Гакстгаузена, сдѣланный имъ относительно Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, гдѣ надѣлъ былъ равенъ $2^1/_2$ десятинамъ пахотной земли на мужскую душу, т.-е. почти совпадалъ со среднимъ надѣломъ по губерніи. Гакстгаузенъ считаетъ на каждое изъ трехъ полей по $^3/_4$ десятины. На $^3/_4$ засѣяна рожь, которой собирается при среднемъ урожаѣ въ $2^1/_2$ зерна, за вычетомъ сѣмянъ, $9^1/_2$ четвериковъ; около $^3/_8$ засѣяно ячменемъ; за исключеніемъ сѣмянъ, собрано $4^3/_4$ четверика, итого $14^1/_4$ четвериковъ хлѣба, которые дадутъ 556 фунтовъ хлѣба. Овесъ, посѣянный на остальныхъ $^3/_8$ дес., идетъ на прокормленіе скота и въ расчетъ не принимается. Допуская, что съ надѣла кормится мужчина и женщина (на самомъ дѣлѣ на одну ревизскую мужескаго пола душу приходилось больше, такъ какъ были еще дѣти и старики; кн. Волконскій считаетъ на одну ревизскую мужескаго пола душу — $2^1/_3$ души наличнаго населенія), и

---

[1]) Вычислено на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком., объ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ.

считая круглымъ счетомъ на каждаго человѣка по 1½ ф. хлѣба въ день, Гакстгаузенъ вычисляетъ, что на одного мужчину и одну женщину выйдетъ среднимъ числомъ въ годъ 1,094 ф. хлѣба. Такъ какъ съ надѣла собирается немного болѣе половины этого количества, то является ежегодно дефицитъ въ 538 ф. хлѣба. «Дефицитъ этотъ покрывается покупкою привознаго хлѣба, а это можетъ быть только при помощи побочныхъ ремеслъ и заработковъ» [1]). Бывшій крѣпостной помѣщиковъ — наслѣдниковъ Яковлевыхъ, Пурлевскій, жившій въ громадномъ промышленномъ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, также свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что крестьяне въ ихъ селѣ не довольствовались своимъ хлѣбомъ, а покупали привозный. «Простонародье сѣверныхъ губерній,—говоритъ Пурлевскій,—кормилось почти однимъ чернымъ ржанымъ хлѣбомъ да сѣрыми щами. Калачъ считался лакомствомъ, пряники — богатымъ подаркомъ. Въ крестьянскомъ быту отъ своего скотоводства всѣ молочные скопы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохомъ, толокномъ да рѣпой пареной. Наше село не въ счетъ. Промыслы поставляли намъ средства не въ примѣръ лучше другихъ мѣстъ» [2]).

Обращаясь къ черноземной полосѣ, Янсонъ указываетъ, что для покрытія продовольственной потребности населенія требуется пять десятинъ въ душевомъ надѣлѣ при урожаѣ самъ-четвертъ; при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть никакихъ избытковъ для уплаты денежныхъ повинностей и покрытія другихъ хозяйственныхъ расходовъ. Этому требованію не удовлетворяла ни одна изъ указанныхъ черноземныхъ губерній. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, конечно, были надѣлы, даже превосходящіе указанную норму. Въ степныхъ губерніяхъ хотя и встрѣчались надѣлы, размѣръ которыхъ былъ замѣтно выше пяти десятинъ, но нельзя забывать, что здѣсь существовало залежное хозяйство, требующее много земли.

Количество пахотной земли было здѣсь также далеко недостаточно. Янсонъ приблизительно вычисляетъ, что въ душевомъ надѣлѣ необходимо имѣть десятины четыре пахотной земли. Между тѣмъ въ пяти черноземныхъ губерніяхъ, относительно которыхъ вычислено количество пахотной земли на

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 118—119.

[2]) «Воспоминанія крѣпостного». «Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 7, стр. 342.

одну ревизскую душу [1]), душевой надѣлъ пахоты былъ слѣдующій:

Самарская	3,68 дес.
Саратовская	3,32 »
Симбирская	2,28 »
Тульская	2.33 »
Курская	2 »

Сравнительная ничтожность надѣла говоритъ сама за себя. Само собою разумѣется, что при такомъ надѣлѣ всякіе денежные поборы, въ видѣ оброковъ, подушныхъ и пр., или ложились на промысловые заработки крестьянъ, или же вели къ ихъ разоренію. Этимъ, быть-можетъ, и объясняется, что отпускъ крестьянъ на оброкъ въ черноземныхъ губерніяхъ не всегда велъ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ.

Гакстгаузенъ свидѣтельствуетъ, что въ приволжской мѣстности (въ Симбирской губ.) «барщинныя деревни много богаче и лучше оброчныхъ» [2]). Тепловъ, помѣщикъ Орловской губ., указываетъ также, что въ мѣстности, гдѣ лежало его имѣніе (преимущественно земледѣльческой за отсутствіемъ промысловыхъ занятій), «оброкъ часто бываетъ обременительнѣе барщины». Этимъ и нужно объяснить, что, несмотря на позволеніе Теплова откупаться отъ барщины на оброкъ, крестьяне, даже самые зажиточные, упорно отказывались переходить на оброкъ, такъ что помѣщикъ, выведенный изъ терпѣнія «упрямствомъ» крестьянъ, насильственно перевелъ пятьдесятъ самыхъ исправныхъ тяголъ на оброкъ [3]). Оброкъ въ черноземныхъ губерніяхъ могъ быть выгоденъ только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если помѣщикъ отводилъ большой надѣлъ, и во-вторыхъ, если есть выгодныя промысловыя занятія. Такъ, въ той же мѣстности, гдѣ Гакстгаузенъ замѣтилъ бѣдность оброчныхъ крестьянъ сравнительно съ барщинными, онъ указываетъ на деревни гр. Орловой, расположенныя на мысѣ, образуемомъ Волгою. Часть деревень состояла на оброкѣ, часть на барщинѣ; «первыя много богаче послѣднихъ, такъ какъ близость Волги даетъ возможность заработковъ въ различныхъ промыслахъ» [4]). Никольскій, указывая относительно

---

[1]) На основаніи свѣдѣній о пахотной землѣ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 348.

[3]) Тепловъ. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ». Москва, 1870 г., стр. 20, 21.

[4]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 348.

Балашовскаго уѣзда Саратовской губ., что по справедливости оброчные крестьяне должны получать двойную пропорцію земли, сравнительно съ барщинными крестьянами, говоритъ, что это дѣлается иногда, но «въ нѣкоторыхъ (имѣніяхъ) и они не получаютъ болѣе, а только для излишняго земледѣлія своего снимаютъ землю на сторонѣ» [1]).

Изъ указанной недостаточности надѣла вытекаетъ и другой выводъ: въ лучшемъ случаѣ, при среднемъ урожаѣ крестьянинъ могъ удовлетворить со своего надѣла первыя, необходимыя продовольственныя потребности. Этотъ выводъ подтверждается свидѣтельствомъ современниковъ. Н. Н. Муравьевъ, авторъ примѣчаній къ изданному въ 1830 г. русскому переводу сочиненія Тэра «Основанія сельскаго хозяйства», говоритъ: «каждому тяглу потребно 1½ дес. пахотной земли въ полѣ, а въ трехъ — 4½, сѣнокосу — по 2 десятины, подъ поселеніе и огороды ½ десятины, лѣсныхъ дачъ и выгоновъ 1 десятина: итого 8 д. на тягло» [2]); такъ какъ Муравьевъ считаетъ на одно тягло по двѣ ревизскихъ души, то на одну ревизскую душу приходится по четыре десятины. Я. Соловьевъ, пытаясь вычислить бюджетъ помѣщичьяго крестьянина Смоленской губ., указываетъ, что «крестьянинъ, не говоря объ исключеніяхъ, проживаетъ все, что получаетъ» [3]). В. Преображенскій дѣлаетъ общее указаніе относительно Тверской губ., что при урожаѣ ржи самъ-3½, а ярового — самъ-3 «въ ржаномъ хлѣбѣ уже будетъ недостатокъ, который въ неурожайные годы доходитъ до 300.000 четвертей и заставляетъ часть земледѣльцевъ искать пропитаніе на сторонѣ, а достаточныхъ — покупать хлѣбъ съ января мѣсяца» [4]). «Поля даютъ хлѣбъ помѣщику на прожитокъ, а крестьянину— для прокормленія себя съ семьей и частью на уплату разныхъ государственныхъ и своихъ общественныхъ повинностей» — таково мнѣніе Веригина, управлявшаго въ 30-хъ и 40-хъ годахъ обширными имѣніями Л. А., а затѣмъ Э. Д. Нарышкиныхъ въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ» [5]).

М. Н. Семеновъ, авторъ «Руководства къ управленію имѣніемъ», помѣщикъ Рязанской губ. Ранненбургскаго уѣзда,

---

[1]) А. Никольскій. «Хозяйств. описаніе Балашовск. у., Саратовской губ.». Сбп. 1855 г., стр. 59.

[2]) Кн. Волконскій. «Условія помѣщ. хозяйства при крѣп. правѣ», стр. 23.

[3]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. статист. Смол. губ.», стр. 229.

[4]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ.». стр. 276—277.

[5]) Веригинъ. «Записки». «Русская Старина». 1893 г., кн. VII, стр. 17.

считаетъ необходимымъ давать на тягло 8½ дес. удобной земли (или 3,6 дес. на 1 рев. душу) (усадьба, сѣнокосъ, конопляники и пашня). Этотъ надѣлъ былъ разсчитанъ Семеновымъ такъ, чтобы при среднемъ урожаѣ крестьяне могли получать ровно столько, сколько нужно было на продовольствіе, считая по двѣ четверти ржи на ѣдока. При большемъ урожаѣ получился бы излишекъ хлѣба, при меньшемъ—недостатокъ [1]). Если обратиться къ среднему надѣлу въ Рязанской губерніи, то надѣлъ окажется ниже надѣла, необходимаго, по указанію Семенова, для продовольствія одной ревизской души. Если даже допустить, что такой низкій размѣръ надѣла составляетъ результатъ неполноты свѣдѣній о крестьянской землѣ, все-таки придется признать, что въ лучшемъ случаѣ средній земельный надѣлъ обезпечивалъ только полученіе минимума необходимыхъ средствъ существованія. При неурожаѣ же крестьянинъ оказывался совершенно необезпеченнымъ и требовалъ себѣ продовольственной и хозяйственной помощи. Г. Повалишинъ, описывая организацію хозяйства помѣщика К. В. Рязанской губ., считавшагося образцовымъ хозяиномъ, отнюдь не притѣсняющимъ своихъ крестьянъ, указываетъ на ту же ограниченность надѣла крестьянъ. «Нерѣдко происходившіе въ имѣніи неурожаи воочію доказывали, что въ такіе годы большая часть крестьянъ не только не въ силахъ уплатить повинности, но даже не можетъ продовольствовать себя собственнымъ хлѣбомъ» [2]). Выясняя, что̀ считалось нормальнымъ строемъ крѣпостного хозяйства, основаннаго на барщинномъ трудѣ въ Рязанской губ., Повалишинъ дѣлаетъ выводъ, который можно до извѣстной степени распространить и на всю Россію: «пріобрѣтаемыя крестьянами отъ ихъ помѣщиковъ выгоды обезпечивали имъ лишь минимумъ существованія и не давали возможности даже въ отдаленномъ будущемъ думать объ улучшеніи этого положенія, путемъ пріобрѣтенія какихъ-либо средствъ для болѣе сноснаго человѣческаго существованія. Наоборотъ, весь ходъ помѣщичьяго хозяйства давалъ основаніе заключить о переходѣ крестьянъ въ совершенное рабство, т.-е. объ ухудшеніи даже этого худого положенія» [3]).

---

[1]) Кн. Волконскій, указ. сочин., стр. 27.

[2]) Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, т. XIV, вып. I, 1899 г., Ст. Повалишина: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 50.

ГЛАВА III.

Оброчные крестьяне.— Величина оброка.— Занятія оброчныхъ крестьянъ.— Самоуправленіе.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что средніе надѣлы, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, такъ и въ нечерноземныхъ, въ лучшемъ случаѣ, только обезпечивали существованіе крѣпостного населенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякія денежныя повинности падали всею тяжестью не на землю, а на подсобные промыслы. Баронъ Гакстгаузенъ, такъ мѣтко и ярко характеризовавшій нѣкоторыя явленія въ помѣщичьемъ крѣпостномъ хозяйствѣ въ сороковыхъ годахъ, подмѣтилъ и это обстоятельство. «Оброкъ крѣпостныхъ, — говоритъ онъ,— лежитъ не на землѣ, которую помѣщикъ даетъ крестьянину, но на его рабочей силѣ и его промыслѣ» [1]). Большее или меньшее соотвѣтствіе между оброками и земельными надѣлами можно замѣтить только въ мѣстностяхъ, гдѣ не были развиты подсобные промыслы, а потому оброкъ можно было взимать только давая лишнюю землю. Напримѣръ, въ Тульской и Тамбовской губ., какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, оброчнымъ давалось больше земли, сравнительно съ издѣльными. Въ Тамбовской губ. въ иныхъ мѣстахъ оброчные крестьяне получали отъ 6 — $7\frac{1}{2}$ дес. въ душевой надѣлъ (въ томъ числѣ $1\frac{1}{2}$ дес. сѣнокоса [2]). Въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губ. въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ оброчнымъ крестьянамъ давали вдвое больше земли, чѣмъ издѣльнымъ [3]). Въ имѣніи графа Воронцова-Дашкова Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ., издѣльные получали по 6 десятинъ, оброчные — по 12 десятинъ на тягло [4]). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ видно изъ тѣхъ же примѣчаній, самый оброкъ опредѣлялся количествомъ десятинъ, которое давалось въ надѣлъ оброчнымъ крестьянамъ; оброкъ взимался подесятинно, при чемъ съ десятины брали около

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 220.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 285.

[3]) Никольскій, «Хозяйств. описаніе Балашовск. у. Сарат. губ.», стр. 59.

[4]) Приложенія къ Тр. Ред. Ком., т. III, Моршанск. уѣздъ, № 2.

2-хъ и болѣе рублей. Большею же частью оброкъ не находился въ связи съ даваемымъ количествомъ земли. Напримѣръ, въ селѣ Великомъ наслѣдниковъ Яковлевыхъ, Ярославской губ. [1]), на 1743 оброчныхъ крестьянъ приходилось 1723 дес. удобной земли, т.-е. по 0,98 дес. на душу; между тѣмъ въ этомъ имѣніи съ тягла брали по 21 руб. или 17.230 руб. со всего общества, да кромѣ того 10.037 руб. 8 коп. на мірскіе расходы и на подати. Въ другомъ имѣніи той же Ярославской губ., селѣ Порѣчьѣ гр. Панина, при надѣлѣ въ 1,64 дес., брали оброку по 7 руб. съ души (9 руб. 30 коп. съ тягла) и 5 рублей на мірскіе расходы. Въ одной деревнѣ кн. Гагарина Нижегородской губ., въ 30 верстахъ отъ Арзамаса, земельный надѣлъ былъ такъ незначителенъ (1½ дес. пашни и луга на душу при необходимости покупать дрова на отопленіе), что полевое и домашнее хозяйство вели бабы, старики и дѣти, а бо́льшая часть здоровыхъ мужчинъ уходила изъ деревни весною и возвращалась только къ зимѣ, занимаясь бурлачествомъ на Волгѣ. Имъ приходилось платить 50 руб. ассигнаціями съ тягла [2]). Въ Тверской губ. въ бо́льшей части имѣній оброкъ «по малоземелью и скудости почвы» зарабатывали на сторонѣ. Если въ семьѣ было три брата или даже два брата съ подростками, дѣвушками или освобожденными отъ оброка стариками, то одинъ братъ непремѣнно уходилъ на сторону, преимущественно въ большіе города и столицы [3]).

Въ XVIII вѣкѣ, во вторую половину царствованія Екатерины II, средняя величина оброка равнялась 5 руб. съ души; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оброкъ повышался до 20 руб. съ тягла (ежегодно). Для сравненія этихъ оброковъ съ оброками, взимавшимися съ крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ, необходимо принять во вниманіе, что рубль восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ VIII столѣтія равнялся самое большое полутора рублямъ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Слѣдовательно, при переводѣ денежныхъ оброковъ второй половины царствованія Екатерины II на деньги пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія средняя величина оброка будетъ равняться 7 руб. 50 коп. съ души, доходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до

---

[1]) Приложенія къ Трудамъ Редакціонной Комиссіи, т. IV. Ярославскій уѣздъ, № 35.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 220.

[3]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ.», стр. 102.

30 руб. съ тягла [1]). Въ XIX вѣкѣ средніе, чисто-денежные оброки представляются въ слѣдующемъ видѣ [2]):

Губерніи.	Средній оброкъ съ тягла.	Губерніи.	Средній оброкъ съ тягла.
1. Самарская	27 р. 56 к.	13. Рязанская	19 р. 34 к.
2. С.-Петербургская . .	27 » 26 »	14. Симбирская	18 » 93 »
3. Саратовская	26 » 11 »	15. Нижегородская . . .	18 » 76 »
4. Тульская	23 » 38 »	16. Воронежская	18 » 46 »
5. Орловская	22 » 14 »	17. Вологодская	17 » 83 »
6. Пензенская	20 » 3 »	18. Московская	17 » 67 »
7. Ярославская	20 » 3 »	19. Тверская	17 » 53 »
8. Калужская	19 » 77 »	20. Владимирская . . .	17 » 27 »
9. Тамбовская	19 » 75 »	21. Харьковская	17 » 02 »
10. Новгородская . . .	19 » 55 »	22. Смоленская	16 » 82 »
11. Псковская	19 » 55 »	23. Курская	15 » 60 »
12. Костромская	19 » 40 »	24. Олонецкая	12 » 51 »

Изъ таблицы видно, что оброки сильно повысились съ конца XVIII вѣка.

---

[1]) Для сравненія цѣнности рубль второй половины царствованія Екатерины II съ цѣнностью рубля въ половинѣ XIX столѣтія взяты среднія цѣны въ копейкахъ на одну четверть ржи (Тульская, Тамбовская и Ярославская губ.), пшеницы и овса (Ярославская губ.) конца XVIII вѣка и пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Данныя для XIX стол. взяты изъ доклада Высочайше утвержденной Комиссіи для изслѣдованія положенія сельск. хоз. (Прилож. II—V. Спб., 1873). Получилось слѣдующее отношеніе цѣнъ:

	XIX в.	XVIII в.
Тульская губ.		
рожь въ 1780 гг. . .	437	240=1,8
» » 1790 » . .	437	285=1,5.
Тамбовская губ.		
рожь въ 1797 г. . .	250	232=1

	XIX в.	XVIII в.
Ярославская губ.		
рожь въ 1780 гг. . .	361	329=1,1
» » 1790 » . .	361	480=0,7
пшен. » 1780 » . .	698	500=1,4
» » 1790 » . .	698	727=1
овесъ » 1780 » . .	237	162=1,5
» » 1790 » . .	237	265=0,9
		1,2

Итакъ, одинъ рубль пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія равнялся 1,2 рубля конца прошлаго столѣтія. Принимая во вниманіе недостаточность данныхъ, и во избѣжаніе опасности уменьшить средніе оброки XVIII в. и сдѣлать поэтому выводъ изъ сравненій оброковъ XVIII и XIX вѣковъ слишкомъ неблагопріятнымъ для послѣдняго,— можно принять, что цѣнность рубля конца XVIII вѣка самое большое была въ полтора раза выше цѣнности рубля половины XIX вѣка.

[2]) Средніе оброки по двадцати четыремъ черноземнымъ и нечерноземнымъ губерніямъ вычислены на основаніи Приложеній къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій ст. I—IV и VI), по образцу работы кн. Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ», гл. III). Цифра по Рязанской губерніи взята изъ его работы (см. таблицу № 3). Низкій оброкъ въ Олонецкой губерніи объясняется малымъ количествомъ чисто оброчныхъ имѣній

Какъ видно, высота оброковъ сильно колебалась, и это зависѣло отъ разнообразныхъ причинъ. Какъ на самое распредѣленіе барщинной и оброчной системы помѣщичьяго хозяйства имѣли вліяніе удобства для земледѣлія, такъ и здѣсь выступаетъ вліяніе той же причины. При выгодности веденія сельскаго хозяйства, помѣщики переводили на оброкъ только тѣхъ крестьянъ, съ которыхъ можно было взять большой оброкъ, замѣняющій тотъ доходъ, который помѣщикъ получалъ бы съ него, заставляя крестьянина работать на барщинѣ. Дѣйствительно, на первыхъ мѣстахъ по величинѣ оброка мы видимъ черноземныя губерніи. Но здѣсь же вліяетъ и другая причина, понижающая оброкъ: малоземелье и переселеніе помѣщичьихъ имѣній. При малоземельѣ помѣщикъ былъ вынужденъ или переводить крестьянъ въ затяглые и не требовать съ нихъ почти никакихъ повинностей, или переводить ихъ на оброкъ, хотя бы и незначительный. Потому-то, вѣроятно, самый низкій оброкъ замѣчается въ Курской, плодородной земледѣльческой губерніи.

Необходимость отпускать иногда крестьянъ на незначительный оброкъ зависѣла также отъ другого обстоятельства: отъ наличности или отсутствія подсобныхъ промысловъ. Чѣмъ незначительнѣе были подсобные промыслы, тѣмъ труднѣе было брать съ оброчныхъ крестьянъ высокій оброкъ, и наоборотъ. Оттого-то мы и видимъ на первомъ мѣстѣ по величинѣ оброка С.-Петербургскую губернію. Подстоличные и столичные заработки позволяли брать съ крестьянъ этой губерніи высокіе оброки. Кавелинъ указываетъ, что одинъ господинъ бралъ съ каждаго изъ своихъ крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ въ С.-Петербургѣ, по 450 руб. сер. Масса оброчниковъ платила по 60 руб. сер. съ тягла [1]). Высокій оброкъ, отмѣчаемый въ Ярославской губ., безъ сомнѣнія, также зависѣлъ отъ развитія отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ. На величину оброка имѣли затѣмъ вліяніе размѣръ имѣнія

и отсутствіемъ въ нихъ помѣщиковъ. Въ Олонецкой губ. въ смѣшанныхъ имѣніяхъ оброки были выше и колебались отъ 14 до 30 рублей съ тягла. По Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губ. не вычислена средняя величина оброка по недостатку свѣдѣній. Въ Екатеринославской губ. оброкъ отмѣченъ лишь въ 2-хъ имѣніяхъ, гдѣ платили въ одномъ имѣніи по 34 р. 30 к. а въ другомъ по 42 р. 50 к. съ тягла; въ Черниговской губ. съ полныхъ хозяйствъ брали рублей 20 въ среднемъ, а съ безземельныхъ— по 10 руб.; въ Полтавской оброки колебались отъ 1 р. 50 к. до 75 р. съ души.

[1]) Кавелинъ, т. II, стр. 13.

и величина всего состоянія помѣщика. При невозможности успѣшно вести барщинное хозяйство безъ личнаго контроля при крупномъ размѣрѣ имѣнія, помѣщикъ долженъ былъ отпускать или всѣхъ, или часть крестьянъ хотя бы на низкій оброкъ. Богатство помѣщика также позволяло ему довольствоваться ничтожнымъ сравнительно оброкомъ. Это хорошо иллюстрируется примѣромъ Воронежской губерніи. По величинѣ средняго оброка эта черноземная губернія занимаетъ мѣсто среди нечерноземныхъ. Выключеніе одного имѣнія крупнѣйшаго помѣщика, гр. Шереметева, повышаетъ оброкъ до 28 руб. 50 коп. [1]) и ставитъ ее на первое мѣсто по величинѣ оброка. По этой же причинѣ, несомнѣнно, въ разрядъ губерній съ низкими оброками попала черноземная, почти исключительно барщинная, Харьковская губ. Здѣсь при незначительномъ общемъ количествѣ оброчныхъ крестьянъ были очень крупныя, чисто оброчныя имѣнія гр. Шереметева, кн. Юсупова, въ которыхъ крестьяне платили незначительные оброки (отъ 2 р. 82 к. до 4 руб. 87 коп. съ души; въ одномъ только имѣніи князя Юсупова Сумскаго уѣзда крестьяне платили по 7 руб. 34 коп. съ души). При отпускѣ же незначительнаго количества крестьянъ на оброкъ, что было типичнымъ для харьковскихъ имѣній, чаще всего брали по 30 руб. съ тягла [2]).

Во многихъ имѣніяхъ къ чисто-денежному оброку, въ XIX столѣтіи такъ же, какъ и въ XVIII, прибавлялись поборы натурою, но, повидимому, они не играли большой роли и были незначительнымъ прибавкомъ къ чисто-денежному оброку. Калужскій губернскій комитетъ, напримѣръ, оцѣнилъ поборы натурою, въ среднемъ, по 3 руб. съ тягла, при чемъ по уѣздамъ поборы колебались между 2 руб. (въ двухъ уѣздахъ) до 5 руб. (въ одномъ уѣздѣ).

По изслѣдованію Снѣжневскаго, въ Нижегородскомъ уѣздѣ при почти неизмѣнившихся цѣнахъ на хлѣбъ оброки съ конца XVIII вѣка увеличились почти вдвое. Въ концѣ XVIII вѣка оброкъ съ души въ Нижегородскомъ уѣздѣ равнялся 4 руб. 75 коп. сер.; въ 1840-хъ гг. онъ уже достигалъ 9 руб. 74 коп., а въ десятилѣтіе 1851 — 1860 гг. равнялся 10 руб 14 коп. сер. Постепенное повышеніе оброковъ и пониженіе благосостоянія крестьянъ Снѣжневскій иллюстрируетъ такими примѣрами. Въ имѣніи Позняковыхъ (село Борисовское и дер. Ройки) крестьяне въ 1827 г. платили съ

[1]) Вычислено на основаніи Приложеній къ Тр. Ред. Ком., т. I.
[2]) Приложенія къ Труду Ред. Ком., т. VI, Харьковская губ.

души по 25 руб. ассигнац. или по 6 руб. сер., имѣя пахотной земли по 2,1 дес. Къ 1849 г. оброки почти удвоились: въ Борисовскомъ платили 14 руб. 10 коп. сер., въ Ройкахъ — по 13 руб. Въ 50-хъ годахъ оброки увеличились въ полтора раза, а съ разными поборами вдвое, при уменьшеніи надѣла на ½ десятины. По расчету Снѣжневскаго, этимъ крестьянамъ приходилось платить въ 1859 г. по 24 руб. сер. въ годъ, т.-е. значительно больше средняго оброка по губерніи въ то же время. Чиновникъ, производившій разслѣдованіе по жалобѣ крестьянъ, въ рапортѣ губернатору замѣтилъ: «Позняковъ сдѣлалъ съ своей стороны все для разоренія своихъ крестьянъ». Конечно, были, наоборотъ, помѣщики, которые оставляли оброкъ безъ измѣненія. Такъ крестьяне того же уѣзда помѣщика Жеребцова платили неизмѣнно до 1859 г. по 4 руб. 72½ коп. сер. съ души. Лишь въ этомъ году оброкъ былъ повышенъ до 7 руб. 50 коп., т.-е. онъ все же не достигъ даже средняго по уѣзду размѣра [1]).

Кромѣ чисто-оброчныхъ имѣній, въ XIX вѣкѣ было большое количество имѣній, гдѣ къ оброку присоединялось, при существованіи барщинной запашки, извѣстное количество барщинныхъ дней въ году и нѣкоторыя другія работы. Такъ, Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ большей части имѣній оброчные крестьяне были обложены сборомъ натурою, при чемъ, если была въ имѣніи барщинная запашка, оброчные давали отъ 4 до 16 рабочихъ дней въ году. Оброкъ съ крѣпостныхъ, состоящихъ на смѣшанной повинности, обыкновенно былъ ниже, чѣмъ съ крестьянъ, состоящихъ на чистомъ оброкѣ. Въ имѣніяхъ, гдѣ часть крестьянъ находилась на чисто-денежномъ оброкѣ, а часть отбывала тѣ или другія барщинныя работы, денежный оброкъ послѣднихъ соотвѣтственно понижался. Нельзя, однако, возводить это въ общее правило. Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были частью на оброкѣ, частью на барщинѣ, часто жилъ самъ помѣщикъ, такъ какъ барщинная запашка требовала личнаго надзора за производствомъ работъ. Живя въ деревнѣ, помѣщикъ лучше зналъ состоятельность своихъ оброчныхъ крестьянъ и, стремясь къ наибольшему использованію рабочей силы крестьянъ, накладывалъ иногда высшіе оброки сравнительно съ оброками крестьянъ тѣхъ имѣній, гдѣ помѣщикъ лично не жилъ.

---

[1]) Снѣжневскій. «Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства въ Нижегородскомъ уѣздѣ». Дѣйст. Нижегор. Уч. Арх. Ком. 1905 г., вып. VI, стр. 14, 19.

Поэтому-то, вѣроятно, по вычисленіямъ Хозяйственнаго отдѣленія Редакціонныхъ Комиссій, касающимся одиннадцати уѣздовъ Владимирской губ., средній оброкъ по уѣздамъ въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне состояли на смѣшанныхъ повинностяхъ, былъ только въ одномъ случаѣ ниже, а въ остальныхъ уѣздахъ выше средняго оброка въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ [1]).

Эти смѣшанныя повинности, при которыхъ крестьянину приходилось разрываться между земледѣліемъ и промышленностью, были въ большинствѣ случаевъ крайне тяжелы для крестьянъ [2]). Въ Калужской губ., гдѣ, по замѣчанію въ «Общемъ Сводѣ статистическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ», «общій характеръ... хозяйствъ — смѣшанный, т.-е. доходы взимаются частью оброкомъ, частью обработкою запашекъ», встрѣчались яркіе образчики положенія крестьянъ, стоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ.

Въ имѣніи Доломанова Медынскаго уѣзда крестьяне до 1834 г., когда они перешли во владѣніе этого помѣщика, состояли на чистомъ оброкѣ, платя по 60 руб. ассигнац. съ тягла и не неся никакихъ повинностей, кромѣ ночныхъ карауловъ и возки дровъ для господскаго дома. Земли у нихъ было достаточно; на тягло приходилось по 7 дес. пашни въ трехъ поляхъ и до 100 пуд. сѣна, и крестьяне жили въ достаткѣ. Доломановъ повысилъ оброкъ до 75 руб. ассигнац. и установилъ небольшую барщину. Съ годами господская запашка увеличивалась, росъ оброкъ, а количество крестьянской земли уменьшалось. Къ 1860 г. крестьянскіе надѣлы уменьшились съ 7 дес. до 5½ на тягло, количество сѣна со 100 пуд. до 40, по показанію крестьянъ, и до 70, по показанію самого Доломанова. Изъ 165 тяголъ, по показанію помѣщика, 145 состояли на смѣшанныхъ повинностяхъ и 20 на чистой барщинѣ, отбывая ее на винокуренномъ заводѣ и помогая остальнымъ въ полевыхъ работахъ «лишь въ свободное отъ

---

[1]) Первое изданіе Трудовъ Редакціонныхъ Комиссій, т. XVI, кн. II, стр. 20.

[2]) На это есть и косвенныя указанія. Вышеуказанный оброкъ по Калужской губ. (19 р. 77 к. съ тягла) вычисленъ на основаніи данныхъ о чисто-оброчныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ было болѣе 100 душъ. Калужскій же губернскій комитетъ опредѣлилъ средній оброкъ по губерніи «съ повинностями, переложенными на деньги», въ 26 р. съ копейками. Правда, при вычисленіи этого оброка принимались во вниманіе и имѣнія, гдѣ было менѣе 100 душъ, что могло повысить оброкъ; кромѣ того, нужно обратить вниманіе на замѣчаніе въ «Общемъ Сводѣ свѣдѣній о состояніи помѣщичьихъ имѣній», представленномъ въ Земскій Отдѣлъ М. В. Д., что средній оброкъ, «за вычетомъ на госпиталя», равняется 22 р. 50 к. сер.

заводскихъ работъ время». Смѣшаннымъ 145 тягламъ приходилось платить денежный оброкъ по 25 руб. 68 коп. сер. съ тягла и обрабатывать до 150 десятинъ въ озимомъ и яровомъ поляхъ, т.-е. по 1 дес. на тягло. Осеннія и зимнія работы приходилось выполнять женщинамъ и подросткамъ, такъ какъ мужчины послѣ уборки хлѣбовъ уходили на заработки, чтобы было чѣмъ уплатить оброкъ. Помимо этого каждая женщина должна была доставить по 10 аршинъ холста изъ своего льна и выпрясть изъ господской волны (шерсти) по 4 аршина сукна; вдовы и дѣвушки должны были доставлять въ лѣто по 3 фун. сушеныхъ грибовъ или уплатить ихъ стоимость деньгами по существующимъ цѣнамъ. Женщины сверхъ этого пололи морковь для конскаго завода и перебирали картофель для крахмальнаго. Къ столь тяжелому экономическому положенію присоединялась крайняя строгость и требовательность помѣщика при работахъ, преслѣдованіе имъ раскола среди крестьянъ и различныя вымогательства (взиманіе денегъ за перечисленіе дѣтей, взятыхъ въ дворовые, обратно въ тяглые крестьяне, за освобожденіе отъ рекрутской повинности, отказъ возвратить деньги, взятыя въ долгъ у крестьянъ). Крестьяне не вытерпѣли; въ 1860 г. среди нихъ начались волненія, кончившіяся благополучно для крестьянъ, благодаря энергіи и настойчивости калужскаго губернатора В. А. Арцимовича. Самое характерное въ этомъ дѣлѣ то, что дворянское депутатское собраніе, въ которое было передано дѣло объ этихъ крестьянахъ, признало Доломанова совершенно правымъ. Такъ какъ губернское правленіе не согласилось съ такимъ мнѣніемъ, то дѣло было передано въ Сенатъ, который постановилъ взять имѣніе Доломанова въ опеку. Но дворяне были по своему правы. Рядъ примѣровъ показываетъ, что тяжелое положеніе крестьянъ Доломанова не было исключеніемъ и не выходило изъ общаго уровня положенія крестьянъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ. Крестьяне Доломанова и въ 1860 г., несмотря на такія тяжелыя повинности, сохраняли еще нѣкоторую степень достатка. Положеніе крестьянъ въ другихъ имѣніяхъ Калужской губ. бывало хуже.

Въ Тарусскомъ уѣздѣ въ одномъ имѣніи передъ реформою 209 тяголъ платили по 100 руб. ассигнац. и лѣтомъ несли барщину отъ 20 до 24-хъ дней, а 73 тягла, при оброкѣ въ 50 руб. ассигнаціями, несли барщину круглый годъ. Въ виду возникшихъ волненій помѣщица согласилась обложить всѣхъ безъ исключенія по 15 руб. сер. съ тягла, но съ условіемъ обрабатывать лѣтомъ господскую запашку (100 дес.

въ полѣ) и до 50 дес. сѣнокоса. Въ другомъ имѣніи крестьяне платили по 20 руб. сер. съ тягла и исполняли барщину во все рабочее время съ Пасхи до конца осени. Въ одномъ имѣніи Медынскаго уѣзда смѣшанные крестьяне сверхъ оброка въ 25 руб. сер. съ тягла работали на барщинѣ всю страду и отбывали «многія другія натуральныя повинности»; въ другомъ, обрабатывая господскую запашку и убирая общинные сѣнокосы, крестьяне платили по 17 — 23 руб. съ тягла и т. д. [1]). Въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ имѣніи Пирожникова крестьяне за время отъ 1832 по 1855 гг., кромѣ оброка, (отъ 5 руб. до 7 руб. 15 коп. съ души) обрабатывали на помѣщика каждый отъ 0,9 до 1,3 дес. пашни, помимо сборовъ натурою; надѣлъ же этихъ крестьянъ былъ отъ 2,2 до 3,5 дес. пашни и около 0,4 дес. покоса на душу. Въ имѣніи Вайничъ-Сяножинскаго того же уѣзда положеніе смѣшанныхъ крестьянъ было еще тяжелѣе. Кромѣ довольно крупнаго оброка (10 руб. 30 коп. съ души), крестьяне обрабатывали по 0,5 дес. господской запашки и до 50 дес. луга. Собственный надѣлъ ихъ былъ недостаточенъ: пашни было лишь около 2-хъ десятинъ. При среднемъ урожаѣ имъ хватало своего хлѣба только до ноября. Сѣна они собирали отъ 60 до 75 пуд. на тягло. Положеніе крестьянъ было такъ тяжело, что въ 60-хъ годахъ среди нихъ начались волненія. Еще тяжелѣе было положеніе крестьянъ помѣщиковъ Чиркиковыхъ. Въ 40-хъ годахъ эти крестьяне, имѣя сравнительно большіе надѣлы (по 4 дес. пашни на душу), платили оброкъ по 12 руб. сер. съ души и считали его необременительнымъ. Кромѣ земледѣлія, многіе изъ нихъ занимались вязаніемъ рыболовныхъ сѣтей и ходили на штукатурный промыселъ. Благосостояніе крестьянъ можно видѣть и изъ того, что на каждый дворъ приходилось по 2 лошади и по 2,5 головъ рогатаго скота. Съ переходомъ къ новому владѣльцу, сыну прежняго, положеніе ихъ стало измѣняться. Новый помѣщикъ понизилъ оброкъ до 10 руб. 50 к. съ души, но ввелъ запашку по 0,23 дес. на душу; черезъ нѣкоторое время оброкъ былъ пониженъ до 9 руб. съ души, господская запашка увеличена до одной десятины на душу. «Крестьяне не въ состояніи были исправно платить оброкъ, и помѣщикъ все увеличивалъ свою запашку, оставивъ крестьянамъ около 1,5 дес. на душу». Такъ чисто-оброчные крестьяне были переведены на тяжелыя смѣшанныя повинности, обуслов-

[1]) А. А. Корниловъ. «Крестьянская реформа въ Калужской губерніи», стр. 6—11. С.-Петербургъ. 1904 г.

вившія недоимки, а послѣднія вели къ переводу крестьянъ на барщину. Въ 60-хъ годахъ Чириковъ ввелъ въ имѣніи ежедневную барщину; лишь 75 человѣкъ отпускались на посторонніе заработки съ обязательствомъ отбывать барщину наймомъ, что, по словамъ крестьянъ, имъ обходилось до 35 руб. въ лѣто. Крестьяне жаловались губернатору, что помѣщикъ разоряетъ ихъ работами и поборами. Жалоба крестьянъ по дознанію подтвердилась [1]).

Иногда крестьяне лѣтомъ работали въ имѣніяхъ на барщинѣ и у себя, а зимою отпускались на оброкъ. Такія имѣнія встрѣчались часто, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, въ Новгородской, Тверской, Смоленской губ. Въ Псковской губ. смѣшанная система принимала иногда такой характеръ, что на одинъ дворъ накладывалось $^1/_2$ барщиннаго тягла и $^1/_2$ оброчнаго или на одинъ дворъ — барщину, а на другой — оброкъ; это вело къ тому, что въ одной семьѣ часть мужчинъ шла на оброкъ, а другая оставалась на барщинѣ, или для той же цѣли соединялись два тягла [2]). Иногда въ имѣніи ежегодно отпускалось на оброкъ нѣсколько тяголъ или по выбору владѣльца, или по свободному соглашенію между самими крестьянами.

Барщинная запашка, встрѣчаемая въ нечерноземныхъ губерніяхъ, какъ было указано выше, можетъ объясняться отчасти отсутствіемъ хорошихъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего помѣщикъ нечерноземной полосы могъ выдерживать конкуренцію съ владѣльцемъ черноземнаго имѣнія. Кромѣ того, мелкопомѣстные помѣщики должны были довольствоваться небольшими доходами и, за неимѣніемъ средствъ жить въ столицахъ, должны были поселяться въ имѣніяхъ и заводить хотя небольшія запашки для удовлетворенія своихъ ближайшихъ потребностей. Барщинную запашку заводили и для острастки крестьянъ, такъ какъ послѣдніе боялись барщины и исправнѣе выплачивали оброкъ. Въ имѣніи Шиповой [3]), въ Тверской губ., не платившіе недоимщики назначались, напримѣръ, на господскій хуторъ, обрабатываемый обыкновенно наймомъ. Въ Тверской губ. вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оброчные крестьяне по какимъ-либо причинамъ не могли не только пла-

[1]) В. Снѣжневскій. «Матеріалы для исторіи крѣп. хозяйства». Дѣйствія Нижегор. Уч. Арх. Комиссіи. 1905 г., вып. VI, стр. 15, 16.

[2]) Скребицкій, т. III, стр. 1203. Показаніе членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

[3]) Приложенія къ Трудамъ Ред. Ком., т. IV, Бѣжецкій уѣздъ, № 55.

тить оброка и исполнять натуральныхъ повинностей помѣщикамъ, но даже платить податей въ казну, вводилась барщина [1]). Переводъ съ оброка на барщину, какъ средство борьбы съ недоимщиками, примѣнялся и въ черноземныхъ губерніяхъ. Управляющій тамбовскими имѣніями Л. А. Нарышкина въ концѣ 20-хъ годовъ, Н. В. Веригинъ, напримѣръ, найдя, что въ оброчномъ шацкомъ имѣніи «оброкъ съ 3000 душъ не собирался, а выбивался», всѣхъ недоимщиковъ перевелъ на барщину. Ту же систему примѣнялъ онъ, какъ было указано, въ саратовскихъ имѣніяхъ Л. А. Нарышкина, а затѣмъ въ 40-хъ годахъ въ саратовскихъ и тамбовскихъ имѣніяхъ Э. Д. Нарышкина [2]).

Въ виду недостаточности, въ большинствѣ случаевъ, земельнаго надѣла для обезпеченія денежныхъ платежей крестьянъ, очевидно, что повышеніе оброковъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII могло произойти только вслѣдствіе развитія подсобныхъ промысловъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ на помощь оброчнымъ крестьянамъ являлись земледѣльческіе отхожіе промыслы, такъ какъ, благодаря наличности подобныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, могла производиться эксплуатація обширныхъ плодородныхъ пространствъ малонаселенныхъ южныхъ губерній со слабымъ процентомъ крѣпостного населенія. Иногда, конечно, въ этихъ губерніяхъ встрѣчались промышленныя оброчныя селенія. Такова была, напримѣръ, слобода Михайловка, Новооскольскаго уѣзда, Курской губ., принадлежавшая кн. Потемкиной. Въ ней было всего 5000 рев. душъ при 14.587 дес. «Въ землѣ крестьяне не нуждались, такъ какъ почти всѣ были ремесленники, торговцы, хлѣбопашествомъ не занимались, сбывали свои произведенія, преимущественно сапоги, въ огромномъ количествѣ въ Турцію чрезъ Одессу и, исправно выплачивая помѣщицѣ оброкъ, не болѣе 9000 руб. въ годъ, жили очень хорошо, а многіе даже зажиточно» [3]). Въ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ въ оброчныхъ имѣніяхъ зачастую вся земля отдавалась въ пользованіе крестьянъ, хотя земельный надѣлъ былъ относительно великъ, но земледѣліе также было мало развито, оброчные крестьяне уплачивали оброкъ, большею частью занимаясь лѣсными промы-

---

[1]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ...», стр. 99—100.

[2]) Записки Н. В. Веригина. «Русск. Старина», 1893 г., кн. IV, стр. 124 и 140, кн. VII, стр. 171.

[3]) П. Рѣшетовъ. «Дѣла давно минувшихъ дней». «Русскій Архивъ». 1885 г., II, стр. 149.

слами. Такъ, напримѣръ, въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губ., по указанію барона Гакстгаузена, были сильно распространены дегтярный промыселъ, мочальное производство, постройка судовъ и т. п. [1]). Иногда крестьяне уплачивали оброкъ, благодаря наличности въ предоставленныхъ имъ всецѣло господскихъ имѣніяхъ выгодныхъ статей, напримѣръ, рыбныхъ озеръ и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне уплачивали оброки благодаря льноводству. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., процвѣтали садоводство и птицеводство. Въ деревнѣ Порѣчьѣ гр. Паниной собиралось до 40.000 пудовъ цикорія, болѣе чѣмъ на 200.000 руб. сер. [2]). Въ мѣстахъ, гдѣ было мало земли, были сильно развиты отхожіе промыслы. Иногда часть крестьянъ оставалась на мѣстѣ, при землѣ, а часть уходила на промыслы. Въ Юхотской вотчинѣ гр. Шереметева, въ Ярославской губ., изъ 9500 мужскихъ душъ только 2600 жили на мѣстѣ, а остальные промышляли по паспортамъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и др. [3]). Въ селѣ Висенѣ гр. Сал. тыкова, въ Нижегородской губ., изъ 1820 душъ, занимавшихся большею частью сапожнымъ и башмачнымъ ремесломъ, около 500 бывали постоянно въ отлучкѣ по паспортамъ [4]). Они работали въ Саратовѣ, Астрахани, Уральскѣ и даже въ Сибири. Нѣкоторые уходили на 10 — 15 лѣтъ, другіе совсѣмъ поселялись въ чужихъ городахъ и никогда уже не возвращались на родину, хотя и не разрывали связей съ селомъ, уплачивая причитающіяся на нихъ подати и сохраняя за собою свой домъ, садъ, участокъ земли, хотя и сдавали его обыкновенно въ аренду. Въ Костромской губ. оброчные крестьяне уходили на заработки, оставляя хозяйство на попеченіи женъ. Если въ семьѣ не было родственника мужчины, который могъ бы вести хозяйство, то жена нанимала работника для обработки полосы и посѣва ярового и озимаго хлѣба [5]). Значительная часть уходящихъ на промыслы направлялась въ столичные, портовые и другіе города. Въ приволжскихъ мѣстностяхъ Костромской губ. многіе крестьяне, вообще неохотно занимаясь земледѣліемъ, уходили — помимо отлучекъ по разнымъ городамъ — въ самое нужное время для полевыхъ работъ на Волгу въ бурлаки, нанимаясь провожать барки съ грузомъ

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 192—195.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 123.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 126.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 214.
[5]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго земледѣльца». 1855 г., стр. 42.

отъ Царицына, Саратова, Симбирска, Казани, Нижняго-Новгорода до Ярославля, Рыбинска и дальше. Земледѣліе, конечно, отъ этого сильно страдало, но бурлаковъ манила надежда на благопріятные вѣтры и выдача судопромышленниками впередъ половины договоренной платы [1]). Вообще многіе оброчные крестьяне бурлачили на Волгѣ. Гакстгаузенъ слышалъ, что большинство бурлаковъ (на Волгѣ) состояло изъ крѣпостныхъ, рѣдко изъ государственныхъ крестьянъ.

Часть оброчниковъ находила себѣ работу на фабрикахъ и заводахъ, но эти работы могли поглощать лишь небольшое количество свободныхъ рукъ, такъ какъ даже въ 1858 г. число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ равнялось лишь 548.921; при чемъ въ этомъ же числѣ нужно считать работниковъ мелкихъ крестьянскихъ фабричекъ, на которыхъ зачастую рабочій сливался съ хозяиномъ. Въ числѣ фабричныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ, какъ указываетъ М. И. Туганъ-Барановскій [2]), было много помѣщичьихъ крестьянъ. Фабриканты предпочитали нанимать ихъ, а не государственныхъ крестьянъ. Эти фабричные крѣпостные частью были невольные оброчники, т.-е. помѣщичьи крестьяне, отданные самими помѣщиками за извѣстную плату на фабрику, частью самостоятельно нанимавшіеся крестьяне изъ оброчныхъ имѣній. Фабричные рабочіе должны были уплачивать изъ заработка оброкъ хозяину; при этомъ нерѣдко владѣльцы фабрикъ сами уплачивали его господину рабочаго. Это, несомнѣнно, должно было понижать заработки рабочихъ и держало ихъ въ полной зависимости отъ хозяевъ; подобные рабочіе назывались кабальными Помѣщикъ до 1835 года могъ во всякое время потребовать оброчнаго крестьянина съ фабрики въ имѣніе, и только въ этомъ году законъ запретилъ помѣщику требовать рабочаго обратно до окончанія срока выданнаго паспорта. Но по окончаніи срока паспорта оброчникъ никогда не могъ быть увѣреннымъ, что онъ останется на свободѣ, и его не потребуютъ въ имѣніе. Нерѣдко оброчные крестьяне занимались торговлею по свидѣтельствамъ, уплачивая громадные оброки, доходящіе до 450 руб. сер. съ души и выше [3]). Заработки оброчниковъ затруднялись тѣмъ, что помѣщики часто требовали взноса оброчной суммы впередъ. Для зажиточныхъ крестьянъ это не было обременительно, но бѣдные вынуждены

[1]) С. Дмитріевъ. «Оп. практ. замѣч. кишеш. земл.» стр. 44.
[2]) Туганъ-Барановскій. «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 92.
[3]) Кавелинъ. II. стр. 13.

были прибѣгать къ займамъ за громадные проценты (нерѣдко по 15% въ мѣсяцъ), такъ что многіе крестьяне оставались вѣчно въ долгу [1]). Это-то обстоятельство ставило оброчныхъ крестьянъ въ полную зависимость отъ фабрикантовъ, уплачивавшихъ за нихъ оброки помѣщикамъ.

Положеніе оброчныхъ было тѣмъ тяжелѣе, что помѣщикъ стремился повышать оброкъ по мѣрѣ роста богатства или заработковъ крестьянъ. А. Ф. Полушинъ, богатый крестьянинъ гр. Шереметева въ с. Ивановомъ, платилъ въ 1814 г. оброку за 2 тягла, въ 1815 г. за 5 тяголъ, въ 1824 за 8 и въ 1827 г. за 10 тяголъ (по 55 руб., т.-е. всего 550 руб.). Число членовъ его семьи за этотъ періодъ времени не измѣнилось; «оброкъ, слѣдовательно,—замѣчаетъ его сынъ, Н. А. Полушинъ, — увеличился только вслѣдствіе увеличенія матеріальнаго достатка, чему соотвѣтствуютъ и семейныя записи. Также поступалъ помѣщикъ и съ другими крестьянами [2]). Поэтому крестьяне нерѣдко скрывали отъ помѣщиковъ дѣйствительные размѣры своихъ заработковъ. Между тѣмъ между ними встрѣчались очень богатые люди, чему способствовали начавшіе быстро развиваться въ XIX вѣкѣ, особенно съ сороковыхъ годовъ, кустарные промыслы.

Мелкія крестьянскія фабрички съ успѣхомъ конкурировали съ большими частными, вотчинными и поссессіонными фабриками. Конечно, это могло происходить только благодаря малому развитію техники производства, дешевизнѣ матеріала и вольному труду кустарей, работавшихъ для себя, самостоятельно, и имѣвшихъ притомъ еще и подсобный заработокъ въ видѣ земледѣлія. Въ силу развитія мелкой кустарной промышленности въ сороковыхъ годахъ замѣчается размельчаніе производства, а не концентрація. Число фабрикъ растетъ, а количество рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ падаетъ. Главный контингентъ такихъ крестьянъ-кустарей и крестьянъ-фабрикантовъ почерпался изъ оброчныхъ крестьянъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ выдвинулись такія богатыя промышленныя села, какъ Иваново, Шуйскаго уѣзда, Ворсма и Павлово, Нижегородской губ., — оба гр. Шереметева. Первое въ сороковыхъ годахъ давало заработокъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ 42.000 человѣкъ и выраба-

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 288.

[2]) «Къ исторіи русской промышленности. Памятная книга крестьянина с. Иванова А. Ф. Полушина съ дополнительными примѣчаніями сына и его внука». 1751—1850г. Сообщилъ Н. А. Полушинъ. «Русскій Архивъ», 1898 г., кн. VI, стр. 196.

тывало ежегодно 900.000 кусковъ бумажныхъ матерій на сумму 23.400.000 руб. ассигнаціями [1]). Въ концѣ 30-хъ годовъ цѣнность «свободныхъ» земель въ селѣ Ивановѣ превышала 4.000 руб. сер. за десятину. Въ 1837 г. село Иваново было включено въ маршрутъ путешествія цесаревича, и этотъ фактъ, какъ правильно замѣчаетъ П. А. Полушинъ, показываетъ, что «уже въ то время вниманіе правительства было достаточно обращено, какъ на самое село Иваново, такъ и на весь окружающій его районъ фабричной дѣятельности» [2]).

Во всѣхъ этихъ селахъ встрѣчались богатые фабриканты, имѣвшіе собственныя села и собственныхъ крѣпостныхъ, хотя и пріобрѣтенныхъ на имя Шереметева. Такъ, одному фабриканту, Ивану Горемыкину, принадлежало сельцо Спасское. Нѣкоторые крестьяне имѣли по 600 — 700 душъ своихъ крѣпостныхъ. Изъ оброчныхъ крестьянъ вышелъ такой богачъ, какъ Савва Морозовъ; въ Ворсмѣ особенно извѣстенъ былъ фабрикантъ Завьяловъ. «Въ Костромской губ. основатели всѣхъ бумаго-ткацкихъ фабрикъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—говоритъ Туганъ-Барановскій,—за немногими исключеніями, были помѣщичьими крестьянами, начавшими дѣло съ небольшихъ кустарныхъ заведеній» [3]).

Несмотря на возможность достигнуть богатства, крестьянинъ все же не былъ независимъ отъ господина. Послѣдній могъ во всякое время возвысить оброкъ до такой степени, что оброчникъ долженъ былъ неминуемо разориться. Господинъ могъ лишить его всего имущества. Къ такимъ безчестнымъ поступкамъ прибѣгали даже богатые помѣщики. Господинъ могъ перевести оброчныхъ крестьянъ на барщину, запретить имъ заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ. Вообще эта зависимость отъ произвола помѣщика, сдерживаемаго лишь личнымъ расчетомъ, сильно понижала промышленную дѣятельность оброчныхъ крестьянъ и заставляла ихъ скрывать свои капиталы. Поэтому понятны стремленія оброчныхъ къ свободѣ и ненависть ихъ къ крѣпостному праву.

Въ этомъ отношеніи характерна судьба крѣпостного крестьянина Николая Шипова, принадлежавшаго гр. Салтыкову и жившаго въ богатой оброчной слободѣ Выѣздной, Арзамас-

---

[1]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 391.

[2]) «Къ исторіи русской промышленности. Памятная книжка кр. с. Иванова, А. Ф. Полушина». «Р. Архивъ», 1898 г., кн. VI, стр. 202.

[3]) Туганъ-Барановскій, стр. 99, 101.

скаго уѣзда, Нижегородской губ. Отецъ Шипова былъ зажиточнымъ крестьяниномъ, занимался скупкою скота въ большомъ количествѣ (5 — 10.000 головъ) въ Уральскѣ, Оренбургѣ и Астрахани, пригоняя его для продажи въ Нижегородскую губ.; кромѣ того, онъ мѣнялъ юфть на бухарскіе товары, имѣлъ пушную лавку въ Нижнемъ-Новгородѣ. Шиповъ имѣлъ собственныхъ рабочихъ и приказчиковъ, необходимыхъ при его большихъ торговыхъ дѣлахъ. Въ виду такой зажиточности Шипова, общество слободы Выѣздной накладывало на него по раскладкѣ свыше 5000 въ годъ. Несмотря на отсутствіе въ имѣніи помѣщика, предоставившаго крестьянамъ слободы Выѣздной до извѣстной степени самоуправленіе, зависимость отъ помѣщика тяжело отзывалась на торговыхъ дѣлахъ Шиповыхъ. Въ 1828 г., напримѣръ, Шиповы понесли 18.000 руб. ассигнац. убытку потому, что помощникъ бурмистра (послѣднимъ былъ въ то время отецъ Шипова) распускалъ слухи, что на Шиповѣ состоятъ большіе начеты по управленію вотчиной, а потому его скотъ и товары будутъ арестованы; кредитъ Шипова палъ по этой причинѣ. По смерти отца, по происканъ того же помощника, назначеннаго уже бурмистромъ, Н. Шиповъ былъ арестованъ на дому. Хотя управляющій имѣніемъ велѣлъ вскорѣ освободить его, но тѣмъ не менѣе уже было расхищено много товара; состояніе и торговыя дѣла Шипова пошатнулись. Кредитъ нельзя было возстановить, такъ какъ во всякое время Шипова, какъ крѣпостного, могли лишить всего имущества: носились слухи, что все его имущество будетъ арестовано, а его самого отдадутъ въ солдаты. Просьбы Шипова сбавить съ него оброкъ въ виду пошатнувшихся торговыхъ дѣлъ и взыскать убытки съ виновниковъ его ареста и разоренія не привели ни къ чему. Побившись нѣкоторое время, Н. Шиповъ, будучи энергичнымъ человѣкомъ, рѣшилъ бѣжать и тѣмъ избавиться отъ гнета крѣпостного состоянія, что и исполнилъ въ 1832 г. Но въ качествѣ бѣглаго его дѣйствія были еще болѣе стѣснены. Онъ долженъ былъ скрываться отъ посланныхъ за нимъ сыщиковъ, вести торговыя дѣла подъ чужими именами, терпя, конечно, при этомъ громадные убытки отъ отсутствія личнаго присмотра и недобросовѣстности лицъ, которымъ приходилось довѣрять. Напримѣръ, одинъ его приказчикъ, посланный съ юфтью, скрылся вмѣстѣ съ деньгами. Шиповъ же не могъ его преслѣдовать. Н. Шиповъ принужденъ былъ переѣзжать изъ города въ городъ въ Россіи и за границей, пока не утвердился на Кавказѣ, въ Пятигорскѣ, гдѣ дѣла его пошли

хорошо. Въ 1837 г. мѣстопребываніе Шипова было открыто, благодаря Сухорукову, у котораго онъ служилъ комиссіонеромъ, изъ-за личныхъ счетовъ передавшему полицмейстеру письмо, въ которомъ говорилось о бѣгствѣ Шипова. Н. Шиновъ былъ посаженъ въ тюрьму и послѣ долгой судебной волокиты былъ приговоренъ въ 1841 г. уѣзднымъ судомъ къ возвращенію къ помѣщику. Понятно, за это время состояніе его опять разстроилось. Въ 1842—43 гг. Шипову опять пришлось потерпѣть чувствительные матеріальные убытки изъ-за крѣпостного состоянія. Выхлопотавъ въ 1842 г. полугодовой паспортъ, онъ пріобрѣлъ въ Кишеневѣ клейный заводъ съ шерстяною мойкою. Вернувшись на родину, онъ просилъ вновь выдать паспортъ, но получилъ отказъ. Пришлось управлять заводомъ черезъ приказчика, который ничего не сумѣлъ сдѣлать. Задатокъ и первоначальныя затраты пропали даромъ, и надежда Шипова поправить денежныя дѣла погибла. Положеніе Шипова становилось бѣдственнымъ. Приходилось платить 400 руб. оброку, а его, какъ опальнаго, боялись принимать даже въ услуженіе. Искъ Шипова противъ дяди, у котораго онъ оставилъ передъ бѣгствомъ часть имущества, былъ рѣшенъ магистратомъ не въ его пользу, а гражданская палата рѣшила, что по этому дѣлу могъ хлопотать только или управляющій, или помѣщикъ. Такимъ образомъ и здѣсь поперекъ дороги стало крѣпостное право. Положеніе Шипова было настолько затруднительно, крѣпостное состояніе настолько связывало его по рукамъ и по ногамъ, что Шиповъ рѣшился на отчаянную попытку освободиться. Познакомившись со статьею закона, что крѣпостные люди, бывшіе въ плѣну у горскихъ хищниковъ, по выходѣ изъ плѣна, освобождаются на волю со всѣмъ семействомъ и могутъ избрать родъ жизни, какой пожелаютъ, Шиповъ выхлопоталъ полугодовой паспортъ, пробрался на Кавказъ и пристроился маркитантомъ при дѣйствующей арміи. Здѣсь онъ дѣйствительно попалъ въ плѣнъ и былъ освобожденъ со всѣмъ семействомъ въ 1845 г. на основаніи вышеприведеннаго правила [1]). На этомъ конкретномъ примѣрѣ видно, какъ сильны должны были быть въ оброчныхъ крестьянахъ стремленіе къ свободѣ и ненависть къ крѣпостному праву.

Конечно, не всѣ были такъ энергичны и настойчивы, какъ Н. Шиповъ, но крестьяне готовы были пожертвовать половиною

[1]) Н. Шиповъ. «Исторія моей жизни». (Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина.) «Русская Старина», т. XXXI, стр. 31—32.

и болѣе своего капитала, лишь бы выкупиться на волю. Удавалось это лишь богатымъ крестьянамъ, при этомъ приходилось иногда выплачивать громадныя выкупныя суммы. Савва Морозовъ купилъ свою свободу у гр. Шереметева за 17.000 руб. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ два случая выкупа оброчныхъ крестьянъ: въ первомъ случаѣ помѣщикъ взялъ 16.000 руб., въ другомъ — 30.000 руб. при капиталѣ у крестьянина въ 45.000 руб. У гр. Шереметева, который неохотно соглашался на выкупъ, средняя цѣна равнялась 20.000 руб. за семейство [1]). Вообще выкупныя цѣны были крайне разнообразны, такъ какъ размѣръ ихъ всецѣло зависѣлъ отъ добросовѣстности помѣщика, богатства крестьянина, а также и отъ того, насколько извѣстно было помѣщику состояніе выкупающагося крѣпостного. Крестьянинъ стремился скрыть свое истинное состояніе отъ помѣщика, помѣщикъ — содрать какъ можно больше съ крестьянина. Впрочемъ, нѣкоторые помѣщики не желали давать выкупа изъ тщеславія имѣть въ своей власти богачей-крестьянъ. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что помѣщики нерѣдко не желали выкупа богатыхъ крестьянъ изъ-за боязни потерпѣть убытки, такъ какъ при существованіи круговой поруки эти богачи выплачивали недоимки своихъ собратій: на этомъ основаніи пріостановилъ однажды отпускъ на волю гр. Шереметевъ. Князь Салтыковъ, владѣлецъ слободы Выѣздной, Нижегородской губерніи, совершенно прекратилъ отпускъ крестьянъ на волю послѣ того, какъ онъ отпустилъ на волю крестьянина, казавшагося небогатымъ, а послѣ освобожденія выстроившаго въ Москвѣ большой каменный домъ и обширную фабрику. Одинъ крестьянинъ, очень богатый, предлагалъ ему 160.000 руб. за себя и семерыхъ сыновей, чтобы онъ отпустилъ ихъ на волю; помѣщикъ не согласился. Отецъ Шипова, автора воспоминаній, хотѣлъ выкупить на волю свою внучку за 10.000 руб. и также получилъ отказъ [2]).

Выкупъ иногда сопровождался невыгодными условіями для промышленниковъ. А. Ф. Полушинъ сообщаетъ, что въ 1828 г. Горелинымъ, ситцевая фабрика которыхъ въ концѣ 30-хъ го-

---

[1]) А. Ф. Полушинъ въ своей памятной книгѣ отмѣтилъ, что «въ селѣ Ивановѣ графа Шереметева за 12 лѣтъ (съ 1827 г. по 1839 г.) выкупились на волю 34 семьи самыхъ крупныхъ фабрикантовъ. Выкупъ не превышалъ 20.000 р. съ семьи, но въ большинствѣ случаевъ былъ меньше». «Къ исторіи русской промышленности. Памятная книжка кр. с. Иванова. А. Ф. Полушина». «Р. Арх.», 1898 г., кн. VI, стр. 196.

[2]) Н. Шиповъ «Исторія моей жизни и моихъ странствій». «Русская Старина», 1881 г., т. XXXI, стр. 227.

довъ была обширнѣйшей и лучшей въ Ивановѣ, при увольненіи ихъ изъ крѣпостного состоянія, дома ихъ и фабрики предоставлены были имъ въ пользованіе на 25 лѣтъ, по истеченіи которыхъ они могли все недвижимое имущество продать графскимъ же крестьянамъ. Впрочемъ, условіе это было впослѣдствіи уничтожено, и все недвижимое имущество Горелиныхъ перешло къ нимъ въ потомственное владѣніе [1]).

Кромѣ относительно большей матеріальной обезпеченности оброчныхъ крестьянъ сравнительно съ барщинными, оброчные пользовались большею самостоятельностью, большимъ самоуправленіемъ. Нужно отмѣтить, однако, что въ этомъ отношеніи положеніе оброчныхъ ухудшилось въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII. Во многихъ мѣстахъ это произошло уже потому, что, благодаря распространенію смѣшанно-оброчныхъ имѣній, увеличилось вмѣшательство помѣщиковъ въ крестьянскую жизнь и ея распорядки. Въ этихъ имѣніяхъ помѣщикъ чаще лично раскладывалъ оброкъ, сообразуясь съ большею или меньшею состоятельностью оброчниковъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ всѣ крестьяне отпускались на оброкъ, помѣщикъ, не живя лично въ имѣніи, не зналъ своихъ крестьянъ и не могъ поэтому соразмѣрить величину оброка съ имущественною состоятельностью каждаго отдѣльнаго крестьянина. Въ такихъ случаяхъ крестьянамъ часто предоставлялось самостоятельно раскладывать оброчную сумму, назначаемую на все общество сразу. Вмѣстѣ съ раскладкою оброчной суммы помѣщикъ обыкновенно предоставлялъ крестьянамъ до извѣстной степени и внутреннее самоуправленіе. Кошелевъ указываетъ на самоуправленіе въ оброчныхъ имѣніяхъ [2]), судъ стариковъ, мірскія сходки. Крестьяне сами раскладывали между собою подати и оброки, рѣшали на сходкахъ возникающіе вопросы и дѣла повседневной жизни. Земля у нихъ находилась — въ большей части Великороссіи — въ общинномъ владѣніи [3]). Существованіе круговой поруки и самостоятельная раскладка оброчной суммы вели къ соразмѣрности оброка съ платежною способностью крестьянъ. Для примѣра приведемъ описаніе оброчнаго села Кубенскаго, Вологодской губ., принадлежавшаго г-жѣ Ярославлевой [4]). «Во главѣ всей общины, считающей въ себѣ 800 душъ, поставленъ

[1]) «Къ исторіи русской промышленности. Памятная книжка кр. с. Иванова А. Ф. Полушина». «Р. Арх.», 1898 г., кн. VI, стр. 197.

[2]) Кавелинъ, стр. 61.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій. «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 288.

[4]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 144—145.

со стороны помѣщицы староста, получающій 500 руб. ассигнаціями жалованья. Община выбираетъ ежегодно 5 посредниковъ и 12 старшинъ, которые подчинены старостѣ и вмѣстѣ съ нимъ творятъ общинный судъ, и для письмоводства нанимается писарь съ жалованьемъ въ 200 руб. ассигнаціями. Судъ разбираетъ всѣ спорныя дѣла между поселянами о границахъ земли, о наслѣдствѣ и пр., налагаетъ въ случаѣ нужды опеку и пр. Этотъ судъ налагаетъ до 24 ударовъ розгой; уголовныя дѣла, конечно, ему не подлежатъ». Въ другомъ оброчномъ селѣ, Висенѣ, Нижегородской губ., кн. Салтыкова, оброкъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: «Каждыя 100 тяголъ выбираютъ одного старосту, слѣдовательно, на всю деревню приходится 18 старшинъ (въ с. Висенѣ — 1820 душъ), которые раздѣлили всѣхъ членовъ общины на группы по ихъ имуществу и, сообразно этому, разложили на нихъ оброкъ, раздѣливши его на число душъ, такъ что, напримѣръ, одинъ богатый платитъ за 30 душъ, каждый изъ свѣчныхъ заводчиковъ платитъ за 20 душъ, и вслѣдствіе этого нѣкоторые платятъ за „полдуши“ [1]). Въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, принадлежавшемъ наслѣдникамъ Яковлевыхъ, при незначительномъ количествѣ земли, не обезпечивавшемъ платежа оброка, крестьянское общество положило всю сумму оброка на землю, но не раздѣлило его равномѣрно между своими членами, а принудило богатыхъ взять больше земли, чѣмъ сколько имъ было нужно, и чѣмъ сколько бы пришлось на ихъ долю при равномъ дѣлежѣ; черезъ такой раздѣлъ богатымъ пришлось вносить больше, чѣмъ могла дать земля [2]).

Неравномѣрность обложенія въ оброчныхъ имѣніяхъ видна на примѣрѣ села Богородскаго, Нижегородской губ. С. В. Шереметева. Въ этомъ селѣ минимумъ оброка равнялся 25 руб. сер. съ души. Изъ окладной книги села за 1858 г. видно, что 9 человѣкъ платили въ годъ отъ 500 до 1530 руб., всего 7560 руб.; 24 человѣка — отъ 200 до 375 руб., всего 5707 р. и такъ далѣе [3]).

Не всѣмъ помѣщикамъ нравилась общинная организація крестьянъ, быть-можетъ, вслѣдствіе того, что при существованіи мірского самоуправленія труднѣе было эксплуатировать

---

[1]) Тамъ же, стр. 215.

[2]) Тамъ же, стр. 74.

[3]) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III, ст. Снѣжневскаго: «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ 19 февраля и въ первое время послѣ него», стр. 69.

отдѣльныхъ крестьянъ; если только мірская организація была крѣпка, на всѣ вымогательства помѣщика крестьянинъ могъ отвѣчать опредѣленно: «Міръ велитъ», «міръ отвѣтитъ», «міръ рѣшилъ» и т. п. Противъ общины вооружается и Заблоцкій-Десятовскій, указывая, что круговая порука тяжелымъ бременемъ ложится на зажиточныхъ крестьянъ, лишаетъ ихъ предпріимчивости и стремленія къ увеличенію благосостоянія. Но съ точки зрѣнія интересовъ бѣднѣйшаго класса населенія необходимо нужно признать очень важное значеніе за круговой порукой и общиннымъ самоуправленіемъ; круговая порука умѣряла и уравнивала произвольные оброки крестьянина, а самоуправленіе общины охраняло личность крестьянина отъ эксплуатаціи и произвола помѣщика. Отдѣльная личность могла скрыться за міръ: каждаго отдѣльнаго крестьянина помѣщикъ могъ притѣснить, уговорить, но, разъ дѣло касалось міра, помѣщики должны были серьезно бороться съ его стойкостью. Крестьяне были привязаны къ своей общинѣ и съ трудомъ разставались съ нею. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ раздѣлить землю на отдѣльные участки и образовать родъ фермъ не удавались, если помѣщики лично не жили въ имѣніи.

Присматриваясь къ положенію оброчныхъ крестьянъ, нельзя не признать, что экономическая эксплуатація ихъ усилилась въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII, и отчасти уменьшилась ихъ самостоятельность. Но въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, крѣпостное право въ этой формѣ все-таки не насиловало личности крестьянина, не обращало его въ безсловесное, пришибленное существо. Не то было у барщинныхъ крестьянъ, къ характеристикѣ положенія которыхъ я теперь и перехожу.

ГЛАВА IV.

Крестьяне, работающіе на барщинѣ. — Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и борьба помѣщиковъ съ невыгодными сторонами крѣпостного права. — Размѣръ барщины. — Тягла. — Крѣпостные, отбывающіе барщину на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ. — Общинный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Выше, при разсмотрѣніи таблицъ о количествѣ барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ XIX и XVIII вѣкахъ, мы видѣли, что число барщинныхъ увеличилось, главнымъ образомъ, въ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщики, видимо, считали

для себя выгоднымъ переводить крестьянъ съ оброка на барщину. Уже изъ одного этого факта можно сдѣлать выводъ, что положеніе крестьянъ въ этихъ губерніяхъ ухудшилось. Барщинная обработка земли требовала тщательнаго надзора за подневольнымъ рабочимъ, такъ какъ только страхъ передъ наказаніемъ могъ заставить барщинника работать напряженно. Для возможно большаго использованія труда крестьянина необходимо было, кромѣ того, тщательно регламентировать его жизнь. При наличности барщинной запашки помѣщикъ ближе соприкасался съ личностью крестьянина, слѣдовательно, чаще могли проявляться насиліе и прозволъ со стороны владѣльца. Такимъ образомъ, чѣмъ больше вниманія обращали помѣщики на барщинную запашку, чѣмъ большую роль она играла въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, тѣмъ хуже должно было становиться положеніе барщинныхъ крестьянъ.

Къ выводу объ ухудшеніи положенія барщинниковъ ко времени реформы можно подойти и другимъ путемъ. Положеніе крестьянъ зависѣло отъ величины имѣнія. Чѣмъ мельче были имѣнія, тѣмъ чаще жили въ нихъ сами помѣщики, а слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе могла проявляться съ ихъ стороны эксплуатація крестьянъ, и тѣмъ тяжелѣе была зависимость крестьянина отъ владѣльца. Въ крупныхъ имѣніяхъ крестьяне чаще отпускались на оброкъ. Между тѣмъ ко времени реформы произошло раздробленіе крупныхъ имѣній сравнительно съ началомъ XIX вѣка.

Барщинныя имѣнія можно раздѣлить на сельско-хозяйственныя и промышленныя, такъ какъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ помѣщики нерѣдко заводили фабрики, заводы, вообще занимались различными промышленными предпріятіями. Къ послѣдней группѣ мы перейдемъ ниже, теперь же остановимся на барщинныхъ имѣніяхъ сельско-хозяйственной группы.

Какъ было указано, ко времени реформы въ общей массѣ крѣпостныхъ преобладали барщинные крестьяне (71,9%). Даже въ 23-хъ великороссійскихъ, изъ которыхъ 13 — нечерноземныхъ, барщинные крестьяне въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, составляли почти половину крѣпостного населенія, опускаясь до 31,22% въ нечерноземныхъ губерніяхъ и поднимаясь до 69,70% въ черноземныхъ. По даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ рисуется та же картина. Чѣмъ южнѣе губернія, чѣмъ плодороднѣе почва и благопріятнѣе условія для развитія сельскаго помѣщичьяго хозяйства, тѣмъ выше процентъ

барщинныхъ крестьянъ. Напомнимъ еще разъ степень распространенности барщинной системы по районамъ [1]):

Губерніи.	%% барщинныхъ крестьянъ.
Новороссійскія степныя	99,3
Малороссійскія лѣвобережныя	99,3
» правобережныя	97,4
Земля Войска Донского	97,2
Сѣверо-западная	92,4
Пріуральскія сѣверныя	90,2
Восточныя степныя	83,0
Поволжскія	73,3
7 центральныхъ черноземныхъ	71,2
13 нечерноземныхъ	41,1
Астраханская	13,0

Въ этой таблицѣ замѣчается послѣдовательное паденіе процента барщинныхъ крестьянъ по мѣрѣ движенія на сѣверъ; исключеніе составляютъ сѣверо-западныя губерніи, гдѣ близость внѣшнихъ рынковъ и Царства Польскаго могла благопріятствовать развитію помѣщичьяго сельскаго хозяйства, а поэтому и развитію барщины; въ пріуральскихъ губерніяхъ (Вятская и Пермская) по мѣстнымъ условіямъ получила сильное развитіе промышленная барщина, имѣвшая свои особыя формы. Барщинное хозяйство было господствующимъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ Кіевской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической крестьяне почти поголовно были издѣльными. Въ самомъ характерѣ и способѣ веденія сельскаго хозяйства замѣчалась сильная разница между отдѣльными хозяйствами, а въ зависимости отъ этого была разница и въ положеніи крестьянъ.

Пока мѣновыя отношенія въ странѣ были мало развиты, и пока потребности помѣщиковъ стояли на такомъ низкомъ уровнѣ, что онѣ могли быть удовлетворены продуктами собственнаго хозяйства, — до тѣхъ поръ господствовало натуральное хозяйство. Помѣщики не заводили барщинныхъ запашекъ, а довольствовались натуральными приношеніями крестьянъ, при чемъ эти приношенія вначалѣ были даже въ готовомъ видѣ, напримѣръ, въ видѣ печенаго хлѣба, холста и т. п. Такія чисто натуральныя хозяйства врядъ ли сохранились ко времени реформы. По мѣрѣ роста своихъ потребностей помѣщикъ уже не довольствовался готовыми приношеніями крестьянъ, а требовалъ сборовъ въ видѣ сырья, ко-

[1]) См. таблицу № 1.

торое перерабатывалось дворнею въ предметы, годные для удовлетворенія его вкусовъ. Дифференціація среди крестьянъ усилилась. Одна часть крестьянъ трудилась надъ добываніемъ сырья, другая — дворня — перерабатывала сырье въ предметы, которые могли быть потреблены барономъ. При такомъ строѣ хозяйства извнѣ пріобрѣталось только то, чего нельзя было изготовить въ собственномъ хозяйствѣ; для этого нѣкоторая часть собираемыхъ съ крестьянъ продуктовъ шла на рынокъ. «Эта часть сельско-хозяйственныхъ произведеній, — говоритъ кн. Волконскій, — составляла, вмѣстѣ съ покупными предметами помѣщичьяго потребленія, то звено, которымъ крѣпостное населеніе привязывалось къ остальному обществу»[1]). При такомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства барщинная запашка была незначительна, а бо́льшую роль среди помѣщичьихъ крестьянъ игралъ натуральный оброкъ. Дворня была необходимою частью хозяйства и нерѣдко бывала очень велика. Крестьяне въ такомъ имѣніи сравнительно рѣдко приходили въ соприкосновеніе съ помѣщикомъ, и экономическая эксплуатація ихъ не могла сильно развиться, такъ какъ помѣщику было невыгодно тѣснить крестьянъ, съ благосостояніемъ которыхъ было связано его собственное.

Въ началѣ XIX вѣка въ Рязанской губерніи, гдѣ процентъ барщинныхъ былъ великъ, въ южныхъ уѣздахъ (черноземныхъ) натуральное хозяйство, какъ указываетъ кн. Волконскій, было господствующимъ. Что такое было подобное натуральное хозяйство, можно показать на примѣрѣ, приводимомъ кн. Волконскимъ. Помѣщикъ Рязанской губ. Колобовъ, имѣвшій 500 душъ мужескаго пола и жившій приблизительно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, такъ велъ свое хозяйство. Покупали лишь то, что невозможно было производить дома: покупались желѣзо, соль, деготь, лѣсной матеріалъ, если его не было въ имѣніи; пряности, сухіе плоды, изюмъ, миндаль и т. п.; закуски, рыба, если не было рыбной рѣки или озера. Все покупное очень цѣнилось и тратилось очень экономно. Дворня въ имѣніяхъ этого рода была многочисленна и разнообразна. Среди дворовыхъ нерѣдко были столяры, кузнецы, молотобойцы, портные, сапожники, кучера, далѣе дворецкіе, пекари, кондитеры, слесаря, музыканты, псари и штатъ псовой охоты, актеры, повитухи, даже профессіональные дураки. Конечно, не всѣ помѣщики были настолько богаты,

---

[1]) Кн. Волконскій. «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». Рязань, 1898 г.

чтобы позволять себѣ имѣть подобную многочисленную дворню, но каждую потребность помѣщики стремились удовлетворить по возможности при помощи труда своихъ крѣпостныхъ. А такъ какъ всѣ многочисленныя и постоянно растущія потребности не могли все-таки удовлетворяться исключительно натуральнымъ оброкомъ, то помѣщики увеличивали барщинныя запашки.

Распространеніе образованности въ Россіи, усилившіяся сношенія съ Западомъ и расширеніе потребностей помѣщиковъ, какъ результатъ этихъ явленій, должны были, съ одной стороны, смягчать нравы господъ, а съ другой, — увеличивать экономическую эксплуатацію крестьянъ. Ростъ потребностей и разнообразіе ихъ приводили къ необходимости большую часть предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, покупать на рынкѣ. Это вело къ необходимости повышать доходъ съ имѣнія, поставляя на рынокъ въ возможно большемъ количествѣ продукты собственнаго хозяйства. Сельское хозяйство стало вестись не исключительно для производства продуктовъ, нужныхъ для *самого* помѣщика, а часть продуктовъ уже шла на *рынокъ*, чтобы при помощи продажи ихъ добыть нужныя для помѣщика деньги. Выдающійся помѣщикъ Нижегородской губ., В. Л. Демидовъ, напримѣръ, какъ явствуетъ изъ его приходо-расходной книги, велъ чисто-денежное хозяйство: исключая хлѣба, производившагося на продажу, все пріобрѣталось покупкою — мясо, домашняя птица, крупа, иногда рѣпа и даже яйца; обработка продуктовъ трудомъ крѣпостныхъ почти не производилась. Доходъ по его имѣнію состоялъ почти исключительно изъ дохода отъ земледѣлія. Такъ общіе доходы по имѣнію и въ числѣ ихъ доходы по земледѣлію по пятилѣтіямъ съ 1840 по 1855 гг. распредѣлялись такъ:

Годы.	Доходъ по имѣнію (серебромъ).	Въ томъ числѣ доходъ отъ земледѣлія (сер.).
1840—1845 г.	16. 817 р. 94 к.	15. 805 р. 16 к.
1845—1850 »	16. 096 » 79 »	15. 299 » 73 »
1850—1855 »	14. 384 » 53 »	13. 777 » 99 »

Несмотря на общее паденіе доходности имѣнія, доходъ отъ земледѣлія относительно занимаетъ все бо́льшую часть общаго дохода [1]).

---

[1]) В. Снѣжневскій. «Быковская вотчина Демидовыхъ». Д. Пиж. Уч. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 99. Доходъ отъ земледѣлія составлялъ по указаннымъ пятилѣтіямъ 93,9% общаго дохода по имѣнію, затѣмъ 95%, и, наконецъ, 95,8%.

Въ подобныхъ хозяйствахъ засѣвалось не то, что было нужно для *помѣщика*, не всего понемногу, какъ было при натуральномъ хозяйствѣ, а хозяева приноравливались *къ спросу на рынкѣ* на тотъ или другой продуктъ и *къ свойствамъ почвы* въ своемъ имѣніи. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ чаще предпочитали отпускать крестьянъ на оброкъ, чѣмъ увеличивать барщинную запашку. Въ южныхъ же губерніяхъ, по преимуществу черноземныхъ, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному приводилъ къ постепенному увеличенію барщинной запашки. Выступленіе сельскаго хозяйства на рынокъ характеризуется также введеніемъ культуръ, наиболѣе пригодныхъ для данной почвы, такъ что въ Вологодской губ. перестали сѣять пшеницу, а на черноземѣ ленъ. Впрочемъ, это улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ нарушалось нерѣдко требованіями рынка: если, напримѣръ, на рынкѣ требовалась пшеница, тогда, хотя бы данная почва была пригоднѣе для какой-либо другой культуры, помѣщикъ принужденъ былъ вводить въ сѣвооборотъ пшеницу.

Одинъ помѣщикъ Екатеринославской губ. въ 1852 г. на вопросъ В. А. Панаева, ведется ли у него трехпольное хозяйство, отвѣтилъ, что онъ засѣваетъ то, что требуется въ порты; въ данномъ году, въ виду требованія за границу льняного сѣмени, онъ засѣялъ однимъ льномъ 500 десятинъ; ни пшеницы, ни овса, ни ржи посѣяно не было [1]). Дѣйствительно, въ эпоху реформы 1861 г. въ Екатеринославской губ. землевладѣльцы засѣвали $^3/_4$ полей пшеницей, а гдѣ была цѣлина или залежи, дѣлали большіе посѣвы льна, въ виду того, что за границу обыкновенно требовались, главнымъ образомъ, эти продукты. Рожь въ большомъ количествѣ помѣщики сѣяли только тамъ, гдѣ были винокурни [2]). Въ этомъ отношеніи съ Новороссіей не могли конкурировать даже сравнительно близкіе къ портамъ малороссійскія губерніи. Есть свидѣтельство относительно Суражскаго уѣзда Черниговской губ., что съ разведеніемъ льняного сѣмени въ Новороссіи отправка коноплянаго масла въ южные порты, какъ то было прежде, стала невыгодной, ибо льняное масло вытѣсняло конопляное [3]). Другую выгодную статью до-

[1]) «Воспоминанія В. А. Панаева». «Русск. Стар.», 1902 г., кн. I, стр 192.

[2]) «Матер. для геогр. и стат. Россіи, собр. офицерами генер. штаба. Екатеринославская губ.». Составилъ ген. шт. кап. В. Павловичъ. Спб. 1862 г., стр. 133, 172.

[3]) Есимонтовскій. «Описаніе Суражск. уѣзда, Черниг. губ.», стр. 21. Н. В-цкій указываетъ на затруднительность поставки хлѣбовъ изъ Полтавской губ. въ южные порты изъ-за днѣпровскихъ пороговъ. «Очерки дореформеннаго быта въ полтавскомъ побережьѣ». Кіевск. Стар., 1896 г., т. VII—VIII, стр. 114.

хода помѣщичьяго хозяйства въ Новороссіи составляло овцеводство, чему благопріятствовали степи, соотвѣтствующій климатъ и недостатокъ рабочихъ рука для земледѣлія. Здѣсь овцеводство по своей выгодности могло быть поставлено наравнѣ съ хлѣбопашествомъ. Въ Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерніяхъ и въ Бессарабской области въ 1848 г. было 3.657.290 головъ мериносовъ. Въ 1851 г. въ одиѣхъ трехъ первыхъ губерніяхъ было 3.070.000 тонкорунныхъ овецъ [1]). Къ требованіямъ рынка примѣнялись и въ южныхъ приволжскихъ губерніяхъ. Въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., напримѣръ, арендаторы земель, обрабатывавшіе ее наймомъ, старались ихъ «занимать посѣвами исключительно однихъ болѣе цѣнныхъ хлѣбовъ: проса, пшеницы, льна или гороха» [2]).

Развитіе сельскаго помѣщичьяго денежнаго хозяйства въ крѣпостное время затруднялось и отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія [3]). Гакстгаузенъ, внимательно наблюдавшій хозяйственную жизнь Россіи въ сороковыхъ годахъ, говоритъ: «*Главнѣйшая потребность Россіи заключается въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія*». «Россія, — продолжаетъ онъ,—представляетъ обширную равнину, которой лучшія внутреннія губерніи удалены отъ моря, которой необильныя рѣки три четверти года несудоходны, дороги въ дождливое время непроѣзжаемы, шоссейныхъ дорогъ не существуетъ, о желѣзныхъ дорогахъ не начинаютъ думать» [4]). Какъ извѣстно, первая желѣзная дорога въ Россіи была открыта только незадолго до отмѣны крѣпостного права. Помѣщики въ силу этого никогда не могли разсчитывать на своевременную доставку хлѣба, что очень затрудняло торговые обороты. Слѣдствіемъ плохихъ путей сообщенія были рѣзкія колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, нарушавшія расчеты хозяевъ. При плохихъ путяхъ сообщенія цѣны сильно повышались и понижались въ зависимости отъ степени урожая и удаленности отъ рынка. Въ 1843 году въ С.-Петербургской губ., напримѣръ, хлѣбъ

---

[1]) В. И. Семевскій. «По поводу статьи Рожкова...», «Р. Мысль», 1902 г., кн. IV, стр. 134.

[2]) Никольскій. «Хозяйств. описаніе Балашовск. уѣзда. Саратовской губ.», стр. 70.

[3]) Трудность доставки хлѣба изъ-за плохихъ путей сообщенія объясняетъ тотъ фактъ, что въ 1849 г. при неурожаѣ продовольствіе Петербурга, по словамъ имп. Николая I, зависѣло отъ подвоза хлѣба изъ-за границы. «Имп. Н. I въ его письмахъ къ кн. Паскевичу». «Р. Арх.», 1897 г., кн. I, стр. 28.

[4]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 413. Курсивъ Гакстгаузена.

былъ въ пять разъ дороже, чѣмъ въ Курской (съ равномѣрнымъ урожаемъ). Въ 1845 г. въ то время, какъ въ Курской губерніи цѣна ржи равнялась 1 руб. 50 коп., въ Псковской губерніи, на разстояніи 600 или 700 верстъ, цѣна доходила до 14 и 15 р. сер.[1]). По доставленнымъ Гакстгаузену свѣдѣніямъ, въ Харьковской губерніи «цѣна на хлѣбъ, смотря по тому, хороши или дурны дороги, близка или судоходна рѣка, разнится въ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 50 верстъ, больше чѣмъ на половину. Близость рынка для сбыта сельскихъ продуктовъ дѣлала, по указанію того же Гакстгаузена, чрезвычайно выгоднымъ занятіе земледѣліемъ около Одессы. Ему указывали, что, «если около Кіева 500 крестьянъ доставляютъ доходъ въ 20.000 руб. ассигнац., то же количество крестьянъ около Одессы дастъ 80.000 руб. ассигнаціями»[2]).

Затрудненіе, въ которое ставились помѣщики, занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ, облегчалось до извѣстной степени существованіемъ крѣпостного права. При паденіи хлѣбныхъ цѣнъ помѣщикъ, не будучи вынужденъ продавать хлѣбъ, хотя бы за безцѣнокъ, лишь бы расплатиться съ вольнонаемными рабочими, могъ выжидать повышенія цѣнъ. Это замѣтилъ баронъ Гакстгаузенъ, говоря о Харьковской губерніи: «Въ этихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ помѣщики ни подъ какимъ видомъ не продаютъ своего хлѣба въ урожайные годы и въ большинствѣ случаевъ запрещаютъ продажу его и своимъ крестьянамъ. Поэтому въ такіе годы огромныя массы хлѣба не поступаютъ на рынокъ, и цѣны на него не падаютъ до минимума. Въ неурожайный годъ помѣщики и ихъ крестьяне продаютъ хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ, и этимъ предотвращается голодъ». Такъ въ 1831, 32 и 33 гг. — неурожайные годы—Тамбовская губернія не только удовлетворила всѣмъ потребностямъ изъ запасовъ своихъ прежнихъ хорошихъ лѣтъ, но и продала въ сѣверныя и южныя губерніи болѣе десяти милліоновъ четвертей по такимъ высокимъ цѣнамъ, которыя обогатили помѣщиковъ, крестьянъ и купцовъ и подняли цѣнность земли на 50%[3]).

Кромѣ возможности выжидать поднятія цѣнъ, была и другая выгода существованія крѣпостного права для помѣщиковъ,

---

[1]) П. Б. Струве. «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ». «Міръ Божій», 1899 г., кн. XII, стр. 280.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 430—432.

[3]) Тамъ же, стр. 413. О выжиданіи помѣщиками благопріятныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губ., см. также Пушечникова. «Р. Архивъ», 1905 г., кн. IV, стр. 548, 550, 564.

при плохихъ путяхъ сообщенія. При наемномъ трудѣ помѣщикамъ пришлось бы тратить массу денегъ на доставку сельскихъ продуктовъ на рынки. Помѣщики, благодаря даровому труду, имѣли полную возможность понижать хлѣбныя цѣны на стоимость перевозки. При такомъ условіи съ ними невозможно было конкуррировать лицамъ, пользующимся вольнонаемнымъ трудомъ при отвозѣ хлѣба. Такъ въ 1841 г. цѣна на 1 четверть овса въ Москвѣ доходила до 13 руб., въ то время какъ въ Тулѣ цѣна овса была около 6 руб. Такъ какъ провозъ 1 четверти отъ Тулы до Москвы стоилъ 6 руб., то было выгодно везти овесъ въ Москву. Однако помѣщики понавезли столько овса, что въ нѣсколько дней спустили цѣну до 9 и 8 руб. за четверть; они все же выгадали, ибо имъ ничего не стоилъ провозъ, заплатившіе же за провозъ хлѣботорговцы должны были понести убытки [1]).

Но, доставляя помѣщикамъ оружіе для борьбы съ низкими цѣнами, крѣпостное право въ то же время способствовало и пониженію ихъ до минимума. «Не имѣя возможности разсчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлѣба (именно, во что обходится трудъ крѣпостныхъ),—говоритъ Кавелинъ,—помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и низшей наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣбъ, не получивъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и своими потребностями» [2]).

Низкія цѣны вызывались и указанною въ упомянутой выше статьѣ П. Б. Струве недостаточностью внутренняго и внѣшняго рынка для сельскаго производства. По расчетамъ статистиковъ дореформеннаго хозяйства, обыкновенный ежегодный урожай разнаго хлѣба въ Россіи составлялъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ до 250 милліоновъ четвертей. Изъ этого количества обращалось:

На продовольствіе земледѣльческаго населенія	132 милл.
» » городского » и войска .	18 »
» винокуреніе	10 »
» обсѣмененіе	60 »
Итого	220 милл.

Значитъ, при среднемъ урожаѣ ежегодный остатокъ могъ простираться до 30 милліоновъ четвертей. Между тѣмъ въ

[1]) Забл.—Десятовскій, т. IV. стр. 333.
[2]) Кавелинъ, т. II, стр. 27.

1845 — 1853 г. за границу среднимъ числомъ отпускалось около 5½ милліоновъ четвертей, или только $^1/_6$ всего средняго производимаго излишка [1]). Такое относительное «перепроизводство» хлѣба было отчасти результатомъ того же крѣпостного права. Помѣщики, въ своихъ попыткахъ повысить доходность имѣній, шли по линіи наименьшаго сопротивленія. Даровой крѣпостной трудъ давалъ возможность безъ особыхъ затратъ увеличивать господскую запашку и количествомъ выкидываемаго на рынокъ хлѣба повышать доходы, уменьшавшіеся изъ-за низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ Гродненской губ., напримѣръ, «при барщинной системѣ трудъ мало цѣнится: дурное качество почвы и малую степень урожаевъ старались по возможности вознаградить не улучшеніемъ обработки, а умноженіемъ полей. Опираясь на даровую силу крестьянъ, землевладѣльцы мало заботились о качествѣ обработки, содержали недостаточное количество скота и не вводили машинъ» [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о введеніи сельско-хозяйственныхъ машинъ, примѣненіе которыхъ далеко не всѣ хозяева-практики считали выгоднымъ въ крѣпостномъ хозяйствѣ [3]), это наблюденіе справедливо, судя по отзывамъ другихъ современниковъ, и для великороссійскихъ земледѣльческихъ губерній. Никольскій, напримѣръ, указываетъ относительно Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ., что «хозяева-помѣщики разсчитываютъ преимущественно на большіе, хотя и не тщательно воздѣлываемые посѣвы» [4]).

Подневольный трудъ, необходимость заботиться о продовольствіи крестьянъ также могли затруднять помѣщиковъ, хотя съ этимъ они кое-какъ справлялись. Всѣ эти причины должны были значительно тормозить переходъ помѣщичьихъ хозяйствъ къ типу чисто-денежныхъ. Тѣмъ не менѣе попытки

---

[1]) П. Б. Струве. «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства». «Міръ Божій», 1899 г., кн. XII, стр. 278 — 279. Этотъ расчетъ, конечно, приблизителенъ. Расчеты дореформенныхъ статистиковъ сильно расходились въ абсолютныхъ цифрахъ. См. Лященко. «Очерки аграрной эволюціи Россіи», стр. 190—193.

[2]) «Матер. для геогр. и стат. Россіи, собранные офицерами генер. штаба. Гродненская губ.», ч. II, стр. 151—252. Спб. 1863 г.

[3]) Елецкій помѣщикъ Пушечниковъ замѣчаетъ, напримѣръ, что низкія цѣны на произведенія земли въ Россіи заставляютъ сельскихъ хозяевъ ограничиваться самыми простѣйшими способами обработки земли: дорогія орудія искусственное удобреніе и вообще веденіе хозяйства по указаніямъ науки далеко не окупили бы затраченнаго капитала и труда. «Замѣтки елецкаго старожила». «Р. Арх.», 1905 г., кн. IV, стр. 573.

[4]) Никольскій. «Хозяйственное описаніе Балашовск. уѣзда, Саратовской губ.», стр. 70.

перехода къ болѣе интенсивному сельскому хозяйству, приноровленному къ сбыту продуктовъ на рынкѣ, все-таки встрѣчались.

О развитіи денежнаго хозяйства можно судить по росту внутренней и внѣшней торговли сельскими продуктами. О внутренней торговлѣ хлѣбомъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ; что же касается торговли внѣшней, то цифры офиціальной таможенной статистики указываютъ съ несомнѣнностью, что въ первой половинѣ XIX столѣтія торговля собственно хлѣбомъ всюду, за исключеніемъ Персіи и Азіатской Турціи, возросла, особенно торговля съ Европою. Вывозъ хлѣба на рынокъ сталъ замѣтно расти съ сороковыхъ годовъ и особенно съ начала пятидесятыхъ [1]). Конечно, этотъ хлѣбъ поставлялся не исключительно помѣщиками. На рынокъ вывозили хлѣбъ и крестьяне помѣщичьи, государственные, удѣльные, но помѣщики, въ виду бо́льшаго количества земли у нихъ въ рукахъ, поставляли и бо́льшую часть этого хлѣба. Такъ даже въ такой губерніи, какъ Екатеринославская, гдѣ былъ очень выгоденъ сбытъ хлѣба, въ крестьянскихъ хозяйствахъ преобладали хлѣба для собственнаго потребленія; помѣщичьи же хозяйства были приноровлены почти исключительно къ требованіямъ внѣшняго рынка [2]). Въ Херсонской губерніи крестьяне также почти не продавали хлѣба [3]). Г. Лященко указываетъ, что «въ общемъ итогѣ, по исчисленіямъ нѣкоторыхъ дореформенныхъ писателей, отъ крестьянъ поступало на внутренній и внѣшній рынокъ не болѣе 10% общаго количества, 90% поступало отъ помѣщичьяго хозяйства [4]). Крестьянъ нерѣдко заставляла продавать хлѣбъ нужда. Такъ, въ Смоленской губ. крестьяне входили въ долги у прасоловъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ для закупки хлѣба, пеньки и др. произведеній; пра-

---

[1]) Въ періодъ 1800 — 1845 г. хлѣбъ по цѣнности составлялъ 15 — 16% всего русскаго вывоза, въ 1846—1860 г. — уже 30 — 35%. Средній годовой вывозъ хлѣба повысился въ десятилѣтіе послѣ 1846 г. съ 28 милл. пудовъ до 51 милл., т.-к. на 88%. П. А. Рожковъ. «Экономич. разв. Россіи» «Ист. Россія въ XIX в.», вып. II—III, стр. 138—139.

[2]) «Мат. для геогр. и стат. Россіи. Екатериносл. губ.», стр. 133.

[3]) Осадчій. «Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губ. въ связи съ платежами крестьянъ». Херсонъ. 1894 г., стр. 50.

[4]) Лященко. «Очерки аграрной эволюціи въ Россіи», стр. 199 — 200. По вычисленіямъ Министерства Вн. дѣлъ, въ 40-хъ годахъ въ Харьковской губ. у крестьянъ за покрытіемъ своихъ нуждъ оставалось около 15,000 чет. ржи, у помѣщиковъ болѣе 1,000,000 четв. (Забл.-Десятовскій. т. IV, стр. 332); подобное же явленіе отмѣчалось въ Пензенской, Саратовской и др. губерніяхъ. Лященко, стр. 200.

солы снабжали крестьянъ всѣмъ необходимымъ (соль, табакъ, даже лошадь въ разсрочку и т. п.), вознаграждая себя съ лихвою при осеннихъ расплатахъ хлѣбомъ и другими сельскими продуктами [1]). Конечно, среди крестьянъ встрѣчались и профессіональные торговцы хлѣбомъ. Съ другой стороны, оброчные крестьяне, занимавшіеся только земледѣліемъ, должны были неизбѣжно продавать хлѣбъ и др. продукты своего хозяйства для уплаты оброка.

Ростъ хлѣбной торговли повліялъ до нѣкоторой степени и на измѣненіе въ системѣ веденія сельскаго хозяйства. Помѣщики, вмѣсто производства почти исключительно для себя, вывозили все больше и больше сельскихъ продуктовъ на рынокъ.

О состояніи внутренняго рынка у насъ, какъ уже упомянуто выше, нѣтъ систематическихъ данныхъ; имѣются, однако, указанія, что внутренній рынокъ имѣлъ больше значенія для торговли сельскими продуктами, чѣмъ внѣшній. Такъ, А. Семеновъ (въ книгѣ своей «Изученіе историческихъ свѣдѣній о внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г.») указываетъ на невыгоды внѣшней торговли сельскими продуктами. Прежде всего «большій или меньшій вывозъ хлѣба зависитъ отъ состоянія урожая за границею» [2]). Большой урожай понижаетъ спросъ, меньшій повышаетъ, такъ что эти колебанія дѣлаютъ невозможными для сельскихъ хозяевъ правильные расчеты въ хозяйствѣ. Хлѣбной торговлѣ, по указанію Семенова, мѣшаетъ также соперничество Америки, Египта и Турціи (для пшеницы и кукурузы), въ сбытѣ другихъ сельскихъ продуктовъ другія страны. Кромѣ того, заграничное требованіе простирается больше на пшеницу, слѣдовательно, на такого рода хлѣбъ, который въ средней полосѣ Россіи мало производится...

---

[1]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хоз. стат.», стр. 254. О вынужденной продажѣ хлѣба говоритъ и г. Лященко на стр. 208 своей книги. На подобную же продажу хлѣба (для уплаты податей, земскихъ сборовъ и т. под.) указываетъ и елецкій помѣщикъ Пушечниковъ. Крестьянамъ приходилось нерѣдко продавать хлѣбъ, несмотря на низкія цѣны, не оставляя необходимаго количества для собственнаго продовольствія См. «Замѣтки старожила Елецкаго уѣзда». «Русск. Арх.», 1905 г., кн. IV, стр. 542.

[2]) Семеновъ, стр. 310. Елецкій помѣщикъ Пушечниковъ въ своей записной книгѣ отмѣчаетъ, напримѣръ, въ 1852—53 году, что вслѣдствіе слабаго требованія хлѣба за границу цѣна на него была средняя, хотя зима въ тотъ годъ угрожала неурожаемъ и препятствовала передвиженію хлѣба. Пушечниковъ. «Замѣтки старожила Елецкаго уѣзда съ 1842 по 1872 г.» «Русск. Арх.» 1905 г., кн. IV, стр. 572.

Отпускъ пшеницы подверженъ случайностямъ войны, установленія таможенныхъ пошлинъ въ иностранныхъ государствахъ на привозный хлѣбъ; самая отдаленность нашихъ приморскихъ городовъ отъ заграничныхъ рынковъ замедляетъ отпускъ хлѣба въ иностранныя государства [1]). Между тѣмъ внутреннимъ губерніямъ, въ виду отдаленности ихъ отъ рынковъ для заграничнаго отпуска хлѣба, заграничная торговля представляетъ менѣе выгодъ, чѣмъ сбытъ хлѣба внутри государства. Семеновъ особенно сильно напираетъ на значеніе для внутренняго рынка именно сѣверныхъ промысловыхъ губерній. Принимая въ общемъ, что заграничный отпускъ равняется пяти милліонамъ четвертей хлѣба, Семеновъ считаетъ, что на внутренній рынокъ поставляется ежегодно до сорока милліоновъ четвертей хлѣба, т.-е. въ восемь разъ больше, чѣмъ на внѣшній. Другія сельскія произведенія, по его словамъ, также сбываются, главнымъ образомъ, на внутреннемъ рынкѣ. Если даже принять половину его цифры, все же очевидно, что значеніе внутренняго рынка для сельскихъ хозяевъ, сравнительно съ внѣшнимъ, было очень велико.

Это подтверждается и мѣстными изслѣдователями крѣпостного времени. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, Костромской губ., приволжскіе крестьяне покупали для сѣмянъ ячмень и овесъ съ барокъ, привозящихъ хлѣбъ изъ низовыхъ губерній [2]). Въ Тверской губ. даже при урожаѣ ржи самъ-3½, а ярового самъ-3 сельскому населенію приходилось терпѣть недостатокъ въ хлѣбѣ, а въ неурожайные годы часть земледѣльцевъ должна была «искать пропитанія на сторонѣ, а достаточные покупать хлѣбъ съ января мѣсяца» [3]). Въ Смоленской губ. крестьяне никогда не продавали ржи, но нерѣдко покупали. Въ продажу поступала одна только помѣщичья рожь, и той не очень много, потому что значительная часть ея шла на содержаніе дворовыхъ, а иногда и крестьянъ, въ особенности въ неурожайные годы [4]). Въ имѣніи фонъ-Шлиппенбаха С.-Петербургской губ. въ 50-хъ годахъ близъ Петербурга въ помѣщичьемъ

---

[1]) Семеновъ, стр. 306.

[2]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практ. замѣч. кинеш. землѣд.», стр. 21.

[3]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ.», стр. 276—277.

[4]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. стат. Смол. губ.», стр. 304. Г. Лященко въ своей работѣ «Очерки аграрной эволюціи Россіи» также указываетъ, что центральныя губерніи отгѣснялись отъ внѣшняго рынка южными губерніями: «главными потребительными рынками для него, кромѣ всей вообще нечерноземной полосы, являлись С.-Петербургъ, Москва и др. сѣверные города», стр. 203—204.

хозяйствѣ производили только продукты, имѣющіе наибольшій сбытъ въ столицѣ [1]).

Извѣстный помѣщикъ крѣпостного времени Сабуровъ въ 1858 г. дѣлилъ Европейскую Россію на 3 части: *сѣверную*, гдѣ болѣе 16 милліоновъ вовсе не производятъ или очень мало производятъ хлѣба на свое продовольствіе и живутъ преимущественно промышленностью. *Среднюю* — тоже около 16 милліоновъ,—гдѣ при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ у помѣщиковъ производится значительный избытокъ хлѣба, изъ котораго до 30 милліоновъ четвертей идетъ на внутреннюю торговлю, требующую не менѣе 40 милліоновъ четвертей. Эти 30 милліоновъ четвертей уходятъ частью въ сѣверную полосу — 10 милл. четвертей, а остальное расходится на продовольствіе городскихъ и малоземельныхъ жителей средней полосы, на винокуреніе тутъ и въ сѣверной полосѣ, на продовольствіе войскъ и проч. Въ *южной* полосѣ — 10 милліоновъ жителей—занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ и производятъ значительный избытокъ хлѣбовъ. По своему отдаленію эта полоса не можетъ доставлять своего хлѣба въ сѣверную полосу, а отправляютъ туда скотъ, рыбу, шерсть, соль, рыбій клей, икру, виноградъ, вино, фрукты и проч.; хлѣбъ же свой она отправляетъ черезъ порты за границу [2]).

Главными потребителями хлѣба, идущаго въ промысловыя губерніи, были оброчные крестьяне этихъ губерній. Отъ степени ихъ благосостоянія зависѣлъ и ростъ этого рынка, а тормазомъ для развитія этого благосостоянія было крѣпостное право. Такимъ образомъ сельскіе хозяева хлѣбороднаго района были въ извѣстной степени заинтересованы въ благосостояніи промысловыхъ губерній, а насколько это благосостояніе связано было съ крѣпостнымъ правомъ, и въ паденіи послѣдняго. Слѣдовательно, самый ростъ сельскаго хозяйства могъ до извѣстной степени доводить сельскихъ хозяевъ до сознанія выгодъ отмѣны крѣпостного права, если не въ ихъ губерніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ промышленныхъ. Конечно, такое сознаніе могло явиться лишь у очень развитыхъ хозяевъ, способныхъ оцѣнивать выгоды и невыгоды положенія, откинувъ различныя традиціи, привязанность къ крѣпостному праву,

---

[1]) «Хозяйство ген.-лейт. фонъ-Шлиппенбаха въ Александровскомъ имѣніи, близъ С.-Петербурга». Составилъ членъ Имп. В. Э. Общества Я. Іонсонъ, Спб. 1857 г. стр. 4.

[2]) «Соображенія, касающ. до улучшенія быта крестьянъ», Пензен. помѣщика Ив. Сабурова. «Журналъ Земледѣльцевъ», 1858 г., № 12. отд. II. стр. 2 – 3.

и притомъ у хозяевъ, перешедшихъ уже къ исключительно денежному хозяйству. Такихъ хозяевъ не могло быть много.

Всѣ указанныя выше затрудненія помѣщичьяго сельскаго хозяйства привели къ тому, что помѣщики обратились къ промышленнымъ предпріятіямъ для переработки сельскихъ сырыхъ продуктовъ въ такіе, которые могли получить болѣе легкій сбытъ на рынкѣ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно на юго-западѣ, помѣщики, разводя свеклу, устраивали свеклосахарные заводы. Въ 1845 г. считалось 206 сахарныхъ заводовъ съ производствомъ въ 484.000 пуд., а въ 1848 г. заводовъ было уже 340, размѣры же производства достигли до 900.000 пуд. [1]). Въ другихъ губерніяхъ, сѣверныхъ по преимуществу, получили развитіе винокуренные заводы [2]), распространились также суконныя фабрики и иныя подобныя заведенія.

Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія вызывало и другія явленія въ сельско-хозяйственной практикѣ помѣщиковъ. Необходимость доставлять хлѣбъ хотя бы на ближайшіе рынки заставляла помѣщиковъ увеличивать извозную повинность. Такъ, Самаринъ указываетъ, что по справкамъ, наведеннымъ въ имѣніяхъ Московской, Тульской и Рязанской губерній, «почти постоянно, особенно, если въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ имѣніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, гдѣ съ тягла ставилась прежде одна подвода, тамъ теперь ставятъ двѣ, три и больше» [3]). То же говоритъ и А. И. Кошелевъ, указывая, что въ помѣщичьихъ хозяйствахъ «хлѣбные отвозы утроились и учетверились» [4]). Насколько была велика извозная повинность, показываетъ такой фактъ. Въ

---

[1]) П. А. Рожковъ. «Экономич. развитіе Россіи въ 1-й половинѣ XIX вѣка». «Исторія Россіи XIX в.», изд. бр. Гранатъ, вып. II, стр. 141.

[2]) Въ Малороссіи въ 30-хъ годахъ во многихъ имѣніяхъ хлѣбопашество соединялось съ винокуреніемъ: винокуреніе поглощало не только весь лишній хлѣбъ, но требовало даже закупки хлѣба въ сосѣдней Курской и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ (Рожковъ. «Экономич. развитіе Россіи въ 1-й полов. XIX в.», стр. 163). О значеніи винокуренія для помѣщичьихъ имѣній въ Полтавской губ. см. также статью Н. В-цкаго. «Очерки дореформеннаго быта въ Полтавскомъ побережьѣ» («Кіевск. Старина», 1896 г., іюль — августъ, стр. 128). Въ Екатеринославской губ. въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ рожь сѣяли спеціально для винокуренія. («Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Екатеринославская губ.», стр. 172). О винокуреніи въ Смоленской губ. см. «Сельско-хозяйств. статистику Смол. губ.», Я. Соловьева, стр. 386.

[3]) Самаринъ, т. II, стр. 69.

[4]) Записки А. И. Кошелева. Приложенія, стр. 87. Цитир. по книгѣ Поваляшина. «Рязан. помѣщики и ихъ крѣп.», стр. 44.

селѣ Скачихѣ кн. Волконскаго, въ Саратовской губ., крестьяне должны были отвозить хлѣбъ на своихъ лошадяхъ въ г. Моршанскъ, за 200 верстъ отъ Скачихи. «На эту повинность шло по 6 пудовъ съ каждаго тягла, что составитъ въ оба конца 2400 верстъ извоза на одно тягло, на одну подводу». Хотя предводитель дворянства и призналъ такой размѣръ подводной повинности слишкомъ тяжелымъ, но счелъ возможнымъ понизить его лишь на одну треть, т.-е. до 4-хъ подводъ съ тягла [1]).

Насколько была велика разница въ отношеніи извозной повинности при натуральномъ хозяйствѣ и денежномъ, приноровленномъ къ производству на рынокъ, видно изъ брошюры кн. Волконскаго. Помѣщикъ Колобовъ не прибѣгалъ къ увеличенію извозной повинности, а предпочиталъ продавать хлѣбъ дома, хотя бы и за болѣе дешевую цѣну. Этимъ онъ снискалъ себѣ среди крестьянъ большую популярность. Помѣщикъ Тепловъ въ Орловской губ., съ цѣлью освободить крестьянъ отъ обременительной извозной повинности, стремился развить мелочную торговлю хлѣбомъ на мѣстѣ; на такое рѣшеніе вліяло и то обстоятельство, что «мелочныя мѣстныя цѣны бываютъ выгоднѣе» [2]). Помѣщикъ Рязанской губ., Семеновъ, такъ цѣнилъ подводную повинность, что въ своемъ имѣніи онъ за вывозъ на разстояніе 350 в. сверхъ 156 положенныхъ пудовъ еще 26 пуд. на тягло брался уплатить всѣ казенныя земскія повинности и принять на свой счетъ обмундировку и отдачу рекрутъ въ тотъ годъ, въ который придется очищать рекрутскую повинность, если только повинности не будутъ превышать 4 руб. серебромъ. Интересно, что въ XVIII вѣкѣ одна подвода на разстояніи 270 верстъ цѣнилась только въ 1 р. 50 к. «Подводная повинность считалась,—говоритъ кн. Волконскій,—самою тяжелою и подчасъ обращалась для крестьянъ въ настоящую зимнюю страду» [3]). Помѣщикъ Семеновъ въ своемъ руководствѣ, которое, по словамъ кн. Волконскаго, можно признать типичнымъ для условій среднихъ помѣщичьихъ хозяйствъ Рязанской губерніи, считаетъ на подводную повинность 2603 мужскихъ дней при 5230 лошадяхъ (въ имѣніи 283 р. д. м. п.). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, помѣщики давали крестьянамъ, для облегченія тяжелой извозной повинности, землю или извѣстное количество

---

1) Мордовцевъ. «Наканунѣ воли», стр. 51.
2) Тепловъ. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ». Москва, 1870 г., стр. 216.
3) Кн. Волконскій, указ. соч., стр. 142.

возовъ сѣна. Помѣщики Смоленской губ. иногда платили деньгами за поставку хлѣба [1]). Въ Рязанской губ. вывозкою хлѣба занимались государственные крестьяне и оброчные, такъ какъ иногда помѣщики были не въ состояніи вывезти весь хлѣбъ на рынокъ при помощи крестьянъ.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ денежному хозяйству росли и помѣщичьи запашки. Помѣщики начинали все болѣе и болѣе цѣнить землю. Необходимость отвода части земли крестьянамъ стѣсняла ихъ, а потому у нихъ являлось стремленіе уменьшить количество крестьянской земли. Какъ было указано выше, въ двадцати разсмотрѣнныхъ губерніяхъ, тамъ, гдѣ преобладалъ процентъ барщинныхъ крестьянъ, общее количество земли, предоставленной въ пользованіе крестьянъ, упало въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII до половины и менѣе всей господской удобной земли. Съ цѣлью сохранить для себя возможно большее количество земли нѣкоторые помѣщики прекращали нарѣзку земли на вновь прибывшія тягла, прекращали увеличеніе количества послѣднихъ, переводя часть крестьянъ въ затяглые, отпускали лишнихъ крестьянъ на безземельный оброкъ, наконецъ, переселяли ихъ въ другія свои многоземельныя имѣнія или же продавали крестьянъ безъ земли на выводъ. Объ увеличеніи барщинной запашки свидѣтельствуютъ современники: Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ черноземныхъ губерніяхъ въ сороковыхъ годахъ крестьяне обрабатывали на помѣщика болѣе, чѣмъ на себя. Такъ въ Саратовской губерніи въ имѣніи кн. К. каждое тягло должно было обработать болѣе 21 дес., изъ которыхъ лишь 7 десятинъ обрабатывало на себя. Въ Нижегородской губ., въ имѣніи г-жи Пр—вой, «крестьяне, обрабатывая на себя по 740 дес., помѣщику обрабатывали 900 десятинъ и т. д.» [2]). По указанію А. П. Кошелева въ его запискѣ 1858 г. «господскія запашки удвоились и утроились» [3]).

Но нѣкоторыя данныя указываютъ, что такое рѣзкое увеличеніе запашки не было общимъ правиломъ. Снѣжневскій вычислилъ размѣръ крестьянской и господской запашки въ Нижегородскомъ уѣздѣ по десятилѣтіямъ за время отъ конца XVIII вѣка до 1861 г. и пришелъ къ заключенію, что «барщинная запашка въ среднемъ выводѣ была всегда менѣе кре-

---

[1]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хоз. стат. Смол. губ.», стр. 219.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 277.

[3]) Записки Кошелева. Приложенія, стр. 87. См. Повалишина. «Ряз. помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 44.

стьянской и менѣе почти вполовину... Тамъ, гдѣ помѣщичья запашка равнялась крестьянской, послѣдніе уже тяготились ею, но тамъ, гдѣ она превышала послѣднюю, крестьяне были или разорены, или стояли близко къ этому [1]). Гр. Киселевъ въ своей запискѣ, представленной въ секретный комитетъ 1839 г., указывалъ, что въ его время въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барщинная запашка обычно или равнялась крестьянской, или составляла половину послѣдней; барщинная запашка перваго рода считалась весьма обременительной [2]). Въ 50-хъ гг. въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., крестьянское тягло, получая въ среднемъ по 2 десят. въ полѣ, до 2-хъ десятинъ въ общемъ выгонѣ и часть сѣнокосовъ, смотря по ихъ обилію, «такое же количество обрабатывало и на помѣщика». При большемъ количествѣ господской запашки приходилось прибѣгать къ наемнымъ рабочимъ, особенно во время сѣнокосовъ и жатвы [3]).

Губернскій дворянскій комитетъ указалъ въ 1859 г., что въ Саратовской губ., при господской запашкѣ во всѣхъ поляхъ [4]) въ губерніи въ 816.113 дес., крестьянской пахоты во всѣхъ поляхъ было 818.724 дес. [5]). По указанію того же комитета, крестьяне обрабатывали на помѣщика 414.831 дес. Если разложить это количество только на барщинныя тягла (67.632$^1/_4$ во всей губерніи), то одно тягло обрабатывало 6 слишкомъ десятинъ; на самомъ дѣлѣ это количество нужно уменьшить, ибо въ обработкѣ господской запашки принимали

---

[1]) В. Снѣжневскій. «Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства въ Нижегородскомъ уѣздѣ». Дѣйств. Нижегор. Уч. Арх. Ком., 1905 г., вып. VI, стр. 25. Снѣжневскій дѣлаетъ указанный выводъ на основаніи слѣдующей таблицы:

Годы.	Число помѣщ. селеній.	Количество запашки на душу: крестьянской	господской
1790 — 1800	1	1,5	0,7
1801 — 1810	1	3,0	1,5
1811 — 1820	———	———	———
1821 — 1830	6	2,6	1,7
1831 — 1840	7	2,6	1,5
1841 — 1850	10	3,2	2,0
1851 — 1860	10	2,3	1,8

[2]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 39.

[3]) А. Никольскій. «Хозяйств. описаніе Балашовск. у.», стр. 59.

[4]) Не забудемъ о распространенности переложной системы въ этой губерніи.

[5]) Зато сѣнокосовъ у помѣщиковъ было больше, а именно: у владѣльцевъ было 351.908 дес., у крестьянъ—118.865 дес.

участіе и крестьяне, состоящіе на смѣшанныхъ повинностяхъ. Въ Калужской губ., также по указанію мѣстнаго губернскаго дворянскаго комитета, размѣръ господской запашки былъ отъ 1 до 1½ дес. въ клину на одно тягло; вообще тамъ практиковалась «испольная работа». Въ Смоленской губ. въ 50-хъ годахъ «норма господской работы на тягло обыкновенно 1 дес. въ полѣ», а такъ какъ должностныя лица освобождались отъ барщины, то на 100 тяголъ приходилось не болѣе 80 дес. при хорошемъ веденіи хозяйства.

По указанію С. Дмитріева, въ Костромской губ. при трехдневной барщинѣ на тягло должно было засѣваться 1½ четв. ржи и 6 четвериковъ ярового; увеличенные посѣвы хлѣбовъ— болѣе 2-хъ четв. ржи на тягло — заставляли помѣщиковъ устанавливать четырехдневную барщину [1]). По словамъ А. И. Кошелева, господская запашка въ Рязанской губ. не должна была превышать 150 дес. указной мѣры въ каждомъ полѣ на 100 тяголъ, т.-е. 1½ дес. на тягло въ полѣ. Всякій излишекъ противъ этой пропорціи долженъ былъ принудить помѣщика или къ усиленію уроковъ или къ отнятію у крестьянъ собственныхъ ихъ дней [2]). Самаринъ также полагалъ, что для веденія помѣщичьяго хозяйства «съ нѣкоторою выгодою для помѣщика и безъ отягощенія крестьянъ» господская запашка не должна превышать въ сѣверныхъ отъ Москвы губерніяхъ 1½ казенныхъ десятинъ въ полѣ, а въ среднихъ и въ степныхъ — 2-хъ десятинъ [3]). Вышеприведенные факты подтверждаютъ обобщеніе Самарина. Но, напримѣръ, образцовый хозяинъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губ., В. Л. Демидовъ, полагалъ на одно тягло лишь по 1 дес. въ каждомъ изъ 3-хъ полей господской запашки и по 3 дес. покоса; крестьянамъ же онъ давалъ на тягло по 3 дес. въ полѣ и ⅔ дес. луга [4]). Съ другой стороны, въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., барщинная запашка въ 30 дес. въ каждомъ изъ 3-хъ полей на 100 рев. душъ считалась «весьма обремени-

---

[1]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣчаній кинешемск. земледѣльца», стр. 5—6 и 20. Примемъ во вниманіе, что по изслѣдованію Снѣжневскаго въ Нижегород. уѣздѣ въ среднемъ на 1 хозяйственную десятину высѣвалось ржи 12 мѣръ и на казенную—9. Снѣжневскій. «Матеріалы для ист. крѣп. хоз. въ Нижегор. у.». Дѣйствія Нижег. Уч. Арх. Ком., вып. VI, стр. 11.

[2]) Повалишинъ. «Ряз. помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 51.

[3]) Самаринъ, т. II, стр. 82.

[4]) Снѣжневскій. «Выковская вотчина Демидовыхъ», Д. Нижг. Уч. Арх., Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 48.

тельною, которая уже съ трудомъ можетъ быть обработана [1]).

Уменьшеніе среднихъ крестьянскихъ надѣловъ въ XIX вѣкѣ сравнительно со среднимъ надѣломъ въ XVIII было уже отмѣчено выше. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ надѣлъ сокращался иногда до невозможности существовать съ него крестьянамъ. Въ имѣніи Пензенской губ. помѣщика Столыпина земля не прирѣзалась съ 1816 г. до второй половины сороковыхъ годовъ, а между тѣмъ за это время число крестьянъ возросло съ 240 до 336 ревизскихъ душъ. При ежегодномъ передѣлѣ земли между крестьянами надѣлы стали, въ концѣ-концовъ, недостаточными, и прежде богатые крестьяне, при отсутствіи подсобныхъ промысловъ, обѣднѣли [2]). Самаринъ указывалъ, что крестьянскія поля сокращаются до послѣдней возможности, и лучшія земли отходятъ подъ господскую запашку; при обмежеваніяхъ особенно часто происходятъ невыгодные для крестьянъ обмѣны: отъ нихъ нерѣдко отрѣзывается земля безъ всякаго вознагражденія [3]). Съ точки зрѣнія эгоистическихъ расчетовъ помѣщиковъ вполнѣ понятно стремленіе ихъ сократить крестьянскіе надѣлы до того, чтобы сборъ съ даваемаго количества земли только-только покрывалъ потребности крестьянъ. Съ цѣлью не увеличить количество крестьянской земли помѣщики переставали прирѣзать землю на вновь прибывавшія тягла при увеличеніи населенія, а заставляли крестьянъ передѣляться. Особенно замѣтно было это въ тридцатыхъ годахъ, какъ указываетъ Заблоцкій-Десятовскій, въ малоземельныхъ имѣніяхъ. Въ многоземельныхъ прирѣзки еще могли совершаться безъ большого ущерба для помѣщиковъ.

Но и передѣлы земли могли быть выгодными помѣщику только до тѣхъ поръ, пока надѣлъ обезпечивалъ существованіе крестьянина. Въ противномъ случаѣ помѣщики обращали часть крестьянъ въ затяглыхъ, не имѣвшихъ земли, но или не несшихъ никакихъ повинностей, или обложенныхъ легкимъ оброкомъ и другими незначительными повинностями. Напримѣръ, въ имѣніи Яковлева, Калужской губ., при 111½ тяглахъ, надѣленныхъ землею, «затягольныхъ», т.-е. не несущихъ тягла, было около 58 тяголъ или 146 душъ. Они не имѣли

---

[1]) Есимонтовской. «Описаніе Суражскаго у., Черниг. губ., стр. 9—10.

[2] Д. Столыпинъ. «Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права». «Русскій Архивъ», тетрадь 5.

[3]) Самаринъ, т. II, стр. 60.

надѣловъ, отправляли караулы и разныя черныя работы на барскомъ дворѣ. Послѣ волненія крестьянъ, бывшаго въ этомъ имѣніи въ 1859 г., положеніе крѣпостныхъ въ этомъ имѣніи было признано тяжелымъ, и Яковлеву было предложено передѣлить землю, образовавъ новыя земельныя тягла; дворы же, которые должны были остаться затягольными, обязывались отбывать караулы черезъ двѣ недѣли въ третью или взамѣнъ этого платить оброкъ отъ 6 до 7 руб. съ тягла въ годъ; освобождались отъ этихъ повинностей лишь дряхлые и увѣчные [1]).

Въ связи съ этимъ можно поставить запрещеніе раздѣловъ семей, при которыхъ необходимы были раздѣлы земли или новая прирѣзка ея. Послѣднее было невыгодно для помѣщика, а первое уменьшало рабочую силу крестьянскаго тягла. Поэтому помѣщики мѣшали раздѣламъ, такъ что получались иногда громадныя семьи, доходящія до 27 и 40 человѣкъ [2]). Нѣкоторые помѣщики Смоленской губ. допускали раздѣлы только въ томъ случаѣ, если въ каждомъ изъ новыхъ дворовъ будетъ не менѣе трехъ или двухъ работниковъ. Одинокихъ крестьянъ помѣщики усиливали присоединеніемъ другого работника: сироты—близкаго родственника, во всякомъ случаѣ съ обоюднаго согласія [3]).

Но, отнимая землю у крестьянъ, уменьшая крестьянскіе надѣлы, не надѣляя ихъ землею, помѣщикъ былъ все же ограниченъ въ экономической эксплуатаціи крестьянъ отвѣтственностью за ихъ продовольствіе. Съ этою цѣлью помѣщики, какъ выше указывалось, прибѣгали къ общественнымъ запашкамъ, заводили запасные магазины, куда ссыпали хлѣбъ, собранный ими на подобныхъ запашкахъ или при помощи особыхъ сборовъ съ крестьянъ. Въ неурожайные годы хлѣбъ выдавался крестьянамъ изъ этихъ магазиновъ.

Помимо продовольственной помощи, помѣщикамъ приходилось помогать крестьянамъ и въ другихъ несчастныхъ случаяхъ, что диктовалось въ значительной степени собственными ихъ интересами. Судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ самими помѣщиками въ губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ концѣ 50-хъ годовъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ были богадѣльни, больницы, аптеки, существовали мірскіе или обществен-

---

[1]) А. Корниловъ. «Крестьянская реформа въ Калужской губ.», стр. 12—13.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. т. IV, стр. 306.

[3]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хоз. стат. Смол. губ.», стр. 199.

ные, ссудные, сиротскіе капиталы и т. под. [1]). Но подобныя свѣдѣнія встрѣчаются почти исключительно въ имѣніяхъ, принадлежащихъ очень крупнымъ помѣщикамъ, напримѣръ, въ имѣніяхъ гр. Шереметева, кн. Воронцова, барона Розена, наслѣдниковъ кн. Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, гр. Шувалова, гр. Орлова, гр. Суворова-Рымникскаго, Мальцова и т. под. Относительно же среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ, видимо, вѣрна характеристика Н. А. Крылова, указывающаго, что помѣщики «помогали крестьянамъ исключительно для своихъ хозяйственныхъ выгодъ, чтобы не потерять тягла. Случалось, что покупали лошадь, давали сѣмянъ, лѣсу, хворосту, овцу съ барскаго двора и т. под., но не было ни благотворительныхъ домовъ, ни яслей, ни больницъ, ни училищъ». Обезпеченіе крестьянъ въ старости, напримѣръ, нерѣдко «лежало на обязанности семействъ этихъ крестьянъ, или питались они Христа ради» [2]). О призрѣніи престарѣлыхъ въ богадѣльнѣ средствами самихъ крестьянъ даже въ слободѣ Алексѣевкѣ (Воронежской губ.) такого крупнаго помѣщика, какъ гр. Шереметевъ, разсказываетъ авторъ воспоминаній объ этой слободѣ со словъ алексѣевскаго старожилы Штурбы [3]). О необезпеченности продовольствія крестьянъ въ голодные годы приходилось уже говорить. Самъ народъ слѣдующими словами описываетъ пресловутую помощь дворянъ крѣпостнымъ въ одной изъ бѣлорусскихъ пѣсенъ: «Разговоръ Данилы со Сызѣпаномъ».

«Якъ ча́самъ придзе́шь, чаго́ напраси́ць:
Нимашь чимъ ара́ць, нимашь чимъ каси́ць;
Будзь ла́скаў пано́чку, парату́й у пригодцѣ!»
Ажъ енъ крычы́ць, ла́иць, нимашь конца́ и годзе,
А каня́, ци хлѣба даста́ць, вѣльми трудна,

---

[1]) Такъ, въ свѣдѣніяхъ по имѣніямъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, богадѣльни отмѣчены лишь въ 8 имѣніяхъ, больницы — въ 24 имѣніяхъ (изъ нихъ въ 2-хъ имѣніяхъ 2 больницы были устроены на счетъ самихъ крестьянъ); аптеки—въ 2-хъ имѣніяхъ. Для помощи крестьянамъ въ 27 имѣніяхъ существовали капиталы подъ разными наименованіями: въ 19 имѣніяхъ — мірскіе вспомогательные капиталы, въ 1 имѣніи просто «вспомогательный капиталъ», въ 3-хъ—«крестьянскіе капиталы», въ одномъ — «ссудный капиталъ», наконецъ въ 3-хъ имѣніяхъ были «мірскіе банки, для вспомоществованія», «общественный банкъ» и «сиротскій банкъ». Эти свѣдѣнія нельзя считать полными, ибо они носятъ случайный характеръ. Приложенія къ Тр. Ред. Комиссіи, тт. I—VI.

[2]) Н. А. Крыловъ. «Наканунѣ вел. реформъ». «Ист. В.», 1903 г., кн. IX, стр. 801.

[3]) «Изъ недавняго прошлаго Слободской Украйны». «Кіевск. Стар.», 1896 г., кн. IV.

Панъ самъ не здарбу, пани нешта нудна.
Придзи другимъ разамъ; а тымъ часамъ у поли
Ня зробишь ў нарў работы николи;
И у дому—на поле ни за порогъ выйци,
Бони на пригоны нимали чимъ рабіци,
Идзи—хоць ты тресни, намъ не спагадаюць;
Поруць, бьюць, лаюць и у каркъ пихаюць» [1]).

Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать, что хозяйственные интересы заставляли помѣщика, обрабатывающаго запашку барщинным трудомъ, заботиться о поддержаніи крестьянскаго хозяйства на извѣстной ступени благосостоянія. Нельзя забывать, что въ большинствѣ случаевъ помѣщичья запашка обрабатывалась крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ, помѣщичьи поля нерѣдко удобрялись крестьянскимъ же навозомъ. Слѣдовательно, для наилучшей обработки господской запашки необходимо было, чтобы рабочія тягла имѣли хорошій скотъ и инвентарь, т.-е. чтобы крестьянское хозяйство было исправно. Московскій помѣщикъ А. В. П. опредѣленно указывалъ, что заботу помѣщиковъ о крестьянахъ не слѣдуетъ относить «ни къ ихъ особенному великодушію, ни къ какимъ-либо другимъ побужденіямъ, а это есть просто слѣдствіе отношеній, основанныхъ на взаимныхъ выгодахъ... Помѣщикъ, нуждающійся въ крестьянахъ, поддерживаетъ ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они могутъ быть для него полезны» [2]). Съ этою цѣлью помѣщики не только въ экстренныхъ случаяхъ помогали крестьянамъ, но и въ обыденной жизни слѣдили, чтобы крестьяне не допускали себя до разоренія. Въ имѣніи помѣщика Глушкова, Егорьевскаго уѣзда, Костромской губ., бурмистръ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы хлѣбъ безъ надобности не продавался; для этого онъ отбиралъ излишекъ, запиралъ въ общественный магазинъ и выдавалъ по мѣрѣ надобности на ѣду или для продажи на необходимыя нужды. Для лучшаго надзора одинъ крестьянинъ находился подъ присмотромъ другого, этотъ—у третьяго и т. д. Амбаръ запирался двумя ключами, изъ которыхъ одинъ былъ у хозяина, другой у сосѣда, такъ что одинъ безъ другого не могли войти въ него [3]). Въ Смоленской губ. помѣщики нерѣдко отбирали яровые хлѣба тотчасъ послѣ урожая для посѣва на будущій

---

[1]) Шейнъ, «Р. Стар.», 1886 г., мартъ.

[2]) «Описаніе улучшенія быта крестьянъ Московск. губ., Подольск. у., въ имѣніи А. В. П.» «Журналъ землевладѣльцевъ», 1858 г., № 13, стр. 16.

[3]) Ф. Д. Бобковъ. «Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка» «Ист. Вѣст.», 1907 г., кн. V, стр. 151 - 152.

годъ. Этимъ хотѣли оградить крестьянъ отъ займовъ у прасоловъ [1]).

Иногда помѣщики заставляли ссыпать въ особые амбары хлѣбъ, собранный съ крестьянской земли, и лично выдавали его крестьянамъ по мѣрѣ надобности. Такой именно способъ рекомендуетъ Семеновъ въ своемъ «Руководствѣ». Нѣкоторые помѣщики, какъ указываетъ Самаринъ, отбирали у своихъ крестьянъ послѣ уборки хлѣба сѣмена для будущаго посѣва и держали ихъ у себя; запрещали имъ безъ дозволенія конторы занимать деньги, продавать что-либо изъ своего имущества, назначали крестьянамъ, отпуская ихъ на заработки, куда имъ итти, условливались за нихъ съ подрядчиками, принимали отъ подрядчиковъ заработанныя деньги, выдавая ихъ крестьянамъ по мѣрѣ надобности и лишь на опредѣленные расходы. Помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ разрѣшали крестьянину вступать въ бракъ не раньше, чѣмъ онъ выучивался какому-либо мастерству и доказывалъ свое умѣніе, выполнивъ на господскомъ дворѣ заданный ему урокъ; этимъ убѣждались, что крестьянинъ можетъ содержать семью. Одинъ пензенскій помѣщикъ объявилъ крестьянамъ въ 1847 г., что онъ разрѣшитъ жениться только тѣмъ, кто обучится грамотѣ и какому-либо ремеслу [2]). Въ имѣніи А. В. П., Подольскаго уѣзда, Московской губ., крестьянинъ съ 18 лѣтъ получалъ тягло, но съ 18 до 20 лѣтъ «промышлялъ на себя и обрабатывалъ свою землю для того, чтобы приготовиться къ женитьбѣ и завестись хозяйствомъ... Съ 20 лѣтъ женится или нѣтъ — поступаетъ или на барщину или на оброкъ» [3]).

Рязанскій помѣщикъ кн. В. тщательно слѣдилъ за обработкою крестьянскихъ земель, за ихъ обсѣмененіемъ, приходя въ случаѣ нужды на помощь, хотя и строго требовалъ возврата ссудъ; старосты должны были слѣдить также, чтобы чужіе люди не допускались пахать крестьянскія земли; даже свои крестьяне не могли нанимать земли у своихъ. «Тотъ же порядокъ существовалъ и въ имѣніи Семенова: крестьяне не имѣли права передавать земель, данныхъ имъ отъ помѣщика въ пользованіе, никому, даже крестьянамъ своего селенія; не имѣли права даже промѣнивать земли, хотя бы на одинъ посѣвъ. Виновные въ этомъ подвергались наказанію (штрафъ) [4]).

---

[1]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. статистика въ Смол. губ.», стр. 254.

[2]) «Письмо пенз. помѣщика», Тр. В. Э. Общества, 1845 г., № 5.

[3]) «Описаніе улучш. быта крестьянъ...» «Журн. Землевладѣльцевъ», 1858 г., № 13, стр. 10.

[4]) Повалишинъ. «Ряз. помѣщики и ихъ кѣпостные» стр. 49.

В. Л. Демидовъ, учредившій особыхъ надзирателей за поведеніемъ крестьянъ, ставилъ имъ въ обязанность наблюдать, чтобы никто «ни продавалъ, ни даромъ не давалъ, ниже въ милостыню не подавалъ: дровъ, сѣна, мякины, соломы; если же двухъ послѣднихъ у кого накопится много, то излишнія для продажи испрашивалъ бы позволенія у выборнаго, а безъ сего отнюдь бы не продавалъ. Равно свою тягловую землю внаемъ не отдавалъ, а засѣвалъ бы самъ для себя» [1]).

Не менѣе энергично слѣдили за наличностью скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ Смоленской губ., напримѣръ, во многихъ имѣніяхъ составлялись подворные списки, чтобы знать точно имущество и скотъ крестьянъ. Смоленскіе помѣщики обыкновенно наблюдали, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ по двѣ рабочихъ лошади, ибо иначе онъ былъ плохимъ работникомъ, какъ для себя, такъ и для помѣщика. Бѣдныхъ крестьянъ, не имѣющихъ достаточнаго количества лошадей, отправляли на заработки и на вырученныя деньги покупали лошадей; иногда же онѣ пріобрѣтались на мірскія или помѣщичьи деньги [2]). В. Л. Демидовъ, поля котораго удабривались крестьянскимъ навозомъ, требовалъ, чтобы каждое тягло имѣло не менѣе 6 головъ крупнаго рогатаго скота и лошадей, считая въ томъ числѣ жеребятъ и телятъ, а также и мелкій скотъ. Не имѣвшихъ его Демидовъ облагалъ штрафомъ въ видѣ оброка сѣномъ въ количествѣ нѣсколькихъ возовъ — до тѣхъ поръ, пока тягла не пріобрѣтутъ себѣ положеннаго количества скота [3]). Падежи крестьянскаго скота были большимъ несчастіемъ для хозяйства самого Демидова. «Его приказы выборному о принятіи предупредительныхъ мѣръ противъ падежа скота проникнуты лиризмомъ и религіознымъ настроеніемъ, съ явнымъ расчетомъ повліять на психологію крѣпост-

---

[1]) Снѣжневскій. «Быковская вотчина Демидовыхъ». Дѣйствія Нижегор. Уч. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 128.—Надзиратели эти, между прочимъ, должны были наблюдать также, чтобы никто безъ разрѣшенія не отлучался изъ села, ночью же крестьяне не должны были даже выходить со двора; никто не долженъ былъ знакомиться съ «подозрительными, шаталами, мотами, пропойцами, не принимать ихъ въ домѣ и ихъ не навѣщать; нечего и говорить, что запрещалось пьянство. За нарушеніе правилъ, установленныхъ Демидовымъ, крѣпостнымъ угрожали розги, денежные штрафы, работы не въ зачетъ, бритье полголовы и полбороды и даже шейныя рогатки. — В. Л. Демидовъ также выдавалъ ссуды крестьянамъ для посѣва и продовольствія, но за неисправную уплату должниковъ ждала порка и отказъ въ выдачѣ дальнѣйшихъ ссудъ (стр. 107).

[2]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. стат.», стр. 200—201.

[3]) Снѣжневскій. «Быковск. вотч. Демидовыхъ». Дѣйств. И. Уч. Арх. Ком., вып. VII, стр. 113–114.

ного, при чемъ, однако, угрозы нещаднымъ сѣченьемъ и даже обритіемъ головъ ослушникамъ его приказаній стоятъ на обычномъ мѣстѣ» [1]). Такимъ образомъ штрафами и наказаніями помѣщики старались поддержать равномѣрность земельнаго обезпеченія крестьянъ и наличность нужнаго имъ скота.

Какъ на послѣдствіе увеличенія цѣнности земли для помѣщика и стремленія увеличить господскую запашку, необходимо также указать на очень интересное явленіе, которое наблюдается еще въ XVIII вѣкѣ и учащается въ XIX в. Это такъ называемая мѣсячина. Въ такихъ случаяхъ помѣщики отнимали отъ крестьянъ землю и давали взамѣнъ крестьянамъ и ихъ семействамъ жилище и полное содержаніе круглый годъ; землю же обрабатывали мѣсячники собственными орудіями помѣщика. Такіе крѣпостные работали на помѣщика цѣлую недѣлю. Въ XVIII вѣкѣ мѣсячина была еще рѣдкимъ явленіемъ [2]). Въ XIX в. переводъ крестьянъ въ мѣсячники участился. Декабристъ Ф.-Визинъ еще въ запискѣ 1841 г. отмѣтилъ, что «нѣкоторые наши новые агрономы обнищавшихъ своихъ крестьянъ обращаютъ въ батраковъ при господскихъ усадьбахъ» [3]). Но въ Великороссіи, по свѣдѣніямъ Редакціонныхъ комиссій, и передъ самою реформою мѣсячина составляла рѣдкое исключеніе; наоборотъ, въ Малороссіи обезземеливаніе крестьянъ производилось въ большихъ размѣрахъ [4]). Самаринъ говоритъ объ этомъ такъ: «Мѣсячники, кажется, появились прежде всего въ Бѣлоруссіи и Малороссіи; теперь же они попадаются во многихъ губерніяхъ, даже въ многоземельныхъ, какъ, напримѣръ, Оренбургской и Симбирской, притомъ всегда въ самыхъ мелкихъ имѣніяхъ» [5]). Чаще всего такіе переводы совершались въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, такъ какъ тамъ чаще могъ встрѣчаться недостатокъ въ землѣ. Мѣсячники встрѣчались и въ Смоленской губ., но преимущественно въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, гдѣ было менѣе 21 души. Въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ, «если нѣкоторые крестьяне и поступаютъ на мѣсячину, то исключительно *лѣнивые*, неумѣющіе вести свое хозяйство» [6]). Переводъ на мѣсячину бѣдныхъ крестьянъ, какъ наказаніе за нерадивость, неумѣніе

---

[1]) Снѣжневскій, «Быковск. вотч. Демидовыхъ», стр. 111.

[2]) В. И. Семевскій. «Крестьяне при имп. Екатеринѣ II», стр. 41.

[3]) Сбор. «Крестьянскій Строй». Ст. В. И. Семевскаго. «Кр. вопросъ Россіи во 2-й половинѣ XVIII в. и 1-ой половинѣ XIX в.», стр. 228.

[4]) Скребицкій, т. II, стр. 1072.

[5]) Самаринъ, соч., т. II, стр. 55.

[6]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хоз. стат.», стр. 195.

поправить свое хозяйство, несмотря на неоднократное пособіе со стороны помѣщика, практиковался и въ Тверской губ., но случаи такіе были рѣдки [1]). Слабость и малочисленность крестьянскихъ лошадей вынуждала нѣкоторыхъ помѣщиковъ Черниговской губ. (въ Суражскомъ уѣздѣ) заводить постоянныхъ дворовыхъ работниковъ «изъ бѣднѣйшихъ или нерадивыхъ крестьянъ» [2]).

Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ Рязанской губерніи, гдѣ особенно много мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, имѣющихъ по нѣскольку десятковъ душъ, переводы на мѣсячину бывали часты. Точно такъ же и Ю. Ѳ. Самаринъ, отмѣчая постепенное увеличеніе съ 1830 г. количества мѣсячниковъ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на зависимость этого явленія отъ дробленія имѣній: гдѣ наиболѣе дробятся имѣнія, тамъ наиболѣе размножаются мѣсячники. Но такіе случаи бывали и въ большепомѣстныхъ имѣніяхъ. Такъ, Заблоцкій-Десятовскій приводитъ въ примѣръ, что въ Тамбовской губерніи крупная помѣщица, княгиня В—ская, перевела всѣхъ своихъ крестьянъ на мѣсячину; крупный помѣщикъ Ж—ъ той же губерніи также перевелъ значительную часть крестьянъ на мѣсячное содержаніе [3]). Помѣщикъ Орловской губ. Тепловъ, имѣвшій болѣе 500 душъ крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на пять группъ: 1) мѣсячники, 2) тягловые работники (барщинники), 3) и 4) оброчные, надѣленные землею и безземельные, и 5) нанимающіе землю. Мѣсячники, составлявшіе отъ $^1/_7$ до $^1/_{10}$ всѣхъ рабочихъ въ имѣніи, работали ежедневно, кромѣ воскресеній, подъ присмотромъ сельскихъ начальниковъ, получали мѣсячное продовольствіе, пищу, одежду и помѣщеніе. Они имѣли, кромѣ

---

[1]) В. Преображенскій. «Описаніе Тверской губ.», стр. 82—83.

[2]) Есимонтовскій. «Опис. Суражск. у. Черн. губ.». стр. 11. Переводъ на мѣсячину практиковался кое-гдѣ и въ Саратовской губ., въ Балашовскомъ уѣздѣ. —Никольскій. «Хозяйств. опись Балаш. уѣзда», стр. 58.

[3]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 279, 280. Повалишинъ сдѣлалъ попытку вычислить количество мѣсячниковъ въ Рязанской губ., принимая имѣнія, гдѣ значились одни лишь дворовые (безъ крестьянъ), за имѣнія съ мѣсячниками. По ревизіи 1833 г. было 1.570 такихъ имѣній съ 7.641 дворовыми или 1,92% всѣхъ крѣпостныхъ въ губерніи; 1850 г. было 1.110 имѣній съ 5.571 дворовыми (1,40%); по ревизіи 1857 г. такихъ имѣній было 1.225 съ 6.886 дворовыми (1,74%). (Повалишинъ. «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 43). Такимъ образомъ, судя по этому подсчету, количество мѣсячниковъ къ 1857 г. даже уменьшилось сравнительно съ 1833 г. (увеличеніе ихъ за время отъ 1850 по 1857 г. могло быть результатомъ усиленнаго перевода крестьянъ въ дворовые въ виду слуховъ объ эмансипаціи). Принимая во вниманіе указанные случаи частичнаго перевода крестьянъ въ мѣсячники, число ихъ было, вѣроятно, больше, чѣмъ по подсчету Повалишина.

того, овощники и полутягловое количество сѣнокоса для домашняго скота. Одни мѣсячники находились при постоянномъ дѣлѣ и получили жалованье; другіе употреблялись только при текущихъ работахъ и не получали жалованья. Мѣсячники не участвовали ни въ какихъ выборахъ общинныхъ начальниковъ, имъ запрещалось даже присутствовать на воскресныхъ сходахъ крестьянъ для обсужденія мірскихъ дѣлъ. Въ разрядъ мѣсячниковъ могли переходить сами крестьяне, сложивъ съ себя тягло; кромѣ того, въ бобыли переводили несостоятельныхъ тягловыхъ работниковъ, которымъ міръ отказывался помогать, а сами они не желали воспользоваться безземельнымъ оброкомъ [1]). Иногда помѣщики употребляли переводъ на мѣсячину, какъ мѣру для того, чтобы всецѣло использовать рабочія силы крестьянъ.

Мѣсячники чаще приходили въ соприкосновеніе съ помѣщикомъ, въ силу чего больше зависѣли отъ характера, расположенія духа владѣльца и его капризовъ, чѣмъ издѣльные крестьяне. Они не имѣли своего угла: вся ихъ жизнь проходила на виду у господина. Положеніе мѣсячниковъ близко подходило къ положенію рабовъ. «Мѣсячники, — говоритъ объ ихъ состояніи Самаринъ, — стоятъ на самомъ рубежѣ между крѣпостнымъ состояніемъ и рабствомъ... Мѣсячнику нѣтъ исхода изъ его положенія, и, кромѣ скудно обезпеченнаго содержанія и вѣчнаго труда на другого до истощенія силъ, будущность ему ничего не представляетъ» [2]). Дѣйствительно, желая заставить мѣсячника работать интенсивно, помѣщикъ долженъ былъ учреждать строгій надзоръ, усиливать мѣры наказанія, заставлять работать до изнеможенія силъ. Понятно, какимъ отвратительнымъ продуктомъ крѣпостного права нужно считать мѣсячничество. И, если бы крѣпостное право не было уничтожено, а сельское денежное хозяйство продолжало бы развиваться, можетъ-быть, мы дождались бы постепеннаго полнаго обращенія крѣпостныхъ въ рабовъ, подъ именемъ мѣсячниковъ.

Необходимость строгаго надзора надъ крѣпостными для повышенія интенсивности ихъ труда составляла больное мѣсто крѣпостного права, заставлявшее многихъ помѣщиковъ еще при Екатеринѣ II задумываться о выгодахъ и преимуществахъ вольнонаемнаго труда передъ барщиннымъ. Въ 1843 г. Вилькинсъ писалъ въ «Земледѣльческомъ Журналѣ»: «Кто изъ

---

[1]) Тепловъ. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ», стр. 32 и 70.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 77—78.

помѣщиковъ, лично занимавшихся своимъ хозяйствомъ и обрабатывающихъ землю издѣльными крестьянами, не знаетъ, по собственному опыту, какъ медленно и небрежно исполняются ими барщинскія работы, если нѣтъ за ними внимательнаго и строгаго присмотра». Псковскій помѣщикъ Вонновъ указывалъ въ 1852 г.: «Смѣло можно сказать, что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ, $^3/_4$ барщинниковъ отвѣчаютъ и за себя и за другихъ, т.-е., что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени»[1]). По словамъ Кисловскаго, нѣкоторые помѣщики «убѣдились на опытѣ, что два наемныхъ работника на хорошихъ помѣщичьихъ лошадяхъ вспахиваютъ въ день казенную десятину въ меньшее время, нежели три сохи издѣльныхъ крестьянъ». Помѣщики, у которыхъ бываетъ шестнадцать работниковъ, считаютъ, по его словамъ, достаточнымъ вмѣсто нихъ десять-двѣнадцать вольнонаемныхъ для успѣшаго веденія хозяйства[2]). Въ Ковенской губ., гдѣ былъ введенъ наемный трудъ, было замѣчено, что сто пѣшихъ дней барщинной работы «удобно замѣняются» шестьюдесятью днями наемнаго труда, сто дней конной барщинной работы замѣняются восьмьюдесятью днями наемной; если же у наемныхъ рабочихъ хорошія лошади, то сто барщинныхъ дней замѣняются сорокъ днями наемныхъ[3]).

Вялость крѣпостного труда создала поговорку о лѣнивомъ работникѣ: «Ты работаешь, словно на барщинѣ»[4]). Кавелинъ указываетъ, что у крестьянъ батракъ нанимается за различную плату въ зависимости отъ того, будетъ ли батракъ работать вмѣсто мужика на барщинѣ, или у него самого въ полѣ или домѣ: въ первомъ случаѣ берется меньшая плата, чѣмъ во второмъ[5]). Въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., иные крестьяне имѣли особыя сохи и лошадей для господскихъ работъ. Барщинная работа дѣлалась вяло, небрежно, время утягивалось частыми остановками и перерывами въ ра-

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 37, примѣчаніе. Помѣщикъ Ладыженскій утверждалъ, что на барщинѣ работа всегда пропадаетъ наполовину. — См. статью Покровскаго. «Крестьянская реформа» въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», вып. IX—X, стр. 73. Изд. бр. Гранатъ.

[2]) Кисловскій. «Статист. свѣдѣнія о состояніи сельск. хозяйства въ Кашинскомъ у., Тверской губ.»—«Журналъ Сельск.-хозяйства», 1851 г., № 12, стр. 96.

[3]) Мат. для геогр. и стат. Россіи, собр. офицерами генер. штаба. Ковенская губ.», составилъ Д. Аѳанасьевъ. Спб. 1861 г., стр. 414.

[4]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 327.

[5]) Кавелинъ, т. II, стр. 14.

ботѣ [1]). Въ Костромской губ., на барщинѣ при поденныхъ работахъ исправный хозяинъ съ хорошей лошадью зачастую старался сдѣлать не больше неисправнаго съ плохой лошадью. При понужденіяхъ старосты такіе крестьяне обыкновенно возражали: «За что же я буду дѣлать болѣе противъ моего брата: у него такія же руки, какъ и у меня» [2]).

Съ малою интенсивностью труда помѣщики боролись различными способами. Однимъ изъ нихъ былъ усиленный надзоръ надъ крѣпостными, о которомъ приходилось упоминать. Необходимость большого надзора надъ крѣпостными, какъ было указано, дѣлала затруднительнымъ веденіе сельскаго хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне зачастую отпускались на оброкъ. Въ мелкихъ имѣніяхъ такой надзоръ былъ удобенъ, но здѣсь и положеніе крестьянъ было хуже. Нѣкоторые помѣщики для контролированія непрерывности работы надѣвали на шею работниковъ рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю [3]). Чтобы понудить рабочихъ скорѣе окончить господскія работы, крестьянъ во время жатвы иногда не допускали къ водѣ и питью, несмотря на зной [4]). Наиболѣе обычной мѣрой воздѣйствія на крестьянъ были розги, палки, кнуты, иногда арапникъ и др. орудія наказанія за «лѣнь», «неисправность» и медленность въ работѣ.

Вилькинсъ въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія, ссылаясь на удачный опытъ въ Рязанской губерніи, рекомендовалъ устройство сводныхъ семействъ. Онъ «совѣтовалъ всѣмъ соединять въ одно хозяйство по нѣскольку тягловыхъ женатыхъ работниковъ, не менѣе четырехъ. Сведенныя семьи должны жить въ одномъ дворѣ, имѣть одинъ столъ, скотъ, орудія, запасы; словомъ, вся движимость должна быть общая. Надъ каждымъ таковымъ хозяйствомъ помѣщикъ назначаетъ начальника, который полновластно распоряжается всѣми рабочими силами своднаго хозяйства, какъ на барщинѣ, такъ и у себя дома, отвѣчаетъ за успѣшность работъ, за нравственность своихъ подчиненныхъ и, наконецъ, распоряжается ихъ дѣтьми, какъ своими собственными» [5]). Впрочемъ, самъ Вилькинсъ замѣчаетъ, что крестьяне съ неохотою примутъ такое нововведеніе.

---

[1]) Есимонтовскій. «Опись Сур. у.», стр. 22, 21.
[2]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч.», стр. 7—8.
[3]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ», въ сборникѣ «Крестьянскій Строй», стр. 289.
[4]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 311.
[5]) Самаринъ, т. II, стр. 53—54.

Вилькинсъ въ этомъ случаѣ желалъ повысить интенсивность труда большимъ контролемъ надъ крестьянами. Отвѣтственный начальникъ изъ крестьянъ могъ лучше слѣдить за своими подчиненными, чѣмъ самъ помѣщикъ. Здѣсь надзоръ былъ учрежденъ за всею жизнью крестьянина. Издѣльный крестьянинъ хоть въ избѣ могъ чувствовать себя свободнымъ отъ надзора господина; въ такихъ же имѣніяхъ крестьянинъ постоянно, днемъ и ночью, находился бы подъ строгимъ надзоромъ.

Съ малою интенсивностью крѣпостного труда помѣщики боролись и другими мѣрами. Въ числѣ этихъ мѣръ можно отмѣтить переводъ крестьянъ на урочное положеніе. Уже около половины 40-хъ гг. помѣщики начали вырабатывать и печатать урочныя положенія [1]). Самаринъ указываетъ на попытки «подвести крестьянскія повинности подъ опредѣленное урочное положеніе». Я. Соловьевъ отмѣчалъ въ 50-хъ годахъ двѣ урочныхъ системы. «Въ иныхъ имѣніяхъ, — писалъ онъ, — работа производится вмѣстѣ, такъ, напримѣръ, на десятину ставится извѣстное число сохъ и десятина должна быть запахана въ день. Въ другихъ имѣніяхъ... всѣ работы производятся въ раздѣлъ; такъ, напримѣръ, каждому тяглу дается десятина, которую оно должно запахать, засѣять, сжать и свезти снопы» [2]). Это справедливо не только относительно Смоленской губ. Въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., напримѣръ, 3 сохи должны были вспахать и 2 бороны заборонить въ день одну казенную десятину. Въ имѣніи Бунина, Тамбовской губерніи, «при обыкновенной трехдневной барщинѣ, точно опредѣлялось и предписывалось, что долженъ сдѣлать каждый крестьянинъ: напримѣръ, въ рабочій барщинный день полагалось вспахать половину десятины и скосить половину большой десятины ржи или половину казенной десятины овса или сѣна. Женщина должна была сжать и связать 2 ряда, по 4 крестца въ каждомъ ряду, по 13 сноповъ въ каждомъ крестцѣ» [3]). Въ имѣніи К. В., приводимомъ Повалишинымъ, какъ образецъ нормальнаго хозяйства въ Рязанской губерніи, «вся работа крестьянъ была на строгомъ учетѣ и производилась по урокамъ» [4]). Точно такъ же Семеновъ въ своемъ «Руководствѣ» говоритъ объ обработкѣ земли въ своемъ имѣніи по урокамъ, которые распредѣлены на

---

[1]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ», т. II, стр. 410.
[2]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хоз. стат.», стр. 202.
[3]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 401.
[4]) Труды Рязанской Арх. Ком., 1899 г., т. XIV, вып. I, статья Повалишина, стр. 30.

дни конные, мужскіе и женскіе; за неисполненіе же урока грозило наказаніе. То же явленіе указано Заблоцкимъ-Десятовскимъ въ имѣніи гр. Шуваловыхъ въ Пензенской губерніи: здѣсь всѣ работники работали одну работу на барщинѣ, а другую у себя; на барской работѣ имъ задавались уроки настолько большіе, что крестьяне не успѣвали ихъ кончить и употребляли на это дня по два и по три изъ своей недѣли [1]). Въ имѣніи В. Ч., Пензенской губерніи, крестьяне также должны были доканчивать и перерабатывать уроки въ свои дни [2]). Въ имѣніи Кривцова, Саратовской губерніи, въ концѣ 30-хъ годовъ, крестьяне работали по урокамъ, и если не успѣвали окончить урокъ въ господскіе 3 дня, то кончали въ свои дни [3]). Непосильные уроки при обязательности ихъ окончанія хотя бы въ свои дни легко могли превратить трехдневную барщину въ 4 и 6-дневную.

Въ иныхъ имѣніяхъ, какъ сказано, урокъ назначался не по днямъ, а опредѣлялось количество земли, обработать которое долженъ былъ крестьянинъ. Выше было указано нормальное количество барщинной запашки на 1 тягло, которое крестьяне могли обработать безъ обремененія для себя. Напомнимъ, что нормальнымъ урокомъ считалась обработка 1—1½ десятинъ въ полѣ съ тягла.

Изъ тѣхъ же фактовъ о размѣрахъ барщинной запашки видно, что при такой урочной системѣ помѣщики легко могли довести крестьянъ до разоренія. Оцѣнивая урочную систему съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, можно указать, что урочная система облегчала: во-первыхъ, контроль надъ барщинной работой; во-вторыхъ, могла повысить интенсивность труда: крестьянинъ стремился оканчивать быстро свой урокъ изъ желанія скорѣе перейти къ своимъ работамъ. Это относится особенно къ тѣмъ имѣніямъ, гдѣ уроки были не безнадежно обременительны, и гдѣ крестьянамъ разрѣшалось переходить къ своимъ работамъ только по окончаніи господскихъ уроковъ. Именно на эти выгоды урочной системы указываетъ помѣщикъ С. Дмитріевъ. Помимо того, что крестьяне стараются поскорѣе окончить уроки, чтобы имѣть больше времени для своихъ работъ, говоритъ онъ, урочная система даетъ возможность расчетливымъ хозяевамъ знать, сколько рабочихъ и какое время потребуется для той или иной работы [4]).

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 279.
[2]) Труды В. Э. О., 1845 г., № 5, «Письмо пензенскаго помѣщика».
[3]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 263.
[4]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч.», стр. 15—16.

Но, повышая количество труда, урочная система мало повышала качество его. Спѣшность, неизбѣжно сопровождающая урочную работу, понижала его качество. Повышенія качества труда и при урокахъ помѣщики должны были добиваться или попрежнему страхомъ наказанія за дурную работу, или же искать новыхъ путей и новыхъ способовъ организаціи хозяйства. Для крестьянъ же урочная система барщины была лишь улучшеннымъ средствомъ выжиманія трудового пота. Уроки, какъ и всякая другая крѣпостная повинность, основывались на страхѣ наказанія, независимо отъ того, будетъ ли наложено наказаніе за дурное качество работы, будетъ ли то за переходъ къ собственной работѣ до окончанія урока. Такимъ образомъ урочная система не избавляла крестьянъ отъ наказаній за неисполненіе наложенной повинности. Но непосильность уроковъ, придирчивость къ качествамъ работы, влекущая иногда переработку урока, напрягая силы крестьянина, въ то же время могла отнимать время, необходимое для крестьянскихъ работъ, не меньше, чѣмъ четырехъ-, пяти- и шестидневная барщина. Не даромъ крестьяне черниговскаго помѣщика Гр. П. Галагана были недовольны «нововведеніями» управляющаго, заставлявшаго ихъ работать по урокамъ, «которые иногда довольно сильны» [1]).

Изъ другихъ способовъ повысить интенсивность барщиннаго труда отмѣтимъ слѣдующіе. Какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, нѣкоторые помѣщики давали крестьянамъ землю сверхъ надѣла «за усердіе». Это дѣлалось, вѣроятно, также для того, чтобы повысить интенсивность труда крѣпостныхъ. Съ тою же цѣлью нѣкоторые помѣщики, назначая сгонные дни и налагая на крестьянъ излишнія противъ обыкновеннаго работы, давали имъ за это извѣстное количество пашни или сѣнокоса.

Невыгодность обработки земли трудомъ крѣпостныхъ побуждала нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ отдачѣ земли своимъ же крѣпостнымъ внаемъ. Напримѣръ, въ имѣніи князя Васильчикова, въ Воронежской губерніи, крестьяне не несли барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, а платили за количество десятинъ земли, которую снимали отъ помѣщика на тѣхъ же правилахъ и правахъ, какъ отдается земля въ арендное содержаніе посторонимъ лицамъ [2]). Въ имѣніи Загоскина во

[1]) «Отрывокъ изъ дневника Гр. П. Галагана», «Кіевск. Старина», 1899 г., кн. XI, стр. 235.

[2]) Приложеніе къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, г. I. Бобровскій уѣздъ, № 28.

Владимирской губерніи, въ 1853 году по добровольному соглашенію съ крестьянами была уничтожена барщина. Крестьяне, въ количествѣ 80 тяголъ, приняли помѣщичью землю въ видѣ аренды [1]). Въ имѣніи князя Лобанова-Ростовскаго, въ Орловской губерніи, вся земля отдавалась съ торговъ внаемъ своимъ или сосѣднимъ крестьянамъ; своимъ было предоставлено право, при уплатѣ пяти рублей за десятину усадебной и огородной земли, не допускать ея до торговъ [2]). Упоминавшійся уже помѣщикъ Тепловъ указываетъ, что «самые сильные оброчные въ послѣдніе годы передъ эмансипаціею стали снимать у него землю на девятилѣтній срокъ. Еще въ 1851 г. въ селѣ Молодовомъ былъ введенъ обычай пятую часть неудобренныхъ господскихъ полей отдавать внаемъ подесятинно и подъ одинъ урожай. Такими наймами пользовались оброчные и издѣльные крестьяне вмѣстѣ съ посторонними. Десятилѣтній срокъ далъ наемщикамъ возможность удабривать нанимаемую землю и приблизилъ ихъ въ этомъ отношеніи къ фермерамъ, несмотря на разбросанность нанимаемыхъ ими полевыхъ участковъ» [3]). Интересно въ этомъ отношеніи устройство хозяйства (102 тыс. дес.) въ имѣніяхъ Нарышкина, въ Саратовской губерніи, введенное тамъ въ пятидесятыхъ годахъ и основанное отчасти на крѣпостномъ, а отчасти на вольномъ трудѣ. Озимые хлѣба сѣялись и убирались урочной, огульной работой всего общества; пшеница же и просо убирались наймомъ или исполу; сѣнокосъ также убирался наймомъ съ предварительной съемкой съ осени до слѣдующаго сѣнокоса, когда косцы являлись по полученію повѣстки [4]). Помѣщикъ Веселкинъ, Рязанской губерніи, свою землю (за исключеніемъ крестьянской) обрабатывалъ не барщиной, а сдавалъ въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, т. I, Покровскій уѣздъ, № 10.

[2]) Прил. къ Труд. Ред. Ком., т. II, Дмитровскій уѣздъ, № 2.

[3]) Тепловъ. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ», стр. 35.

[4]) «Воспоминаніе декабриста Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.». «Русская Старина», 1886 г., февраль, стр. 379. Н. В. Веригинъ указываетъ, что въ концѣ 20-хъ годовъ въ саратовскомъ имѣніи Л. А. Нарышкина «60.000 дес. степной земли отдавались подъ пастьбу скота торговцамъ, подъ сѣнокосъ, распашку» «Записки Н. В. Веригина». «Русск. Стар.», 1893 г., кн. IV, стр. 135.

[5]) Повалишинъ. «Ряз. помѣщ. и ихъ крѣп.», стр. 146.—Дѣло объ обращеніи Веселкина со своими крестьянами относится къ 1852 г. Въ Приложеніяхъ къ Тр. Ред. Ком. сдача земли въ аренду отмѣчена въ 48 имѣніяхъ 17 губерній. Въ 38 изъ нихъ земля сдавалась только крестьянамъ того же имѣнія, въ четырехъ — и своимъ кростьянамъ и постороннимъ, въ одномъ —

Нѣкоторые помѣщики считали для себя выгоднѣе отдавать землю крестьянамъ за половину урожая. Такъ поступалъ, между прочимъ, вышеназванный помѣщикъ Рязанской губерніи, Семеновъ, отдававшій крестьянамъ половину картофеля съ поля, обрабатываемаго ими сверхъ барщины. Въ имѣніи Филиппова, въ Тамбовской губерніи, ненаселенная земля, имѣющаяся при имѣніи въ количествѣ 1126 десятинъ, обрабатывалась крестьянами исполу и отдавалась за деньги [1]). Въ среднихъ по величинѣ имѣніяхъ для хорошаго обезпеченія крестьянъ землею, такъ, чтобы они не бѣдствовали и не требовали постоянной помощи отъ владѣльца, помѣщики большею частью должны были давать половину земли крестьянамъ. Такъ, Семеновъ въ своемъ «Руководствѣ», желая устроить образцовое имѣніе, чтобы крестьяне были обезпечены (ровно настолько, чтобы имъ хватало средствъ въ обрѣзъ), дѣлитъ землю между ними и собою почти поровну. Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ отдача въ обработку крестьянамъ своей половины не могла особенно вредить помѣщику, строившему свои расчеты не на грубой эксплуатаціи крестьянъ; онъ могъ только выиграть, такъ какъ крестьяне были сами непосредственно заинтересованы въ хорошемъ урожаѣ.

Къ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью повысить интенсивность крѣпостного труда, можно отнести и попытки артельныхъ орга-

---

только постороннимъ, и относительно 5 имѣній неизвѣстно, кому сдавалась помѣщичья земля. Если мы присмотримся къ распредѣленію указанныхъ 42 имѣній, гдѣ помѣщики сдавали земли въ аренду своимъ крестьянамъ, по губерніямъ, то увидимъ, что аренда примѣнялась и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, и въ черноземныхъ: 21 имѣніе находилось въ 7 черноземныхъ губерніяхъ и 21—въ 8 нечерноземныхъ. Въ черноземныхъ губ. случаи аренды распредѣлились такъ: 1) Воронежская губ.—3 имѣнія; 2) Орловская — 4; 3) Пензенская—3; 4) Самарская — 2; 5) Симбирская — 1; 6) Тамбовская — 6; 7) Тульская — 3; въ нечерноземныхъ губ.: 1) Владимирская — 3; 2) Вологодская — 1; 3) Калужская — 1; 4) Московская — 1; 5) Псковская — 4; 6) С.-Петербургская — 1; 7) Тверская — 3; 8) Ярославская — 7. Этотъ перечень, конечно, неполонъ. Напримѣръ, въ Рязанской и Саратовской губ. не отмѣчено ни одного случая сдачи земли въ аренду, хотя, какъ видимъ, помѣщики сдавали тамъ землю и своимъ крестьянамъ и постороннимъ. Относительно 29 имѣній изъ примѣчаній видны также условія сдачи земли. Въ 7 имѣніяхъ земля сдавалась за деньги, въ 3-хъ сдавалась исполу, въ 3-хъ «за обработку земли», въ 6 имѣніяхъ за работу и деньги, въ 3-хъ за работы; далѣе идутъ единичные случаи: «за часть урожая», «за часть урожая и работы», «за оброкъ и особую плату», «за деньги или часть урожая», «за 5-й снопъ», «за различныя повинности» (Приложенія къ Труд. Ред. Ком. «Извлеченія изъ описаній имѣній», т. I — IV).

[1]) Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, т. III, Тамбовскій уѣздъ, № 132.

низацій сельскаго хозяйства въ крѣпостное время. Помѣщикъ Стремоуховъ еще въ 1829 г. въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» описывалъ устройство хозяйства въ своемъ селѣ Миловидовѣ, Сумскаго уѣзда. Помѣщичье и крестьянское хозяйство «были соединены вмѣстѣ и, подъ руководствомъ помѣщика, ввѣрены надзору крестьянскаго общества при условіи равенства въ раздѣлѣ семейныхъ участковъ. Вся обработка производилась на счетъ владѣльца изъ половины доходовъ, но и при этомъ доходъ хозяина былъ выше, чѣмъ при прежнемъ раздѣльномъ хозяйствѣ, благодаря взаимному наблюденію и надзору барскаго «дружиннаго». Двѣ дружины или сохи составляли посадъ, подчиненный «посадскому», и три посада — вотчину, подчиненную «вотчинному старшинѣ». Скотный дворъ былъ общественнымъ». Другой помѣщикъ, Жуковъ, въ своемъ имѣніи Балашовскаго уѣзда образовалъ изъ своихъ крестьянъ «дружину». Онъ посадилъ часть крестьянъ на мѣсячину по ихъ дворамъ и производилъ обработку земли «артельнымъ» трудомъ. Попытка была, видимо, удачна, такъ какъ въ 1848 г. Жуковъ купилъ себѣ еще имѣніе въ Московской губерніи[1]). Фонъ-Визинъ указываетъ въ своей запискѣ (1842 г.) на артельное устройство въ имѣніи одного купца, купившаго его на имя дворянина. Господская и крестьянская земля соединены вмѣстѣ, и поля обрабатывались міромъ подъ наблюденіемъ купца и по его распоряженіямъ; урожай послѣ молотьбы, за вычетомъ сѣмянъ, дѣлился пополамъ между владѣльцемъ и крестьянами; такъ же поступали съ сѣномъ. Въ свободное отъ полевыхъ занятій время крестьяне могли заниматься различными промыслами. Фонъ-Визинъ свидѣтельствуетъ, что устроенное такимъ образомъ имѣніе достигло цвѣтущаго состоянія [2]).

Вглядываясь въ такія попытки, можно сказать, что при недобросовѣстномъ отношеніи помѣщика при назначеніи количества работы, засѣвѣ поля, дѣлежѣ урожая, крестьянинъ могъ быть еще болѣе разоренъ, такъ какъ онъ напрягалъ при артельной работѣ всѣ свои силы, а могъ получить еще меньше, чѣмъ при барщинной системѣ помѣщичьяго хозяйства. Такимъ образомъ «помѣщичій соціализмъ» могъ принести новое горе и разореніе крестьянину; не даромъ крестьяне съ неохотою соглашались на такую систему хозяйства.

Хотя въ вопросѣ о пригодности вольнонаемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ мнѣнія современниковъ сильно расходи-

---

[1]) П. И. Струве. «Попытки артельныхъ организацій». Журн. «Начало», 1899 г., № 1—2.

[2]) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 89.

лись, такъ что иные говорили, что крѣпостной трудъ полезнѣе (И. И. Муравьевъ), такъ какъ онъ даровой, другіе же доказывали противное, — но тѣмъ не менѣе тогда уже появлялись лица, съ успѣхомъ примѣнявшія вольный трудъ къ обработкѣ земли. Это были преимущественно купцы, не имѣвшіе права владѣть населенными имѣніями, при чемъ они, если имѣли въ распоряженіи рабочихъ, получали даже большій доходъ, чѣмъ помѣщики. Заблоцкій-Десятовскій разсказываетъ, что помѣщикъ (современникъ его) Х — въ имѣлъ населенное имѣніе, сдававшееся на аренду купцу. Послѣдній обрабатывалъ его наемнымъ трудомъ и получалъ отъ 15 до 20% чистаго дохода, между тѣмъ какъ обыкновенный доходъ помѣщичьяго имѣнія равнялся 8 — 10%. Высокій доходъ объясняется наличностью въ той мѣстности бѣдныхъ однодворцевъ, которые работали у купца за дешевую плату. Но и безъ нихъ, по мнѣнію Заблоцкаго-Десятовскаго, доходъ не могъ бы быть ниже дохода съ заселенныхъ имѣній. Въ Новороссіи колонисты обрабатывали землю наемными работниками; въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской и Саратовской во времена Заблоцкаго-Десятовскаго, т.-е. въ тридцатыхъ годахъ, было много купцовъ, ведшихъ сельское хозяйство съ вольными работниками [1]). То же указываетъ баронъ Гакстгаузенъ относительно Тамбовской и Харьковской [2]) губерній. Въ послѣдней купцы-землевладѣльцы обыкновенно держали своихъ лошадей, имѣли свои орудія, телѣги и т. д. и нанимали рабочихъ только на время обработки полей и уборки. Эти факты были, повидимому, нерѣдки. Въ Тверской губерніи обработка земли посредствомъ наемныхъ работниковъ производилась только у тѣхъ владѣльцевъ, которые не могли имѣть собственныхъ крестьянъ; это были лица изъ купеческаго сословія: духовенства, мѣщанъ и богатыхъ крестьянъ [3]).

Быть-можетъ, распространеніе хозяйствъ съ вольнонаемными работниками, съ которыми должны были конкурировать помѣ-

---

[1]) Забл.-Десятовскій, т. IV, стр. 283. Никольскій указываетъ, что въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губ., былъ цѣлый «классъ арендаторовъ изъ людей разныхъ сословій», которые снимали ненаселенныя земли у помѣщиковъ и купцовъ и обрабатывали ихъ наймомъ.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 394, 433.

[3]) В. Преображенскій «Опис. Тверск. губ.», стр. 104. Случаи неудачнаго веденія сельскаго-хозяйства, при помощи наемнаго труда въ Суражскомъ у., Черниг. губ. (у одного вольноотпущеннаго крестьянина и одного дворянина на ненаселенной землѣ) см. у Есипонтовскаго цит. соч., стр. 11; тамъ же (стр. 18) см. о требованіи на наемныхъ работниковъ въ Кролевецкомъ и Глуховскомъ уѣздахъ Черниговской губ.

щичьи хозяйства, заставляло владѣльцевъ послѣднихъ еще болѣе эксплуатировать своихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ успѣшно существовали въ тридцатыхъ годахъ, а слѣдовательно, конкурировали съ пользовавшимися крѣпостнымъ трудомъ. Распространеніе подобныхъ хозяйствъ могло имѣть то значеніе, что помѣщики яснѣе видѣли возможность выгоды и для нихъ отъ эмансипаціи крестьянъ.

Вольнонаемный трудъ примѣнялся и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Такъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщичьи запашки были обширны, крѣпостное же населеніе — сравнительно немногочисленно, помѣщики волею-неволею должны были прибѣгать къ вольнонаемному труду. Примѣнялся онъ и тамъ, гдѣ по какимъ-либо мѣстнымъ условіямъ было выгоднѣе своихъ крестьянъ отпустить на оброкъ, а собственную запашку обрабатывать наемнымъ трудомъ. Нѣкоторые помѣщики, впрочемъ, пытались перейти къ вольнонаемному труду, какъ средству замѣнить мало интенсивный крѣпостной трудъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ примѣръ обработки помѣщичьей земли въ 40-хъ годахъ въ имѣніи зарайскаго предводителя дворянства Титова своими же крестьянами, но «по найму, по вольному соглашенію». Титовъ былъ сторонникомъ «вольнаго труда»[1]). У образцоваго хозяина Нижегородской губерніи, В. Л. Демидова, къ которому пріѣзжалъ даже директоръ Петровской Академіи для ознакомленія съ его хозяйствомъ, обработка продуктовъ хозяйства производилась наемнымъ трудомъ, исключая размола ржи и пшеницы; «на мельницѣ, какъ и на кирпичномъ заводѣ, мастерами были люди наемные. Окраска собираемой съ крѣпостныхъ пряжи и даже тканье холста также сдавались на сторону»[2]).

Главной ареной примѣненія наемнаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ новороссійскій край, т.-е. губерніи Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, а также земля Войска Донского. Во время косовицы, уборки хлѣба здѣсь чувствовался недостатокъ рабочихъ рукъ, и если бы не пришлые рабочіе изъ болѣе сѣверныхъ губерній (Малороссіи, (правобережной и лѣвобережной), изъ Курской, Орловской, Тульской и др.) многіе изъ помѣщиковъ оказались бы не въ состояніи снять урожай. Цѣны на рабочія руки въ такое время сильно вздувались.

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 327.

[2]) Снѣжневскій. «Быт. вотч. Демидовыхъ». Д. Ниж. Уч. Арх. Ком., вып. VII, стр. 95.

Наемный трудъ примѣнялся довольно широко въ помѣщичьихъ имѣніяхъ правобережной Украйны при воздѣлываніи свекловицы, чему способствовало отчасти введеніе инвентарей въ тѣхъ губерніяхъ [1]). Изслѣдованіе офицеровъ генеральнаго штаба отмѣчаетъ веденіе помѣщичьихъ хозяйствъ наемнымъ трудомъ и въ Ковенской губерніи. Первые опыты примѣненія наемнаго труда тамъ были около 1839 г. въ имѣніяхъ бар. Клопмана и Вольфа. Этимъ примѣрамъ послѣдовали и другіе помѣщики, особенно въ пограничныхъ съ Пруссіей мѣстностяхъ. «Всѣ помѣщики, говорится въ томъ же изслѣдованіи, поступившіе съ надлежащимъ осмотромъ при основаніи новыхъ своихъ хозяйствъ на вольнонаемномъ трудѣ и лично ведущіе эти хозяйства съ нѣкоторымъ талантомъ, выражали убѣжденіе, что реформа имъ выгодна и что они ни подъ какими условіями не желаютъ возвратиться къ барщинѣ». Нельзя, однако, забывать при этомъ, что такому успѣху вольнонаемнаго труда въ западныхъ губерніяхъ значительно способствовало крайнее экономическое неравенство крестьянъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Наличность безземельныхъ крестьянъ давала помѣщикамъ готовый контингентъ рабочихъ, жаждущихъ заработковъ. Этого благопріятнаго условія для веденія хозяйства наемнымъ трудомъ не могло быть въ Великороссіи, при сравнительно меньшемъ неравенствѣ земельнаго обезпеченія крестьянъ, благодаря существованію общинной формы землевладѣнія. Повсемѣстному переходу къ такому хозяйству, какъ указываетъ упомянутое изслѣдованіе по Ковенской губ., препятствовала отчасти инертность и давняя привычка къ барщинной системѣ и недостатокъ капиталовъ на обзаведеніе орудіями и скотомъ. Поэтому во многихъ хозяйствахъ барщина была соединена съ вольнонаемнымъ трудомъ; нѣкоторые же помѣщики отдавали свою землю въ аренду, обязывая арендатора пріобрѣсти необходимыя орудія и вести хозяйство наемнымъ трудомъ [2]).

Но и въ великороссійскихъ губерніяхъ — черноземныхъ и нечерноземныхъ — примѣнялся изрѣдка вольнонаемный трудъ, особенно если господская запашка несоразмѣрно разрасталась. Такъ въ имѣніи Александровой, Рязанскаго уѣзда и губерніи, каждое крѣпостное тягло обрабатывало 2 десятины господской запашки въ полѣ, а остальная земля обрабатывалась дворо-

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 5.

[2]) «Мат. для геогр. и стат. Россіи, собр. офицерами ген. штаба. Ковенская губ.», стр. 412, Спб., 1861 г.

выми и вольнонаемными [1]). Выше указывалось, что 2 десятины въ полѣ на тягло въ Рязанской губерніи было уже максимальнымъ размѣромъ нормальной господской запашки, дальше котораго расширеніе послѣдней должно было сильно обременять крестьянъ. Въ Балашовскомъ уѣздѣ при господской запашкѣ болѣе 2 десятинъ въ полѣ на тягло или при употребленіи крѣпостныхъ на какія-либо другія, напр., строительныя работы прибѣгали къ наймамъ постороннихъ рабочихъ, особенно во время сѣнокосовъ и жатвы [2]). Въ описаніи имѣній, гдѣ было болѣе 100 душъ примѣненіе наемнаго труда на господской запашкѣ отмѣчено лишь въ 11 имѣніяхъ Петербургской, Московской, Нижегородской, Тверской, Курской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерній. Въ пяти изъ этихъ имѣній господская запашка обрабатывалась, видимо, исключительно наемнымъ трудомъ (въ С.-Петербургской, Московской, Тверской, Нижегородской и Тамбовской губерніяхъ). Въ 4-хъ имѣніяхъ указано количество десятинъ господской запашки, обрабатываемой наемнымъ трудомъ, изъ чего можно заключить, что часть запашки воздѣлывалась крѣпостнымъ трудомъ; эти имѣнія были расположены въ Московской, Рязанской и Курской губерніяхъ. Въ 3 имѣніяхъ наемные рабочіе составляли добавленіе или къ дворовымъ людямъ (2 имѣнія) или вообще къ крѣпостнымъ рабочимъ [3]). Это, конечно, не всѣ случаи примѣненія наемнаго труда. Напримѣръ, въ Тульской губерніи наемный трудъ примѣнялся въ имѣніи гр. А. Н. Бобринскаго, въ Богородицкомъ уѣздѣ [4]). Въ литературѣ существуютъ указанія и на другія мѣстности, гдѣ хозяйство велось наемнымъ трудомъ. Такъ въ имѣніи кн. В. И. Васильчикова,

---

[1]) Приложенія къ Тр. Ред. Ком., т. III, Ряз. губ. у., № 2.

[2]) Никольскій. «Хозяйств. описаніе Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ.», стр. 59.

[3]) Приложенія къ Тр. Ред., Ком. т. I—VI. Эти случаи примѣненія наемнаго труда такъ немногочисленны, что ихъ можно перечислить: первыя 5 имѣній принадлежали: 1) кн. Щербатову, Верейск. у., Московской губ.; 2) М. Я. Чаадаеву, Ардатовск. у., Нижегородск. губ.; 3) гр. Шереметьеву, Шлиссельбурск. у., Петербургск. губ.; 4) В. В. Уструговой, Козловск. у., Тамбовской губ., 6 имѣній, гдѣ лишь отчасти примѣнялся наемный трудъ, принадлежали: 1) кн. А. С. Меньшикову, Клинскаго у., Московской губ.; 2) Н. Ф. Васкову, Бѣлгородск. у., Курской губ.; 3) С. П. Голубцову, Михайловск. у., Рязанск. губ.; 4) О. Д. Александровой, Рязанск. у. и губ.; 5 Павловой, Раненбургск. у., Рязанск. губ.; 6) А. И. Николаевой, Богородскаго у., Тульской губ.

[4]) Рожковъ. «Экономич. разв. Россіи». «Ист. Россіи XIX в.». Изд. бр. Гранатъ, вып. II, стр. 154.

Лебединскаго уѣзда, Тамбовской губ., купленномъ имъ передъ освобожденіемъ крестьянъ, небольшая запашка обрабатывалась мѣстными наемными рабочими, свои же крестьяне состояли на оброкѣ. По указанію того же кн. Васильчикова, вообще въ той мѣстности послѣ освобожденія «для крестьянъ... работа на купеческой и *помѣщичьей* землѣ за деньги была дѣло не новое, а давно вошла повсемѣстно въ обычай» [1]). Въ Саратовской губерніи, въ имѣніи Нарышкина, какъ было выше указано, помѣщичье хозяйство также велось отчасти наемнымъ трудомъ. Никольскій указываетъ «на недостатокъ часто рукъ» въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Балашовскаго уѣзда, почему считаетъ полезнымъ и выгоднымъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ примѣненіе молотильной машины» [2]). Недостатокъ крѣпостныхъ рабочихъ рукъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ Самарской губерніи отмѣчаетъ Кавелинъ [3]).

Какъ ни незначительно количество приведенныхъ фактовъ, но и они даютъ возможность заключить, что наемный трудъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ примѣнялся въ значительной мѣрѣ лишь въ Новороссійскомъ краѣ и отчасти въ западныхъ губерніяхъ; въ другихъ мѣстностяхъ это были или единичные случаи, или наемный трудъ имѣлъ частичное, временное значеніе, какъ помощь въ горячее рабочее время при недостаткѣ по какимъ-либо причинамъ рабочихъ рукъ. Нужны были очень сильные стимулы для того, чтобы перейти отъ хозяйства съ даровымъ трудомъ, готовымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, скотомъ и даже, при желаніи, удобреніемъ къ хозяйству, требовавшему большой затраты денежнаго капитала на указанныя средства сельско-хозяйственнаго производства. А денежными капиталами помѣщичье хозяйство было не богато. Нельзя забывать также, что наемнымъ трудомъ можно было вести хозяйство тамъ, гдѣ не было недостатка въ предлагающихъ свой трудъ. Въ крѣпостное же время, когда значительная часть населенія было прикрѣплена къ мѣстамъ жительства и распредѣлялась безъ всякаго соотвѣтствія съ удобствами почвы и климата, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ даже при сильномъ развитіи оброчной системы не могло хватать. Не случайно

---

[1]) В. П. Семевскій. «По поводу статьи Рожкова». «Р. Мысль», 1902 г., кн. IV, стр. 136.

[2]) Никольскій. «Хоз. опис. Балаш. у., Сар. губ.», стр. 74.

[3]) Кавелинъ, т. II, стр. 667. Цит. по ст. Покровскаго «Крестьянск. реформа». «Ист. Россіи въ XIX в.». Изд. бр. Гранатъ, вып. IX—X, стр. 73.

въ Новороссійскомъ краѣ стали прибѣгать къ замѣнѣ человѣческаго труда машинами [1]).

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что количество земли у барщинныхъ крестьянъ должно было быть крайне различно. Начиная съ полныхъ мѣсячниковъ, которыхъ было особенно много въ Малороссіи, можно встрѣтить крѣпостныхъ, имѣвшихъ надѣлы, приближавшіеся по величинѣ къ средней цифрѣ для XVIII вѣка. Среднія цифры для южныхъ черноземныхъ губерній, какъ указано было выше, колебались отъ 5,27 дес. до 2,04 дес. удобной земли на одну ревизскую мужескаго пола душу; въ нечерноземныхъ губерніяхъ душевой надѣлъ колебался между 8,68 и 2,86 дес. Были и меньшіе надѣлы, были и большіе, въ родѣ 60 дес. на тягло въ мызѣ Карловкѣ, граф. Разумовской, въ Полтавской губ. (въ двадцатыхъ годахъ).

Тенденція же въ развитіи помѣщичьихъ хозяйствъ наблюдалась въ сторону обезземеленія крестьянъ. Но это была лишь тенденція въ развитіи крѣпостного права, и этого нельзя забывать. При сужденіи о величинѣ надѣла нельзя упускать изъ вида, что помѣщики отводили крѣпостнымъ обыкновенно отдаленныя и худшія земли. Крестьянская земля была хуже ужъ тѣмъ, что не могла быть удобрена въ той же степени, какъ помѣщичья. Впрочемъ, говоря о крестьянскомъ надѣлѣ, нужно помнить, что въ крѣпостное время крестьянинъ былъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ освобожденный крестьянинъ съ тѣмъ же надѣломъ. Обыкновенно крестьянинъ пользовался помѣщичьимъ выгономъ; скотъ пасся на помѣщичьемъ пару; крестьяне иногда безконтрольно (преимущественно въ оброчныхъ имѣніяхъ), иногда съ разрѣшенія помѣщика пользовались его лѣсами и другими угодьями (ловлею рыбы въ озерахъ и

---

[1]) Въ этомъ отношеніи любопытно мнѣніе опытнаго помѣщика Сабурова, указывавшаго наканунѣ реформы 19 ф. 1861 г., что, «исключая мѣстностей, гдѣ еще остались первобытныя тучныя степи, на коихъ можно производить цѣнные хлѣба... или не кладя въ счетъ тѣ губерніи, гдѣ народонаселеніе стѣснилось и цѣны на землю возвысились до того, что свободный трудъ и нынѣ уже можетъ быть выгоднѣе обязаннаго, какъ, напр., во многихъ мѣстахъ Тульской, Орловской и Рязанской губ., и эта оцѣнка начала показывать, что крѣпостные крестьяне слишкомъ дорого стоятъ помѣщику,—во всѣхъ прочихъ мѣстахъ средней полосы, гдѣ народонаселеніе живетъ еще на просторѣ, и особенно въ сѣверной полосѣ, гдѣ преимущественно производятъ дешевые хлѣба... при нынѣшнихъ низкихъ цѣнахъ въ этихъ мѣстностяхъ земледѣліе съ трудомъ можетъ при началѣ выдержать свободный трудъ». Ив. Сабуровъ. «Соображенія, касающіяся до улучшенія быта крестьянъ». «Журналъ Землевладѣльцевъ», 1858 г., № 12, стр. 4—5.

рѣкахъ и т. п.); кромѣ того, въ несчастныхъ случаяхъ (пожаръ, неурожай) помѣщикъ помогалъ крестьянину.

Размѣръ барщины и порядокъ ея отправленія былъ крайне разнообразенъ. Большею частью крестьянское время дѣлилось пополамъ. Это достигалось различными способами. Обыкновенно работали братъ на брата, т.-е. если семейство состояло изъ 2 тяголъ, то одно работало постоянно на себя, а другое— на барина; въ другихъ случаяхъ каждое тягло работало 3 дня въ недѣлю на себя, 3 дня на помѣщика, при чемъ нерѣдко помѣщики раздѣляли всѣ тягла на двѣ половины, работавшія поочередно по 3 дня въ недѣлю: такимъ образомъ обезпечивалась постоянная работа на господской запашкѣ хотя бы половиннаго количества тяголъ. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ Костромской губерніи должны были ходить на барщину по 3 дня въ недѣлю съ марта по декабрь, а въ зимніе 3 мѣсяца они увольнялись для заработка денегъ на уплату казенныхъ повинностей и на собственныя свои надобности. Впрочемъ, если случалась нужда привезти сѣно или солому, то и зимою крестьяне назначались на нѣсколько дней барщины; въ другихъ имѣніяхъ работали по 3 дня круглый годъ [1]). Въ имѣніи А. В. П., Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьяне исполняли барщину братъ на брата съ апрѣля по ноябрь; въ зимніе же мѣсяцы (съ ноября по апрѣль) одна треть тяголъ молотила хлѣбъ машиною черезъ 2 недѣли въ третью [2]).

Хотя, по указанію Заблоцкаго-Десятовскаго, большею частью наблюдалась 3-дневная барщина, но нарушенія ея были довольно распространенны. По указанію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, при 3-дневной барщинѣ нельзя было справиться съ господскими работами. Такъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Рязанской губерніи призналъ, что 3 дня въ недѣлю недостаточны для помѣщичьяго хозяйства [3]). Въ Костромской губерніи у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, гдѣ были увеличенные посѣвы хлѣба или велика была потребность въ дровахъ при отдаленности лѣсовъ, 3 дней было недостаточно, почему крестьяне въ такихъ имѣніяхъ круглый годъ работали по 4 дня въ недѣлю; въ вознагражденіе за 4 день помѣщики принимали на себя уплату подушныхъ и рекрутскихъ де-

---

[1]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч.», ч. III, стр. 5.

[2]) «Описаніе улучшенія быта крестьянъ Московской губ., Подольскаго уѣзд., въ имѣніи А. В. П.» «Журн. Землевладѣльцевъ», 1858 г., № 13, стр. 10.

[3]) Повалишинъ. «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 246.

негъ [1]). Въ Екатеринославской губерніи бо́льшая часть помѣщиковъ также принимала на себя уплату всѣхъ повинностей и налагала за это на крестьянъ четвертый день барщины [2]). Встрѣчалась мѣстами не только 4-дневная, но даже 5 и 6-дневная барщина; въ послѣднемъ случаѣ крестьянамъ приходилось работать на себя по воскресеньямъ (у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ за Волгою) [3]). Мордовцевъ указываетъ на существованіе въ Саратовской губерніи даже «сквозной барщины» (7 дней въ недѣлю) [4]). Мѣсячники, какъ было указано, работали 6 дней въ недѣлю.

Помимо этой регулярной барщины во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ назначался одинъ поголовный день, иногда за особую плату. Такъ въ Тульской губерніи работали 3 дня на барщинѣ, а въ воскресенье назначался «бенефисъ» помѣщику, т.-е. крестьяне работали поголовно [5]). Во время спѣшныхъ лѣтнихъ работъ созывались на барщину нерѣдко всѣ крестьяне. При распространенной въ Смоленской губерніи барщинѣ братъ на брата, очень многіе помѣщики созывали для нѣкоторыхъ работъ всѣхъ крестьянъ (напр., при вывозкѣ навоза и во время сѣнокоса) [6]). Въ имѣніи помѣщика Рязанской губерніи, кн. В., при спѣшности работъ брались лишніе дни, но записывались на счетъ тѣхъ, съ кого они были взяты. Въ имѣніи Воейкова, Рязанской губерніи, во время вывоза навоза, уборки хлѣба, сѣна сзывались всѣ крестьяне, но зато получали столько же дней и для себя [7]). Сгоны или поголовная барщина въ лѣтнюю рабочую пору существовали въ Балашовскомъ уѣздѣ, хотя и рѣдко [8]). Эти внезапныя барщины были особенно разорительны для крестьянъ: они, по требованію барина, должны были отрываться отъ собственныхъ работъ и итти на барщину.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщики въ рабочее страдное время, торопясь окончить свои работы, брали себѣ всѣ хорошіе дни, оставляя крестьянамъ дождливые, ненастные. Кре-

---

1) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч.», ч. III, стр. 5—6.
2) «Мат. для геогр. и стат. Россіи. Екатеринославская губ.», стр. 174.
3) Забл.-Десятовскій, т. IV, стр. 278—279.
4) Мордовцевъ. «Наканунѣ воли», стр. 370. О чрезмѣрной барщинѣ въ Саратовской губ. см. также, стр. 50, 108, 266—267, 269, 310—311.
5) Забл.-Десятовскій, т. IV, стр. 278—279.
6) Я. Соловьевъ. «Сельско-хоз. стат.», стр. 202.
7) Труды Ряз. Арх. Ком., 1889 г., т. IV, вып. 1, ст. Повалишина, стр. 30 и 5.
8) Никольскій. «Хозяйств. опис. Балаш. у., Сар. губ.», стр. 59.

стьяне Саратовской губерніи жаловались, что ихъ хлѣбъ отъ долгаго стоянья въ поляхъ и несвоевременной уборки высыпается изъ колосьевъ, выклевывается птицей и проч., и крестьяне голодаютъ [1]). Нѣкоторые помѣщики вообще заставляли крестьянъ сначала окончить господскія полевыя работы, а потомъ приниматься за свои. Это практиковалось, напр., въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Костромской губерніи. Такая барщина ускоряла господскую работу, но крестьяне, несмотря на всю спѣшность работы, все же опаздывали своими, особенно жатвой ярового хлѣба, такъ что иногда овесъ или пшеницу заносило у нихъ снѣгомъ [2]). Но и трехдневная барщина могла стать очень тяжелой, напримѣръ, при урочной системѣ: какъ указывалось, при непосильныхъ урокахъ и при обязанности оканчивать урокъ или передѣлывать неудачную работу въ свои дни, она могла фактически превратиться даже въ шестидневную. При назначеніи опредѣленнаго количества десятинъ на тягло для полной обработки, трехдневная барщина также могла сдѣлаться фикціей при слишкомъ большихъ господскихъ запашкахъ. Между тѣмъ, по указанію черниговскаго помѣщика Есимонтовскаго, даже трехдневная барщина безъ всякихъ отягчающихъ условій была обременительной повинностью въ виду того, что изъ своихъ 3 дней крестьяне должны были исправлять различныя общественныя повинности, отлучаться въ городъ и т. п. [3]).

Объ увеличеніи извозной повинности уже было сказано. О другихъ натуральныхъ повинностяхъ приходится сказать немногое. Эти натуральныя повинности были больше при натуральномъ хозяйствѣ; при переходѣ къ денежному онѣ стали исчезать. Обыкновенно онѣ состояли изъ домашнихъ произведеній (птицы, яйца и т. п.), женскихъ издѣлій (холстъ, сукно); иногда приносились орѣхи, грибы, лѣсныя ягоды и т. п. Послѣднее было собственно оброкомъ съ женщинъ и дѣтей. Сборъ съ крестьянъ грибовъ и ягодъ бывалъ очень обременителенъ для тѣхъ семей, гдѣ не было подростковъ, ибо если семья состояла изъ мужа и жены, то они едва могли справиться только съ хозяйствомъ. При неурожаяхъ грибовъ и ягодъ крестьянамъ приходилось покупать ихъ въ другихъ мѣстахъ для своего помѣщика [4]).

---

[1]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 311; объ отнятіи отъ крестьянъ ясныхъ дней и отдачѣ имъ ненастныхъ см. также стр. 369.

[2]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч.», ч. III, стр. 6.

[3]) Есимонтовскій. «Описаніе Суражск. у., Черниг. губ.», стр. 14—15.

[4]) С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч.», ч. III, стр. 18.

Такъ какъ главная рабочая сила считалась отъ тягла (тягло—мужъ и жена),—поэтому производился строгій подсчетъ тягламъ. Тягловымъ возрастомъ для мужчины обыкновенно считалось отъ 18 до 55 лѣтъ, иногда до 60 лѣтъ, но и послѣ того старики зачастую употреблялись на мелкія домашнія работы. На женщинъ накладывалось тягло обыкновенно съ выходомъ замужъ, а снимали его лѣтъ съ 50. Иногда накладывались нѣкоторыя работы и на подростковъ. Такъ въ Смоленской губерніи подростки съ 14 лѣтъ хотя и не употреблялись на тяжелыя работы, но помогали пастухамъ, бабамъ, во время сѣнокоса были повозниками и т. д. Въ Балашовскомъ уѣздѣ мальчики съ 14 лѣтъ брались для помощи пастухамъ и погонки воловъ во время пашни, дѣвочки для сбора ягодъ, травъ и т. под. или для легкихъ работъ въ саду и огородѣ. Въ Костромской губерніи въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ подростки съ 15 лѣтъ уже ходили на господскія работы по два дня въ недѣлю. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Саратовской губерніи употреблялся дѣтскій трудъ [1]).

Сильныя тягла получались только тогда, когда въ каждомъ тяглѣ была мужская и женская сила, т.-е. мужъ и жена. Это вело къ строгому надзору помѣщика за тѣмъ, чтобы женщины не засиживались въ «дѣвкахъ», а парни не оставались холостыми. Съ дѣвушекъ иногда брали, начиная съ извѣстнаго возраста, плату за дѣвичество. Такъ, въ извлеченіи изъ описанія имѣній свыше 100 душъ въ Костромской губерніи въ 15 имѣніяхъ отмѣченъ особый налогъ съ дѣвокъ и вдовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ опредѣленно указывается, что плата взималась за уклоненіе отъ замужества. Въ имѣніи Безобразова, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, съ дѣвокъ старше 16 лѣтъ и вдовъ «нестарыхъ» брали 5 — 7 р.; «этотъ налогъ признается необходимымъ для побужденія къ выходу въ замужество». Въ имѣніи Мятлевыхъ, Нерехтскаго уѣзда, «для побужденія къ выдачѣ дочерей замужъ взрослыя дѣвки окладываются $^1/_4$ и $^1/_2$ тягла» и т. д. [2]). Любопытно имѣніе Шишелова, Нерехтскаго уѣзда, гдѣ отцамъ разрѣшалось выкупать на волю за 75 р. тѣхъ дочерей, которыя не пожелаютъ выйти замужъ. Такимъ образомъ дѣвушекъ, отказавшихся

---

1) Я. Соловьевъ. «Сельскохозяйств. стат. Смол. губ.» стр. 201; Никольскій. «Хозяйств. опис. Балашов. у.», стр. 58—59; С. Дмитріевъ. «Опытъ практич. замѣч. кинешем. земледѣльца», ч. IV, стр. 4; Мордовцевъ. «Наканунѣ воли», стр. 109.

2) Приложенія къ Труд. Ред. Ком., т. IV, Кинешемскій у., № 63; Нерехтскій у., № 29.

нести обязанность размноженія крѣпостного населенія, помѣщикъ не стремился удержать за собой. Иные помѣщики неохотно отпускали дѣвушекъ замужъ на сторону, беря въ такихъ случаяхъ за разрѣшеніе на замужество особую плату. Такъ, напр., помѣщица Глушкова, Костромской губерніи, въ 1860 г. взяла 100 руб. съ крестьянина за разрѣшеніе выдать дочь замужъ за крестьянина чужой вотчины [1]). Григ. Павл. Галаганъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ за 1845 г., что онъ не разрѣшилъ одного брака, потому что женихъ былъ «мастеровой и притомъ графскій». Въ другой разъ онъ запретилъ выдать дѣвушку замужъ за казака на томъ основаніи, что ихъ собственные паробки сидятъ безъ невѣстъ, а богатые крестьяне стремятся выдать дочерей на сторону за казаковъ [2]). Московскій помѣщикъ, Подольскаго уѣзда, А. В. П., указывалъ, какъ на одинъ изъ признаковъ дурного управленія прежней владѣлицы пріобрѣтеннаго имъ имѣнія, на то, что женитьба и выходъ замужъ зависѣли отъ воли крестьянъ. Найдя, что по этой причинѣ у 37 работниковъ не было женъ, а 5 дѣвушекъ отъ 17 до 22 лѣтъ жили при семействахъ, онъ въ первый же годъ своего управленія принялъ мѣры къ тому, чтобы устранить такое явленіе. Такъ какъ богатые крестьяне не хотѣли выдавать своихъ дочерей замужъ за бѣдныхъ, другіе предпочитали удерживать въ семьѣ даровыхъ работницъ, то А. В. П. прибѣгъ къ убѣжденіямъ, «съ помощью которыхъ въ 3 года всѣ переженились» [3]).

Вмѣшательство помѣщика въ брачную жизнь простиралось очень далеко. Нѣкоторые господа запрещали маломочнымъ крестьянамъ соединяться съ богатыми дѣвушками, чтобы богатые дворы такимъ образомъ не разорялись; нерѣдко помѣщики сами назначали пары и насильно выдавали замужъ. Въ одномъ имѣніи Ярославской губ. (князя N*), приблизительно въ концѣ двадцатыхъ годовъ, «почти всѣ браки совершались по наряду заводской конторы. Назначали для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невѣстъ. Тамъ по личному указанію управляющаго составлялись пары и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ.

---

[1]) Бобковъ. «Изъ запис. бывш. крѣпостн. чел.». «Ист. Вѣстн.», 1907 г., кн. VI, стр. 754.

[2]) Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана. «Кіев. Стар.», 1899 г., кн. XI, стр. 230—231.

[3]) Описаніе улучшенія быта крестьянъ Москов. г., Подольск. у., въ имѣніи А. В. П. «Журн. Земледѣл.», 1858 г., № 13, стр. 5—6.

Склонности и желанія не спрашивались» [1]). Разборъ женихов и невѣстъ дѣлалъ въ своемъ имѣніи и извѣстный профессоръ этнографъ Ив. Мих. Снѣгиревъ. Въ своемъ дневникѣ за 1844 г. онъ говоритъ объ этомъ, какъ о самомъ обыденномъ явленіи [2]). Извѣстный украинскій писатель Бѣлецкій-Носенко допускалъ браки между своими крѣпостными только со своего разрѣшенія [3]).

Нужно замѣтить, что, чѣмъ сильнѣе развивалось малоземелье въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, тѣмъ равнодушнѣе становились помѣщики къ увеличенію числа тяголъ, такъ какъ каждое новое тягло требовало земельнаго надѣла, вслѣдствіе чего самое понятіе тягла стало сближаться съ понятіемъ земельнаго участка. При извѣстной степени малоземелья помѣщики начинали часть крестьянъ зачислять въ затяглые и прекращали увеличивать количество тяголъ.

Ю. Ф. Самаринъ указывалъ, что въ Тульской, Рязанской, Пензенской и Курской губерніяхъ, «въ частныхъ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ вся земля давно разобрана, гдѣ нѣтъ запасной, число тяголъ, которому соотвѣтствуетъ равное число участковъ, не увеличивается, какъ бы ни нарастало народонаселеніе. Можно встрѣтить дома, состоящіе изъ 5 женатыхъ работниковъ и несущіе только 2 или 3 тягла; здѣсь тягло уже утратило личный характеръ и получило значеніе недвижимаго участка. Лишніе затягольные работники обращаются къ другимъ промысламъ или нанимаются въ работу на сторонѣ, возвращаясь домой на косовицу, а иногда и къ уборкѣ хлѣба» [4]). Въ такихъ имѣніяхъ тягла не налагались, а разбирались нарасхватъ. Въ селѣ Молодовомъ Теплова «тягловыхъ участковъ всегда было нѣсколько менѣе, чѣмъ желающихъ ими воспользоваться». Поэтому каждую весну часть самыхъ задолженныхъ хозяевъ переводилась въ мѣсячники или на безземельный оброкъ, а освобождаемыя тягла налагали на молодыхъ крестьянъ, по рекомендаціи старшинъ и съ удостовѣреніемъ, что у нихъ есть хорошія лошади и исправныя земледѣльческія орудія [5]). При такомъ маломъ количествѣ тяголъ, естественно, на тягло приходилось все большее и большее количество ревизскихъ душъ. Въ Калужской губерніи затягольныхъ было, видимо,

---

[1]) «Воспоминанія крѣпостного». «Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 9.
[2]) Дневникъ Ив. Мих. Снѣгирева. «Рус. Архивъ», 1903 г., № 5, стр. 90.
[3]) И. Лучицкій. «Изъ недавн. прошл.», «Кіевск.. Стар.», 1901 г., кн. IV, стр. 20—21.
[4]) Самаринъ, т. II, стр. 168.
[5]) Тепловъ. «Оп. ул. б. кр.», стр. 95.

почти 2%. Хотя, по указанію Повалишина, «чѣмъ больше затягольныхъ въ семействѣ, тѣмъ дворъ богаче и наоборотъ»[1]), но та жажда, съ которою расхватывались земельныя тягла, указываетъ, что затягольные, т.-е. безземельные крестьяне стремились стать самостоятельными хозяевами. Во всякомъ случаѣ ростъ количества затягольныхъ могъ при дальнѣйшемъ развитіи крѣпостного права повести къ образованію особаго класса безземельныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ было бы крайне необезпечено.

Таково было положеніе барщинныхъ, занимавшихся земледѣліемъ. Но былъ еще разрядъ барщинниковъ, положеніе которыхъ было несравненно тяжелѣе, и которые еще больше зависѣли отъ произвола помѣщика при работѣ, требующей большей напряженности. Мы говоримъ о фабрично-заводскихъ крестьянахъ. Эта группа крестьянъ была поставлена несравненно хуже другихъ уже по самымъ условіямъ труда на фабрикахъ и заводахъ. Здѣсь рабочій находился подъ постояннымъ присмотромъ, вся работа его была на виду. Жизнь рабочаго могла быть строго регулирована. Собственно группа этихъ крестьянъ была невелика. Такъ, по подсчетамъ М. И. Туганъ-Барановскаго, — приблизительнымъ, такъ какъ показанія давались владѣльцами фабрикъ и заводовъ неправильно, — крѣпостныхъ рабочихъ, работавшихъ на вотчинныхъ фабрикахъ въ 1825 г., было 66.725 человѣкъ[2]). Предъ крестьянской реформой въ помѣщичьихъ имѣніяхъ числилось 381 фабрика, а рабочихъ на нихъ 59.375, т.-е. количество рабочихъ немного уменьшилось[3]).

Среди вотчинныхъ фабрикъ больше всего было стальныхъ и чугунныхъ заводовъ и суконныхъ фабрикъ (на которыхъ работало болѣе ½ вотчинныхъ рабочихъ). Фабрикъ писчей бумаги (менѣе половины), хлопчато-бумажныхъ, канатныхъ, кожевенныхъ было мало, такъ какъ въ этой отрасли промышленности преобладали купеческія и крестьянскія фабрички. Кромѣ того, было очень много мелкихъ полотняныхъ дворянскихъ фабричекъ для приготовленія издѣлій преимущественно для домашняго обихода, которыя въ офиціальные списки не попадали. Эти вотчинныя фабрики начали развиваться въ концѣ XVIII вѣка, число ихъ росло сильно въ двадцатыхъ и три-

---

[1]) Повалишинъ. «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 57.

[2]) Туганъ-Барановскій. «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 106—107.

[3]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ» въ сборникѣ «Кр. Строй», стр. 289.

дцатыхъ годахъ XIX столѣтія, но въ сороковыхъ годахъ стало уменьшаться, такъ какъ крѣпостной трудъ оказывался невыгоднымъ въ силу своей малой производительности и дороговизны содержанія. По способу отработки крестьяне занимали различныя положенія. На нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ работа производилась «братъ на брата», т.-е. крестьяне раздѣлялись на двѣ смѣны, поочередно работавшія на фабрикѣ. Здѣсь фабричная работа производилась, какъ и всякая другая барщина. На нѣкоторыхъ фабрикахъ крестьяне отпускались на два мѣсяца въ году для сѣнокоса и уборки хлѣба. Положеніе этихъ крестьянъ было все же лучше, чѣмъ положеніе фабрично-заводскихъ «мѣсячниковъ». «На нѣкоторыхъ помѣщичьихъ фабрикахъ,—говоритъ Заблоцкій-Десятовскій,—работаютъ мѣсячники безъ всякой заработной платы; сверхъ того, имъ задаются уроки, за неисполненіе коихъ слѣдуетъ взысканіе... Одинъ помѣщикъ завелъ въ Нижегородской губ. суконную фабрику и уничтожилъ бо́льшую часть крестьянской запашки. Мужики переведены частью на мѣсячину, частью на запашку и работаютъ каждый день. Они не привыкли къ работѣ, дѣло отправляютъ худо, ихъ наказываютъ. Не выполнившаго урокъ сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье за работу. По отзывамъ сосѣдей, всѣ эти люди точно вышедшіе изъ тюрьмы. Многіе находятся въ бѣгахъ» [1]). Но такое содержаніе не было выгодно для помѣщиковъ. Бутовскій указываетъ, что «содержаніе выдаваемое помѣщикомъ-фабрикантомъ барщиннымъ крестьянамъ вмѣсто свободныхъ дней, обходилось ему дорого, но всего болѣе заводскіе терпѣли ущербъ отъ труда вялаго и неудовлетворительнаго» [2]). Зачастую помѣщики назначали плату крѣпостнымъ, но эта плата была обыкновенно ниже платы вольнонаемному [3]). Заблоцкій-Десятовскій, сравнивая доходы рабочаго крѣпостного на желѣзныхъ заводахъ Оренбургской губ. и посредственнаго крестьянина той же мѣстности, указываетъ,

---

1) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 294.

2) Т.-Барановскій, стр. 110.

3) Въ Приложеніяхъ къ Тр. Ред. Ком. въ 42-хъ имѣніяхъ, въ которыхъ отмѣчено существованіе помѣщичьихъ фабрикъ и заводовъ, въ 21 имѣніи крѣпостнымъ рабочимъ выдавалась плата за ихъ трудъ (въ 3-хъ имѣніяхъ на фабрикахъ работали дворовые, въ 18 — крестьяне). Въ одномъ имѣніи (помѣщицы Ратынской, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ.) крѣпостные крестьяне работали на кирпичномъ заводѣ по найму. Въ 11 другихъ имѣніяхъ крестьяне отбывали барщину на фабрикахъ, т.-е. работали безплатно. Въ одномъ имѣніи работающіе на фабрикѣ крестьяне состояли на господскомъ содержаніи. Наконецъ въ 3-хъ имѣніяхъ отбываемая на фабрикахъ барщина оцѣнивалась на деньги. Всѣ эти свѣдѣнія очень неясны и, конечно, неполны.

что доходъ перваго уступаетъ доходу послѣдняго [1]). Крестьяне съ ужасомъ говорили объ этихъ заведеніяхъ; они говорили: «въ этой деревнѣ есть фабрика», съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: «въ этой деревнѣ есть чума».

Положеніе этихъ фабричныхъ рабовъ было тѣмъ ужаснѣе, что законодательство совершенно не регулировало его. Когда московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ въ тридцатыхъ годахъ хотѣлъ издать особыя правила для вотчинныхъ фабрикъ и заводовъ, московскій предводитель дворянства заявилъ, что вмѣшательство въ отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ можетъ вывести послѣднихъ изъ повиновенія и повести только къ волненіямъ. Были изданы лишь особыя правила для «внушенія» ихъ дворянамъ; въ числѣ этихъ правилъ было подтверждено право помѣщиковъ лишь на трехдневную барщину; рабочимъ полагалось — при отсутствіи занятій земледѣліемъ — соразмѣрная трудамъ задѣльная плата; помѣщики не могли заставлять работать въ праздники. Эти правила, конечно, не исполнялись, и положеніе фабрично-заводскихъ помѣщичьихъ крестьянъ оставалось крайне печальнымъ. На фабрики и заводы забирали дѣтей съ восьмилѣтняго возраста, что тяжело отзывалось на здоровьѣ такихъ крѣпостныхъ. Конечно, рабочіе-крѣпостные были или малоземельны, или — чаще всего — безземельны, а это должно было отразиться и на ихъ пореформенномъ бытѣ. Уменьшеніе числа вотчинныхъ фабрикъ въ концѣ 40-хъ годовъ, на что указываетъ Гакстгаузенъ, является послѣдствіемъ невыгодности для помѣщиковъ вести при крѣпостномъ трудѣ промышленныя предпріятія и невозможности для нихъ конкурировать съ купеческими и крестьянскими фабриками, основанными преимущественно на вольномъ трудѣ. Наличность крѣпостныхъ не давала возможности улучшать технику, потому что это требуетъ интенсивно работающаго, ловкаго работника и способности быстро соразмѣрять величину промышленнаго предпріятія съ требованіями рынка. Пензенскій помѣщикъ Колокольцевъ, получивъ въ концѣ 40-хъ годовъ въ наслѣдство сильно запущенную суконную вотчинную фабрику, сталъ примѣнять на ней наемный трудъ, совершенно изгнавъ крѣпостной. По его словамъ, фабрика, благодаря его предпріимчивости, энергіи и цѣлаго ряда другихъ мѣръ, стала приносить хорошій доходъ, и его же крѣпостные, отпущенные на оброкъ, стали наниматься на его фабрику [2]).

---

[1]) Забл.-Десятовскій, т. IV, стр. 295.

[2]) «Воспоминанія Колокольцева». «Русская Старина», 1891 г., кн. III.

Экономическое положеніе крестьянъ, какъ указываютъ современники (а Самаринъ заявляетъ категорически), несомнѣнно, ухудшалось въ XIX вѣкѣ. Это ухудшеніе было особенно замѣтно въ Малороссіи. Здѣсь играла большую роль, кромѣ измѣненія въ системѣ сельскаго хозяйства помѣщика, система землевладѣнія среди крестьянъ. При общинномъ землевладѣніи, существовавшемъ среди помѣщичьихъ крестьянъ въ Великороссіи, земля была распредѣлена равномѣрнѣе, не было такого сильнаго экономическаго неравенства, какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ господствовало подворное землевладѣніе.

Община затрудняла образованіе безземельныхъ, положеніе которыхъ могло быть при крѣпостномъ правѣ дѣйствительно ужаснымъ. Безземельный крестьянинъ могъ попасть въ кабалу къ своему односельчанину, которому удалось сохранить, благодаря счастливымъ случайностямъ, свой надѣлъ; это мы и встрѣчаемъ при подворномъ владѣніи въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ.

Значеніе общины очень важно еще въ другомъ отношеніи. Община, міръ, соединяла крестьянъ въ одно цѣлое, иногда очень сплоченное, если только не было сильнаго давленія со стороны помѣщика. При существованіи «міра», готоваго вступиться за каждаго отдѣльнаго крестьянина, входящаго въ его составъ, помѣщикъ не могъ эксплуатировать отдѣльнаго крестьянина, вымогать отъ него непосильныя подати, отнимать земли, вообще насиловать личность въ той мѣрѣ, какъ въ томъ случаѣ, если бы міра не было. Въ случаѣ жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщики скорѣе могли ждать отпора отъ крестьянъ-общинниковъ, чѣмъ отъ подворныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, важно и то, что общинникъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, брошеннымъ на произволъ владѣльца, какъ подворный владѣлецъ. Онъ всегда видѣлъ за собою міръ, который могъ имъ руководить и вступиться въ случаѣ крайней необходимости.

Насколько была сильна привязанность къ общинѣ, показываетъ то, что свободные хлѣбопашцы, надѣленные землею, по указу 1803 г., въ подворное владѣніе, не переставали пользоваться ею по общиннымъ правиламъ. Въ 1847—48 гг., по изслѣдованію губерній: Московской, Орловской, Владимирской, Ярославской, Рязанской, Тульской, оказалось, что въ большинствѣ имѣній со свободными хлѣбопашцами земля осталась нераздѣленною на подворные участки, а крестьяне продолжали владѣть ею на прежнихъ условіяхъ, т.-е. съ сохраненіемъ об-

щиннаго землевладѣнія [1]). Кошелевъ, съ своей стороны, указываетъ, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики по своей прихоти уничтожали судъ стариковъ, сходки, выборы и мірское управленіе, они быстро возстановлялись, какъ только имѣніе переходило въ руки помѣщика, не препятствовавшаго мірскому самоуправленію. Когда въ имѣніи кн. Долгорукой, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губ., управленіе изъ рукъ бурмистровъ, выбираемыхъ самими крестьянами изъ своей среды, было передано въ руки управляющаго, то крестьяне подняли настолько сильное волненіе, что для подавленія его потребовалась военная команда, а главные зачинщики были преданы военному суду [2]).

Земля въ общинѣ была общая, раздѣлявшаяся на равные участки по числу тяголъ. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ на прибылыя тягла помѣщикъ прирѣзалъ новую землю, а въ малоземельныхъ или вообще тамъ, гдѣ землею дорожили, происходила свалка земли и навалка тяголъ съ однѣхъ семей на другія соотвѣтственно перемѣнамъ въ личномъ составѣ и хозяйственномъ положеніи ихъ. Отъ времени до времени производились общіе передѣлы, когда черезполосица отъ свалки и навалки земли съ одной семьи на другую достигала крайности. Никакъ не слѣдуетъ думать, что передѣлы земли являлись исключительно послѣдствіемъ давленія помѣщичьей власти. И среди свободныхъ государственныхъ крестьянъ при многоземельѣ господствовала такъ называемая захватная община, когда каждый новый членъ свободно захватывалъ новую землю и пользовался ею. Но, когда земли становилось мало, ближайшія земли, а затѣмъ и всѣ остальныя поступали въ передѣлъ.

Повинности въ общинѣ большею частью распредѣлялись также всѣмъ міромъ, сообразно съ имущественнымъ обезпеченіемъ каждаго. Это уменьшало произволъ помѣщика въ распредѣленіи повинностей. Въ общинѣ существовала круговая порука. Въ силу ея, при неисправномъ платежѣ денежныхъ повинностей или при неисполненіи натуральныхъ, за неисправныхъ общинниковъ отвѣчалъ весь міръ, при чемъ обыкновенно за маломочныхъ хозяевъ приходилось исполнять повинности и уплачивать недоимки сильнымъ, богатымъ хозяевамъ. Конечно, это не могло быть по вкусу деревенскимъ богатѣямъ. Для бѣдныхъ же крестьянъ круговая порука была очень полезна, предохраняя ихъ отъ разоренія при притѣсненіяхъ по-

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 220.
[2]) «Мат. для исторіи крѣп. права» стр. 45—46.

мѣщиковъ и непосильныхъ платежахъ. Иногда міръ, съ разрѣшенія помѣщика, покупалъ землю. Трудно сказать, какъ распредѣляли они ее: по числу ли тяголъ, или по внесеннымъ на покупку земли суммамъ. Въ настоящее время дѣлежъ чаще всего производится пропорціонально внесеннымъ суммамъ; можетъ-быть, въ то время дѣлежъ производился на такихъ же началахъ.

Извѣстная степень дифференціаціи среди крѣпостныхъ существовала, какъ видимъ, въ Великороссіи и при общинномъ землевладѣніи. Въ промышленныхъ оброчныхъ селеніяхъ, гдѣ встрѣчались крупные богачи, эта дифференціація бывала очень сильной. Вспомнимъ, что въ слободѣ Алексѣевкѣ, Воронежской г., гр. Шереметьева, на ряду съ такими крупными торговцами, какъ Штурба, который велъ обороты на сотни тысячъ, были крестьяне, не имѣвшіе возможности внести легкій шереметьевскій оброкъ. Въ тараксинской вотчинѣ Э. Д. Нарышкина, въ Тамбовской губ., изъ 2700 тяголъ до 1000 были безлошадными, такъ что пошли слухи, что вмѣсто лошадей въ сохи впрягаются бабы и такимъ образомъ обрабатываютъ землю. Богатые покупали землю у бѣдняковъ, нанимали ихъ на свои работы за ничтожныя ссуды хлѣбомъ и др. необходимыми бѣдняку продуктами, но зато уплачивали за нихъ оброкъ. Безлошадные были и въ Моршанскомъ имѣніи, Тамбовской губ., Л. А. Нарышкина [1]). На существованіе богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ съ многочисленными переходами между ними указываетъ и Я. Соловьевъ относительно Смоленской губ. У зажиточныхъ, по его указанію, приходилось по 6 головъ скота на 1 дес., у большей же части было по 2 и даже по 1 головѣ скота [2]). Бѣдные крестьяне въ случаѣ нужды обращались къ богатымъ домохозяевамъ за ссудами хлѣбомъ и деньгами, обязываясь обыкновенно, кромѣ высокихъ процентовъ, отработать на своихъ заимодавцевъ нѣсколько дней. Еще чаще крестьяне дѣлали займы у прасоловъ деньгами, предметами и даже хлѣбомъ. Никольскій различалъ среди крестьянъ Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ., 4 группы въ имущественномъ отношеніи: бѣдныхъ, исправныхъ, зажиточныхъ и богатыхъ. *Бѣдный*—обыкновенно безлошадный, или имѣлъ плохую корову или даже этого не имѣлъ; у него бывало 2—3 овцы, нѣсколько куръ и самый скудный запасъ хлѣба. У *исправныхъ* бывало по 1 хорошей

---

[1]) «Записки Н. В. Веригина». «Рус. Стар.», 1893 г., кн. IV. стр. 122. и і н. VII, стр. 167—171.

[2]) Я. Соловьевъ, «Сельско-хоз. опис. Смоленск. губ.», стр. 270.

или по 2 исправныхъ лошади на тягло, 2 коровы съ подтелкомъ, до 10 овецъ, иногда 2 — 3 свиньи, нѣсколько куръ и утокъ. Неурожай дѣлалъ ихъ лишь временно неисправными. *Зажиточные* имѣли на тягло 2 и больше лошадей, нѣсколько коровъ и быковъ, собственный плугъ. Кромѣ своихъ полей, при избыткѣ рабочаго скота такіе крестьяне даже снимали земли внаемъ; у нихъ бывалъ избытокъ хлѣба, такъ что неурожаи и другія случайныя несчастья не дѣлали его сразу неисправнымъ. *Богатые* крестьяне имѣли обыкновенно даже нѣкоторый денежный капиталъ, и многіе изъ нихъ вели сверхъ хозяйства торговлю хлѣбомъ или скотомъ. «Приблизительно можно полагать, — пишетъ Никольскій, — между здѣшними крестьянами болѣе половины дворовъ исправныхъ, до $^1/_4$ зажиточныхъ, остальные бѣдные; богатыхъ денежныхъ дворовъ встрѣчается по 2 и по 3 изъ сотни. Имѣніе въ которомъ болѣе половины двухлошадныхъ тяголъ, остальныя однолошадныя, можно, сравнительно съ общей степенью крестьянской достаточности въ здѣшнемъ краю, назвать среднимъ» [1]).

Въ концѣ 40-хъ годовъ помѣщикъ А. В. П. нашелъ въ только что купленномъ имѣніи Подольскаго уѣзда, Московской губ., неоплатную задолженность крестьянъ у промышленниковъ, дававшихъ имъ сѣмена на посѣвъ. Возвращать они должны были въ 2 раза болѣе взятаго. А такъ какъ нерѣдко случалось, что долгъ невозможно было возвратить, то заимодавецъ соглашался ждать, но съ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ году опять у него одалживали. А тамъ повторялось опять прежнее, такъ что задолжавшій разъ оставался должнымъ, пока этого хотѣлъ кредиторъ. У нѣкоторыхъ крестьянъ этого имѣнія было только по одной коровѣ, у другихъ 1 корова на 2 тягла изъ-за отсутствія корма. Въ другомъ имѣніи, купленномъ этимъ же помѣщикомъ въ 1854 г., изъ 32 семействъ «8 было хорошихъ, 13 посредственныхъ и 11 бѣдныхъ семействъ». Кромѣ того, 8 зажиточныхъ семействъ откупились на волю. У *хорошихъ* во всемъ былъ виденъ избытокъ. У *посредственныхъ* было все необходимое; положеніе же *бѣдныхъ* было самое ужасное: не было ни скота ни лошадей; избы, дворы и др. хозяйственныя строенія полуразвалились; у нѣкоторыхъ въ избахъ не было рамъ ни въ окнахъ ни въ дверяхъ, такъ что они заставлялись соломенными щитами [2]). Въ имѣніи П. и П. Нв. Тевяшевыхъ, Нижегородскаго уѣзда, въ 1830 г. при взятіи

[1]) Никольскій. «Хоз. опис. Балашов. у.», стр. 55.
[2]) «Журналъ Земледѣльцевъ», 1858 г., № 13, стр. 4, 6, 7.

имѣнія въ опеку оказалось, что изъ 50 дворовъ (125 душъ) въ 45 было 55 лошадей, 46 коровъ, 116 овецъ; лошадей не было въ 5 дворахъ, коровъ въ 7 и овецъ въ 19; въ 5 дворахъ не было никакого скота. Хозяйственное положеніе было признано сноснымъ только въ 15 дворахъ. Наличныхъ запасовъ хлѣба могло хватить до новаго урожая только въ 5 дворахъ, въ 10 лишь до мая, въ 5 на 1 мѣсяцъ и въ 30 не было совсѣмъ никакого хлѣба; ярового же по случаю градобитія не было и въ первыхъ 20 дворахъ [1]).

Но, несмотря на такіе признаки существующей дифференціаціи среди крестьянъ, важно то, что земельная община поддерживала болѣе или менѣе равномѣрное обезпеченіе крестьянъ землею и предохраняла крѣпостную массу отъ обезземеленія.

Отношенія помѣщиковъ къ общинѣ были разнообразны. Въ оброчныхъ имѣніяхъ она свободно существовала, хотя нѣкоторые помѣщики шли противъ нея, какъ препятствія къ обогащенію отдѣльныхъ крестьянъ. Въ черноземныхъ же губ. помѣщикъ, стремясь къ тому, чтобы не было нужды содержать крестьянъ на свой счетъ, могъ съ выгодою для себя поддерживать общину съ круговой порукой, потому что она обезпечивала болѣе исправное исполненіе повинностей и равномѣрную обезпеченность крестьянъ. Но помѣщикъ могъ, конечно, оказывать очень сильное давленіе на общину, на распредѣленіе земли и платежей, распредѣленіе тяголъ, искажать или уничтожать своимъ управленіемъ судъ стариковъ, сходки, мірское управленіе. Рязанскій помѣщикъ Дивовъ, напр., запрещалъ всякія мірскія сходки, а также коллективныя отъ міра прошенія владѣльцу; не возбранены были лишь частныя (отъ одного лица) жалобы на бурмистровъ или старостъ [2]).

ГЛАВА V.

Крестьяне въ юго-западномъ краѣ. — Положеніе крестьянъ до инвентарей 1847—1848 г. — Инвентари 1847—1848 г. — Положеніе крестьянъ наканунѣ реформы 1861 г. — Крестьяне въ Бѣлорусскихъ губ. — Крестьяне въ литовскихъ губ.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ (Подольской, Волынской, Кіевской) и въ сѣверо-западныхъ (Бѣлоруссіи, Литвы) господствовало крайнее различіе въ экономическомъ положеніи кре-

[1]) Снѣжневскій «Матер. для ист. и стат. крѣп. хозяйства, въ Нижегор. у.» Дѣйств. Нижегор. Архивн. Ком.» 1905, г. вып. VI, стр. 20.

[2]) «Записки» гр. М. Д. Бутурлина. «Р. Арх.», 1898 г., февраль, стр. 262.

стьянъ. Въ западной Россіи земельное обезпеченіе было очень неравномѣрно. Основною единицею земельнаго обезпеченія тамъ считали уволоку (19½ дес.), въ которой значилась пахотная, сѣнокосная и усадебная земля. Полныя уволочныя хозяйства встрѣчались не часто, а большею частью такъ называемыя тяглыя хозяйства владѣли ³/₄ или ½ уволоки, полутягловыя или пѣшія хозяйства довольствовались ¼ уволоки; далѣе шли такъ называемые халупники или огородники, имѣвшіе только усадебную землю, и, наконецъ, безземельные и бездомовые, такъ называемые бобыли или кутники. Положеніе всѣхъ этихъ разрядовъ было крайне не одинаково. Безземельные бобыли были чистыми батраками не только у помѣщиковъ, но поступали въ кабалу къ своимъ болѣе обезпеченнымъ односельчанамъ — тягловымъ. Положеніе огородниковъ было близко къ тому же. Между тѣмъ при системѣ подворнаго владѣнія самое размноженіе народонаселенія приводило къ раздѣлу земли и переходу обезпеченныхъ крестьянъ въ положеніе необезпеченныхъ. При отсутствіи земельной обезпеченности и мірской организаціи каждый крестьянинъ являлся одинокою личностью, предоставленною на произволъ помѣщика. Крестьяне отбывали такъ называемыя «главныя» и «добавочныя» повинности, смотря по количеству земли и другимъ выгодамъ, которыя получали отъ помѣщика. На первомъ мѣстѣ стоятъ земледѣльческія работы на панщинѣ, исполнявшіяся посредствомъ пригоновъ и сгоновъ, или гвалтовъ. Пригонами назывались рабочіе дни, которые каждое хозяйство должно было отбывать еженедѣльно; сгонъ, или гвалтъ, есть созывъ всѣхъ наличныхъ работниковъ и работницъ помѣстья для чрезвычайныхъ земледѣльческихъ работъ на панщинѣ. Кромѣ этихъ работъ, были и другія: 1) исполняемыя мужчинами и женщинами, такъ называемые «шарварки», или строительныя работы, въ составъ которыхъ входила починка плотинъ, дорогъ и т. п., и «сторожество» или разныя домашнія услуги въ фельваркѣ; 2) одними мужчинами: подводная повинность и ночной караулъ; 3) однѣми женщинами: пряденіе, тканье, работа въ огородахъ и т. п. Мѣстами отбывались еще разныя хозяйственныя работы подъ названіями «толоки», «ласки», «даремщины» и т. п. Добавочныя повинности состояли во взносѣ натурою (домашнія птицы, хлѣбъ, медъ и т. д.) или деньгами опредѣленныхъ «данинъ» съ каждаго хозяйства. Огородники или халупники увольнялись отъ всѣхъ повинностей помѣщику, кромѣ «чиша» (денежнаго оброка) за усадьбу и иногда участія въ гвалтѣ. Съ бобылей брался только

чиншъ, если они не были причислены къ какому-либо семейству, повинности котораго въ такомъ случаѣ и должны были раздѣлять [1]).

Уже издавна въ юго-западныхъ губерніяхъ существовали инвентари, которыми были опредѣлены угодья и выгоды, получаемыя крестьянами, и различныя повинности, выполняемыя ими.

Но существованіе инвентарей не мѣшало экономической эксплуатаціи крестьянъ. Крѣпостное право складывалось въ тѣ или иныя формы независимо отъ инвентарей. Этому много содѣйствовало, во-первыхъ, необязательность инвентарей для помѣщиковъ, во-вторыхъ, ихъ разнообразіе и произвольность съ тенденціей оградить прежде всего интересы помѣщика и, въ-третьихъ, беззащитность крестьянъ отъ злоупотребленія помѣщичьей властью. Защиты отъ власти помѣщика крестьяне не могли ожидать, ибо члены полиціи и дворянскіе предводители, будучи большею частью сами помѣщиками, потворствовали своимъ собратьямъ, какъ это доказывалось ихъ совершеннымъ бездѣйствіемъ по множеству дѣлъ, возбужденныхъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, но которыхъ предводители не могли не знать. Поэтому то фактическое положеніе крестьянъ рѣзко отличалось отъ того, какое рисовалось по инвентарямъ.

По представленнымъ Бибикову въ 1840 г. описямъ имѣній по тремъ уѣздамъ (Радомысльскомъ, Кіевской губ., Гайсинскомъ, Подольской губ., и Владимиро-Волынскомъ, Волынской губ.), барщина, на которой большею частью состояли крестьяне, отбывалась съ души или со двора. Изъ 408 имѣній въ 131 она отбывалась съ души, въ остальныхъ 277 имѣніяхъ, т.-е. въ $^2/_3$,—со двора (въ томъ числѣ во всѣхъ имѣніяхъ Владимиро-Волынскаго уѣзда). Барщина со двора была выгодна для многосемейныхъ дворовъ при наличности нѣсколькихъ работниковъ. По указанію радомысльскаго исправника въ его уѣздѣ, напримѣръ, «семейныхъ хатъ нынѣ очень мало существуетъ, ибо онѣ раздроблены на 3 и 4 хозяина». При маломъ же количествѣ рабочихъ силъ во дворѣ барщина распредѣлялась крайне неравномѣрно между малосемейными и многосемейными дворами. Размѣръ барщины съ души былъ въ большинствѣ случаевъ по 3 дня съ мужчины и по 3 дня съ женщины въ недѣлю, очень рѣдко по 2 дня съ мужчины и съ женщины, и только въ одномъ имѣніи изъ 131 отмѣчено по 4 дня мужскихъ и женскихъ. При барщинѣ со двора въ

[1]) Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 482—483.

Радомысльскомъ уѣздѣ требовалась трехдневная барщина, а съ одинокихъ и пѣшихъ по 2 дня мужскихъ и женскихъ; въ Гайсинскомъ уѣздѣ та же трехдневка; иногда при 3-хъ дняхъ съ мужчины съ женщины требовалось только 2 дня, очен. рѣдко по 2 дня съ тѣхъ и другихъ, въ одномъ же имѣніи по 5 дней съ мужчины и женщины; наконецъ во Владимиро-Волынскомъ уѣздѣ съ двора требовали по 3 или по 4 дня въ недѣлю кромѣ другихъ работъ (шарварковъ, лѣтнихъ дней), съ такъ называемыхъ полно-грунтовыхъ, съ полу-грунтовыхъ по 2 — 3 дня при меньшемъ количествѣ другихъ рабочихъ дней, а съ одногородныхъ по 1 и рѣдко по 2 дня въ недѣлю, и то зачастую взамѣнъ барщины вносили деньги отъ 1 руб. 5 коп. до 3 и 4 руб.; женщины же рѣдко ходили на барщину, и то только лѣтомъ (12 — 16 дней въ лѣто). Кромѣ обыкновенной барщины, крестьяне отбывали лѣтніе дни (очевидно, «сгоны») и шарварки (чаще всего по 12 дней тѣхъ и другихъ, но въ иныхъ имѣніяхъ число такихъ дней доходило до 15, въ иныхъ спускалось до 2; во Владимиро-Волынскомъ уѣздѣ, напримѣръ, съ одногородныхъ шарварковъ совершенно не требовали, а лѣтнихъ дней брали только отъ 7 до 10). Наконецъ помимо этихъ работъ на крестьянъ налагались денежныя данины [1]). Относительно свѣдѣній по Радомысльскому уѣзду г. Левицкій отмѣчаетъ, что «замѣтить какое-либо соотношеніе между денежными данями, шарварками и барщиной нельзя: высшая денежная дань 2 руб. 40 коп. встрѣчается въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ шарварковъ 12, лѣтнихъ 12 и по 3 дня барщины съ хаты. Можно лишь сказать: въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ барщина съ души, тамъ почти нѣтъ денежной дани и шарварковъ [2]). Вещественныя дани были очень разнообразны и заключались, главнымъ образомъ, въ лѣсныхъ продуктахъ, что при постепенномъ исчезновеніи лѣсовъ дѣлалось очень тяжелой повинностью. Впрочемъ, эти вещественныя данины требовались далеко не во всѣхъ имѣніяхъ.

Изъ этого описанія повинностей явствуетъ, что барщина по количеству дней, даже прибавочные рабочіе дни (шарварки и сгоны), наконецъ, денежныя и вещественныя данины не могли сильно обременять крестьянъ, если бы этотъ размѣръ повинностей строго соблюдался. Секретъ тяжелаго экономи-

---

1) Въ Радомысльскомъ и Гайсинскомъ у. 'денежныя' данины въ 99 имѣніяхъ взимались въ размѣрѣ отъ 52½ к. мѣдью до 3 р. 30 к. сер., во Владимиро-Волынскомъ у. денежныхъ данинъ за рѣдкими исключеніями не было.

2) Ор. Левицкій. «О положеніи крестьянъ юго-западнаго края во 2-ой четверти XIX вѣка». «Кіевск. Старина», 1906 г., кн. VII—VIII, стр. 261.

ческаго положенія крестьянъ заключался въ постепенномъ закабаленіи ихъ и обращеніи въ постоянныхъ работниковъ. На это указываетъ интересная записка проскуровскаго уѣзднаго стряпчаго Савченко, представленная имъ Бибикову въ 1840 г. Наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ въ теченіе десятилѣтняго пребыванія стряпчимъ въ разныхъ уѣздахъ Подольской губ. привели его къ убѣжденію, что «отеческія намѣренія правительства при настоящемъ образѣ управленія помѣщиками не могутъ имѣть полнаго успѣха... Крестьяне,—пишетъ онъ,—съ давнихъ временъ по бѣдности своей оказались несостоятельны къ платежу за себя казенныхъ податей и изъ сего проистекала необходимость платежъ таковой возложить на самихъ помѣщиковъ. Сіи же послѣдніе уплачиваемыя деньги налагали на каждаго хозяина въ отработокъ, и такимъ образомъ бѣдность крестьянъ, происходящая отъ самихъ же помѣщиковъ, сдѣлалась для первыхъ источникомъ новаго неудобства, сопряженнаго съ выгодою для вторыхъ. Бѣдные крестьяне, нуждаясь въ хлѣбѣ и прочихъ хозяйственныхъ потребностяхъ, обращались къ помѣщикамъ, которые снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ, по своему усмотрѣнію, но опять налагали за долгъ отработокъ. Такимъ образомъ крестьяне, дѣлая долги у своихъ помѣщиковъ, принимали на себя новую обязанность работать сверхъ барщины; по этимъ причинамъ составились два рода барщины: по инвентарю и на пополненіе долга по займамъ хлѣба и прочее и по казеннымъ податямъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе было порядочное, тамъ ведется правильный расчетъ съ крестьянами за всѣ отработанные ими дни; но, къ сожалѣнію, есть имѣнія, гдѣ и того поверхностнаго обряда удовлетворенія крестьянъ не соблюдается. Въ сказанныхъ расчетахъ дни, по инвентарю назначенные, зачисляются въ панщину безплатную, а переработанные противу инвентарнаго назначенія обращаются на пополненіе долговъ крестьянъ. Но расчеты эти, дѣлаемые управителями и приказчиками, не всегда бываютъ совѣстны; кромѣ того, цѣна на занятое помѣщикомъ и цѣна за работу устанавливается произвольно, безъ всякаго спроса крестьянъ, согласны ли они или нѣтъ на подобную оцѣнку. Обыкновенно продукты, занимаемые крестьянами, оцѣниваются самою высокою цѣною, въ то время существующею, а плата за рабочій день полагается иногда въ 5 коп. сер., тогда какъ вольный рабочій стоитъ здѣсь въ день отъ 15 до 20 коп. сер. Это чувствительно тягостно крестьянамъ... Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне впали въ неоплатные долги, ко-

торые имъ никогда не отработать. Слѣдствіемъ этого было, что помѣщики начали считать себя въ правѣ при выручкѣ долговъ употреблять крестьянъ въ работу отъ воскресенья до воскресенья, дозволяя не иначе, какъ съ ихъ же разрѣшенія, въ дни свободные отъ помѣщичьихъ работъ обработку ихъ полей, которыя, оттого почти никогда въ свое время не запаханныя и несѣянныя, ничего или очень мало приносятъ крестьянамъ пользы въ своемъ урожаѣ. Проѣзжая лѣтомъ по полямъ, можно издали различить крестьянскіе хлѣба отъ помѣщичьихъ, такъ они всегда плохи.

«Право употреблять крестьянъ во всегдашнія работы породило новое очень ощутительное угнетеніе: помѣщики выгоняютъ ихъ на нѣсколько недѣль со своими транспортами хлѣба, или за доставкою лѣса, камня, извести и т. под., считая имъ дни, въ пути проведенные, за дни отбытой барщины. Крестьяне, отдаленные отъ домовъ, отбывая подобную барщину, должны на свой счетъ продовольствовать свой скотъ и, кромѣ этихъ издержекъ, крайне ихъ разоряющихъ, которыхъ бы они не несли, отрабатывая на мѣстѣ 2 или 3 дня въ недѣлю, очень часто теряютъ отъ изнуренія свой скотъ, составляющій все ихъ достояніе. Разумѣется, помѣщики вмѣсто павшаго даютъ вновь свой скотъ въ счетъ отработки. На основаніи подобномъ помѣщики, имѣющіе въ разныхъ уѣздахъ имѣнія, перегоняютъ на цѣлыя недѣли крестьянъ изъ одного въ другія имѣнія на работу.

«Вдобавокъ къ тому всему заведено еще во многихъ мѣстахъ весною, когда чувствуется крестьянами общій недостатокъ хлѣба, продовольствіе ихъ *за гарнцы:* тогда не считается уже барщина, которая остается за крестьянами въ долгу, а только за всякій день работы дается имъ ярового хлѣба въ цѣнѣ отъ 4 до 5 коп. сер. Все это, угнетая крестьянъ до крайности, освящено стародавнимъ обычаемъ и не почитается за проступокъ помѣщикомъ, хотя оттого проистекаютъ для крестьянъ невыгоды очень явныя, имѣющія вліяніе на ихъ нравственность» [1]).

Волынскій губернаторъ Лашкаревъ въ своемъ письмѣ къ Бибикову въ 1840 г. указывалъ и на другую причину безпрерывной барщины, а именно непосильные уроки. Такъ онъ говоритъ, что, посылая крестьянъ въ отдаленныя мѣстности съ транспортами, помѣщики назначаютъ имъ «по 60 верстъ на

---

[1]) Ор. Левицкій. «О положеніи крестьянъ въ юго-западномъ краѣ». «Кіевск. Стар.», 1906 г., кн. VII—VIII, стр. 269—271.

одинъ день барщины, тогда какъ на подводѣ съ волами 20 и не болѣе 30 верстъ могутъ въ день сдѣлать, и не считаютъ за барщину время, потерянное на угрузку продуктовъ на возы или лѣсныхъ матеріаловъ, при чемъ иногда по недѣлѣ проходитъ время, смотря по количеству продуктовъ. Работа, назначенная на одинъ день, называется *день оранья*, но количество этой земли едва въ полтора дня вышашутъ. *День жатвы* считаютъ $1\frac{1}{2}$ копы, которой никогда въ одинъ день не сдѣлаютъ; да иногда приказываютъ вязать такъ велики снопы, что одинъ рабочій $\frac{1}{2}$ мѣры ($1\frac{1}{2}$ копы?) жнетъ два дня, а барщины выписываютъ на одинъ день» [1]). Радомысльскій исправникъ указываетъ также на тяжелый для крестьянъ обычай отдавать ихъ внаймы для сплава лѣса рѣками въ города Николаевъ, Севастополь, Херсонъ и другія мѣста. «Плоты и байдаки пускаются туда съ половины мая, а люди возвращаются назадъ уже при замерзаніи водъ». «Находящимся на сплавномъ промыслѣ половину времени отсутствія засчитывается за барщину, а за остальную половину получаетъ отъ владѣльца весьма умѣренную заплату, несмотря на то, что одежда его въ одно лѣто отъ дождей совершенно истреблена и что одинъ день сихъ трудовъ стоитъ гораздо больше, чѣмъ два дня настоящей барщины» [2]).

Помимо уроковъ, превосходившихъ обыкновенныя силы человѣка, ихъ высылали для препровожденія проходившихъ войскъ, для починки дорогъ и для другихъ повинностей, засчитывая эти дни вмѣстѣ съ неотработанными уроками въ долгъ за крестьянами, а потомъ заставляли отрабатывать ихъ въ предоставленные крестьянамъ дни. Помѣщики заводили у себя монополіи, продавая евреямъ исключительное право покупки сельскихъ произведеній у крестьянъ. Прибавьте, что систематическое разореніе сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ и за неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили взаперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ соленымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п.

Неудивительно, что при этихъ условіяхъ жизнь крестьянина была похожа на каторгу. Крестьянское хозяйство было

---

[1]) Ор. Левицкій. «О положеніи крестьянъ въ юго-зап. краѣ». «К. Стар.», 1906 г., кн. VII—VIII, стр. 256.

[2]) Ibid, стр. 262.

запущено, ибо некогда было обрабатывать собственныя поля. «Оспротѣлыя поля,—говоритъ о своемъ уѣздѣ радомысльскій исправникъ,—лишенныя рукъ земледѣльца, дичаютъ, ибо наемъ хлѣбопашцевъ на плоты за готовыя деньги слишкомъ выгоденъ помѣщикамъ для временнаго извлеканія доходовъ... Хлѣба въ семъ уѣздѣ весьма мало, запасные магазины пусты, крестьяне терпятъ нужду, помощь владѣльческая своимъ крестьянамъ слабѣетъ. Неурожаи почти ежегодные, не съ причины атмосферы и непостоянныхъ погодъ, а отъ неупотребленія рукъ въ должномъ количествѣ на выработаніе земель подъ засѣвъ, а даже и огородовъ, на самыхъ пескахъ поселенныхъ [1]). Рабочаго скота было мало, отчего поля не удобривались и не могли быть должнымъ образомъ обработаны. Урожай бывалъ едва самъ два, а иногда возвращались только сѣмена и съ наступленіемъ зимы у крестьянъ уже почти не было хлѣба. Жили крестьяне зачастую въ лачужкахъ, ибо не было времени на исправку хатъ или постройку новыхъ [2]). «Вникая во все это,—говоритъ г. Левицкій,—прямо недоумѣваешь, какъ могли милліоны людей, предки которыхъ вѣками боролись за свою свободу, переносить это каторжное существованіе. И не диво, что само правительство постоянно было въ опасеніи, какъ бы между крестьянами юго-западнаго края не вспыхнули волненія или даже открытое возмущеніе противъ своихъ притѣснителей. И такія волненія по временамъ и возникали въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ Подольской губ., можетъ быть оттого, что здѣсь помѣщичій гнетъ былъ едва ли не тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-либо, — но власти крутыми мѣрами подавляли безпорядки въ самомъ ихъ зародышѣ» [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 263.

[2]) Прибавимъ къ этому вышеуказанную неравномѣрность надѣленія землею, въ силу котораго значительная часть населенія (огородники, бобыли и отчасти пѣшіе) была совершенно необезпечена въ средствахъ существованія. Въ Кіевской губ., напр., въ 1845 г. тяглыхъ и полутяглыхъ, имѣвшихъ сравнительно достаточное количество земли и рогатаго скота, было только 30% крѣпостного населенія или около одной трети; пѣшіе, имѣвшіе значительно меньшіе надѣлы и недостаточное количество земли, составляли 55% крѣпостного населенія и, наконецъ, огородники и бобыли составляли 15%. Другими словами, только одна треть крѣпостныхъ Кіевской губ., по количеству земли и рабочаго скота, могла быть обезпечена въ своемъ существованіи, а 2 трети не могли быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ.—См. «Статистическое описаніе Кіевской губерніи», изд. Пв. Фундуклеемъ, ч. II, стр. 300 - 335.—С.-Петербургъ, 1852 г.

[3]) Ор. Левицкій. «О полож. кр. въ юго-западн. краѣ». «К. Ст.», 1906 г., кн. VII—VIII, стр. 274.

Съ другой стороны, тяжелое экономическое положеніе заставляло крестьянъ бѣжать изъ имѣній въ новороссійскія губерніи, за границу и другія мѣста, въ поискахъ заработковъ, или вольныхъ поселеній. Радомысльскій исправникъ указывалъ въ своей запискѣ, что въ г. Радомыслѣ было обиліе крестьянъ, ищущихъ работы и которыхъ можно было нанять за дешевую плату; «причина ихъ скитаній—недостатокъ хлѣба и нужда въ подушныхъ». Значительное число крестьянъ, говорится въ изслѣдованіи Кіевской губ. конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, ежегодно отлучаются изъ домовъ своихъ на сторонніе заработки въ другіе уѣзды, въ города или сосѣднія губерніи по извозамъ, для найма въ судорабочіе, на мѣстные промыслы, на заработки мастерствами, работы землекопныя, полевыя, лѣсопильныя, въ услуженіе и т. п.». При этомъ многіе пѣшіе крестьяне, огородники, бобыли, понуждаемые крайнею нуждою, уходили безъ разрѣшенія, подъ угрозою взысканія по возвращеніи. «Перезимовавши кое-какъ дома, на весну они опять расходятся на заработки, увольняясь тѣмъ и отъ барщины. Такое бродяжничество, кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ, въ большомъ обычаѣ между бѣдными крестьянами уѣздовъ южныхъ, смежныхъ съ херсонскими степями. По дороговизнѣ наемныхъ рабочихъ въ тамошнихъ мѣстахъ, промышленники снискиваютъ себѣ выгодные заработки и отлучаются на нихъ цѣлыми семействами, на что много жалуются помѣщики и арендаторы тѣхъ имѣній» [1]). Михневичъ, священникъ Подольской губ., въ своихъ воспоминаніяхъ, также упоминаетъ о тайныхъ отлучкахъ крестьянъ на заработки [2]). Чигиринскій уѣздный предводитель дворянства Нечай, въ своемъ проектѣ 1832 г. объ улучшеніи положенія крестьянъ, жаловался на побѣги крестьянъ изъ Кіевской губ. въ Новороссію и пристанодержательство тамошнихъ помѣщиковъ. Но и въ новороссійскихъ губерніяхъ, по указанію Нечая, крестьяне не засиживались, а шли часто въ Бессарабскую область, а оттуда въ другія смежныя государства [3]). Эти побѣги, по тому же указанію, разоряли какъ кіевскихъ помѣщиковъ, такъ и оставшихся крестьянъ, ибо приходилось исполнять повинности за ушедшихъ. На усилившіеся побѣги крѣпостныхъ крестьянъ изъ Подольской губ. въ новороссійскія губ. представлялъ въ

[1]) «Статистическое описаніе Кіевской губ.», изд. Ив. Фундуклеемъ, ч. II, стр. 334.—С.-Петербургъ, 1852 г.

[2]) «Воспоминанія подольскаго старожила». «Кіевск. Старина», 1898 г., кн. II.

[3]) Н. М. «Матеріалы для новѣйшей исторіи юго-западнаго края». «Кіевск. Старина», 1899 г., кн. VI, стр. 428—429.

1831 г. комитету министровъ графъ Паленъ, управлявшій въ то время Новороссійскимъ краемъ. Гр. Паленъ считалъ эти побѣги результатомъ мести помѣщиковъ крестьянамъ за то, что послѣдніе не участвовали въ мятежѣ [1]). Савченко также указывалъ въ своей запискѣ, что въ Подольской губ. крестьяне, не вынося тяжелой эксплуатаціи изъ труда, уходили изъ имѣній, гдѣ ихъ особенно тѣснили безпрерывной барщиной, въ степныя мѣста на заработки и даже за границу и тамъ оставались.

Экономическая эксплуатація крестьянъ и злоупотребленія помѣщичьей власти осложнялись и усиливались въ 30 и 40 годахъ по политическимъ мотивамъ. Во время польскаго возстанія русское правительство не рѣшилось открыто звать крестьянъ-малороссовъ на возстаніе противъ польскихъ пановъ. Николай I не желалъ колебать престижъ помѣщичьей власти въ глазахъ крестьянъ. Въ 1846 году Николай I по поводу возстанія въ Галиціи писалъ къ князю Паскевичу: «Ты и въ Польшѣ проучи мужиковъ, которые бы хотѣли предлогомъ воспользоваться, чтобы подобное затѣвать; они доноси, если подозрѣваютъ, но не распоряжайся сами» [2]). Очевидно, той же точки зрѣнія держался Николай I и въ 1831 году.

Духовенству конфиденціально было предписано «посредствомъ прихожанъ» имѣть неослабное наблюденіе за поведеніемъ помѣщиковъ и доносить начальству. Главнокомандующій фельдмаршалъ Остенъ-Сакенъ издалъ даже высочайше одобренное воззваніе къ крестьянамъ, въ которомъ они открыто призывались указывать властямъ мятежниковъ-дворянъ, схватывать и доставлять ихъ начальству, при чемъ было обѣщано, что сами они никогда уже не будутъ принадлежать владѣльцамъ, уличеннымъ въ участіи въ возстаніи. Крестьяне горячо откликнулись на этотъ призывъ, усердно помогали властямъ бороться съ повстанцами, но жестоко были наказаны за свое усердіе. Послѣ усмиренія возстанія обѣщаніе Остенъ-Сакена не было исполнено. Правда, по Именному указу 1 августа 1831 года предписывалось налагать опеку на имѣнія помѣщиковъ, выразившихъ раскаяніе въ своемъ участіи въ мятежѣ, оставленныхъ въ подозрѣніи или вовлеченныхъ въ мятежъ силою, а впослѣдствіи начавшихъ преслѣдовать крестьянъ; если

---

[1]) Середонинъ. Обз. дѣят. ком. мин. , т. I, ч. II.

[2]) «Имп. Николай I въ его письмахъ къ князю Паскевичу». „Р. Архивъ", 1897 г., кн. 1, стр. 37.

же будетъ доказано при этомъ, что причиной притѣсненія крестьянъ были ихъ доносы на господъ или отказъ отъ участія въ мятежѣ, то такихъ помѣщиковъ предписывалось предавать суду, а имѣнія секвестровать. Но въ то же время рекомендовалось мѣстному начальству наблюдать, чтобы правила эти не могли сдѣлаться для крестьянъ «поводомъ къ неповиновенію законной власти ихъ помѣщиковъ и управляющихъ, и чтобы невинные изъ сихъ послѣднихъ ни въ какомъ случаѣ не терпѣли стѣсненія въ своихъ правахъ» [1]). Эта мѣра, видимо, имѣла мало значенія для крестьянъ. Организація мѣстнаго суда, полиціи и администраціи была слишкомъ хорошо приспособлена къ защитѣ интересовъ помѣщиковъ, чтобы подобный указъ, требовавшій подтвержденія крестьянскихъ жалобъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ, оказалъ бы существенную защиту крестьянамъ. Помѣщики и арендаторы конфискованныхъ въ казну имѣній жестоко отомстили крестьянамъ, пользуясь покровительствомъ чиновниковъ. Многіе изъ крестьянъ были сданы въ рекруты, другіе сосланы въ Сибирь. «Не лучше, если не горше была участь тѣхъ, которые оставались дома. Руководясь, кромѣ мщенія, принципами крѣпостной политической экономіи, помѣщики и арендаторы видѣли въ усиленіи панщины и повинностей всякаго рода вѣрный источникъ для поправленія состоянія, потрясеннаго революціей [2]).

Но если правительство не рѣшилось исполнить обѣщаніе Остенъ-Сакена, то все же политическіе расчеты влекли Николая I на путь рѣшительныхъ мѣропріятій въ цѣляхъ ограниченія крѣпостного права. Правительству необходимо было сохранить въ крестьянствѣ вѣрность и преданность себѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что Бибиковъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1839 г. указалъ, что «крестьяне грекороссійскаго исповѣданія, выразившіе во время послѣдняго бунта безграничную преданность правительству, послѣ отданія многихъ изъ нихъ прежнимъ помѣщикамъ, вытерпѣвъ жестокія преслѣдованія и не получивъ за заслуги свои ни малѣйшаго со стороны правительства возмездія, начинаютъ приходить къ оному въ охлажденіе» [3]). Бибиковъ выражалъ опасеніе, что крестьяне для того, чтобы «сколько-нибудь облегчить свою участь», постараются впредь «вѣрною службою полякамъ... выиграть ихъ благорасположеніе и тѣмъ улучшить свой

[1]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ», т. II, стр. 484.

[2]) В. Я. Шульгинъ «Юго-западный край, подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова (1838—1853 г.)». «Др. и Нов. Россія», 1879 г., № 5, стр. 6—7.

[3]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 484.

бытъ» [1]). Въ запискѣ «Обозрѣніе Кіевской, Подольской и Волынской губ. съ 1838 по 1805 годы» также указывалось, что оставленіе во власти помѣщиковъ крестьянъ, «призванныхъ къ содѣйствію противъ бунтующихъ господъ» и месть со стороны этихъ послѣднихъ поколебали надежду народа «на верховную власть и мощное ея заступничество» [2]). Та же мысль выражалась во многихъ запискахъ.

Въ виду всего этого, а можетъ-быть, и подъ вліяніемъ жестокаго возстанія крестьянъ въ Галиціи, въ 1844 г. открыты были инвентарные комитеты, а 26 мая 1847 г. были изданы инвентарныя правила, видоизмѣненныя въ 1848 г. Содержаніе этихъ правилъ слѣдующее: земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ при выходѣ инвентарныхъ правилъ, должна была оставаться безъ измѣненія. За земельные участки тягловыя семейства должны были работать на панщинѣ три дня тяглыхъ съ упряжью и одинъ день женскій, полутягловые — два дня пѣшихъ и одинъ — женскій въ недѣлю. Данины, вещественные сборы и косвенные налоги съ крестьянъ въ пользу помѣщика уничтожались. Подробно было опредѣлено, какія работы и въ какомъ количествѣ должны производить крестьяне. Барщина отрабатывалась каждую недѣлю съ правомъ переноса лишь одного дня на слѣдующую недѣлю, въ случаѣ крайней необходимости. Кромѣ барщины, каждый способный работникъ давалъ по двѣнадцати сгонныхъ лѣтнихъ дней (не болѣе двухъ на одной недѣлѣ) съ платою за нихъ по таксѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ; за особыя выгоды, предоставленныя помѣщиками и означенныя въ инвентарѣ, тяглыя, полутяглыя и огородныя семейства отбываютъ «строительные» дни по восьми въ годъ и ночной караулъ изъ одного работника разъ въ мѣсяцъ. Огородники за усадьбу и огородную землю платятъ оброкъ по таксѣ, а за выгоды въ пастбищахъ, отопленіи и т. д. обязаны отбывать двадцать четыре рабочихъ дня на основаніяхъ сгонныхъ дней и ночной караулъ. Бобыли платили только оброкъ въ размѣрѣ отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. сер.; съ женщинъ брали половину. Подводная повинность также была регламентирована: съ тяглаго семейства могли требовать одну подводу не болѣе 75 дней въ одинъ путь, при чемъ проѣздъ 25 верстъ считался за инвентарный день. Запрещалось обращать кре-

---

[1]) В. Я. Шульгинъ. «Древн. и Нов. Россія». 1879 г., № 5, стр. 10.

[2]) «Обозрѣніе Кіевской, Подольской и Волынской губ. съ 1838 по 1850 г.»; «Русскій Архивъ». 1881 г., № 5, стр. 26.

стьянъ въ дворовыхъ. Подати въ казну крестьяне платили сами за себя. Расправа между дворовыми и крестьянами, а равно взысканіе съ нихъ за разные проступки производятся помѣщиками или управляющими ихъ на основаніи имѣющихся на сей предметъ узаконеній [1]).

Между различными измѣненіями, сдѣланными въ 1848 г., нужно отмѣтить слѣдующія: въ каждомъ имѣніи опредѣлялся нормальный размѣръ участка, «придерживаясь по возможности принятаго въ той мѣстности обычая и не допуская повинностей, превышающихъ трехъ дней въ недѣлю съ тяглаго двора, надѣленнаго нормальнымъ количествомъ земли». Помѣщику предоставлялось право (до составленія подробной люстраціи имѣнія) въ необходимыхъ случаяхъ, по взаимному согласію съ крестьянами и съ вѣдома начальства, замѣнять его равнымъ количествомъ удобной какъ по мѣстности, такъ и по качеству земли. При переходѣ крестьянъ изъ одного разряда въ другіе повинности уменьшаются сообразно уменьшенію земельнаго надѣла, а освободившаяся часть земли отдается другимъ крестьянамъ за добавочныя по инвентарю повинности, или земля отдается въ пользованіе постороннему лицу. Если тяглый или пѣшій хозяинъ умретъ, не оставивъ въ семьѣ работника для замѣщенія его на барщинѣ, то помѣщикъ распоряжается участкомъ на основаніи вышеуказанныхъ правилъ, но не можетъ лишить вдову и непристроенныхъ дѣтей усадьбы и огорода. Но мірская земля должна была вновь выдѣляться за установленныя повинности въ случаѣ прибыли рабочихъ силъ въ имѣніи; нарѣзка же новой земли на прибылыхъ работниковъ въ случаѣ недостатка мірской зависѣла отъ доброй воли помѣщика. Дозволялось устанавливать высшіе разряды тягловыхъ хозяйствъ (плуговыя, четвертныя и т. д.), увеличивая повинности сообразно съ увеличеніемъ надѣла, но запрещалось дѣлить семьи на отдѣльныя хозяйства, если по раздѣлѣ въ хозяйствѣ не будетъ трехъ работниковъ. Надѣлъ земли для пѣшаго хозяйства не долженъ быть меньше $^1/_2$ опредѣленнаго для нормальнаго тягловаго хозяйства и т. д.

Послѣ утвержденія этихъ правилъ инвентари каждаго имѣнія были переданы въ губернскіе комитеты для исправленія сообразно этому закону, что продолжалось 4 года. Только въ 1852 г. комитетскія постановленія по каждому имѣнію были утверждены генералъ-губернаторомъ, поскольку они не про-

---

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 484.

тиворѣчили правиламъ 1848 года; всѣ статьи, противорѣчащія имъ, не имѣли силы, исключая одного случая: «при существованіи въ вотчинѣ меньшей барщины и урочныхъ работъ они должны оставаться въ прежнемъ размѣрѣ на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія» [1]). Утвержденные подлинные инвентари и положенія комитета не объявлялись крѣпостнымъ, а были разосланы черезъ предводителей дворянства помѣщикамъ, чѣмъ, конечно, подрывалось ихъ значеніе. Хотя, такимъ образомъ, отдѣльные инвентари были утверждены лишь въ 1852 г., общія инвентарныя правила стали дѣйствовать со времени ихъ опубликованія, т.-е. въ томъ же 1847 и 1848 гг.

При всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ инвентарныя правила 1847 и 1848 гг. являются, несомнѣнно, наиболѣе рѣшительною мѣрою противъ крѣпостного права въ царствованіе Николая I. Они въ значительной степени регламентировали крестьянскія повинности, были обязательны для помѣщиковъ и признавали за крѣпостными право жалобы. Судя по вышеприведеннымъ даннымъ по 3 уѣздамъ, инвентарныя правила, видимо, закрѣпили среднія повинности крестьянъ по дѣйствовавшимъ инвентарямъ, откинувъ высшіе размѣры барщины и прибавочныя повинности (денежныя и вещественныя данины), не имѣвшія общаго значенія. Урочное положеніе, опредѣленное инвентарными правилами, также приближалось, по указанію В. П. Семевскаго, къ среднимъ урокамъ, практиковавшимся въ имѣніяхъ Кіевской губ. въ 40 годахъ [2]). Такимъ образомъ инвентарныя правила могли только прекратить злоупотребленія помѣщичьей властью, закрѣпивъ среднія нормы крѣпостныхъ повинностей; фактически же при данной общественной и административной структурѣ они, видимо, имѣли мало значенія.

Крестьяне должны были жаловаться тѣмъ же становымъ приставамъ, а затѣмъ исправникамъ, уѣзднымъ предводителямъ, гдѣ помѣщики и раньше находили защиту и покровительство. Вообще не было указано «вѣрнаго и надежнаго пути для доведенія своихъ жалобъ въ случаѣ нарушенія инвентарнаго положенія, до высшаго начальства». Бывали такіе случаи, что помѣщикъ, узнавъ объ отправленіи крестьянами ходоковъ съ жалобою къ предводителю дворянства, «призывалъ станового на помощь противъ бунтующихся крестьянъ. Ихъ сѣкли и лупили, не выжидая возвращенія ходо-

---

[1]) В. П. Семевскій. «Кр. вопросъ», т. II, стр. 503.
[2]) Ibid., стр. 502.

ковъ, которые приходили впослѣдствіи съ увѣщаніемъ отъ предводителя и находили своихъ собратьевъ уже наказанными»[1]). Крестьянъ, опиравшихся на предоставленныя имъ по инвентарямъ права или подававшихъ жалобы въ случаѣ нарушеній правилъ, многіе помѣщики цѣлыми десятками стали представлять къ ссылкѣ на поселеніе или зажиточнѣйшихъ изъ нихъ, или, наконецъ, усугублять тѣлесныя наказанія[2]).

Необезпеченность и безсиліе жалобъ, покровительство помѣщикамъ со стороны администраціи дѣлало самую обязательность инвентарныхъ правилъ мертвымъ звукомъ, и крѣпостное право продолжало выливаться въ тѣ формы, въ какія выливала его жизнь. Нѣкоторые пункты инвентарныхъ правилъ сами по себѣ открывали широкій просторъ для эксплуатаціи крѣпостныхъ или непосредственно ухудшали ихъ положеніе. Право обмѣнивать крестьянскую землю на другую, хотя бы и съ согласія крестьянъ, давало возможность помѣщикамъ тѣмъ или инымъ способомъ переводить крестьянъ съ лучшей земли на худшую. Особенное значеніе этотъ пунктъ долженъ былъ имѣть въ годы передъ освобожденіемъ, когда и въ Великороссіи замѣтнымъ явленіемъ сталъ обмѣнъ крестьянскихъ земель и перевозъ крѣпостныхъ на другія земли. Послѣ изданія инвентарныхъ правилъ помѣщики изъ боязни дальнѣйшихъ улучшеній быта крѣпостныхъ, въ виду учащавшихся слуховъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, отнимали отъ крестьянъ даже родовые участки и раздавали своимъ крестьянамъ въ аренду, чтобы показать впослѣдствіи эти земли своими. Вслѣдствіе такихъ «скассованій» классъ домохозяевъ, пользовавшихся землею, постоянно уменьшался, а увеличивался классъ безземельныхъ[3]).

По указанію помѣщика Тарновскаго, тяглые были обременены несоразмѣрно съ пѣшими; сверхъ прежнихъ обязанностей на нихъ навалили сгонные дни, и оттого многіе изъ тяглыхъ стали продавать свой скотъ, чтобы перейти въ разрядъ пѣшихъ[4]). Кромѣ того, при разнообразіи земельныхъ надѣловъ въ различныхъ имѣніяхъ, повинности крестьянъ могли быть очень неравномѣрны даже въ одной и той же мѣстности внутри одной и той же группы крестьянъ (тяглыхъ, пѣшихъ

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 1—4.

[2]) «Обозрѣніе Кіевской, Волынской и Подольской губ. 1838—1850 г.» «Русскій Архивъ», 1884 г., т. III, стр. 34—35.

[3]) Соколовскій. «Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ». «Устои», 1882 г. № 1.

[4]) Самаринъ, т. II, стр. 1—2.

и т. д.). «Въ одной и той же мѣстности, говоритъ г. Воропоновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, при совершенно одинаковыхъ почвенныхъ и иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ одномъ имѣніи «пѣшій участокъ (а въ зависимости отъ него и тяглые, и иные) заключалъ въ себѣ 6 морговъ земли или 3 десятины 702 саж., а въ другомъ — 8 или 9 морговъ. Встрѣчались даже четырехморговые надѣлы. Такимъ образомъ одно и то же количество барщинныхъ, сгонныхъ и строительныхъ дней и ночныхъ карауловъ въ одномъ селеніи отбывалось за 6 морговъ земли, а въ другомъ недалекомъ за 9 или за 4 морга».

Изъ добавочныхъ повинностей тяжелымъ бременемъ могли ложиться на крестьянъ сгонные дни. Каждый способный работникъ долженъ былъ отбывать въ теченіе года 12 сгонныхъ дней, при чемъ помѣщикъ имѣлъ *право* требовать отъ крестьянъ по одному сгонному дню въ недѣлю, а въ случаѣ *соглашенія* съ крестьянами допускалось и 2 сгонныхъ дня въ недѣлю. Такъ какъ сгоны отбывались въ лѣтнее страдное время, а добровольныя *соглашенія* въ крѣпостное время были, конечно, одною лишь фикціею, то «выходило въ результатѣ, говоритъ г. Воропоновъ, что, напр., тяглый въ страдную лѣтнюю пору долженъ былъ изъ 6 рабочихъ дней недѣли, за вычетомъ праздниковъ, отбывать владѣльцу 3 дня барщины со скотомъ, да 2 дня сгонныхъ, итого 5 дней, оставляя для себя одинъ. А когда на этотъ послѣдній день приходился праздникъ, то мужику для своихъ работъ не оставалось уже ничего. Если отбывалось по 2 сгонныхъ дня, то всей суммы сгонныхъ дней (12) хватало на шестинедѣльный періодъ, охватывающій все время уборки» [1]). Плата за сгонные дни была значительно ниже платы вольнонаемнымъ работникамъ. «Ходили очень распространенные слухи, замѣчаетъ г. Воропоновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что опредѣленіе размѣра этой платы было результатомъ большихъ помѣщичьихъ хлопотъ въ генералъ-губернаторской канцеляріи» [2]).

Наконецъ урочное положеніе давало помѣщикамъ нѣкоторыя лазейки для увеличенія уроковъ. На это имѣются указанія современниковъ. Тотъ же Тарновскій указывалъ Самарину, что урочное положеніе для жнецовъ и жницъ слишкомъ неопредѣлительно» [3]). Священникъ Михне-

---

[1]) О. Воропоновъ. «Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ».—По личнымъ воспоминаніямъ. «Вѣстникъ Европы», 1900 г., августъ, стр. 761, 763.

[2]) Ibid., стр. 761.

[3]) Самаринъ, т. II, стр. 2

вичъ, воспоминанія котораго относятся, главнымъ образомъ, къ подольскому имѣнію гр. Гудовича, указываетъ, что послѣ инвентарей 1847 г. (отъ 1847 — 61 гг.) уроки, по которымъ отбывалась барщина, были очень обременительны. Урочная барщина, видимо, произвела такое сильное впечатлѣніе на Михневича, что онъ называетъ инвентарныя правила 1847 г. «правилами объ урокахъ барщины», а самое время отъ 1847 по 1861 гг. — урочнымъ. «Самое тяжелое для крѣпостныхъ время,—пишетъ Михневичъ,—это были уроки. Наступала косовица, и на одного дѣйствительнаго косаря отмѣривались полосы и на его жену и на дѣтей, если они уже ходили на панщину. Во время жнивъ было то же, и не разъ случалось видѣть, что на 2 — 3 дес. отмѣренныхъ, какъ уроки, для всѣхъ лицъ семьи, жнетъ одна душа, мужъ или жена; съ понедѣльника до субботы они не кончали работы, а съ понедѣльника назначались уже новые уроки. На себя работали люди только по ночамъ, и Богъ вѣдаетъ, какъ выдерживала ихъ натура этотъ сверхчеловѣческій трудъ. Но особенно трудна была молотьба. У крестьянина жена и двое дѣтей, отбывающихъ барщину, положенную на 4 души, — экономія выбрасываетъ по 3 копы, т.-е. всякая душа должна была отбывать въ недѣлю 3 урока, и бѣдный мужикъ цѣлый день первый только носитъ изъ скирды 12 копенъ въ свой стожокъ, и затѣмъ молотитъ и молотитъ, а если до субботы не кончитъ уроковъ, то его молотятъ» [1]).

Были ли тяжелые уроки, превращавшіе трехдневную барщину въ фицкію, распространеннымъ повсемѣстно явленіемъ — неизвѣстно. Неизвѣстно также, прекратились ли отработки долговъ, бывшія, какъ было указано, одною изъ главныхъ причинъ постепеннаго закабаленія крестьянъ, вопреки писаннымъ инвентарямъ. Въ виду условій, при которыхъ крестьянамъ приходилось осуществлять свое право жалобы, при возможности для помѣщиковъ дѣлать необязательными обязательные по закону инвентари, можно предполагать, что въ дѣйствительности экономическая эксплуатація крестьянъ осталась, хотя и не могла проявляться такъ открыто и безнаказанно, какъ раньше. Но это, конечно, область предположеній, а не фактическихъ данныхъ. Есть, съ другой стороны, нѣкоторыя указанія, что положеніе крѣпостныхъ нѣсколько улучшилось въ послѣднее десятилѣтіе передъ освобожденіемъ, хотя выше-

[1]) «Воспоминанія подольскаго старожилы». «Кіевская Старина», 1898 г. кн. II, стр. 50.

указанное экономическое неравенство среди самихъ крестьянъ продолжало существовать.

Помѣщики юго-западнаго края вначалѣ были крайне недовольны инвентарными правилами 1847 г. и вели сильную агитацію противъ нихъ. Бибиковъ, ходатайствуя передъ государемъ въ 1848 г. о нѣкоторомъ ограниченіи правъ помѣщиковъ по отношенію къ крѣпостнымъ, приводилъ факты, характеризующіе отношеніе помѣщиковъ къ инвентарямъ: «Въ селѣ Пустоварнѣ зять помѣщика Х—ъ, наказывая крестьянъ, приговаривалъ: «Ото тебѣ указъ, ото тебѣ государево добро». Въ селеніи Радзивиловкѣ помѣщикъ Р., наказывая мужиковъ, грозилъ: «Положу указъ на спинѣ и буду бить, пока не изобью указа и кожи». Въ с. Сидоровкѣ экономъ В—ій при наказаніи говорилъ: «А ты не слушай, что въ церкви читаютъ, чортъ знаетъ, какой указъ!» Въ с. Толкунской-Руднѣ помѣщикъ Ф—ъ говорилъ крестьянамъ: «Никто не въ правѣ мнѣ указывать, какъ поступить съ вами; я могу убить своего мужика и никого не боюсь» [1]). Съ другой стороны, Самаринъ указываетъ, что «общественное мнѣніе въ Кіевской губ., по крайней мѣрѣ, мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ изъ русскихъ, рѣшительно въ пользу инвентарей. Всѣ убѣждены въ томъ, что они были необходимы; что для перваго опыта они составлены недурно, хотя могли бы быть лучше; что это только первый шагъ; наконецъ, что нравственное вліяніе ихъ на народъ было огромно и въ высшей степени благотворно» [2]). Надо полагать, впрочемъ, что помѣщики быстро приспособились къ инвентарнымъ правиламъ и, какъ указано, могли и при нихъ достаточно эксплуатировать крестьянъ.

На цѣнности земель инвентарныя правила, видимо, не отразились, хотя объ этомъ и нѣтъ точныхъ данныхъ. По указаніямъ генералъ-губернатора, со времени введенія инвентарныхъ правилъ цѣны на имѣнія въ юго-западныхъ губерніяхъ повысились, но Самаринъ указываетъ, что «цѣнность имѣній повысилась не *вслѣдствіе*, а *несмотря* на введеніе инвентарей и уменьшенія барщины», изъ-за ряда другихъ причинъ, при чемъ возвысились въ цѣнѣ, главнымъ образомъ, мелкія имѣнія изъ-за большого спроса на нихъ [3]).

Сами крестьяне очень довѣрчиво и съ большою радостью встрѣтили введеніе инвентарей. Какъ извѣстно, инвентари

---

[1]) В. Я. Шульгинъ. «Др. и Нов. Россія», 1879 г., № 6, стр. 101.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 1.
[3]) Ibid., стр. 7.

1847 г. вводились съ большою торжественностью; они читались въ церквахъ въ присутствіи предводителей и исправниковъ, служили повсюду по этому поводу молебны; одинъ экземпляръ оставался въ церкви на храненіи, другой передавался помѣщику. У Т—го «послѣ объявленія инвентарей крестьяне отъ радости по ночамъ ходили толпами и распѣвали пѣсни». «По увѣренію всѣхъ помѣщиковъ,—говоритъ Самаринъ,—народа узнать нельзя, такъ онъ преобразился: онъ ходитъ веселѣе, держитъ прямо голову; по выраженію Т. такъ подняло его вдругъ — сознаніе, что у него есть право. Народъ называетъ инвентари добромъ» [1]).

Однако по мѣрѣ ознакомленія съ инвентарями возникли недоразумѣнія, появлялось разочарованіе. «Иногда крестьяне неправильно понимали ихъ; въ особенности сгонные рабочіе дни, которые обязательны, а между тѣмъ доставляютъ имъ денежное вознагражденіе, возбуждали сомнѣніе, довольно основательное» [2]). «Тяглые хозяева полагали, что отбывать тяжелую панщину должны только имѣющіе по 6 паръ воловъ; другіе думали, что не могутъ быть отправляемы съ транспортами за предѣлы своей губерніи, что ночной караулъ долженъ быть только при запасныхъ магазинахъ, что они не обязаны отрабатывать по лишнему дню за подати, заплаченныя за нихъ помѣщиками» [3]). Сомнѣнія увеличивались изъ-за неправильныхъ толкованій инвентарей нѣкоторыми помѣщиками въ свою пользу. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инвентарныя правила давали поводъ усиливать повинности, крестьяне, конечно, разочаровались въ своемъ «добрѣ». Такъ Михневичъ говоритъ, что послѣ торжественнаго объявленія инвентарныхъ правилъ «крестьяне увидѣли, что уроки тяжелѣе ихъ прежней панщины». Они обращались къ священникамъ съ просьбою читать инвентарныя правила, «волновались, конечно, не отъ чтенія правилъ объ урокахъ, а отъ невыносимой ихъ тяжести». Помѣщики обвиняли священниковъ, разсказываетъ Михневичъ, въ возмущеніи крестьянъ; отъ священниковъ отобрали секретно правила и этимъ поставили ихъ между двухъ огней: помѣщики обвиняли священниковъ въ тайномъ чтеніи правилъ, а крестьяне обвиняли священниковъ, что тѣ не читаютъ ихъ [4]).

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 4.
[2]) Ibid., стр. 2—3.
[3]) В. Я. Шульгинъ. «Др. и Нов. Россія». 1879 г., № 6. стр. 99.
[4]) «Воспом. подольскаго старожила»... «Кіевская Стар.», 1898 г., № 2, стр. 51.

На почвѣ непониманія и ложныхъ толкованій инвентарныхъ правилъ среди крестьянъ первое время возникли «такъ называемыя возмущенія, состоявшія собственно въ томъ, что крестьяне, почитая себя правыми, не позволяли себя наказывать, иногда бросали работу, собирались въ толпы и заявляли желаніе, чтобы съ ними поступали «якъ царь звеливъ, а не такъ, якъ панъ каже» [1]). Крестьянъ, конечно, усмиряли, и они постепенно возвращались къ выполненію крѣпостныхъ повинностей. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ въ 1848 году, введеніе инвентарныхъ правилъ вызвало волненія въ 11 имѣніяхъ, въ томъ числѣ — 9 въ Кіевской губ. [2]). На самомъ дѣлѣ, конечно, далеко не всѣ волненія и такъ называемыя неповиновенія крестьянъ дошли до центральной власти. Министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ въ отчетѣ по поводу этихъ волненій, что крестьяне находили инвентарныя правила «отяготительными», единственно по новости ихъ, и, «не дожидаясь полезныхъ послѣдствій новыхъ порядковъ, отказывались отъ работъ и исполненія повинностей» [3]). Судя по аналогіи съ другими крестьянскими волненіями, можно думать и иначе. Крестьяне вернулись къ обычному складу жизни подъ вліяніемъ строгихъ мѣръ, а отчасти разъясненій дѣйствительнаго смысла инвентарныхъ правилъ, убѣдившись всѣмъ этимъ, что инвентарныя правила не то «добро», которое они надѣялись получить, примирившись временно со своимъ положеніемъ, какъ неизбѣжнымъ зломъ, но отнюдь не увѣрившись въ «полезныхъ послѣдствіяхъ новыхъ правилъ».

Народная радость по поводу инвентарей, недовѣрчивость къ нимъ и, наконецъ, разочарованіе въ дѣйствительномъ улучшеніи своего быта отразились въ двухъ народныхъ пѣсняхъ. Въ первой пѣснѣ приглашая громаду въ церковь помолиться за «пана Микиту» (очевидно, такъ обозначенъ Дмитрій Бибиковъ), который крестьянъ «слобоняе» и отъ пановъ «добре бороняе», авторъ поетъ славу «генералу» и выражаетъ надежду, что

Може, и буде
Правда міжъ нами,
Може, теперь веселыйшій
Війдемъ въ свою хату».

Во второй пѣснѣ авторъ описываетъ инвентари, данные «губернаторомъ нашимъ Бибиковымъ», продолженіе прежней

---

[1]) Шульгинъ. «Др. и Н. Россія». 1879 г., № 6, стр. 99.
[2]) «Матер. для ист. крѣп. права». стр. 192
[3]) Ibid., стр. 192

эксплуатаціи крестьянъ и послѣ нихъ, трудность жалобъ на помѣщиковъ и кончаетъ просьбою о защитѣ, отсутствіе которой можетъ порадить въ народѣ проклятіе самого Бибикова [1]).

«Ой, недавъ насъ, генерале.—кончаетъ пѣсню авторъ.—
Тяжко забиждати,
Свою долю сірітскую
Гірко проклинати;
Не дай жъ имъ, генерале,
Насъ піневіряти...
Бо будемо й тебѣ добрій.
Й тебе проклинати».

Экономическое положеніе крестьянъ наканунѣ реформы 1861 г. въ общихъ чертахъ было таково. Какъ было указано, въ Кіевской и Подольской губ., относительно которыхъ имѣются свѣдѣнія въ Труд. Ред. Комисс., почти всѣ крестьяне состояли на барщинѣ (97,4 барщинныхъ и 2,6 оброчныхъ крестьянъ) [2]).

Надѣленіе землею въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ было таково [3]):

	Число крестьянъ.	%
а) Крестьянъ, надѣленныхъ землею усадебною и полевою:		
хозяевъ тяглыхъ	162.965	34½
» пѣшихъ	229.308	48¾
б) Крестьянъ, пользующихся одной усадьбою безъ полевой земли (огородниковъ)	43.750	9¼
в) Крестьянъ, вовсе не надѣленныхъ землею (бобылей)	34.585	7½

Такимъ образомъ надѣлено полевою землею было лишь 83% всѣхъ крестьянъ; 16¾% не могли кормиться отъ земледѣлія за неимѣніемъ надѣловъ.

Преобладающіе надѣлы по разнымъ уѣздамъ для тяглыхъ хозяйствъ были въ

Подольской губ. . . . . 6½ дес.
Волынской » . . . . . 6½—12 дес.
Кіевской » . . . . . 6 — 9 дес.

Для пѣшихъ хозяйствъ преобладающими надѣлами были:

Подольской губ. . . . . 3¼—4 дес.
Волынской » . . . . . 3¼—6½
Кіевской » . . . . . 3 —„ „

---

[1]) В. Я. Шульгинъ. «Др. и Нов. Россія», 1879 г., № 6, стр. 104.

[2]) См. табл. № 1. Припомнимъ, что въ юго-западныхъ губ. было 14% всего крѣпостного населенія Россіи (10% въ Кіевской и Подольской губ. и 4% въ Волынской губ.).

[3]) В. И. Семевскій. «Кр. вопр.», т. II, стр. 505—506.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, помимо тяжелыхъ барщинныхъ повинностей, среди крестьянъ было велико имущественное неравенство. $16^3/_4{}^0/_0$ всѣхъ крестьянъ не могли заниматься земледѣліемъ, не имѣя полевой земли, а изъ нихъ $7^1/_2{}^0/_0$ имѣли только усадьбу. Слѣдовательно, болѣе $^1/_6$ части крѣпостного населенія не было обезпечено въ своемъ существованіи. Надѣлы пѣшихъ хозяйствъ также не могли быть достаточными и лишь $^1/_3$ крестьянъ (тяглые) имѣли достаточные надѣлы, но зато, по свидѣтельству Тарновскаго, были обременены повинностями, заставлявшими ихъ добровольно переходить въ разрядъ пѣшихъ крестьянъ. Неудивительно поэтому, что, видимо, и послѣ инвентарей 1847 г., несмотря на распространенную барщину, крестьяне уходили на посторонніе заработки.

Самаринъ указываетъ, что въ юго-западныхъ губерніяхъ, подъ вліяніемъ воздѣлыванія свекловицы въ большихъ размѣрахъ, на ряду съ введеніемъ инвентарей, сократившихъ барщину, особенно сильно развилась потребность въ вольнонаемныхъ рабочихъ. Это заставило не брезгать и бѣглыми крестьянами тѣхъ же губерній. «Прежде, — говоритъ Самаринъ, — нанять чужого бѣглаго крестьянина почиталось дѣломъ безчестнымъ; теперь всѣ дѣлаютъ это по необходимости, и никто не жалуется. Помѣщики, воздѣлывающіе свекловицу, зазываютъ бабъ изъ сосѣднихъ деревень; онѣ приходятъ тысячами и договариваются о цѣнѣ. Другіе отбиваютъ ихъ обѣщаніемъ высшей платы, начинается торгъ, но о крѣпостномъ правѣ и помину нѣтъ. Потребность вольнаго труда такъ велика, стремленіе рабочихъ силъ къ нему такъ неудержимо, что притязанія, основанныя на буквѣ устарѣлаго закона, какъ бы умолкали» [1]). Подобное обильное предложеніе труда доказываетъ лучше всего, что крестьяне не могли прокормиться собственнымъ хозяйствомъ и принуждены были искать посторонннихъ заработковъ. Мѣстный спросъ на наемный трудъ не могъ поглотить всѣхъ жаждущихъ продать его, и крестьяне въ поискахъ за заработкомъ шли за предѣлы родныхъ губерній. Такъ въ концѣ 40-хъ г. Подольская и Кіевская губ. снабжали иногда работниками Новороссію. То же было и наканунѣ освобожденія. «До сихъ поръ, — говорится въ газетѣ «Одесскій Вѣстникъ» за 1860 г., — въ наши края приходили обыкновенно полевые рабочіе изъ Малороссіи и ближайшихъ губерній, какъ-то Подольской и отчасти Волынской» [2]).

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 5.

[2]) В. И. Семевскій. По поводу статьи Рожкова». «Р. Мысль», 1902 г., кн. IV, стр. 131—133.

Въ сѣверо-западной Россіи (Литва и Бѣлоруссія) также издавна существовали инвентари, равно необязательные для помѣщиковъ, не защищавшіе крестьянъ отъ эксплуатаціи владѣльцевъ и отличавшіеся крайнимъ разнообразіемъ.

Повелѣніе 1844 г. объ открытіи губернскихъ комитетовъ для разсмотрѣнія и составленія инвентарей помѣщичьимъ имѣніямъ относилось и къ этимъ губерніямъ. Въ литовскихъ губерніяхъ (Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской) въ руководство губ. комитетамъ были даны въ 1845 г. правила, утвержденныя генералъ-губернаторомъ въ особо образованномъ комитетѣ изъ начальниковъ губерній и представителей отъ губернскихъ инвентарныхъ комитетовъ. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ этихъ правилъ было установленіе главныхъ натуральныхъ повинностей (пригоновъ и сгоновъ или взамѣнъ ихъ оброчныхъ повинностей) соразмѣрно съ качествомъ и количествомъ отводимыхъ крестьянамъ поземельныхъ участковъ, при чемъ эти повинности по оцѣнкѣ должны были равняться $^1/_3$ валового дохода поземельныхъ участковъ; добавочныя же повинности (шарварки, подводная повинность, вещественныя данины и пр.) должны были отбываться, какъ плата «за придаточныя выгоды, представляемыя для крестьянъ владѣльцами въ своихъ помѣстьяхъ, и за попечительность владѣльцевъ о ихъ благосостояніи».

Но въ литовскихъ губерніяхъ дѣло пошло иначе, чѣмъ въ юго-западныхъ. Здѣсь ограничились повѣркою и исправленіемъ частныхъ инвентарей, которые и стали дѣйствовать по порядку ихъ введенія въ имѣнія: одни съ 1845 г., другіе съ 1846 г. и 1847 г., при чемъ вышеуказанныя правила были примѣнены въ этихъ губерніяхъ «не во всемъ одинаковымъ образомъ». Въ Бѣлоруссіи (Могилевской и Витебской губ.) дѣло шло еще медленнѣе. Тамошній генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ для опредѣленія повинностей принять за основаніе $^1/_3$ дохода съ выдѣленныхъ крестьянамъ земель и ввести инвентари по правиламъ, установленнымъ для литовскихъ губерній. Однако дворянство отнеслось несочувственно къ этому проекту и желало установленія трехдневной барщины съ рабочей души [1]). Встрѣтивъ противодѣйствіе дворянства, дѣло пошло крайне медленно. Въ большей части имѣній инвентари были составлены мѣрами правительства на счетъ владѣльцевъ. По составленіи инвентарей оказалось,

---

[1]) Въ Могилевской губ. и бѣлорусскихъ (8) уѣздахъ Витебской губ. существовала тягловая система съ трехдневной барщиной.

что привести ихъ въ дѣйствіе невозможно, потому что въ нихъ были показаны предположенные надѣлы, а не дѣйствительные, притомъ съ равной доходностью для всѣхъ семействъ, безъ различія въ нихъ рабочихъ силъ; повинности крестьянъ оказались крайне тягостными, ибо $^1/_3$ дохода была выведена не изъ среднихъ, а изъ высшихъ чиселъ. Въ 1852 г. было приказано ввести въ витебскомъ и виленскомъ генералъ-губернаторствѣ инвентарныя правила на основаніи правилъ 1848 г. для кіевскаго генералъ-губернаторства. Въ 1854 г., подъ вліяніемъ жалобъ помѣщиковъ, дѣйствіе этого распоряженія было пріостановлено, и было положено, что инвентарныя правила будутъ разсмотрѣны въ губернскихъ комитетахъ затѣмъ генералъ-губернаторами, а послѣ въ низшихъ и высшихъ комитетахъ уже въ Петербургѣ. Правила были внесены въ Государственный Совѣтъ въ 1855 г. при Александрѣ II. Государственный Совѣтъ отдѣлилъ вопросъ объ инвентаряхъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ отъ такого же вопроса въ литовскихъ губерніяхъ, постановивъ относительно послѣднихъ «собрать предварительныя свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ приняты въ 1844 г. основанія для инвентарей должны быть измѣнены или отмѣнены»[1]).

Пересмотръ инвентарей въ литовскихъ губерніяхъ затянулся такимъ образомъ до начала освобожденія крестьянъ, вызвавъ извѣстное ходатайство литовскаго дворянства объ уничтоженіи крѣпостного права. Такимъ образомъ въ литовскихъ губ. до освобожденія крестьянъ дѣйствовали инвентари, введенные въ 1845—1847 гг. Относительно бѣлорусскихъ губерній Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 14 мая 1855 г. установилъ главныя основанія для составленія инвентарей въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Витебской и Могилевской губ., гдѣ существовала тягольная система, не распространяя на тѣ имѣнія гдѣ вмѣсто тягольной существовала подворная система.

Не излагая подробно принятыхъ правилъ, отмѣтимъ, что ими былъ опредѣленъ нормальный участокъ въ размѣрѣ minimum ($4^3/_4$ дес.) и maximum (9 дес.), полагающійся на каждаго способнаго работника (каждый работникъ, надѣленный такимъ участкомъ, составлялъ тягло). Если существующій надѣлъ не достигалъ minimum'а, помѣщикъ долженъ былъ добавить земли, а за недостаткомъ ея — уменьшить соотвѣтственно повинности;

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 239.

если надѣлъ превышалъ maximum, излишекъ могъ оставаться въ пользованіи крестьянъ по взаимному соглашенію съ помѣщикомъ за особое вознагражденіе. Разрѣшалась замѣна отведенной крестьянамъ земли другою, равною количествомъ и качествомъ, въ томъ же или другомъ селеніи. Съ каждаго тягла полагалось отрабатывать помѣщику по 3 дня мужскихъ и по 3 дня женскихъ въ недѣлю, помимо ночныхъ карауловъ, отбываемыхъ каждымъ тягломъ по очереди. Подводная повинность должна была исполняться въ барщинные дни; сгонные дни, данины, какого бы то ни было наименованія, а также всякія другія повинности, за исключеніемъ вышеуказанныхъ, воспрещались. Тягольными работниками считались мужчины отъ 17 до 55 лѣтъ и женщины отъ 16 до 50 лѣтъ. Оговорено было право крестьянъ высылать на барщину вмѣсто себя наемныхъ работника или работницу, а за неимѣніемъ ихъ выставлять подростковъ (мальчиковъ отъ 14 до 17 лѣтъ и дѣвочекъ отъ 14 до 16 лѣтъ), съ зачетомъ 2 дней ихъ работы за одинъ. Инвентари, составленные согласно этимъ правиламъ, должны были вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1856 г. Такъ какъ не было средствъ немедленно произвести нарѣзку нормальныхъ участковъ земель, то дозволялось оставить крестьянъ при существующихъ земельныхъ надѣлахъ съ тѣмъ лишь, чтобы повинности крестьянъ не превосходили назначаемыхъ данными правилами. Каждый помѣщикъ, у котораго была тягольная система, обязывался въ виду этого по окончаніи полевыхъ работъ 1855 г. представить составленный имъ на принятыхъ Государственнымъ Совѣтомъ основаніяхъ инвентарь своего имѣнія уѣздному предводителю дворянства, передававшему инвентарь въ губернскій комитетъ для повѣрки съ данными правилами.

Такимъ ускореннымъ темпомъ, какъ бы тайкомъ [1]), рѣшено было ввести инвентари въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, да и то не во всѣхъ имѣніяхъ. Спѣшность, съ которою были проведены правила 1855 г., можетъ-быть, объясняется крайне тяжелымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, обратившемъ на себя особое вниманіе Николая I. Однако, эти правила, имѣвшія цѣлью улучшить положеніе крестьянъ въ Бѣлоруссіи,

---

[1]) Государственный Совѣтъ положилъ «не публиковать повсемѣстно принятыхъ имъ правилъ», но «предписать только къ исполненію по Витебской и Могилевской губ., прочимъ губернскимъ начальствамъ мнѣнія этого не сообщать и не въ какихъ вѣдомостяхъ не помѣщать». Забл.-Десятовскій, т. IV, стр. 239.

врядъ ли получили практическое значеніе въ виду вскорѣ наступившей реформы 1861 г.; узаконенное же наканунѣ реформы право помѣщика обмѣнивать крестьянскія земли могло сыграть очень печальную роль въ земельномъ обезпеченіи крестьянъ при указанномъ стремленіи помѣщиковъ наканунѣ реформы 1861 г. округлить и улучшить собственныя владѣнія.

Еще въ 1853 г. Николай I, препровождая въ комитетъ министровъ рапортъ ген.-губернатора П. Н. Игнатьева о положеніи Бѣлоруссіи, положилъ на немъ такую резолюцію: «Въ комитетъ министровъ съ тѣмъ, чтобы всѣ господа министры прочли и убѣдились, въ какомъ страшномъ положеніи сіи губерніи находятся, и что однѣми законными мѣрами край сей не только не подымется, но окончательно пропадетъ; нужны экстренныя и крутыя мѣры, которыя министру внутреннихъ дѣлъ обсудить и представить на разсмотрѣніе комитета, не стѣсняясь законными формами» [1]). Положеніе Витебской и Могилевской губ. (Бѣлоруссіи) было дѣйствительно самое безотрадное. «Въ губерніяхъ бѣлорусскихъ,—говоритъ Шульгинъ, на основаніи, по его словамъ, безусловно достовѣрнаго документа [2]), — недоимки возросли до огромной цифры 41.500.000 руб., въ томъ числѣ почти 34.000.000 руб. на однихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что составляло среднимъ числомъ по 86 руб., а въ иныхъ мѣстахъ до 150 руб. на душу» [3]). Въ голодные годы населеніе этихъ губерній терпѣло страшную нужду. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 1853 г. генералъ-губернаторъ П. Н. Игнатьевъ мрачными красками описывалъ продовольственное положеніе этихъ губерній, о чемъ приходилось говорить выше. За послѣднія 30 лѣтъ этотъ край 10 разъ былъ постигнутъ неурожаемъ; «правительство постоянно поддерживало помѣщиковъ; двѣ эти губерніи получили ссуды на 38.186.718 руб. при населеніи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ 445.094 душъ въ Витебской губ. и 585.726 душъ въ Могилевской; несмотря на правительственную помощь, $^2/_3$ этого крестьянства въ полной нищетѣ». Министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ указывалъ въ комитетѣ министровъ, какъ на одну изъ причинъ бѣдности бѣлорусскаго крестьянства, на то, что крестьяне набирали земли больше, чѣмъ могли обработать,

---

[1]) Середонинъ. «Обзоръ дѣят. ком. мин.», т. II, ч. I, стр. 211.

[2]) Это, очевидно, та же всеподданнѣйшая записка генералъ-губернатора Витебской, Смоленской и Могилевской губ. П. Н. Игнатьева,—Шульгинъ говоритъ о началѣ 50-хъ годовъ.

[3]) Шульгинъ. «Др. и Нов. Россія», 1879 г. № 6, стр. 104.

а потому обременяли себя непосильными повинностями. Земля по этой причинѣ, а также и по недостатку скота плохо обрабатывалась, такъ что въ то время, какъ на помѣщичьей землѣ урожай былъ самъ-5 — 6, на крестьянской только $1\frac{1}{2}$ — 2 [1]).

Такое объясненіе врядъ ли было справедливо въ цѣломъ, ибо крестьяне брали, конечно, столько земли, сколько имъ было необходимо. Въ Витебской губ., въ концѣ 50-хъ годовъ, по указанію дворянскаго губернскаго комитета, на тягло приходилось пашни и сѣнокоса въ среднемъ 6,5 дес., что, судя по великороссійскимъ губерніямъ, обезпечивало только существованіе и повинности крестьянъ. Въ Могилевской губ. надѣлъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, былъ нѣсколько выше (7,3 дес. пахотной и сѣнокосной земли на тягло), но все же не можетъ считаться чрезмѣрнымъ. Очевидно, вся суть дѣла была въ чрезмѣрныхъ повинностяхъ, что нужно, по крайней мѣрѣ, въ Могилевской губ., гдѣ почти всѣ крестьяне состояли на барщинѣ (97%), отнести на счетъ послѣдней [2]).

О положеніи крестьянъ въ литовскихъ губерніяхъ можно сказать очень мало. Какъ было указано, лишь въ одной Ковенской губ. % оброчныхъ былъ сравнительно великъ (29%), но въ другихъ почти всѣ крестьяне состояли на барщинѣ (въ Виленской губ. барщинныхъ крестьянъ было 92%, въ Минской — 97,4%, въ Гродненской — 98%). По изслѣдованію офицеровъ генеральнаго штаба, производившемуся въ концѣ 50-хъ годовъ, инвентари затруднили помѣщиковъ этихъ губерній при переходѣ къ улучшеннымъ системамъ хозяйствъ, почему со времени ихъ введенія начинается въ литовскихъ губерніяхъ стремленіе помѣщиковъ, несмотря на чисто земледѣльческій характеръ населенія, переводить крестьянъ на оброкъ, или вовсе уничтожая господскую запашку, или замѣняя прежнюю барщину хозяйствомъ вольнонаемнымъ. Всего сильнѣе это стремленіе обнаружилось въ Ковенской губерніи [3]).

Для болѣе детальнаго ознакомленія съ положеніемъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ наканунѣ реформы 1861 г. остановимся на Гродненской и Минской губерніяхъ, по которымъ есть свѣдѣнія въ матеріалахъ, собранныхъ въ то время офицерами генеральнаго штаба.

---

1) Середонинъ, т. II, ч. I, стр. 367, 368.

2) О числѣ барщинныхъ крестьянъ въ Витебской губ. нѣтъ свѣдѣній.

3) «Мат. для геогр. и стат. Россіи, собр. оф. ген. шт. Ковенская губ.». Составилъ Д. Аѳанасьевъ. Спб. 1861 г., стр. 409.

Въ Гродненской губ. въ концѣ 50-хъ годовъ распредѣленіе земли между крестьянами и помѣщиками (въ 1699 имѣніяхъ) было таково [1]):

	Всей земли.		Пахоты.	
	Десятинъ.	%%	Десятинъ.	%%
У крестьянъ	689.814	57,2	533.418	60,7
» помѣщиковъ	516.225	42,8	361.965	39,3
Всего . .	1.206.033	100,0	895.383	100,0

Изъ приведенной таблицы видно, что въ Гродненской губ. изъ всѣхъ угодій на долю помѣщиковъ приходилось немного болѣе $^2/_5$ земли и на долю крестьянъ около $^3/_5$; господская запашка равнялась почти $^2/_3$ крестьянской запашки.

Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ было 38.058 дворовъ, при чемъ на дворъ приходилось по $3^1/_2$ рев. душъ м. п. Эти дворы распредѣлялись такъ:

	Дворовъ.	%%
Тяглые	44.493	90,4
Оброчные	1.547	4,1
Огородники	1.416	3,7
Бобыли	702	1,8
Всего	38.058	100,0

Если принять во вниманіе, что огородники владѣли одною только усадьбою и огородами, бобыли не имѣли даже огородной земли, а оброчные обыкновенно надѣлялись пахотной, сѣнокосной и усадебной землею, то изъ приведенной таблицы явствуетъ, что 94,5% дворовъ владѣли полными надѣлами (пахотная, сѣнокосная и усадебная земля), 3,7% — только усадебной и огородной землею, а 1,8% дворовъ были обезземелены. Въ среднемъ на одинъ дворъ приходилось по $10^1/_2$ дес. пахотной земли и по 14,7 дес. всѣхъ угодій; на одинъ дворъ тяглыхъ и оброчныхъ крестьянъ приходилось 11,6 дес. пахотной земли. Этотъ земельный надѣлъ авторы изслѣдованія признаютъ достаточнымъ, но указываютъ, что многочисленныя барщинныя повинности дѣлали положеніе крестьянъ крайне затруднительнымъ. Болѣе чѣмъ въ половинѣ имѣній крестьяне работали съ каждаго двора по 3 дня тяглыхъ и по 3 дня пѣшихъ въ недѣлю; въ болѣе чѣмъ $^1/_5$ имѣній отбы-

[1]) «Матер. для геогр. и стат. Россіи, собранные офицерами ген. штаба. Гродненская губ.». Составилъ член. Имп. Р. Геогр. Общества, ген. штаба подполковникъ И. Бобровскій. Спб. 1863 г., ч. I, стр. 761. Абсолютныя цифры даннаго изслѣдованія дополнены процентными вычисленіями.

валось со двора по 2 тяглыхъ и по 3 дня пѣшихъ въ недѣлю и $^1/_5$ такихъ, у которыхъ на каждый дворъ приходилось по 2 дня тяглыхъ и 3 или 2 дня пѣшихъ. Имѣній, въ которыхъ тяглыхъ и пѣшихъ рабочихъ дней было болѣе 3-хъ, считается 1465 или $90^0/_0$ [1]); среднимъ числомъ по губерніи барщинную повинность отбывали тяглую въ 143 дня, пѣшую—въ $122^3/_4$ дня со двора. Кромѣ того, каждый дворъ платилъ помѣщику натурою повинность: яйцами, курами, шерстью, холстомъ, грибами и другими произведеніями. Количество этихъ данинъ опредѣлялось въ каждомъ имѣніи «на основаніи древнихъ обязательствъ». Крестьяне должны были также отбывать шарварки (исправлять строенія, загороди, дороги, мосты), возить дрова, караулить лѣсъ, возить хлѣбъ на рынокъ, платить подушныя за дворовыхъ. Нормальная цѣна обязательнаго труда составляла, по указанію авторовъ изслѣдованія, по самымъ низшимъ цѣнамъ около 64 руб. сер. на дворъ, а съ данинами, шварками и прочими работами до 70 руб.

Инвентарныя правила мало ограждали крестьянина [2]), даже въ смыслѣ опредѣленности повинностей, ибо, видимо, давали помѣщикамъ лазейки для незамѣтной эксплуатаціи крестьянъ. Авторы изслѣдованія указываютъ, что помѣщикъ, «опираясь на инвентари, какъ договоръ, освященный закономъ... а въ сущности пользуясь различнаго рода недоимками и недоработками, вытекающими изъ обычныхъ житейскихъ условій, давилъ крестьянина своими требованіями; съ другой стороны, крестьянинъ, оставаясь крѣпостнымъ, лицомъ неполноправнымъ, не имѣлъ средствъ отстаивать несправедливыя притязанія владѣльца, который по виду дѣйствовалъ законно» [3]). Такъ, господскія работы бывали иногда за 15 — 20 верстъ, благодаря чему крестьяне теряли очень много времени на переходы. При наступленіи ненастья приходилось уходить, день же этотъ не засчитывался, ибо помѣщики считали только тѣ дни, когда крестьяне дѣйствительно работали. Такъ какъ имущество крѣпостного не было обезпечено закономъ, то помѣщикъ могъ

---

[1]) Ibid., ч. II, стр. 226, 227, 231.

[2]) Тѣмъ не менѣе авторы изслѣдованія указываютъ, что послѣ введенія инвентарей 1847 г. положеніе крестьянъ нѣсколько улучшилось. Въ указанныхъ 1699 имѣніяхъ повинности уменьшились, а именно количество мужскихъ рабочихъ дней уменьшилось на $16.344^1/_3$ и женскихъ на 68.545. Въ общемъ крестьянскія повинности уменьшены были, въ переводѣ на деньги, на 10.378 р. 23 к.

[3]) «Мат. для геогр. и ст. Россіи. Гродненская губ.». Сост. И. Бобровскій, ч. I, стр. 762.

у неисправнаго крестьянина забрать все. Помощь помѣщика скотомъ или хлѣбомъ служила источникомъ закабаленія крестьянъ. Если помѣщикъ, говорятъ авторы даннаго изслѣдованія, помогалъ крестьянину «скотомъ или хлѣбомъ, то по назначенной имъ самимъ цѣнѣ, всегда въ видахъ только собственной выгоды, требуя, чтобы крестьянинъ отработалъ; также поступалъ и при недоимкахъ; долги крестьянъ накоплялись, и одинъ неурожайный годъ, одно несчастье ввергали его въ нищету» [1]).

Не лучше было положеніе и въ Минской губ. Съ одной стороны, инвентари давали очень малую защиту противъ эксплуатаціи владѣльцевъ. Инвентари фактически составлялись такъ, какъ было угодно помѣщику; если же нѣкоторые изъ владѣльцевъ «находили себя обиженными, то не обращали никакого вниманія на инвентарныя положенія; они имѣли полную возможность придавать своему вымогательству законный видъ и распоряжаться крестьянами, какъ рабочею силою, созданною только для собственнаго обогащенія» [2]). Съ другой стороны, подворное владѣніе землею обусловливало экономическое неравенство, какъ и въ другихъ западныхъ губерніяхъ. По изслѣдованію офицеровъ генер. штаба, въ Минской губ. въ концѣ 50-хъ годовъ было всего 84.637 дворовъ (на каждый изъ дворовъ приходилось по 3,7 душъ м. п.), которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [3]):

	Дворовъ.	%
1) тяглыхъ	75.210	88,9
2) оброчныхъ	1.859	2,2
3) огородниковъ	3.413	4,0
4) бобылей	4.155	4,9
Всего	84.637	100,0

Такимъ образомъ здѣсь безземельныхъ было 4,9%, а дворовъ съ земельными надѣлами 91,1. Надѣлы тяглыхъ дворовъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, колебались по уѣздамъ между 12,1 и 26,3 дес., а въ среднемъ равнялись 17,9 дес.

---

[1]) Ibid., ч. I, стр. 763.

[2]) «Мат. для геогр. и стат. Россіи, собр. оф. ген. штаба. Минская губ.». Сост. Зеленскій. Спб., 1864 г., ч. I, стр. 197.

[3]) Ibid., стр. 637—639. Цифры даннаго изслѣдованія дополнены процентными вычисленіями.

Для оцѣнки величины земельныхъ надѣловъ нельзя забывать, что въ Минской губ. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ [1]) при господствѣ трехпольной системы существовало переложное хлѣбопашество, иногда соединявшееся съ трехпольнымъ на ближайшихъ къ усадьбамъ поляхъ.

Экономическое положеніе характеризуется также количествомъ скота на дворъ: въ Минской губ. на дворъ приходилось 0,9 лошадей, воловъ и коровъ 4,0, мелкаго скота 8,0; пчелиныхъ ульевъ — 0,9 [2]).

Наиболѣе рѣзко должно было проявляться экономическое неравенство въ Ковенской губ., гдѣ къ подворному владѣнію присоединялось наслѣдованіе двора однимъ наслѣдникомъ, чаще старшимъ или младшимъ сыномъ, а иногда способнѣйшимъ, по выбору отца. Этимъ должна была охраняться недѣлимость имущества и земельнаго участка, но зато образовывался пролетаріатъ, ибо остальные члены семейства дѣлались батраками или работниками, не имѣвшими собственности, а жившими въ домахъ хозяевъ. На этомъ основаніи, очевидно, инвентарный комитетъ, при оцѣнкѣ рабочаго дня, принималъ крестьянское семейство состоящимъ не изъ 4-хъ душъ об. п. (какъ, напримѣръ, въ Гродненской губ.), а изъ 8: 4 рабочихъ (хозяинъ, его жена, работникъ, работница) и 4 душъ нерабочихъ (малолѣтнихъ или престарѣлыхъ).

Указанное положеніе крестьянъ въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ ухудшалось особенно тогда, когда имѣніе отдавалось въ аренду, что было довольно сильно распространено въ литовскихъ губерніяхъ. Сдавъ имѣніе, помѣщикъ предоставлялъ его въ полное распоряженіе арендатора, обозначивъ въ условіяхъ, на основаніи инвентаря, только повинности, лежавшія на крестьянахъ и права самихъ арендаторовъ. Арендаторъ имѣлъ только одну цѣль — получить наивысшій доходъ, а сложная, запутанная барщинная система вполнѣ помогала ему въ достиженіи этой цѣли. Думая только о барышѣ и выжимая его изъ крестьянина, арендаторъ доводилъ рабочія силы крестьянъ до послѣдняго напряженія. Къ жалобамъ крестьянъ помѣщикъ былъ глухъ, потому что для него важенъ былъ только арендаторъ, дающій ему возможность безъ всякихъ хлопотъ получать большой доходъ съ

[1]) Въ I изд. Мат. Ред. Ком. указаны Мозырскій, Рѣчицкій и Бобринскій уѣзды, въ Мат. для геогр. и стат. Россіи названы Мозырскій, Рѣчицкій, Пинскій и нѣкоторыя имѣнія Игуменскаго уѣзда. I изд. Мат. Ред. Ком., т. IV, стр. 40, Мат. для геогр. и стат., ч. II.

[2]) Ibid., стр. 647.

имѣнія. Къ тому же «большинство помѣщиковъ не жило въ своихъ имѣніяхъ, а проводило время за границей или въ Варшавѣ» [1]). Правда, въ 1846 г. уже было обращено вниманіе на обычай отдавать имѣнія въ аренду. Д. Бибиковъ настаивалъ на запрещеніи такихъ арендъ, какъ въ то время, когда онъ былъ еще генералъ-губернаторомъ юго-западныхъ губерній, такъ и впослѣдствіи, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Только въ 1853 г. аренда населенныхъ имѣній была повсемѣстно запрещена; однако, существующіе арендные контракты должны были сохранять свою силу до истеченія срока; контракты же, срокъ которымъ истекалъ вскорѣ послѣ изданія этого закона, разрѣшено было возобновить съ назначеніемъ имъ срока не далѣе 1 января 1857 г. [2]). Такимъ образомъ это тяжелое видоизмѣненіе крѣпостного права въ западныхъ губерніяхъ мѣстами существовало до реформы 1861 года.

ГЛАВА VI.

Общій очеркъ положенія крестьянъ въ Малороссіи. — Система землепользованія. — Зависимость крестьянскихъ надѣловъ отъ количеств скота. — Экономическое неравенство между крестьянами. — Безземельные. — Распредѣленіе земли между различными группами крестьянъ. — Крестьяне въ Новороссіи. — Количество крѣпостныхъ. — Недостатокъ рабочихъ рукъ. — Господство барщины. — Значеніе дворовыхъ. — Распредѣленіе земли между крестьянами. — Причины тяжелаго экономическаго положенія крестьянъ. Побѣги.

Въ лѣвобережной Малороссіи (Полтавская, Черниговская и Харьковская губ. [3]) положеніе было гораздо тяжелѣе, такъ какъ здѣсь правительство не принимало особыхъ мѣръ для огражденія крестьянъ отъ эксплуатаціи помѣщика. Крѣпостное право здѣсь достигло лишь въ половинѣ XIX вѣка полнаго сознанія своей силы.

Помѣщичье хозяйство здѣсь, какъ и всюду, уже было въ значительной мѣрѣ вовлечено въ круговоротъ денежнаго хозяйства, и помѣщики, во имя полученія наибольшаго дохода, уве-

---

[1]) Мат. для геогр. и ст. Россіи.—Гродненская губ. Сост. И. Бобровскій. I. ч., стр. 765.

[2]) В. И. Семевскій. «Кр. вопр.». т. II, стр. 508; Заб.-Десятовскій. т. IV, стр. 238—245.

[3]) Харьковская губ. составляетъ собственно уже переходъ къ Великороссіи. Авторъ, причисляя данную губернію къ Малороссіи, слѣдуетъ общепринятому дѣленію губерній на районы, а также имѣетъ въ виду составъ народонаселенія и сходство надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ землею въ указанныхъ 3-хъ губерніяхъ.

личивали до ужасающихъ размѣровъ экономическую эксплуатацію своихъ крестьянъ. «Тамъ господствуетъ, — говоритъ Самаринъ, — самое ужасное сочетаніе безчувственности и безпорядочности въ помѣщичьемъ хозяйствѣ; требованія помѣщиковъ непомѣрны» [1]). Почти всѣ крестьяне, какъ указано, были на барщинѣ; въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, въ Полтавской губ. количество барщинныхъ достигало 98,86%, въ Черниговской 97,44% и въ Харьковской 90,44%. По даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ, т.-е. съ включеніемъ и мелкопомѣстныхъ имѣній, имѣющихъ менѣе 100 душъ, эти губерніи занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ по числу барщинныхъ, а именно: въ Полтавской губ. было — 99,4% барщинныхъ крестьянъ, въ Черниговской — 99,8, въ Харьковской — 99,8% Эти губерніи принадлежали къ числу мелкопомѣстныхъ: въ среднемъ на 1 владѣльца приходилось въ Полтавской губерніи 44 крѣпостныхъ, въ Черниговской — 60 и въ Харьковской — 70 крѣпостныхъ [2]). Это обстоятельство также указываетъ на бо́льшую эксплуатацію крестьянъ. Самаринъ говоритъ, что въ Полтавской и Черниговской губ. «имѣнія раздроблены до крайности: душа не почитается тамъ недѣлимою единицею: есть крестьяне, которые составляютъ собственность двухъ, даже трехъ помѣщиковъ и работаютъ въ недѣлю день на одного, день на другого и день на третьяго... Дворянство большею частью состоитъ изъ поповичей и выслужившихся казаковъ, которые всевозможными средствами извлекаютъ доходы». Въ числѣ этихъ средствъ были тѣ же, о которыхъ приходилось говорить выше. Здѣсь былъ и сильнѣйшій надзоръ за работою крестьянъ, повышеніе количества и качества барщинной работы помощью всевозможныхъ тѣлесныхъ и другихъ наказаній, введенія урочнаго положенія и пр. и пр. Барщина была не только 3-дневная, но нерѣдко 4—5—6-дневная. Здѣсь, какъ извѣстно, сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ развито было мѣсячничество. Количество безземельныхъ здѣсь «достигло цифръ, безпримѣрныхъ по всей Россіи». [3]).

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 11.

[2]) Тройницкій. «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи», стр. 45.

[3]) I изд. Матеріаловъ Редакціонныхъ Комиссій. Изд. 1859 г., т. III. Добавленіе къ докладу Хозяйств. Отдѣленія, № 15, стр. 5. Хозяйственное Отдѣленіе въ своемъ докладѣ относитъ къ лѣво-бережной Малороссіи только Полтавскую и Черниговскую губерніи, а поэтому какъ приведенное, такъ и нижеслѣдующія указанія Хозяйственнаго Отдѣленія относятся только къ Полтавской и Черниговской губерніямъ.

При общей тенденціи въ крѣпостное время къ обезземеленію крестьянъ, здѣсь были особо благопріятныя условія для этого въ отсутствіи общинной организаціи и въ давно установившихся земельныхъ порядкахъ. Хозяйственное Отдѣленіе Редакціонныхъ Комиссій въ своемъ докладѣ о надѣленіи крестьянъ землею въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ указывало, что въ прежнее время крестьяне пользовались землею въ такомъ видѣ: 1) въ отрубныхъ, большею частью многоземельныхъ имѣніяхъ каждый крестьянинъ обрабатывалъ столько земли, сколько позволялъ ему имѣющійся у него рабочій скотъ; 2) въ чрезполосныхъ имѣніяхъ неравномѣрные участки земли, бывшіе въ пользованіи крестьянъ, большею частью переходили наслѣдственно въ однихъ и тѣхъ же семействахъ; 3) наконецъ крестьяне, не имѣвшіе рабочаго скота, обыкновенно жали хлѣбъ за 3-й или 4-й снопъ и косили сѣно изъ половины. Въ Суражскомъ уѣздѣ еще въ половинѣ 40-хъ годовъ сохранилось отбываніе повинностей по количеству владѣемой земли, какъ то мы видѣли въ юго-западномъ краѣ, при чемъ это количество могло быть крайне разнообразно. За основаніе въ такихъ имѣніяхъ принималась чвертка (равная почти уволокѣ). Крестьянинъ, владѣя четверкою, т.-е. четвертою частью чвертки, обязанъ былъ выставить постояннаго коннаго работника и пѣшую работницу на барщину. Кто владѣлъ полчверткою—вдвое, а кто половиною четверки—въ половину. Эта повинность, при которой изъ 5 десятинъ земли приходилось выставлять на барщину постояннаго работника и работницу, облегчалась тѣмъ, что, кромѣ *рѣзовой* (надѣльной) земли, крестьянинъ имѣлъ еще *новины*, т.-е. обрабатывалъ неопредѣленное количество земли изъ-подъ лѣса, зарослей и т. д.; кромѣ того, повинности выполнялись неаккуратно. Въ имѣніи Есимонтовскаго во 2-е десятилѣтіе XIX в. еще существовала подобная система отбыванія повинностей, которая облегчалась наймомъ крестьянами дешевыхъ работниковъ изъ Бѣлоруссіи. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста населенія, развитія помѣщичьяго хозяйства, крестьянское землепользованіе стѣснялось, крестьяне замыкались на одну рѣзовую землю, и такого рода повинности дѣлались непосильными. Въ Суражскомъ уѣздѣ уже въ 40-хъ годахъ нѣкоторые помѣщики въ виду этого стали переходить къ тягловой нарѣзкѣ земли въ опредѣленномъ размѣрѣ за опредѣленную барщину. Обыкновенно въ такихъ имѣніяхъ давали по 2 дес. пахотной земли въ каждомъ полѣ, $^1/_3$ дес. конопляника и сѣнокоса по количеству угодій на 1 тяглового работника; за это полагалось отбывать

по 3 дня въ недѣлю съ тягловыхъ работника и работницы [1]).

Сокращая постепенно крестьянское землепользованіе, регулируя его сообразно со своими интересами, малороссійскіе помѣщики не имѣли узды въ прочно установившихся общинныхъ порядкахъ, съ которыми должны были считаться, невольно сообразуясь съ ними, великороссійскіе помѣщики. Въ Малороссіи количество земли у каждаго отдѣльнаго крестьянина зависѣло отъ степени его благосостоянія, а послѣднее выражалось въ количествѣ скота. Помѣщики восприняли существующій фактъ и, не нарушая земельныхъ порядковъ крестьянъ, старались приспособить ихъ къ своимъ интересамъ. Для нихъ было нужно имѣть даровыхъ работниковъ съ готовымъ хозяйственнымъ инвентаремъ и скотомъ. Чѣмъ больше скота было у крестьянина, тѣмъ болѣе цѣннымъ работникомъ былъ онъ и тѣмъ болѣе давали ему земли. Но желая сохранить за собою возможно большее количество земли, помѣщики старались, во-вторыхъ, чтобы земля доставалась только тѣмъ крестьянамъ, которые имѣли скотъ, и постольку, поскольку они имѣли его, а во-вторыхъ, чтобы надѣлы были ограничены строго необходимымъ количествомъ земли. Отсюда помѣщики надѣляли крестьянъ разнымъ количествомъ земли, смотря по количеству скота.

Помѣщики старались также услѣдить за измѣненіемъ въ имущественномъ положеніи крестьянъ, и сокращеніе количества скота или увеличеніе его заставляло ихъ сокращать надѣлы однихъ крестьянъ и увеличивать надѣлы другихъ. Отсюда очень часто происходили своеобразные помѣщичьи передѣлы земли, иногда каждый годъ, такъ что крестьяне фактически не имѣли опредѣленныхъ надѣловъ, и переходъ изъ высшаго разряда въ низшій и даже въ группу безземельныхъ могъ совершаться очень быстро. Начальникъ Черниговской губ., сообщая въ Земскій Отдѣлъ Мин. Вн. дѣлъ въ 1858 году свѣдѣнія о числѣ надѣленныхъ и не надѣленныхъ землею, писалъ, что количество тѣхъ и другихъ «ежегодно мѣняется, по усмотрѣнію помѣщиковъ, которые при надѣлѣ крестьянъ землею берутъ въ соображеніе средства каждаго крестьянскаго семейства, заключающіяся въ числѣ рабочихъ рукъ и рабочаго скота. Поэтому цифры, показанныя въ представляемой вѣдомости по Черниговской губ., и отношенія

---

[1]) Есимонтовскій. «Описаніе Суражскаго уѣзда. Черниговской губ.» СПБ. 1846 г., стр. 14—15.

между ними никакъ нельзя признать за постоянныя». По указанію зеньковскаго земскаго исправника Полтавской губ., «помѣщичьи крестьяне въ этомъ уѣздѣ не имѣютъ постояннаго надѣла пахотной земли; пользуются же таковымъ немногіе, и то въ большихъ экономіяхъ, имѣющіе рабочій скотъ».

Къ этому присоединялся полный произволъ владѣльца, не имѣвшаго никакой сдержки въ своемъ усмотрѣніи. «Опредѣливши крестьянскіе надѣлы, — указывало Хозяйственное Отдѣленіе, — помѣщикъ разверстываетъ ихъ между хозяевами безъ всякаго участія міра, а также производитъ передѣлъ при умноженіи числа хозяйствъ или по новымъ хозяйственнымъ соображеніямъ. Обыкновенно надѣлъ дается каждому хозяину, но если одно хозяйство съ нимъ составляетъ и другой женатый членъ семейства, то и этому члену семейства дается особый надѣлъ, тяглый или пѣшій, смотря по тому, какого рода барщину онъ отбываетъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи не соблюдается постояннаго правила, въ иныхъ имѣніяхъ надѣляютъ землей и холостыхъ рабочихъ, даже иногда полурабочихъ; въ другихъ дается надѣлъ только на хозяина, хотя члены семейства одинаково работаютъ». «Такимъ образомъ,—продолжаетъ Хозяйственное Отдѣленіе,—лучшая сторона общиннаго быта—разверстаніе міромъ участковъ между домохозяевами, не существуетъ въ Малороссіи, а сторона самая вредная для сельскаго хозяйства — передѣлъ земель, повторяется часто и зависитъ совершенно отъ произвола владѣльцевъ, не стѣсняемыхъ никакими общинными обычаями и преданіями» [1]).

Слѣдя за тѣмъ, чтобы соблюдалась извѣстная равномѣрность надѣленія крестьянъ землею сообразно съ количествомъ владѣемаго скота, помѣщики принуждены были и здѣсь бороться съ результатами экономическаго неравенства крестьянъ. Обѣднѣвшіе почему-либо крестьяне передавали свои надѣлы богатымъ крестьянамъ, которые, во избѣжаніе господскихъ повинностей, сознательно уклонялись отъ господскихъ падѣловъ, или предпочитая нанимать земли у постороннихъ землевладѣльцевъ, или будучи увѣрены, что и другимъ путемъ эти же надѣлы отъ бѣдныхъ крестьянъ попадутъ въ ихъ руки; обѣднѣвшіе, обезсилившіе экономически крестьяне нерѣдко закабалялись у своихъ же односельчанъ или у постороннихъ

---

1) I изд. Мат. Ред. Ком., т. III. Дополненіе къ докладу хозяйств. Отд. № 15, стр. 5.

лицъ и, наконецъ, бѣгствомъ спасались отъ непосильныхъ повинностей и долговъ. Полтавскій помѣщикъ П. П. Бѣлецкій-Носенко, крестьяне котораго состояли на оброкѣ, писалъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ въ 1825 г.: «изъ вѣдомости о людяхъ я увидѣлъ, что бѣдные, которые не имѣютъ скота ни шерстины, обложены на смѣхъ большимъ оброкомъ, а богатые, чтобы меньше платить чинша (денежный оброкъ) и подати, господской земли взяли какъ можно менѣе»; для устраненія такого «безпорядка» онъ приказалъ, «чтобы земли рѣзовыя были взяты отъ тѣхъ, кои не въ состояніи ихъ обрабатывать и отданы богатымъ. У самыхъ бѣдныхъ оставить столько земли, сколько они сами въ состояніи обрабатывать». Въ другомъ случаѣ онъ пишетъ: «до моего свѣдѣнія дошло, что земли рѣзовыя пашутъ не тѣ, кому они даны, чтобы было съ чего оплачивать подати и чинши, а другіе тѣ земли захватываютъ, подати же взыскиваются съ тѣхъ, кто землею не корыстуется». Это также вызываетъ соотвѣтственныя распоряженія съ его стороны, съ цѣлью искоренить эти явленія. Въ интересахъ наибольшаго поступленія оброка (чинша) съ крестьянъ, взимаемаго по количеству земли, Носенко строго запрещалъ крестьянамъ брать землю на сторонѣ. Они должны были обрабатывать только землю своего помѣщика, чтобы не причинить ему ущерба. «Кто осмѣлится, — гласитъ приказъ 1825 г.,— взять землю и пахать на сторонѣ, когда своя впустѣ и когда онъ имѣетъ земли столько, сколько всякій бѣднякъ (вслѣдствіе того, что уклоняется отъ чинша), то съ такого мошенника взыскать чиншу втрое и наказать его передъ громадой розгами и сей приказъ тотчасъ привести въ исполненіе» [1]). Въ имѣніи Гр. П. Галагана въ мѣстечкѣ Ичнѣ, Борзенскаго уѣзда, Черниговской губ., въ 40-хъ годахъ, по словамъ самого помѣщика, «монополія богатыхъ — въ сильнѣйшей степени, бѣдность въ 64 семействахъ, неимущихъ земли, ужасна. Притомъ у остальныхъ земля вся заложена у разныхъ людей, у нашихъ, у дядинькиныхъ, и у казаковъ». Для поднятія благосостоянія крестьянъ въ Ичнѣ Гр. П. Галаганъ проектировалъ такія мѣры: 1) «отобрать даромъ всѣ заложенныя земли и отдать ихъ владѣльцамъ, это лучшій урокъ, чтобы они не закладывали впередъ»; Галаганъ намѣревался отобрать земли даже съ посѣяннымъ на нихъ житомъ; 2) «отобрать у казаковъ всѣхъ най-

---

[1]) И. Лучицкій. «Изъ недавняго прошлаго» «Кіевск. Старина», 1901 г., кн. VI, стр. 6—7 20.

митовъ и подать на нихъ бумагу, какъ на передержателей бѣглыхъ, потому что они не имѣли никакого позволенія отъ экономіи» [1]).

Однако такія мѣры мало помогали. Крестьяне, обремененные тяжелыми повинностями, разорялись, закладывая надѣлы, продавая скотъ, закабаляясь лично и т. д. Надѣленіе землею соразмѣрно съ количествомъ скота санкціонировало происходившее разореніе. По мѣрѣ того, какъ исчезалъ скотъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ и понижалось его качество, помѣщики уменьшали количество земли, оставляя неимѣвшимъ его или незначительные надѣлы, или совершенно обезземеливая ихъ. Слабость крестьянскаго скота, незначительное его количество и бѣдность крестьянскихъ хозяйствъ побуждали помѣщиковъ обезземеливать и слабосильныхъ хозяевъ. Помѣщики предпочитали по этимъ мотивамъ заводить собственный скотъ и собственный хозяйственный инвентарь. Такихъ обезземеленныхъ крестьянъ помѣщики или сажали на чистую мѣсячину, поселяя ихъ въ господскихъ же усадьбахъ, или давали имъ, кромѣ мѣсячины, усадьбы и небольшіе огороды, или же заставляли ихъ работать на своихъ поляхъ изъ доли урожая. Такимъ образомъ положеніе крестьянъ, не имѣвшихъ скота, было крайне неопредѣленно и путемъ безчисленныхъ градацій сливалось съ положеніемъ дворовыхъ, изъ которыхъ, какъ было указано, значительная часть были тѣми же земледѣльческими рабочими, лишь номинально числившимися дворовыми. Главнѣйшими группами среди крестьянъ, не имѣвшихъ скота, были пѣшіе, получавшіе болѣе или менѣе значительные надѣлы земли (только пахотной, иногда только сѣнокосной, иногда той и другой въ небольшомъ количествѣ, кромѣ усадьбы и огорода), пѣшіе, работавшіе изъ доли урожая, и мѣсячники. Опредѣлить хотя бы относительное количество этихъ группъ нѣтъ возможности. Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ самими помѣщиками губернскимъ дворянскимъ комитетамъ и вошедшихъ въ «Извлеченія изъ описаній имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ», помѣщики не дѣлали различій между этими группами, называя пѣшими и тѣхъ, кто совершенно не имѣлъ земли, и тѣхъ, кто имѣлъ ее въ томъ или другомъ небольшомъ количествѣ, и работавшихъ изъ доли урожая. Однако есть общія указанія, что мѣсячничество въ Черниговской и Полтавской губ. получило особенно сильное развитіе. Есть указанія и цифровыя

[1]) Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана за 1845 г. «Кіевская Старина» 1899 г., кн. XI, стр. 231.

данныя о чрезвычайно большомъ количествѣ безземельныхъ въ этихъ 3 губерніяхъ.

По указанію Хозяйственнаго Отдѣленія Редакціонныхъ Комиссій въ Черниговской и Полтавской губ. «нѣтъ почти ни одного имѣнія, въ которомъ бы всѣ крестьяне были надѣлены землею; но есть много такихъ имѣній, въ которыхъ не надѣлены только не имѣющіе усадьбы, преимущественно живущіе въ господскомъ дворѣ; въ другихъ вовсе не надѣляются семейства вдовъ, неимѣющихъ взрослыхъ работниковъ, въ третьихъ — нѣкоторые изъ пѣшихъ, въ иныхъ, всѣ пѣшіе и, наконецъ, всѣ крестьяне» [1]). Въ Полтавской и Черниговской губ., безземельные встрѣчались въ большей или меньшей мѣрѣ во всѣхъ почти имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, что видно изъ слѣдующей таблицы [2]):

	Количество имѣній.		% %	% %
	Полтав.	Черниг.	Полтав.	Черниг.
I. Не болѣе 0,1 ненадѣленныхъ землею	529	542	76,12	89,73
II. Болѣе 0,1 ненадѣленныхъ землею	121	46	17,41	7,62
III. Всѣ крестьяне не надѣлены землею	36	—	5,18	—
IV. Неизвѣстно	9	16	1,29	2,65
	695	604	—	—

Изъ таблицы видно, что въ Полтавской губ. въ значительной группѣ имѣній крестьяне совершенно были обезземелены, и, кромѣ того, болѣе, чѣмъ въ $^1/_6$ имѣній, безземельныхъ было больше 10%; въ Черниговской губ. безземельныхъ крестьянъ было значительно менѣе. Въ этихъ имѣніяхъ хозяевъ, надѣленныхъ землею, въ Полтавской губ. было 85.982 или $92{,}91\%$ изъ числа всѣхъ крестьянъ, повышаясь въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, до $95{,}76\%$. Въ 179 имѣніяхъ Полтавской губ., относительно которыхъ имѣются болѣе детальныя свѣдѣнія о числѣ надѣленныхъ и ненадѣленныхъ землею изъ 18.110 тяголъ было 1.577 или $9{,}54\%$ безземельныхъ [3]).

---

[1]) I изд. Мат. Ред. Ком., т. III. Дополн. къ докл. Хоз. Отд. № 15, стр. 6.

[2]) Вычислена на основаніи Приложеній къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, т. VI. Выводы по Полтавской и Черниговской губ. Изъ примѣчаній къ описанію имѣній видно, что въ Черниговской губ. въ одномъ имѣніи были только одни дворовые; и въ 4-хъ имѣніяхъ всѣ крестьяне не имѣли пахоты.

[3]) Въ томъ числѣ 24 полутяглыхъ и 1.553 пѣшихъ тягла. См. табл. №№ 6 и 9, вычисленныя на основаніи т. VI. Прилож. къ Тр. Ред. Ком.

Громаднымъ количествомъ безземельныхъ крестьянъ слѣдуетъ отчасти объяснить и необычайный ростъ количества дворовыхъ къ 10-й ревизіи. Въ виду слуховъ объ освобожденіи помѣщики могли усиленно переводить безземельныхъ крестьянъ въ дворовые, чтобы оградить себя отъ надѣленія ихъ землею. Въ Полтавской губ., какъ указывалось, количество дворовыхъ увеличилось на 28.044 души или 220%, въ Черниговской—на 19.549 или 309%, въ Харьковской, на 30.814 или на 236%. Общее количество дворовыхъ во всѣхъ имѣніяхъ равнялось по 10 ревизіи въ Полтавской губ. 10,8%, въ Черниговской — 9,6% и въ Харьковской — 24%. Однако въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, % дворовыхъ въ Полтавской губерніи былъ очень незначителенъ, равняясь 0,59%, въ Черниговской дворовыхъ въ такихъ имѣніяхъ было 4%, и лишь въ Харьковской губ. число ихъ доходило до 11,33%; съ присоединеніемъ же крестьянъ на дворовомъ положеніи количество ихъ въ послѣдней губерніи достигало 16% [1]).

Въ 1859 году Министерство Внутреннихъ Дѣлъ затребовало свѣдѣнія отъ мѣстнаго начальства Полтавской, Черниговской и Харьковской губ. о количествѣ крестьянъ, надѣленныхъ пахотной и сѣнокосной землей, о надѣленныхъ только усадьбою и огородомъ и совершенно не надѣленныхъ землею. Въ отвѣтъ поступили такія свѣдѣнія [2]):

	Полтавская.	%	Черниговская.	%	Харьковская.	%
Число крестьянскихъ усадебъ . . .	96.332	—	76.519	—	54.296	—
I. Число крестьянъ, надѣленныхъ пахотной землею и сѣнокосомъ .	83.193	53	100.059	72	173.000	76
II. Число крестьянъ, надѣленныхъ усадьбою и огород. (огородниковъ.)	47.674	32	5.456	4	—	—
III. Число крестьянъ, ненадѣленныхъ землею (бобылей)	24.940	15	33.447	24	53.534	24
Отношеніе числа крестьянъ, надѣленныхъ пахотной землей къ числу ненадѣленныхъ	1,1 : 1	—	2.6 : 1	—	3.3 : 1	—

---

1) См. табл. № 5.

2) См. объ этомъ также Мат. Редакціонныхъ Комиссій, т. III. Дополненіе къ докладу Хозяйственнаго Отдѣленія № 15, стр. 5—6. Свѣдѣнія, доставленныя въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, дополнены процентными вычисленіями. Слѣдуетъ замѣтить, что эти свѣдѣнія не совершенно однородны. Такъ, начальникъ Черниговской губ. разъяснилъ, доставляя эти свѣдѣнія, что въ первыхъ 2-хъ группахъ заключается не одно число домохозяевъ, а общее число взрослыхъ работниковъ, пользующихся надѣломъ. въ III группу вошли «всѣ дворовые люди и крестьяне, не имѣющіе ни земли ни усадьбы, а живущіе при помѣщичьихъ дворахъ и имѣніяхъ». Въ Харьковской губ. въ III

Изъ этой таблицы видно, что въ Полтавской губ. не пользовались земельными надѣлами (пахотной и сѣнокосной землей) около половины крѣпостного населенія, въ Черниговской— около $^1/_3$, и въ Харьковской почти $^1/_4$. По отдѣльнымъ уѣздамъ количество безземельныхъ было еще болѣе поразительно. Такъ, въ Константиноградскомъ уѣздѣ количество безземельныхъ относилось къ числу надѣленныхъ землею, какъ 2:1; въ Зеньковскомъ уѣздѣ земскій исправникъ, собиравшій свѣдѣнія, отказался выяснить отношеніе между тѣми и другими, ибо крестьяне совершенно не имѣли опредѣленнаго и постояннаго надѣла пахотной земли за исключеніемъ небольшого количества имѣющихъ рабочій скотъ въ нѣкоторыхъ большихъ экономіяхъ.

Къ сожалѣнію, и эти свѣдѣнія, указывая на большое количество безземельныхъ, не выясняютъ вопроса о количествѣ мѣсячниковъ и работающихъ изъ доли урожая, не только тѣхъ и другихъ въ отдѣльности, но и въ совокупности, ибо въ число ненадѣленныхъ землею зачислено неопредѣленное количество дворовыхъ. Можно лишь точно сказать, что въ III группѣ наряду съ дворовыми имѣется довольно значительное количество мѣсячниковъ, и заподозрить, не мѣсячниковъ ли, главнымъ образомъ, зачисляли помѣщики въ дворовые при 10-й ревизіи [1]).

На распространенность работы изъ доли урожая можно имѣть лишь косвенныя указанія. Такъ, въ свѣдѣніяхъ о числѣ надѣленныхъ и ненадѣленныхъ крестьянъ указывается въ общей формѣ, что «ненадѣленные землею крестьяне получаютъ отъ владѣльцевъ своихъ со всего собираемаго ими хлѣба 3-й снопъ, пользуются продовольствіемъ на барщинѣ и уплатою за нихъ податей». Въ докладѣ Хозяй-

---

группу зачислены дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ, къ домамъ и капиталамъ), а также крестьяне, состоящіе на дворовомъ положеніи. Въ свѣдѣніяхъ по Полтавской губ. число крестьянъ показываетъ: «начальниковъ семействъ», а не общее число ревизскихъ душъ; въ III группу зачислены «дворовая прислуга и крестьяне, живущіе въ избахъ при господскихъ домахъ». Слѣдуетъ замѣтить, что эти свѣдѣнія, собранныя чрезъ земскихъ исправниковъ, едва ли отличаются точностью, а поэтому къ нимъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью.

[1]) Такъ, если допустить, что въ свѣдѣніяхъ по Харьковской и Черниговской губ. въ III группу попали всѣ дворовые по 10-ой ревизіи (чего, конечно, не могло быть), то и тогда за вычетомъ дворовыхъ число крестьянъ, не имѣющихъ ни земли ни усадьбы, живущихъ при помѣщичьихъ дворахъ въ Черниговской губ. будетъ равняться 7.758, т.-е. 6%, въ Харьковской губ.— 9.532 или 4%. Относительно Полтавской губ. такого расчета сдѣлать нельзя, ибо въ данныхъ свѣдѣніяхъ количество крестьянъ III группы не достигаетъ количества дворовыхъ по 10-ой ревизіи. Кромѣ того, какъ сказано, въ III группу зачислена «дворовая прислуга», что нельзя отожествить съ дворовыми.

ственнаго Отдѣленія Редакціонныхъ Комиссій говорится, что въ Полтавской и Черниговской губ. многіе помѣщики надѣляютъ землею только тяглыхъ; «остальнымъ же предоставляется только, по старому обычаю, жать экономическій хлѣбъ изъ 3-го снопа и выкашивать часть сѣнокосовъ съ половины, увольняя при этомъ отъ барщины во время жатвы; иные же вмѣсто надѣла отпускаютъ опредѣленное количество сѣна пудами или по усмотрѣнію» [1]). Въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, въ Полтавской губ. полученіе хлѣба (3-го или 4 снопа) отмѣчено въ «Описаніяхъ имѣній» въ 314 имѣніяхъ (изъ 695). Изъ этихъ 314 имѣній въ 158 снопъ получали безземельные, въ 61-мъ—не имѣвшіе пахоты. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне, кромѣ хлѣба, получали сѣно (61 имѣніе) или другія льготы (3 имѣнія). Въ описаніяхъ нѣкоторыхъ имѣній опредѣленно указано, что снопъ давался за тѣ или другія полевыя работы (12 имѣній) или получали его «нуждающіеся», «вдовы» [2]). Въ Черниговской губ. въ Описаніи имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ», указанія на отдачу 3 или 4 снопа встрѣчаются рѣдко: лишь въ 8 имѣніяхъ ненадѣленные получали 3 и 4 снопъ, при чемъ въ одномъ изъ нихъ давали, сверхъ того, сѣно.

Какъ было выше указано, положеніе крестьянъ, надѣленныхъ землею, ухудшалось также по мѣрѣ развитія помѣщичьяго хозяйства. По указанію Хозяйственнаго Отдѣленія, ко времени реформы помѣщики въ отрубныхъ имѣніяхъ запретили крестьянамъ пользоваться произвольно землею, отдѣливши имъ постоянный надѣлъ извѣстной мѣры. Въ чрезполосныхъ имѣніяхъ наслѣдственные участки земли были большею частью также отобраны и замѣнены опредѣленными надѣлами. Однако и ко времени реформы сохранились имѣнія, гдѣ крестьяне пользовались крайне неравномѣрными наслѣдственными участками земли. Очень часто въ такихъ имѣніяхъ значительная часть хозяевъ была безземельными, иные же имѣли огромные участки, превосходящіе надѣлы всѣхъ другихъ имѣній. Имѣнія, въ которыхъ крестьяне пользовались бы произвольно помѣщичьей землей, было очень трудно встрѣтить. Большею частью крестьяне были надѣлены опредѣленными надѣлами, по разрядамъ, со-

---

[1]) 1 изд. Мат. Ред. Ком., т. III. Дополн. къ докл. хоз. отд. № 15. стр. 3.

[2]) Вычислено на основаніи примѣчаній къ «Описаніямъ имѣній» въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій. По этимъ же свѣдѣніямъ въ 264-хъ имѣніяхъ хлѣбъ получали нѣшіе, въ 46 имѣніяхъ — полутяглые, въ 71-мъ имѣніи — тяглые; въ 92 имѣніяхъ снопъ получали всѣ тягла.

размѣрно съ количествомъ скота. Крестьяне, имѣвшіе рабочій скотъ, составляли разрядъ тяглыхъ, не имѣющіе его—разрядъ пѣшихъ. Подъ тяглыми обыкновенно разумѣлись хозяева, имѣвшіе, по крайней мѣрѣ, пару рабочихъ воловъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Черниговской губ. — пару лошадей и даже 1 лошадь. Встрѣчался также особенный разрядъ хозяевъ полутяглыхъ или одноволовыхъ. Въ Харьковской губ. эти тягла носили опредѣленное названіе — воловыхъ и конныхъ.

Общее количество тяголъ въ этихъ 3 губерніяхъ распредѣлялось по указаннымъ группамъ такимъ образомъ (въ процентахъ): [1])

Полтавская губ.		Черниговская губ.		Харьковская губ.	
тяглыхъ . . .	18,63%	тяглыя	63,84	воловыя	31.84
полутяглыхъ . .	8,02	пѣшія	33,28	конныя	38,50
пѣшихъ . . .	73,35	имѣющія только усадьбу . .	2,88	пѣшія	29,66

Изъ этихъ таблицъ видно, что пѣшія тягла преобладали въ Полтавской губ., составляя почти $^3/_4$, въ Черниговской онѣ составляли $^1/_3$ всѣхъ тяголъ и въ Харьковской губ. — значительно болѣе $^1/_4$.

Земельные надѣлы этихъ разрядовъ тяголъ сильно разнились между собою. «Самое выгодное устройство пѣшихъ — по указанію Хозяйственнаго Отдѣленія—тамъ, гдѣ пѣшій надѣлъ вдвое менѣе противъ тяглаго. Но очень часто бываетъ гораздо болѣе разницы между двумя надѣлами. Во многихъ имѣніяхъ дается пѣшимъ только пахотная земля, иногда только сѣнокосная» [2]). Въ чрезполосныхъ имѣніяхъ, по указанію того же Хозяйственнаго Отдѣленія, «пѣшіе гораздо рѣже оставались безъ надѣловъ, потому что мелкіе куски неудобно было употреблять для экономіи» [3]).

Въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, въ Полтавской губ. на 1 тяглое тягло приходилось въ среднемъ (по 179 имѣніямъ) 6,26 десятинъ пахотной и сѣнокосной земли, на полутяглое— 3,11 и на 1 пѣшее тягло — 2,79 дес., т.-е. на пѣшее тягло въ среднемъ приходилось болѣе половины тяглаго надѣла. Въ Черниговской губ. пѣшее тягло получало немного болѣе половины тяглаго, а именно: тяглые имѣли по 6,25 дес. на тягло или по 2,75 дес. на 1 рев. душу, пѣшіе — по 3,63 дес. на

---

[1]) См. табл. №№ 6 и 7. Въ Полтавской губ. въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 500 душъ, тяглыхъ было 17%, полутяглыхъ—8.75% и пѣшихъ—74,25%.

[2]) I изд. Матеріаловъ Редакціонныхъ Комиссій. т. III. Дополненіе къ докладу Хозяйств. Отдѣленія, № 15, стр. 3.

[3]) Ibid. стр. 4.

тягло (1,6 дес. на 1 рев. душу). Въ Харьковской губ. въ 433 имѣніяхъ воловое тягло получало въ среднемъ 7,06 дес., конное — 6,23 и пѣшее — 4,49 дес. Въ указанныхъ имѣніяхъ Полтавской и Харьковской губ. тягла и имѣвшаяся у нихъ земля распредѣлялась такимъ образомъ (въ процентахъ) [1]):

Полтавская губ.	Тяголъ	Земли у нихъ.	Харьковская губ.	Тяголъ	Земли у нихъ.
тяглые	20,19	36,00	воловые	34,05	40,12
полутяглые	6,92	6,32	конные	36,02	37,45
пѣшіе	72,89	57,68	пѣшіе	29,93	22,43
безземельные	9,54	—			

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ Полтавской губ. большая половина пахотной и сѣнокосной земли находилась въ пользованіи пѣшихъ, составлявшихъ почти $^3/_4$ общаго количества тяголъ въ указанныхъ имѣніяхъ; меньшая половина, болѣе $^2/_5$ земли, была въ рукахъ тяглыхъ и полутяглыхъ; въ Харьковской губ. въ пользованіи пѣшихъ, составлявшихъ около $^1/_3$ всѣхъ тяголъ, было немного болѣе $^1/_5$ пахотной и сѣнокосной земли; коннымъ и воловымъ тягламъ, т.-е. болѣе чѣмъ $^2/_3$ тяголъ, принадлежала бо́льшая часть земли (около $^4/_5$). Относительное количество земли въ рукахъ пѣшихъ крестьянъ отставало отъ относительнаго количества ихъ самихъ.

Изъ приблизительныхъ размѣровъ земельныхъ надѣловъ у разныхъ разрядовъ крестьянъ видна относительная обезпеченность высшихъ разрядовъ (тяглыхъ, воловыхъ) и малоземелье среди пѣшихъ крестьянъ. При значительномъ же количествѣ пѣшихъ и безземельныхъ, неудивительно, что по среднему надѣлу удобной земли на ревизскую душу Полтавская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто въ числѣ 23 губерній, о которыхъ имѣются вычисленія по имѣніямъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, а Харьковская — третье мѣсто. Въ Полтавской на одну ревизскую душу приходится 2,04 дес., въ Харь-

[1]) См. таблицы №№ 8, 9, 10, вычисленныя на основаніи Приложеній къ Тр. Ред. Ком., т. VI.—Въ среднемъ на 1 тягло въ Полтавской губ. по этимъ свѣдѣніямъ приходится 3,51 дес. и въ Харьковской — 5,98 дес. На 1 тягло въ Полтавской губ. приходилось 2,31 рев. д., въ Черниговской — 2,97 и въ Харьковской губ. 2,60 рев. души. Таблицы №№ 8, 9 и 10 есть результатъ подсчета цифръ, указывающихъ надѣлы тяглыхъ, пѣшихъ и иныхъ тяголъ въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ. Сюда, видимо, не входила огородная и усадебная земля, а поэтому приведенные надѣлы нѣсколько ниже дѣйствительныхъ. Припомнимъ, что въ среднемъ на 1 рев. д. м. п. приходилось въ Полтавской губ.—2,04 дес. уд. земли, въ Черниговской—3,17 дес., въ Харьковской—2,53 дес.

ковской — 2,53 дес.; общее количество крестьянской земли въ этихъ губерніяхъ не достигаетъ $^1/_3$ всей земли въ имѣніяхъ (не считая господскаго лѣса); въ Полтавской — лишь 31,37%, въ Харьковской — 31,82%. Нѣсколько выше стоитъ Черниговская губ., гдѣ въ имѣніяхъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ, на 1 ревизскую душу приходилось 3,17 дес. удобной земли, а въ рукахъ крестьянъ было $^3/_5$ всей земли въ имѣніяхъ (61,35%) — не считая лѣса. Если припомнить то, что говорилось о крестьянскомъ бюджетѣ, о степени достаточности крестьянскихъ надѣловъ, то нужно констатировать, что въ этихъ губерніяхъ даже высшіе разряды крестьянъ были надѣлены количествомъ земли, едва достаточнымъ для удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей крестьянина. Черниговскій помѣщикъ Есимонтовскій доказывалъ, что при надѣлѣ на одно тягло (состоящее изъ мужа, жены и 3 малолѣтнихъ дѣтей) по 2 дес. въ полѣ, 1 дес. сѣнокоса и $^1/_3$ дес. конопляника, въ годовомъ бюджетѣ крестьянина долженъ получаться неизбѣжный дефицитъ. «Не прибавляя лакомствъ, водки и табаку, при благополучномъ урожаѣ, — писалъ онъ,— при порядочномъ образѣ жизни и правильномъ содержаніи своего хозяйства, однимъ хлѣбопашествомъ, суражскій крестьянинъ существовать не можетъ, а такъ какъ промышленности никакой нѣтъ и заработать ничего невозможно, то казенныя подати остаются неуплаченными, и половину года питаются кое-какъ и кое-чѣмъ». При неурожаѣ же положеніе дѣлается чрезвычайно тяжелымъ: «начинаются займы за неимовѣрные проценты, продажа одежды и скота и полное разстройство хозяйства» [1]). Такое разореніе, можно прибавить послѣ всего вышеизложеннаго, грозило переводомъ крестьянина въ низшій по размѣру надѣла разрядъ, что въ свою очередь уменьшало шансы возстановить разстроенное хозяйство. Такъ земельные порядки и надѣленіе землею не соотвѣтственно потребностямъ, а соразмѣрно съ орудіями производства — живымъ и мертвымъ инвентаремъ — вели постепенно малороссійскихъ крестьянъ къ обнищанію и обезземеленію.

Въ *Новороссійскомъ краѣ* земельные порядки ко времени реформы отличались крайнею пестротою, земельное же обезпеченіе крестьянъ зависѣло не столько отъ системы землевладѣнія, сколько отъ размѣра повинностей и количества рабочаго скота. Новороссійскія губерніи въ то время находились еще въ процессѣ заселенія и принадлежали къ числу наиболѣе рѣдко на-

[1]) Есимонтовскій. «Описаніе Суражск. уѣзда Черниговской губ.», стр. 65.

селенныхъ мѣстъ въ Россіи. Крѣпостное населеніе было здѣсь незначительно, и однимъ изъ главныхъ затрудненій для помѣщичьяго хозяйства былъ недостатокъ рабочихъ рукъ. По 10 ревизіи въ указанныхъ 3 губерніяхъ было лишь 3,2% всего крѣпостного населенія Европейской Россіи [1]), при чемъ крѣпостные въ Екатеринославской губ. составляли 31,51% всего населенія губерніи, въ Херсонской—31,27%, въ Таврической—лишь 5,97%. На одного помѣщика въ Екатеринославской губ. приходилось въ среднемъ 66,61 крѣпостныхъ душъ, въ Херсонской— 59,77 душъ и въ Таврической — 52,02 души [2]). Крѣпостные въ очень незначительномъ количествѣ принадлежали къ коренному населенію края; въ большинствѣ же это были или переселенные самими помѣщиками изъ внутреннихъ губерній, или же «втикачи», бѣглые изъ разныхъ губерній, стремившіеся сюда въ надеждѣ здѣсь стать вольными и попадавшіе въ то же крѣпостное ярмо, какъ и у себя на родинѣ.

Не касаясь здѣсь вопроса о заселеніи Новороссіи и о постепенномъ ростѣ крѣпостного населенія, нужно замѣтить, что, какъ переселять крѣпостныхъ изъ другихъ губерній, такъ и закрѣплять постепенно «втикачей» заставляло здѣсь, съ одной стороны, выгодность веденія помѣщичьяго хозяйства, вслѣдствіе близости внѣшнихъ рынковъ, такъ и раздача земель правительствомъ въ этомъ краѣ на условіи непремѣннаго заселенія ихъ въ установленномъ количествѣ въ теченіе опредѣленнаго времени подъ угрозою отнятія земель обратно при неисполненіи этихъ условій. Выше указывалось на благопріятное положеніе Новороссійскаго края относительно внѣшняго рынка въ виду близости портовъ, на большую доходность помѣщичьихъ имѣній въ этомъ краѣ и приноровленность помѣщичьяго сельскохозяйственнаго производства къ требованіямъ внѣшнихъ рынковъ. Указывалось также на недостатокъ рабочихъ рукъ въ этихъ губерніяхъ, вызывавшій уже въ крѣпостное время довольно широкое примѣненіе наемнаго труда, особенно въ косовицу и во время жатвы.

Незначительнаго крѣпостного населенія не хватало для обработки и уборки обширныхъ господскихъ запашекъ, и помѣщикамъ приходилось во время лѣтней страды затрачивать крупныя доли валового дохода на наемъ рабочихъ. «Обработка полей въ этомъ краѣ, — говоритъ изслѣдо-

---

[1]) Вычислено на основаніи данныхъ Тройницкаго «Крѣпостное населеніе»...

[2]) Тройницкій «Крѣпостное населеніе», стр. 45 и 85.

ваніе офицеровъ генеральнаго штаба, посвященное Екатеринославской губерніи,—цѣнится весьма дорого по причинѣ недостатка рабочихъ рукъ. Плата наемнымъ рабочимъ зависитъ отъ многихъ условій, но въ обыкновенные годы обработка десятины стоитъ болѣе чѣмъ половина дохода, приносимаго ею отъ сбора хлѣба, а въ неурожайные годы почти равняется самому доходу» [1]).

Недостатокъ рабочихъ рукъ заставлялъ новороссійскихъ помѣщиковъ уже въ эпоху реформы довольно широко примѣнять сельско-хозяйственныя машины, сберегающія трудъ. «Въ лучшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, — говоритъ выше цитированное изслѣдованіе, — почти вездѣ въ настоящее время заведены уже молотильныя машины, дѣйствующія силою воловъ. Въ видѣ опыта нѣкоторые помѣщики выписывали сами изъ-за границы паровыя молотильныя машины въ 4 и болѣе силъ». Нѣкоторые изъ нихъ уже въ то время завели у себя конныя грабли. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ употреблялись въ видѣ опыта сѣнокосныя машины [2]).

При сильной потребности въ рабочихъ рукахъ вполнѣ понятно стремленіе помѣщиковъ использовать въ возможно большей степени имѣющійся въ ихъ распоряженіи даровой крѣпостной трудъ. Поэтому-то почти все крѣпостное населеніе состояло на барщинѣ. Самаринъ замѣтилъ относительно Новороссіи, что самое заселеніе ея крѣпостными «было спекуляціей помѣщиковъ и крестьяне съ минуты ихъ водворенія посажены на барщину» [3]). Во всѣхъ имѣніяхъ трехъ Новороссійскихъ губерній барщинные крѣпостные составляли 99,9% всѣхъ крѣпостныхъ, и лишь 0,1% состояло на оброкѣ, при чемъ въ Екатеринославской губ. % барщинныхъ равнялся 99,8%, въ Херсонской— 99,9%, въ Таврической — почти 100%. Въ Екатеринославской губ. въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, барщинные составляли почти 100% всѣхъ крестьянъ, и наличность оброчныхъ отмѣчена въ 3 имѣніяхъ безъ обозначенія ихъ количества [4]).

Потребность въ рабочихъ рукахъ заставляла пользоваться и дворовыми, количество которыхъ было очень значительно: въ Екатеринославской губ. они составляли 17% всего крѣ-

---

[1]) Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, собранные офицерами генер. штаба. Екатериносл. губ.— Составилъ ген. шт. кап. В. Павловичъ. СПБ. 1862 г.—стр. 135.

[2]) Мат. для геогр. и стат. собр. оф., ген. шт. Екатериносл. губ., стр. 137, 140.

[3]) Самаринъ т. II стр. 50.

[4]) См. табл. № 2.

постного населенія (въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ,— 12,61%), въ Херсонской — 19% и въ Таврической — 13%. Изслѣдованіе о Екатеринославской губ. отмѣчаетъ, что дворовые «были весьма полезны въ этомъ краѣ, гдѣ недостатокъ рукъ столь еще ощутителенъ... Помѣщикамъ составляло немаловажный расчетъ имѣть постоянныхъ работниковъ, хотя при этомъ и приходилось содержать ихъ и уплачивать подати» [1]). Хозяйственное Отдѣленіе Ред. Ком. отмѣтило относительно всей Новороссіи, что «большая часть семействъ, записанныхъ по ревизіи дворовыми, болѣе или менѣе надѣлены землею» [2]).

Новороссійскіе помѣщики, располагая громадными количествами земли, не стѣсняли крестьянъ въ пользованіи ею. При многоземельности имѣній надѣленіе крестьянъ землею было нечувствительно для доходности помѣщичьяго хозяйства. По указанію Хозяйств. Отд. Ред. Ком. сами помѣщики въ описаніяхъ имѣній заявляли, что крестьяне пользуются землей неограниченно, смотря по своимъ средствамъ, нуждамъ и желаніямъ» [3]). Указанное изслѣдованіе по Екатеринославской губ. также отмѣчаетъ, что здѣсь въ многоземельныхъ имѣніяхъ, отдаленныхъ отъ городовъ, крестьянамъ отводилось столько земли, сколько они могли обработать [4]). То же отмѣчено въ изслѣдованіи офицеровъ ген. шт., посвященномъ Херсонской губ. «Въ весьма немногихъ имѣніяхъ въ помѣщичьихъ дачахъ были нарѣзаны особые участки для крестьянъ; большею частью имъ по очереди отводили извѣстное мѣсто въ дачѣ, гдѣ каждый могъ пахать, сколько позволяли его средства, безъ наблюденія со стороны помѣщика, чтобы земля между крестьянами была раздѣлена сообразно выгодамъ каждаго изъ нихъ» [5]).

Тѣмъ не менѣе, несмотря на многоземельность помѣщичьихъ имѣній [6]), количество земли, находившейся въ пользованіи

---

[1]) Мат. для геогр. и стат. Россіи... — Екатеринославская губ. — стр. 174 Въ Прил. къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій въ Екатеринославской губ. указано 1.408 дворовыхъ, надѣленныхъ землею (въ 23-хъ имѣніяхъ).

[2]) I изд. Мат. Ред. Ком. т. VI—Дополненіе II, стр. 3.

[3]) Ibid., стр. 2—Въ примѣчаніяхъ по Екатеринославской губ. въ Прилож. къ Тр. Ред. Ком. т. VI относительно 49 имѣній опредѣленно сказано, что крестьянамъ дается столько земли, сколько кто можетъ обработать.

[4]) Мат. для геогр. и стат. Россіи. Екатериносл. губ., стр. 176.

[5]) Мат. для геогр. и ст. Россіи собр. оф. ген. штаба. Херсонская губ. Составилъ Шмидтъ Цитир. по Осадчему: «Крестьянск. надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губ.» Херсонъ. 1894 г., стр. 49.

[6]) Въ среднемъ на одну ревизскую душу муж. п. приходилось въ Екатеринославской губ. 19,7 дес. всей земли въ имѣніяхъ, въ Херсонской 24,4 дес., въ Таврической 62,8 дес. Тр. Ред. Ком., т. VI.

крестьянъ, было очень невелико. Такъ, въ Екатеринославской губ. у крестьянъ было лишь 18,43% всей помѣщичьей удобной земли, при чемъ на 1 ревизскую душу приходилось 3,26 дес. удобной земли [1]). Въ Херсонской губ., согласно упомянутому изслѣдованію, передъ реформою крестьянскій надѣлъ не могъ превосходить 4 дес. на душу, что косвенно подтверждается и опредѣленіемъ Хозяйственнаго Отдѣленія Ред. Ком. существующаго надѣла въ Новороссійскомъ краѣ при залежной системѣ также въ 4 дес. на одну душу. При такомъ среднемъ надѣлѣ въ пользованіи крестьянъ въ Херсонской губ. могло быть лишь 26,5% всей помѣщичьей земли [2]). Впрочемъ, нельзя забывать, что крестьянскій скотъ обыкновенно пасся на тѣхъ же выгонахъ и перегонахъ, на которыхъ пасся господскій скотъ, что при громадномъ значеніи скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ служило значительнымъ добавленіемъ къ крестьянскимъ надѣламъ.

Распредѣленіе земли, въ виду разнообразія земельныхъ порядковъ, въ Новороссійскомъ краѣ было неоднородно. Каждый элементъ, вновь поселявшійся въ этомъ краѣ, приносилъ свои порядки, свои обычаи пользованія землею. Поэтому здѣсь можно было встрѣтить и семейное владѣніе землей, и общинное; распредѣленіе земли производилось и по количеству душъ, и по количеству работниковъ, и по количеству скота; иногда эти формы пользованія землею приходили въ различныя своеобразныя сочетанія. Помѣщики, при изобиліи земли, предоставляли свободу въ этомъ отношеніи своимъ крестьянамъ. Выше указывалось, что въ Херсонской губ. помѣщики не наблюдали за распредѣленіемъ земли между крестьянами. Хозяйственное Отдѣленіе Ред. Ком., указывая, что въ значительной части имѣній удерживалось общее пользованіе землею и что, по указанію помѣщиковъ, крестьяне пользовались землею неограниченно, смотря по своимъ средствамъ, нуждамъ или желаніямъ, говоритъ: «При умноженіи народонаселенія или правильномъ устройствѣ имѣній эта система переходила или въ великороссійское об-

[1]) Вычислено на основаніи Прил. къ Тр. Ред. Ком. т. VI. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ размѣръ надѣла, вѣроятно, меньше дѣйствительно существующаго. Здѣсь была сильно распространена залежная система. По указанію Хозяйств. Отд. Ред. Ком., въ Новороссійскихъ губерніяхъ «показанія помѣщиковъ въ описаніяхъ имѣній не могутъ служить достаточнымъ руководствомъ для опредѣленія размѣра надѣловъ. Безъ всякаго сомнѣнія, большая часть помѣщиковъ включала въ цифру крестьянскаго надѣла только ту землю, которая пашется, и не присоединяла той, которая остается для отдыха». I изд. Мат. Ред. Ком. т. VI, Доп. II, стр. 6.

[2]) Осадчій, «Кр. над. землевлад. въ Херс. губ.», стр. 49, 51.

щинное устройство, гдѣ опредѣленное пространство земли надѣляется цѣлому міру, или въ малороссійскіе семейные участки. При семейномъ надѣленіи иногда различаются разряды крестьянъ тяглыхъ и пѣшихъ, какъ въ Малороссіи; иногда земля раздѣляется семействамъ по числу душъ, несмотря на то, имѣютъ ли семейства рабочій скотъ или нѣтъ».

Въ Екатеринославской губ. семейное и мірское владѣніе по имѣніямъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, по показаніямъ помѣщиковъ [1]), въ 50-хъ годахъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ. Изъ 422 имѣній помѣщики отводили землю:

	Количество имѣній.	% %
Въ семейное владѣніе.	214	50,72
» мірское	118	27,96
Неизвѣстно.	90	21,32

При этомъ изъ 214 имѣній, гдѣ было семейное владѣніе, въ 49 или 22,90% помѣщики давали земли столько, сколько кто могъ обработать. Изъ этихъ цифръ видно, что семейное владѣніе землею было широко распространено въ Екатеринославской губ., общинныхъ же было менѣе чѣмъ въ $^1/_3$ имѣній и въ $^1/_5$ имѣній форма крестьянскаго землевладѣнія неизвѣстна.

Количество общинниковъ, крестьянъ и количество земли, бывшей въ ихъ распоряженіи, видно изъ слѣдующей таблицы:

		Процентное отношеніе по губерніи (въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ).
Количество имѣній.	112	26,54
Въ нихъ крестьянъ.	28.074	29,77
» » десятинъ земли.	94.548,82	35,39

Любопытно, что процентное отношеніе крестьянъ отстаетъ отъ процентнаго отношенія ихъ земли по отношенію ко всей крестьянской землѣ въ губерніи. Изъ таблицы видно, что менѣе, чѣмъ у $^1/_3$ населенія, было болѣе трети земли, т.-е., что общинники были въ общей массѣ лучше обезпечены землею, чѣмъ другія категоріи крестьянъ. Разверстка земли у общинниковъ была крайне разнообразна. По скуднымъ и отрывочнымъ свѣ-

---

[1]) Нужно замѣтить, что къ этимъ показаніямъ нужно относиться съ большою осторожностью. Съ одной стороны, по даннымъ 1877 г., въ Екатеринославской губ. 79% крестьянской земли находилось въ общинномъ владѣніи. Съ другой стороны, нельзя забывать, что относительно болѣе чѣмъ одной пятой имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ, неизвѣстно, какова была форма владѣнія землею.

дѣніямъ, разсѣяннымъ въ Приложеніяхъ къ Труд. Редакц. Ком. въ 14 имѣніяхъ земля распредѣлялась міромъ различно:

	Число имѣній.
На воловыя и пѣшія тягла́	3
По числу работниковъ и тяголъ	3
» » хозяевъ	1
» семействамъ	1
» числу ревизскихъ душъ	3
» душамъ	2
» средствамъ каждаго	1
	14

Изъ этихъ цифръ видно, что чаще встрѣчалась разверстка по ревизскимъ душамъ[1]). Въ 3-хъ имѣніяхъ міръ надѣлялъ неодинаково пѣшихъ и воловыхъ хозяевъ, полагая на воловыхъ вдвое больше, чѣмъ на пѣшихъ хозяевъ. Въ 3 имѣніяхъ земля разверстывалась по числу работниковъ и тяголъ, въ одномъ по работникамъ. По средствамъ каждаго, — подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть, вѣроятно, трудоспособность и наличность живого и мертваго инвентаря — земля дѣлилась въ одномъ имѣніи. Сроки передѣловъ неизвѣстны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указано, что помѣщики перемѣняли землю ежегодно, слѣдовательно, ежегодно должны были дѣлиться и земли (напр., въ имѣніи Хандалѣева и Козловскаго Павлоградскаго уѣзда; ежегодная разверстка была въ имѣніи Лашкаревой того же уѣзда). Почти во всѣхъ имѣніяхъ, даже въ тѣхъ, гдѣ земля отводилась самимъ помѣщикомъ посемейно, толока (паръ) была общей, такъ же какъ и водопой.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, малороссійскіе порядки владѣнія землей по количеству скота отразились даже на общинныхъ порядкахъ, ибо и тамъ встрѣчается рѣзкая разница въ надѣленіи пѣшихъ хозяевъ, т.-е. не имѣющихъ скота, и воловыхъ. Въ дѣйствительности, малороссійская система была, видимо, сильно распространена въ Екатеринославской губ. вплоть до наличности безземельныхъ, хотя и въ ничтожномъ количествѣ. Такъ, въ 398 имѣніяхъ, въ которыхъ было 91.203

---

[1]) Къ этой группѣ, очевидно, нужно отнести и 2 имѣнія, гдѣ земля распредѣлялась «по душамъ», и, вѣроятно, имѣнія, гдѣ земля дѣлилась «по семействамъ», такъ какъ часто землю дѣлили по числу ревизскихъ душъ въ семействѣ, отводя исчисленную такимъ образомъ землю каждому семейству. Всѣ эти данныя выведены изъ свѣдѣній, имѣющихся въ Приложеніяхъ къ Труд. Ред. Ком., т. VI.

души крестьянъ [1]), тягла (на тягло приходилось 1,9 ревизскихъ душъ), раздѣлялись на воловыхъ, конныхъ и пѣшихъ, распредѣлявшихся такъ:

		%	%
Воловыя	16.918	35,27
Конныя	1.882	3,92
Пѣшія	29.165	60,81

Цифры эти показываютъ, что болѣе чѣмъ у $^3/_5$ крестьянъ не было скота, и они пользовались надѣлами наименьшаго размѣра. При общемъ количествѣ 47.965 тяголъ, хозяевъ, надѣленныхъ землею, было 47.487, т.-е. количество тяголъ не совпадало съ количествомъ хозяевъ, надѣленныхъ землею, изъ чего можно заключить, что часть тяголъ была безземельными. И, дѣйствительно, въ примѣчаніяхъ къ описанію имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ въ 10 имѣніяхъ отмѣчено 619 пѣшихъ тяголъ, пользующихся третьимъ снопомъ, при чемъ въ 7 имѣніяхъ третій снопъ получали «вмѣсто пахоты», въ двухъ имѣніяхъ — третій снопъ давали «вмѣсто земли», «за обработку земли»; въ одномъ имѣніи, сказано, что 45 пѣшихъ тяголъ «зарабатываютъ хлѣбъ изъ снопа на экономическихъ ланахъ» [2]).

Изъ этихъ данныхъ, какъ замѣчено, явствуетъ, что количество скота у крестьянъ въ Екатеринославской губ. было очень незначительно. Необходимый для обработки земли скотъ имѣлся менѣе, чѣмъ у $^2/_5$ крестьянъ. Недостатокъ скота у крестьянъ въ Екатеринославской губ. констатируетъ и изслѣдованіе офицеровъ ген. шт. по Екатеринославской губ., указывающее между прочимъ, что для поднятія мѣстной тяжелой почвы каждое семейство должно было имѣть 4 пары воловъ; воловыхъ же тяголъ, какъ видно, были лишь 35,27%. «Хозяева, вовсе не имѣвшіе рабочаго скота, обыкновенно брали плугъ у помѣщика, у котораго за то, по взаимному договору, работали лишніе дни» [3]). Изслѣдованіе по Херсонской губ. указываетъ, что скотоводство крестьянъ ограничивалось «тѣми выгодами, какія надѣялись извлечь изъ этого помѣщики» [4]). Малое же количество скота лишало крестьянъ

---

[1]) Это составляетъ 68% общаго числа крестьянъ въ губерніи или 97% числа крестьянъ, о которыхъ есть свѣдѣнія въ Приложеніяхъ къ Тр. Ред. Ком.

[2]) См. таблицу № 7, вычисленную на основаніи Приложеній къ Тр. Ред. Ком., т. VI.

[3]) Мат. для геогр. и стат. Россіи.— Екатериносл. губ., стр. 175, 176.

[4]) Осадчій, стр. 49—50.

возможности обрабатывать столько земли, сколько могли бы сдѣлать они при многоземельности имѣній.

Еще болѣе ограничивали крестьянское землепользованіе тяжелыя барщинныя повинности. Въ Екатеринославской губ. большая часть помѣщиковъ, сверхъ узаконенной трехдневной барщины, требовала четвертый день, принимая за то на себя уплату всѣхъ повинностей [1]). Какъ указано, неимѣвшіе рабочаго скота, отбывали лишнюю барщину за пользованіе господскимъ инвентаремъ. Крестьяне, по словамъ изслѣдованія по Екатеринославской губ., «могли немного обработать степи по недостатку какъ времени, занятаго барщиной, такъ и рабочаго скота» [2]). Въ Херсонской губ. помѣщичьи крестьяне отбывали барщину въ общемъ въ годъ по 156 дней съ мужчины и съ женщины (по 3 дня въ недѣлю), со включеніемъ въ это число дней отбыванія казенныхъ натуральныхъ повинностей: поставку подводъ, исправленіе дорогъ и пр. Впрочемъ, не во всѣхъ имѣніяхъ было принято за правило, чтобы число барщинныхъ дней не превышало 3. Гдѣ требовалась спѣшная работа, напр., во время жатвы, выгоняли на барщину на 4, на 5 и даже на 6 дней сряду въ счетъ барщины слѣдующей недѣли. Подобныя распоряженія казались даже вполнѣ законными, какъ владѣльцамъ, такъ и крестьянамъ. Но «замѣщеніе дней панщины одной недѣли днями какой-либо другой вело къ тому, что чѣмъ крестьянинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ большимъ бременемъ падала на него панщина; для собственныхъ работъ ему оставался скотъ, изнуренный уже работами на помѣщика, а главное, чѣмъ могъ онъ вознаградить упущенное для полевыхъ работъ время... Землею крестьяне пользуются по большей части въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ производительной силѣ, но съ тою разницею, что не всегда соотвѣтственно требованіямъ сельско-хозяйственныхъ эпохъ могутъ они пользоваться своимъ трудомъ. Эти упущенія времени, какъ для приготовленія посѣвовъ, такъ и для уборки произведеній, и составляютъ главную причину дурного положенія хлѣбопашества у крѣпостного сословія; хуже этого можно встрѣтить хозяйство только у евреевъ земледѣльцевъ» [3]).

Заключая очеркъ положенія разныхъ группъ крестьянъ Херсонской губ. передъ реформою 1861 года, г. Осадчій го-

---

[1]) Мат. для геогр. и ст. Россіи—Екатериносл. губ., стр. 174.
[2]) Ibid., стр. 176.
[3]) Мат. для геогр. и ст. Россіи собр. оф. ген. шт. Херс. губ.; цит. по Осадчему, стр. 48—49.

воритъ: «Исходя изъ главнѣйшихъ положеній для земледѣльца о размѣрѣ земли, необходимомъ для удовлетворенія его жизненныхъ потребностей и приложенія къ ней своихъ трудовыхъ силъ и о размѣрѣ повинностей, падающихъ на эту землю, — нужно признать положеніе всего крестьянскаго населенія Херсонщины въ прошломъ мало удовлетворительнымъ, несмотря на существовавшій въ то время земельный просторъ. Просторъ этотъ долженъ былъ служить прочной основой быта земледѣльца, но вліяніе другихъ факторовъ — безправія его и повинностей — совершенно уничтожали для него благотворное вліяніе простора» [1]).

Къ тяжелымъ повинностямъ и неудовлетворительному экономическому положенію прибавьте ужасъ безправія крѣпостныхъ, суровыя наказанія, произволъ землевладѣльцевъ и пр. и пр., и тогда станетъ понятнымъ, почему и въ этомъ краѣ недавняго существованія крѣпостного права и недавняго заселенія было велико стремленіе крѣпостныхъ такъ или иначе вырваться изъ-подъ крѣпостного ига. Побѣги крѣпостныхъ были однимъ изъ золъ для помѣщичьяго хозяйства, лишая ихъ рабочихъ рукъ. Въ Херсонской губ. «отсутствіе надежды на улучшеніе своего быта выразилось въ здѣшнемъ крѣпостномъ сословіи въ особенной склонности къ бродяжеству, которое сдѣлалось здѣсь весьма обыкновеннымъ явленіемъ: только семейныя связи и обладаніе небольшимъ хозяйствомъ удерживаетъ ихъ на помѣщичьей землѣ» [2]). П. И. Срезневскій въ одномъ изъ писемъ къ своей матери въ 1833 г. изъ Екатеринославской губ., упоминая о бѣгствѣ цѣлаго семейства изъ имѣнія, гдѣ онъ жилъ, пишетъ: «Надобно знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ есть много панковъ, которые безпрестанно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, обременяютъ ихъ работами и ничего не платятъ, угрожая судомъ. Но таковъ предразсудокъ: мужику лучше жить *подъ паномъ*, нежели у пана по крѣпости» [3]).

Въ Новороссійскомъ краѣ было легче укрыться отъ помѣщика: жажда рабочихъ рукъ заставляла не гнушаться пристанодержательствомъ бѣглыхъ, несмотря на отвѣтственность передъ закономъ. Если нельзя было пристроиться въ родныхъ мѣстахъ, къ услугамъ недовольныхъ была близкая австрійская и румынская граница, Кавказъ, куда устремлялись искатели

---

[1]) Осадчій. «Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губ. въ связи платежами крестьянъ». Херсонъ. 1894 г., стр. 53.

[2]) Ibid., стр. 50.

[3]) «Изъ переписки П. И. Срезневскаго». «Кіевск. Старина». 1901 г., іюль-августъ, стр. 222—223.

воли. Съ легкостью побѣговъ и ихъ убыточностью для хозяйства должны были считаться помѣщики, и это было однимъ изъ главныхъ ограниченій помѣщичьей власти. Такъ, г. Осадчій указываетъ, что положеніе крѣпостныхъ въ западной половинѣ Херсонской губ. до 50-хъ годовъ было значительно лучше, чѣмъ въ восточной половинѣ и особенно въ населенныхъ Елизаветградскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Тамъ слабая заселенность и нужда въ земледѣльческомъ населеніи при возможности легкаго ухода заставляли дорожить крѣпостными. Въ западной половинѣ Херсонской губ. сохранились, кромѣ того, традиціи десятинщицкихъ отношеній, доставшихся въ наслѣдіе отъ татаръ, и онѣ «долгое время, — говоритъ г. Осадчій, — избавляли населеніе отъ той панщины, какая была присуща нашему крѣпостному праву» [1]).

Такъ нужда въ рабочихъ рукахъ, заставлявшая помѣщиковъ усиливать повинности крѣпостныхъ, въ то же время принуждала ихъ, въ силу мѣстныхъ условій, при извѣстной активности крестьянъ, умѣрять гнетъ крѣпостного права.

ГЛАВА VII.

Дворовые.—Величина дворни передъ освобожденіемъ.—Бытъ дворовыхъ.—Развратъ помѣщиковъ.—Жестокое обращеніе съ крѣпостными.—«Крѣпостная интеллигенція».

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о положеніи крестьянъ оброчныхъ, барщинныхъ, земледѣльческихъ и фабрично-заводскихъ можно видѣть, что степень экономической эксплуатаціи крестьянъ измѣнялась, смотря по степени близости ихъ къ личности господина. Чѣмъ ближе стоялъ помѣщикъ къ своимъ крѣпостнымъ, чѣмъ больше имѣлъ онъ возможности наблюдать за жизнью крѣпостныхъ, тѣмъ сильнѣе эксплуатировались силы крестьянъ, и рѣзче становилась зависимость послѣднихъ отъ характера и произвола господина. Поэтому, какъ мы уже указывали, положеніе крѣпостныхъ людей было хуже у мелкихъ помѣщиковъ. Если по этому признаку расположить различныя группы крѣпостныхъ въ нисходящемъ порядкѣ, то несомнѣнно низшую ступень займетъ группа дворовыхъ. Состоя большею частью въ услуженіи у помѣщика и его семьи, они приходили съ нимъ въ постоянное, близкое соприкосновеніе и

[1]) Осадчій, стр. 47—48.

ежеминутно чувствовали гнетъ зависимости отъ его произвола. Образъ ихъ жизни, занятія измѣнялись въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ помѣщика. Ихъ положеніе зависѣло также отъ измѣненій, происходившихъ въ самомъ веденіи помѣщичьяго хозяйства.

При натуральномъ хозяйствѣ дворня была необходима для помѣщика, такъ какъ она перерабатывала сельскіе продукты въ предметы, годные для потребленія господину и его семьѣ. По мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, когда потребности помѣщика все въ большей и большей степени удовлетворялись покупными предметами, дворня въ извѣстной степени теряла свое значеніе и дѣлалась отягощеніемъ для помѣщика. Ея содержаніе падало тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, которые должны были, кромѣ того, платить за дворовыхъ подушную подать. Помѣщикамъ же, стремящимся какъ можно болѣе эксплуатировать въ интересахъ своего хозяйства трудъ крестьянъ, такая затрата его казалась крайне невыгодною. Отсюда понятно стремленіе помѣщиковъ сокращать численность дворовыхъ. Для этого прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ.

Отчасти ихъ обращали въ земледѣльческихъ рабочихъ, ставя на положеніе мѣсячниковъ и заставляя обрабатывать господскую запашку; отчасти ихъ надѣляли землею, и въ такомъ видѣ дворовые мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ; частью трудъ ихъ эксплуатировали на помѣщичьихъ фабрикахъ, наконецъ, часть дворовыхъ отпускалась на оброкъ. Такъ, въ имѣніи Шипова, въ Ярославской губерніи, при 164 крестьянахъ было 101 дворовыхъ. Эта крупная цифра дворовыхъ распадалась на три группы: 1) должностные и чернорабочіе по хозяйству — 15 человѣкъ, 2) работающіе на фабрикѣ — 60 человѣкъ; 3) малолѣтніе и старики — 26 человѣкъ [1]). У помѣщика Смоленской губ. Шомпулева «крѣпостная прислуга состояла изъ какой-то разнокалиберщины: большею частью это были старики, мальчики, дѣвчонки, такъ какъ взрослыхъ молодыхъ людей помѣщикъ старался по возможности отпускать на оброкъ» [2]). Я. Соловьевъ, какъ было указано, считалъ, что изъ дворовыхъ, по крайней мѣрѣ, половину слѣдуетъ причислить къ земледѣльческому классу. Въ Тверской губ. во многихъ имѣніяхъ дворовые посылались на полевыя работы, при чемъ конныя ра-

---

[1]) Прилож. къ Трудамъ Ред. Ком., т. IV. Рост. уѣзд. № 45.

[2]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина». «Русская Старина», 1895 г., іюль, стр. 92.

боты исполнялись ими на помѣщичьихъ лошадяхъ [1]). О роли дворовыхъ въ Екатеринославской губ. уже говорилось выше.

Семеновъ въ своемъ руководствѣ почти не упоминаетъ о дворовыхъ. Они предназначались, видимо, лишь для личныхъ услугъ, получали съ 18 лѣтъ вознагражденіе, а черезъ 25 л. отпускались на волю или на оброкъ по 18 руб. сер. ежегодно. Отпускъ на оброкъ престарѣлыхъ рабочихъ встрѣчался и у другихъ помѣщиковъ, при чемъ доходилъ до жестокости. Помѣщица Безсонова Нижегородской губ. послала своего дворовaго, 75-лѣтняго старика, изъ своего села Спасскаго въ Нижній-Новгородъ искать работы; для него еще нашлось какое-то дѣло, но онъ потерялъ паспортъ и былъ высланъ къ своей госпожѣ. Другой дворовый, также старикъ 65 лѣтъ, портной, былъ отпущенъ на оброкъ; онъ пошелъ искать работы зимою, но на дорогѣ замерзъ. «Многіе помѣщики лишніе непроизводительные рты изъ своихъ дворенъ сдавали въ аренду для послугъ лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть крѣпостными, чаще купцамъ и мѣщанамъ, по такъ называемымъ вѣрющимъ письмамъ» [2]). Штрафныхъ дворовыхъ помѣщикъ зачастую отдавалъ въ рекруты вмѣсто крестьянъ, преимущественно дворовые продавались въ рекруты. Это стремленіе помѣщиковъ съ развитіемъ денежнаго хозяйства уменьшать количество дворовыхъ замѣтилъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 г. «Дворянство, — говоритъ онъ, — теперь находитъ болѣе выгоднымъ и соотвѣтственнымъ новымъ привычкамъ и образу жизни помѣщать за опредѣленный оброкъ прежде ничего не дѣлавшихъ дворовыхъ людей въ рабочіе на фабрики. Часть дворянства, воспитаннаго на совершенно европейскую ногу, не держитъ при себѣ вовсе своихъ крѣпостныхъ, а нанимаетъ прислугу» [3]).

Несмотря на наличность такой тенденціи въ помѣщичьемъ хозяйствѣ до самаго освобожденія встрѣчались громадныя дворни. У матери Ив. С. Тургенева, Варвары Петровны, всей дворни было человѣкъ 200 — 300. Среди нихъ были каретники, ткачи, столяры, портнихи, музыканты, пялечницы, коверщицы и т. д.; были особые пажи для различныхъ мелкихъ услугъ въ комнатахъ, въ которые брались красивые крѣпост-

---

[1]) В. Преображенскій. «Опис. Тверск. губ.» стр. 82—83.

[2]) «Нижегородскій Сборникъ», издаваемый нижегородскимъ губернскимъ статистич. комитетомъ, подъ редакціею А. С. Гацискаго, т. X, Снѣжневскій. «Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ», стр. 551. Нижній-Новгородъ, 1890.

[3]) Гакстгаузенъ. т. I. стр. 33.

ные мальчики [1]); среди дворовыхъ находился также фельдшеръ, ѣздившій за границу вмѣстѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ и слушавшій лекціи на медицинскомъ факультетѣ Берлинскаго университета [2]). У помѣщика Н. П— ча Б. въ одной изъ приволжскихъ губерній «дворня была человѣкъ 100. Сколько бы ни было гостей, за обѣдомъ непремѣнно стояло по лакею за каждымъ стуломъ» [3]). Бѣдные помѣщики тянулись за богатыми и заводили себѣ иногда дворни не по средствамъ. Такъ, при слѣдствіи по поводу покушенія на жизнь помѣщика Кирьякова Харьковской губ. было обнаружено, что онъ не могъ содержать слишкомъ многочисленной дворни, почему ему «было внушено, чтобы онъ содержалъ у себя дворовыхъ соразмѣрно потребности и способамъ своего имѣнія» [4]). Видимо, вообще чѣмъ крупнѣе былъ помѣщикъ, тѣмъ бо́льшая абсолютно была у него дворня. Относительное же количество дворовыхъ уменьшалось съ укрупнѣніемъ имѣнія [5]). На это указываетъ сравненіе процентнаго количества дворовыхъ въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, и во всѣхъ имѣніяхъ; напр.:

Губерніи.	Въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ.	Во всѣхъ имѣніяхъ.
Екатеринославская	12,61	17
Харьковская	11,33	24
Самарская	7,24	8,7
Саратовская	5,20	7,3
Симбирская	5,01	6,0
Черниговская	4,00	9,6
Полтавская	0,59	10,8

---

[1]) Колонтаева. «Воспоминанія о семьѣ Спасскомъ. Историческій Вѣстникъ»; 1885 г., № 10.

[2]) Житова. «Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева», «Вѣстникъ Европы». 1884 г., ноябрь.

[3]) «Записки сельскаго священника». «Русск. Стар.», т. 27, стр. 60.

[4]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 102.

[5]) Я. Соловьевъ указываетъ относительно Смоленской губ., напр., что количество дворовыхъ распредѣлялось по группамъ помѣщиковъ и на каждаго владѣльца такимъ образомъ (Я. Соловьевъ. Сельско-хоз. стат., стр. 132—134)

	% дворовыхъ	У 1 владѣльца
У имѣющихъ менѣе 21 души	29	2
„ „ отъ 21 до 100 душъ	12	6
„ „ „ 100 „ 500 „	6	11
„ „ „ 500 „ 1000 „	3	20
„ „ болѣе 1000 душъ	2	37

Уменьшенія общей численности дворовыхъ всѣхъ категорій цифровыя данныя не обнаруживаютъ. Такъ, процентное отношеніе крестьянъ и дворовыхъ къ общей массѣ крѣпостныхъ съ восьмой ревизіи до десятой измѣнялось слѣдующимъ образомъ: [1]).

	8 ревизія.	9 ревизія.	10 ревизія.
Крестьяне	95,86	95,21	93,21
Дворовые	4,14	4,79	6,79

Такое увеличеніе дворни можно объяснить отчасти тѣмъ, что помѣщики широко пользовались дозволеніемъ закона брать

---

[1]) Тройницкій, «Крѣпостное населеніе по 10 переписи», стр. 58. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ количество дворовыхъ между 9 и 10-й ревизіями увеличилось очень рѣзко, что видно изъ слѣдующей таблицы (Скребицкій, т. IV, стр. 184):

Губерніи.	Прибыль въ проц.
Орловская	30
Пензенская	40
Воронежская	58
Курская	60
Полтавская	220
Харьковская	236
Екатеринославская	265
Черниговская	309
Херсонская	328
Минская	1.819
Костромская	13.572

Нужно прибавить при этомъ, что на самомъ дѣлѣ дворовыхъ было больше, такъ какъ изъ описанія имѣній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій видно, что въ имѣніяхъ были крестьяне «на дворовомъ положеніи», «господскомъ содержаніи» и «при особыхъ должностяхъ». Эти крестьяне, вѣроятно, занимали въ имѣніи должности сторожей, скотниковъ, кузнецовъ и т. п., т.-е. исполняли тѣ же обязанности, которыя зачастую лежали на дворовыхъ. Съ причисленіемъ этихъ крестьянъ къ дворовымъ процентъ послѣднихъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, по нѣкоторымъ губерніямъ значительно повышается (см. таблицу № 4).

	Дворовые.	Двор., крест. на дворов. полож. и пр.
Вологодская губ.	2,89	4,22
Псковская »	3,73	4,76
Тверская »	4,19	5,67
Новгородская »	4,21	5,77
Тульская »	6,03	6,66
Воронежская »	6,60	9,52
Самарская »	7,24	8,25
Харьковская »	11,33	16,00

крестьянъ съ пашни во дворъ, чтобы увеличить барщинную запашку на счетъ крестьянскихъ земель. Сильное увеличеніе дворовыхъ между девятой и десятой ревизіями объясняется тѣмъ, что помѣщики стремились, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе опредѣленныхъ слуховъ объ освобожденіи, переводить крестьянъ въ дворовые, чтобы не дать имъ земли при освобожденіи. Неизвѣстно, до какого количества возросло бы число дворовыхъ къ самому освобожденію, если бы въ 1858 году не было запрещено переводить крестьянъ въ дворовые.

О продовольствіи дворовыхъ иногда такъ мало заботились, что встрѣчаются жалобы ихъ даже на голодъ. «Пойманные бѣглые дворовые княгини Мансуровой (Нижегородской губ.) показали, что разбѣжались, «будучи не въ состояніи переносить голодъ отъ мало выдаваемой госпожею пищи» [1]). У помѣщицы Свирской Харьковской губ. дворовые продовольствовались крайне плохо. Пища варилась разъ въ недѣлю, при этомъ борщъ варился безъ соли, на второе подавали гнилую тыкву или ягоды бузины, на день давали кусокъ хлѣба; червивое мясо давалось только разъ въ недѣлю. Городской врачъ, при слѣдствіи по дѣлу Свирской о злоупотребленіи помѣщичьею властью, также нашелъ пищу дворовыхъ негодною [2]). При разсмотрѣніи дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщика Рязанской губ. Логвенова выяснилось, что онъ не выдавалъ пищи дворовымъ. Дворовый человѣкъ помѣщика Татаринова (той же губерніи) жаловался на своего помѣщика, что онъ дѣлалъ ему изнурительные побои и не давалъ ему пищи и одѣянія [3]). Мордовцевъ указываетъ на случай въ Саратовской губ., когда при дешевизнѣ элтонской соли рабочимъ и дворовымъ людямъ «на варево не отпускаемо было соли ни щепоти» [4]).

Трудъ дворовыхъ цѣнился ни во что. У вышеупомянутаго помѣщика Колобова Рязанской губ. платья его дочерей, приготовлявшіяся для торжественныхъ случаевъ, обшивались блондами домашняго издѣлія, выдѣлка которыхъ для каждаго платья требовала двухлѣтняго труда искусной мастерицы [5]). У Варвары Петровны Тургеневой крѣпостного Герасима (описаннаго въ повѣсти «Муму») отправляли пѣшкомъ изъ Спасскаго въ имѣніе, отстоящее на 70 верстъ, за небольшимъ горшочкомъ

---

[1]) «Нижегородскій Сборникъ» 1890 г., т. X, Снѣжневскій, стр. 550.

[2]) Делярю. «Эпизодъ изъ крѣпостного права». «Русскій Архивъ», 1882 г. № 4.

[3]) Тр. Ряз. Арх. Уч. Ком. 1896 г., т. XI, ст. Повалишина, стр. 116 и 120.

[4]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 369.

[5]) Кн. Волконскій. «Условія помѣщ. хоз.», стр. 5.

гречневой каши, такъ какъ, по мнѣнію Варвары Петровны, въ селѣ Спасскомъ эту кашу приготовлять не умѣли [1]). Нерѣдко дворовыхъ изнуряли работою, стремясь выжать изъ нихъ труда все, что только возможно. У помѣщицы одной приволжской губерніи, Натальи Павловны К**, сапожнику, шившему на господъ и на продажу, и портному работа давалась на урокъ, за которымъ они просиживали и дни и ночи, не зная никакихъ праздниковъ въ году, кромѣ Пасхи. «Въ дѣвичьей дѣвокъ пятнадцать-двадцать постоянно поурочно плели кружева и вышивали. Эти тоже сидѣли и день и ночь до просѣдней, съ подбитыми глазами и синяками отъ щипковъ по всему тѣлу» [2]).

Чтобы не допускать излишняго увеличенія дворовыхъ [3]), помѣщики нерѣдко запрещали браки, чѣмъ вызывали тайный развратъ или болѣзни среди дворовыхъ; особенно жестоко поступали съ дѣвушками. Замужество имъ запрещалось изъ-за нежеланія лишиться искусной мастерицы и работницы, — къ тому же съ дѣвушки требовалось больше работы, чѣмъ съ замужней женщины, — между тѣмъ дѣвушекъ жестоко преслѣдовали за недозволенныя половыя сношенія. Ихъ тщательно выслѣживали, жестоко наказывали, выдавали въ наказаніе замужъ въ дальнія деревни за вдовцовъ съ большими семействами или за завѣдомыхъ пьяницъ, дряннихъ мужиковъ и т. п.— Между тѣмъ дѣвушкамъ трудно было оставаться невинными. Съ одной стороны, мужская половина дворни была большею частью крайне развращена, съ другой — помѣщикъ позволялъ себѣ полный произволъ въ половыхъ отношеніяхъ. Дворовыя дѣвушки чаще являлись жертвами помѣщичьяго разврата, быть-можетъ, потому уже, что онѣ чаще попадались на глаза помѣщику, ближе находились къ нему, чѣмъ крестьянскія дѣвушки. Но и послѣднія часто брались съ этою цѣлью во дворъ господина, а потому, говоря о развратѣ помѣщиковъ, трудно и невозможно отдѣлять дворовыхъ дѣвушекъ отъ крестьянскихъ.

До чего доходилъ помѣщичій произволъ въ этомъ отношеніи, показываютъ слѣдующіе факты. По слѣдствію 1855 г. помѣщикъ Оренбургской губерніи, Жадовскій, оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ за несогласіе на прелюбодѣяніе наказывались

---

[1]) Колонтаева. «Историческій Вѣстникъ». 1885 г., № 10, стр. 50.

[2]) «Записки сельскаго священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 469.

[3]) Самаринъ указываетъ, что дворовые быстрѣе размножались, и смертность между ними была не такъ значительна, какъ у крестьянъ.

розгами. Онъ установилъ въ имѣніи нѣчто въ родѣ jus primae noctis, позволяя нѣкоторымъ изъ своихъ крестьянъ жениться на крѣпостныхъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, не выполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты [1]). Приблизительно то же совершалъ помѣщикъ Страшинскій, дѣло котораго о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью тянулось съ 1845 до 1857 г. Онъ отнималъ женъ у своихъ крестьянъ, растлѣвалъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя были 12 — 14 лѣтъ; двѣ дѣвочки умерли отъ изнасилованія. Дѣло интересно тѣмъ, что, несмотря на подтвержденіе этихъ фактовъ его крѣпостными трехъ деревень различныхъ уѣздовъ, сосѣдними крестьянами, самими потерпѣвшими и медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, Сенатъ «оставилъ Страшинскаго по предмету растлѣнія крестьянскихъ дѣвокъ — въ подозрѣніи» [2]).

Вообще злоупотребленія помѣщичьей властью въ области половыхъ сношеній легче всего сходили съ рукъ помѣщикамъ: крестьянамъ было трудно доказать ихъ, а администрація и мѣстное дворянство склонно было снисходительно относиться къ «шалостямъ» барина. Между тѣмъ факты этого рода были, видимо, довольно обычнымъ и распространеннымъ явленіемъ. Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Бывшій дворовый Бобковъ въ своемъ дневникѣ передаетъ слышанный имъ разсказъ о рязанскомъ помѣщикѣ Волховскомъ, который «очень любилъ дѣвушекъ и не пропускалъ ни одной. У него было правило, что выходившая замужъ дѣвица въ первую ночь должна была итти на поклонъ къ барину. Случилось, что одинъ крестьянинъ не пустилъ свою молодую жену къ барину послѣ вѣнца, несмотря на присылку за ней сначала старосты, а потомъ лакея. Разсерженный баринъ прибѣжалъ самъ за бабой. Мужъ отдулъ его плетью и на другой день былъ отправленъ въ городъ и сданъ въ солдаты [3]). Управляющій имѣніями кн. Кочубея въ Саратовской губ., Вѣтвицкій, пользовавшійся большою популярностью и уваженіемъ со стороны сосѣдей-помѣщиковъ, кромѣ совращенія съ пути несчетнаго числа крестьянскихъ женъ, увлекъ также до 200 крестьянскихъ дѣвушекъ, при чемъ многихъ крестьянъ отдалъ

---

[1]) А. Любавскій. «Русскіе уголовные процессы». С.-Петербургъ. 1867 г., т. II, стр. 330—345.

[2]) Тамъ же, стр. 345—357.

[3]) Ф. Д. Бобковъ. «Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка». «Историч. Вѣстникъ». 1907 г., кн. VI, стр. 744.

въ рекруты, чтобы свободнѣе пользоваться ихъ женами и сестрами [1]). Въ имѣніи П-скаго уѣзда С-ской губ. управляющій «Карла» въ имѣніи И. С. Гонецкаго «растлилъ всѣхъ дѣвокъ» — и требовалъ къ себѣ каждую смазливую невѣсту на первую ночь. «Если же сіе не понравится самой дѣвкѣ, либо ея матери или жениху, — писала сестра помѣщика брату, — и они осмѣлятся умолять его не трогать ее, то ихъ всѣхъ по заведенному порядку наказываютъ плетью, а дѣвкѣ-невѣстѣ на недѣлю, а не то и на двѣ надѣваютъ на шею для помѣхи спанью рогатку. Рогатка замыкается, а ключъ Карла прячетъ въ свой карманъ. Мужику же, молодому мужу, выказавшему сопротивленіе тому, чтобы Карла растлилъ только что повѣнчанную съ нимъ дѣвку, обматываютъ вокругъ шеи собачью цѣпь и укрѣпляютъ ее у воротъ дома». Хотя сестра Гонецкаго, сообщая брату о такомъ поведеніи управляющаго, и говоритъ, что сажаніе на цѣпь, наложеніе рогатокъ на шею женщинамъ и «пакости на счетъ невѣстъ крестьянъ» въ ихъ мѣстахъ не встрѣчаются, но «многіе помѣщики... — по ея словамъ, — весьма изрядные развратники: кромѣ законныхъ женъ, имѣютъ наложницъ изъ крѣпостныхъ» [2]). Авторъ «Воспоминаній смоленскаго дворянина» говоритъ о своемъ дядѣ Каленовѣ, что, «само собою разумѣется, что весь женскій персоналъ въ его вотчинѣ былъ въ полномъ и постоянномъ распоряженіи пана, и еще до сихъ поръ по деревнямъ, принадлежавшимъ Каленову, можно встрѣтить черты лица, когда-то для нихъ грозныя» [3]). Сельскій священникъ разсказываетъ, что помѣщикъ Н. И—чъ Б. «былъ настоящимъ пѣтухомъ, и до женитьбы и послѣ вся женская половина его крѣпостныхъ,—отъ млада до стара,—были его курами. Пойдетъ, бывало, Н. И—чъ поздно вечеромъ любоваться благоденствіемъ своихъ крестьянъ, остановится противъ какой-нибудь избы, посмотритъ въ окно и легонько постучитъ въ стекло пальцемъ. Стукъ этотъ хорошо уже былъ извѣстенъ всѣмъ: постучитъ — и сію же минуту красивѣйшая изъ семьи выходитъ къ нему» [4]).

Горе было тѣмъ крѣпостнымъ, которыя осмѣливались ослушиваться воли барина и не отдаваться ему по первому тре-

---

[1]) В. А. Шомпулевъ. «Мнимоумершій», «Русск. Стар.», 1898 г., май, стр. 348...

[2]) «Воспоминанія». Е. Н. Водовозовой. «Минувшіе Годы». 1908 г., кн. VII, стр. 204.

[3]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина». «Русск.Стар.», 1895 г., май, стр. 71.

[4]) «Записки сельскаго священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 63.

бованію. Крѣпостная помѣщика Рославлева Саратовской губ. не согласилась на предложенія послѣдняго и пожаловалась его женѣ. Въ первую же отлучку жены Рославлевъ приказалъ выдать непокорную за дурака-крестьянина, ходившаго лѣтомъ и зимою босикомъ и въ одной рубахѣ. Управляющій пожалѣлъ ее и выдалъ не за столь глупаго. Рославлевъ разсвирѣпѣлъ, узнавъ объ этомъ, и сейчасъ же велѣлъ отдать мужа въ рекруты [1]). Какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Нурлевскій, бывшій крѣпостной села Великаго Ярославской губерніи, сосѣдъ его родного села, богатый помѣщикъ, «вынуждалъ всѣхъ молоденькихъ крестьянокъ чередоваться у него въ ночныхъ дежурствахъ, за ослушаніе же наказывалъ розгами или на цѣлый мѣсяцъ надѣвалъ на шею желѣзную рогатку» [2]). Бобковъ лично зналъ красивую крѣпостную дѣвушку Настю, которую баринъ сослалъ въ Сибирь «за то, что она отказала ему въ его требованіяхъ и сошлась съ дворовымъ Ѳедей, отъ котораго забеременѣла» [3]).

Въ случаѣ ревности со стороны жены помѣщика, крѣпостныя оказывались между двумя огнями. Неповиновеніе помѣщику грозило наказаніемъ съ его стороны, за повиновеніе ему, они могли ожидать мщенія со стороны госпожи. Жена саратовскаго помѣщика Малова, узнавъ о сожительствѣ одной изъ крѣпостныхъ со своимъ мужемъ, призвала ее въ людскую, «отрѣзала ей волосы, а послѣ, раздѣвъ ее, придя въ азартъ, зажгла пукъ лучины и около естества опалила волосы» [4]). Впрочемъ, нѣкоторыя помѣщицы очень снисходительно и даже покровительственно относились къ половымъ сношеніямъ своихъ мужей, сыновей и т. под. съ крѣпостными женщинами. Бобковъ разсказываетъ лично ему извѣстный фактъ, какъ знакомая помѣщица высылала къ сыну въ Петербургъ приглянувшуюся ему крѣпостную дѣвушку [5]). Помѣщица Кашкарова не только не возмущалась примѣнявшимся иногда ея мужемъ правомъ primae noctis, «но какъ будто сочувствовала ему... По крайней мѣрѣ, извѣстно, что

---

[1]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы въ 40-хъ г.» «Русск. Стар. 1898 г., августъ, стр. 333—334.

[2]) «Воспоминанія крѣпостного». «Русскій Вѣстникъ». 1877 г., кн. 9, стр. 42.

[3]) Ф. Д. Бобковъ. «Изъ записокъ бывшаго крѣп. человѣка». «Историч. Вѣстн.», 1907 г., кн. VI, стр. 744.

[4]) Мордовцевъ. «Пакан. воли», стр. 15.

[5]) Ф. Д. Бобковъ. «Изъ записокъ...». «Ист. В.», 1907 г., кн. VI, стр. 748.

нѣкоторыхъ малолѣтнихъ дѣвочекъ она сама приводила къ мужу и въ случаѣ ихъ сопротивленія, сама помогала ему» [1]).

Нѣкоторые помѣщики спеціально содержали цѣлые гаремы. Встрѣчались и такіе помѣщики, которые изъ разврата крѣпостныхъ дѣвушекъ создавали себѣ доходъ. Гакстгаузенъ свидѣтельствуетъ, что публичныя женщины въ Москвѣ и Петербургѣ платили помѣщикамъ оброкъ [2]). Одна помѣщица выписывала изъ деревни крѣпостныхъ дѣвокъ, воспитывала ихъ у себя и снабжала ими домъ терпимости, содержимый ею самою. Состарившихся она отсылала въ деревню, а на выбылыя мѣста подготовляла новыхъ [3]).

Произволъ помѣщика проявлялся не только по отношенію къ женской половинѣ крѣпостного населенія, но давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу каждому крѣпостному. Проявленія этого произвола доходили иногда до жестокости. Конечно, гнѣвъ помѣщика чаще всего обрушивался на ближайшихъ къ нему людей, т.-е. дворовыхъ, но той же участи подвергались и крестьяне.

Изъ случаевъ жестокаго обращенія помѣщиковъ со своими крѣпостными, проявленій самодурства господъ и угнетенія личности крѣпостного наиболѣе интересны тѣ, которые совершались и вскрывались передъ самымъ паденіемъ крѣпостного права. По нимъ можно видѣть, что, хотя образованіе сравнительно было больше распространено среди помѣщиковъ въ XIX вѣкѣ, чѣмъ въ концѣ XVIII столѣтія, но грубость и поразительная жестокость продолжали существовать по прежъ-

---

[1]) Дубасовъ. «Елатомскій, помѣщикъ Кашкаровъ». «Др. и Нов. Россія», 1877 г., кн. I, стр. 127. Мордовцевъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ по Саратовской губ. даетъ такую сводку «проявленій нравственной разнузданности и барскаго сластолюбія: Поголовное отобраніе крестьянскихъ дѣвушекъ во дворъ и дѣвичью: «для барскаго двора и постельнаго дѣла всѣхъ дѣвокъ изъ имѣнія выбралъ, не оставивши въ деревнѣ даже подростковъ для пастьбы гусей» (изъ жалобы крестьянъ). Покупки крестьянскихъ дѣвушекъ изъ сосѣднихъ имѣній для собственныхъ нуждъ барина: «изъ покупныхъ и изъ нашихъ дѣвокъ сдѣлалъ для своей похоти турецкій теремъ» (гаремъ?). Вынужденіе согласія на связь голодомъ, обрѣзаніемъ косъ, сѣченьемъ и вожденіемъ босикомъ по морозу. Требованіе въ барскій домъ молодыхъ бабъ «по-ночно», отчего крестьянскія дѣти безъ матерей «отъ крику въ люлькахъ задыхаются». Сгонъ въ дѣвичью для извѣстныхъ надобностей «малолѣтнихъ дѣвчонокъ» и пр., и пр. Мордовцевъ «Нак. воли», стр. 312.

[2]) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 201.

[3]) Делярю. «Эпизодъ изъ крѣпостного права», «Русскій Архивъ», 1882 г. №4, стр. 231.

нему въ помѣщичьей средѣ. Дѣла Карцова, Жадовскаго и др. показываютъ, что, если не всѣ помѣщики были подобными звѣрями, во всякомъ случаѣ нравственная атмосфера была такова, что подвиги Карцова и т. под. господъ не вызывали живого противодѣйствія со стороны сосѣдей. «Намъ приходилось, — говоритъ Делярю, — быть зрителями возмутительныхъ сценъ, происходившихъ на основаніи всѣми признававшагося «права». Удивительно, что сцены эти или коробили насъ только минутно и вскорѣ забывались, или даже не вызывали въ насъ никакого симптома нравственной неловкости и безслѣдно изглаживались изъ нашей памяти, какъ будто бы и не происходило никогда, а между тѣмъ, въ то же время мы возмущались подобными же сценами, не происходившими на нашихъ глазахъ, а только доносившимися къ намъ по слухамъ. Кого, напримѣръ, не возмущалъ торгъ неграми, кто не протестовалъ противъ рабства, кого не потрясали до глубины души возмутительные эпизоды изъ «Хижины дяди Тома» [1]). — Это признаніе интересно изъ устъ современника. Именно тѣмъ и было ужасно крѣпостное время въ смыслѣ угнетенія личности, что всѣ *привыкли* къ рабству, жестокости не возмущали, нервы были притуплены и пріучены къ подобнаго рода воспріятіямъ. Жестокое обращеніе и презрѣніе къ личности крѣпостного были какъ бы въ порядкѣ вещей. Помѣщики могли сажать въ тюрьмы, забивать въ колодки, сажать на цѣпь, засѣкать крѣпостныхъ безнаказанно; сосѣди-дворяне знали это, но молчали, пока какой-либо изъ ряда вонъ выходящій случай не заставлялъ власти обратить, наконецъ, вниманіе на происходившее, или пока крестьяне, рискуя подвергнуться жестокой экзекуціи, ссылкѣ въ каторжную работу, не доводили о звѣрскомъ обращеніи барина до свѣдѣнія высшаго начальства. Хотя Самаринъ говоритъ, что, при несомнѣнномъ увеличеніи экономической эксплуатаціи крестьянъ, помѣщики не дозволили бы себѣ звѣрскими поступками, въ родѣ заведенія сельскихъ тюремъ и забиванія въ кандалы, доводить крестьянъ до ожесточенія, однако факты пятидесятыхъ годовъ показываютъ, что это дѣйствительно было. А сколько фактовъ осталось, весьма вѣроятно, похороненными во всеобщемъ молчаніи дореформеннаго времени! Съ тѣмъ бо́льшимъ вниманіемъ нужно отнестись къ фактамъ, выплывшимъ на поверхность крѣпостного болота и сдѣлавшимся извѣстными въ наше время. Между ними, правда,

---

[1]) Делярю, «Эпизодъ изъ крѣпостного права». «Русскій Архивъ», 1882 г., № 4, стр. 231.

нѣтъ Салтычихи, но все же есть близко подходящіе къ ней типы.

Рабовладѣльческіе навыки и отношенія къ крѣпостнымъ незамѣтно прививались и проявлялись даже въ интеллигентныхъ людяхъ. Великолѣпный памятникъ причудливаго сочетанія чувствъ и поступковъ типичнаго рабовладѣльца съ чуткою совѣстью интеллигентнаго человѣка представляетъ собою дневникъ крупнаго помѣщика, извѣстнаго малороссійскаго мецената и дѣятеля по освобожденію крестьянъ Григ. Павл. Галагана. Занеся, напр., подъ 16 января 1845 г. въ дневникъ свое рѣшеніе не дозволять брака между своей крѣпостной и крѣпостнымъ другого помѣщика, Галаганъ задаетъ себѣ вопросъ: справедливо ли это? «Для этого, — пишетъ онъ, — надобно бы потрудиться узнать, есть ли между молодыми людьми любовь», но ни слова не говоритъ о безнравственности самого права помѣщика стѣснять свободу браковъ между крѣпостными. Наличность любви между желающими вступить въ бракъ также не дѣлала его мягче, если прямо или косвенно затрогивались его интересы. Черезъ день послѣ описаннаго случая другой крестьянинъ села Ични просилъ у него разрѣшенія выдать дочь за казака. Галаганъ не разрѣшилъ брака изъ того соображенія, что въ этомъ селѣ всѣ лучшія дѣвушки выходили за казаковъ, а парубки Галагана оставались безъ невѣстъ. Мольбы отцовъ невѣсты и жениха, увѣренія, что молодыхъ людей соединяетъ не расчетъ, а искренняя любовь, — не имѣли вліянія на Галагана. «Подумайте, они будутъ за васъ Бога молить, и вы можете быть въ ихъ положеніи», сказалъ, между прочимъ, сотникъ, присоединившійся къ мольбѣ казака. «Признаюсь, — пишетъ Галаганъ, — что я поколебался съ минуту, думая, что если въ самомъ дѣлѣ тутъ любовь, она такъ рѣдко случается между мужиками, неужели и тутъ уничтожить ее? Но какъ подумалъ объ Ичнѣ и теперешнемъ ея положеніи, отвѣчалъ рѣшительно: нѣтъ! — Какъ легко показать твердость воли, гдѣ неограниченная власть! Но благородно ли — вотъ вопросъ», замѣчаетъ Галаганъ. Описывая проектируемыя мѣры противъ ичневскихъ богачей, о которыхъ упоминалось выше, Галаганъ здѣсь же сознается, что въ этихъ проектахъ играетъ роль его самолюбіе: «Хочется, чтобы обо мнѣ говорили, чтобы меня боялись тѣ, которые было даже забыли, что они рабы, — теперь они будутъ трепетать: какой признакъ ничтожества!» — сейчасъ же ставитъ себѣ онъ справедливый приговоръ. «Это должно, — добавляетъ онъ, — прибавить новый укоръ моей по-

чти замершей совѣсти». Подъ впечатлѣніемъ осмотра своего села Ични, Галаганъ пишетъ 24 марта того же года: «сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету; и надобно быть закоснѣлымъ, такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда-нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ, ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ». Однако этотъ помѣщикъ, такъ хорошо оцѣнивающій себя и свои мѣры и отдающій отчетъ въ своихъ поступкахъ, относился безъ всякаго уваженія къ личности крѣпостныхъ, унижая ихъ. Такъ, найдя въ другомъ своемъ имѣніи Прилукѣ какіе-то безпорядки, въ которыхъ были виноваты приказчикъ и писарь, онъ призвалъ ихъ, «разругалъ и велѣлъ писарю бить приказчика по щекамъ, послѣ чего велѣлъ приказчику, который плакалъ и извинялся, дать *хлосту* писарю, тотъ прибѣжалъ, говорилъ, что онъ не перенесетъ этого, но я его прогналъ,—пишетъ Галаганъ въ дневникѣ,—и ему дали 30 розогъ... Надобно напоминать этимъ людямъ для примѣра,—замѣчаетъ онъ,—но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ-быть, и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ: *высѣчь легче*» [1]). Такъ поступалъ помѣщикъ, задумывавшійся надъ крѣпостными отношеніями, бывшій впослѣдствіи членомъ Хозяйственнаго Отдѣленія Редакціонныхъ Комиссій.

Другой помѣщикъ, извѣстный въ исторіи малороссійской литературы, какъ писатель, этнографъ и педагогъ, Бѣлецкій-Носенко, считалъ розгу однимъ изъ главныхъ средствъ воздѣйствія на крѣпостныхъ, и она царила въ его деревнѣ. По его мнѣнію, «56 розогъ не можетъ даже ребенка изувѣчить», а 4.000 шпицрутеновъ, которыми наказывали солдатъ за первый побѣгъ изъ полка, «никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*». Принятіе становымъ приставомъ отъ крѣпостного жалобы на него, Носенко считалъ нарушеніемъ закона. Этимъ приставъ, по его мнѣнію, возбудилъ въ крѣпостныхъ, подавшихъ ее, «дерзость законопреступную противъ высочайше дарованной мнѣ власти,—пишетъ онъ,—когда я рѣшилъ дѣло *окончательно* по силѣ закона». «Никто не имѣетъ права,—пишетъ онъ въ грозномъ посланіи къ приставу по этому поводу,—вмѣшиваться въ мое имѣніе, нарушать безъ законно мою власть, увѣряя непокорныхъ крестьянъ моихъ,

---

[1]) «Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана за 1845 г.» «Кіевск. Ст.», 1899 г., кн. XI.

будто они могутъ приносить жалобы на окончательные суды своего помѣщика къ кому бы то ни было» [1]). Такъ разсуждалъ «просвѣщенный» помѣщикъ. Трудно ожидать лучшаго отношенія къ личности крѣпостныхъ отъ рядового, некультурнаго, неразвитого дворянства, каковымъ оно было въ массѣ.

Во всѣхъ случаяхъ жестокаго обращенія съ крѣпостными больше всего возмущаетъ и поражаетъ то презрѣніе къ человѣческой личности, которое проявляли нѣкоторые помѣщики по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Крѣпостной человѣкъ являлся для нихъ вещью, которою можно распорядиться, какъ угодно, въ лучшемъ случаѣ, какъ съ рабочимъ животнымъ, которое можно истязать, жестоко бить при наказаніи, лишь бы только оно не потеряло рабочей силы; если же оно и издохнетъ, какая бѣда въ этомъ для богатаго хозяина: онъ можетъ купить новую скотину. Съ этой стороны крѣпостное право переходило въ рабство.

Иногда животное цѣнилось выше человѣка. Нѣкій помѣщикъ Саратовской губ. Г — ъ, разсерженный на крестьянина другого помѣщика за то, что тотъ, проходя мимо острова, помѣщалъ ему затравить лисицу, приказалъ псарямъ раздѣть его донага и долго окунать безъ перерыва въ рѣчку, а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, велѣлъ сѣчь его чрезъ намоченный мѣшокъ арапниками, дѣлая это до тѣхъ поръ, пока подъѣхавшій Шомпулевъ не освободилъ крестьянина [2]). Помѣщикъ Рязанской губ., Сухановъ, отправился на охоту и взялъ съ собою въ числѣ прислуги двѣнадцатилѣтняго мальчишку. Этотъ ребенокъ не могъ оцѣнить всю важность возложенной на него обязанности — онъ просмотрѣлъ зайца. Сухановъ ударилъ его ружейнымъ прикладомъ въ ногу, а когда онъ упалъ на землю, сталъ бить его пинками въ грудь и животъ, приговаривая: «издыхай, скотина!» Мальчикъ остался на землѣ, а по окончаніи охоты Сухановъ сначала посадилъ его съ собою на дрожки, но, такъ какъ мальчикъ отъ слабости сидѣть не могъ, то Сухановъ столкнулъ его съ дрожекъ, крикнувъ: «ну, издыхай скорѣй!» Съ помощью другихъ лицъ мальчика кое-какъ довели домой, гдѣ онъ два дня поболѣлъ и умеръ [3]). У другого помѣщика одинъ крестьянскій мальчикъ

---

[1]) И. Лучицкій. «Изъ недавняго прошлаго» «Кіевск. Стар.», 1901 г., кн. IV.

[2]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы сороковыхъ годовъ», «Русск. Стар.», 1898 г. августъ, стр. 324.

[3]) Труды Ряз. Арх. Ученой Комиссіи, т. XI. вып. 2. 1896 г. Статья А. Новалишина: «Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крестьянами», стр. 122.

залибъ камешкомъ ногу борзой собаки изъ барской своры. Баринъ замѣтилъ это, и окружающіе были принуждены назвать виновника. На слѣдующій день баринъ назначилъ охоту. Привели на мѣсто охоты мальчика. «Приказано раздѣть, — разсказываетъ Пурлевскій, — и бѣжать ему, нагому; а взлѣдъ за нимъ со всѣхъ своръ пустили вдогонку собакъ, значитъ, травить его. Только борзыя добѣгутъ до мальчика, понюхаютъ и не трогаютъ... Подоспѣла мать, лѣскомъ обѣжала и ухватила свое дѣтище въ охабку. Ее оттащили въ деревню и опять пустили собакъ. Мать помѣшалась, на третій день умерла» [1]). Неудивительно послѣ такихъ случаевъ, что иногда щенки цѣнились выше людей. Сельскій священникъ упоминаетъ о помѣщикѣ А. А. С., который покупалъ борзыхъ щенковъ за 3.000 р., въ то время какъ одну дѣвушку покупали въ той мѣстности за 25 р., т.-е. 120 дѣвушекъ равнялись одному щенку. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ [2]).

Иные помѣщики и помѣщицы находили дикое удовольствіе въ побояхъ и истязаніяхъ крѣпостныхъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ помѣщикъ Тамбовской губ., князь Ю. Н. Г. «приказывалъ иногда давать своимъ провинившимся крестьянамъ до 1.000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прикладывать шпанскія мушки. А когда не хотѣлось ему развлекаться сѣченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ виновныхъ изъ нихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, несмотря ни на какую погоду, по нѣсколько сутокъ безъ пищи. Желая иногда поглумиться надъ дворовыми, онъ собственными руками мазалъ ихъ дегтемъ или смолою, мазалъ стариковъ, не щадилъ женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды онъ созвалъ къ себѣ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, а самъ въ это время игралъ на билліардѣ. Сѣченіе продолжалось цѣлый часъ, и результатомъ его было то, что дѣвушку немедленно послѣ экзекуціи пріобщили». Эти истязанія происходили такъ часто, что впослѣдствіи на судѣ свидѣтели говорили: крестьяне Г. — самыя несчастныя и угнетенныя существа, которыя имѣютъ имущ-

---

[1]) «Воспоминанія крѣпостного», «Русскій Вѣстникъ», 1877 года, кн. 3, стр. 43—44.

[2]) «Записки сельскаго священника», «Русская Старина», т. XXVII, стр. 38.

ства свои и самую жизнь постоянно въ опасности [1]). Жена помѣщика Ч. на каждомъ шагу, каждую минуту шипѣла, щипала и рвала дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Видъ крови приводилъ ее въ бѣшенство. «Какъ только увидитъ, что изъ носу, изо рта или ушей полила кровь, — она вскочитъ и, уже безъ памяти, рветъ щеки и губы, и волосы, повалитъ и, какъ звѣрь, начнетъ мять и рвать все, что подъ ней: щиплетъ, хлещетъ, рветъ, — полнѣйшее бѣшенство! Оторвется уже тогда, когда сама выбьется изъ силъ и упадетъ на стулъ совсѣмъ обезсиленная. Откинется на стулъ, а сама только: А! а! а!» [2]). Л. Никулина-Косицкая разсказываетъ о своей бывшей госпожѣ, мужъ которой занималъ какое-то важное мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ, что она «сама занималась хозяйствомъ, ходила съ кнутомъ по двору, била слугъ за вину и безъ вины, отъ скуки— что ли, дралась кастрюлями и всѣмъ, что ни попадало ей подъ руку: она не могла пройти мимо крѣпостной дѣвочки, чтобы не выдернуть у нея клочокъ волосъ или до крови ущипнуть» [3]).

Помѣщикъ Г. Калужской губерніи въ 1857 году высѣкъ священника сосѣдняго прихода, при чемъ сѣкъ съ промежутками, во время которыхъ заставлялъ священника участвовать въ попойкѣ, а потомъ опять принимался за сѣченіе. Во время слѣдствія по этому дѣлу одна крѣпостная дѣвушка, съ которою онъ былъ въ связи, показала, что однажды помѣщикъ «прогнѣвался на нее и высѣкъ съ подобными же промежутками и вдобавокъ оскорбилъ ее своими циничными съ нею поступками» [4]). Нѣкій Матусевичъ, управлявшій имѣніемъ помѣщика М. въ юго-западномъ краѣ, издѣвался надъ крѣпостными, устраивая надъ ними опыты: есть ли что-либо невозможное для человѣка. Онъ приказывалъ за какую-либо провинность дать 100 розогъ, при чемъ наказываемый долженъ былъ самъ считать удары и не выкатываться изъ-за черты, проведенной кругомъ его тѣла самимъ Матусевичемъ. Несчастные кусали землю, употребляя героическія усилія, чтобы не потерять самообладанія, не сбиться со счету и не выкатиться изъ-за проклятой черты, ибо иначе сѣченіе возобновлялось сначала. Если наказанный выдерживалъ испытаніе, и по окончаніи истязанія оправлялся и кланялся до земли, благодаря «за науку»,

---

[1]) «Еженедѣльное Новое Время», 1880 г., № 53, статья Дубасова: «Къ исторіи крестьянской реформы», стр. 28—29.

[2]) «Записки сельскаго священника». Русская Старина», т. XXVII, стр. 467.

[3]) «Записки Л. Никулиной-Косицкой». «Русская Стар.», т. 21, стр. 72.

[4]) «Записки гр. М. Д. Бутурлина». «Р. Арх.», 1898 г., кн. VII, стр. 547.

то Матусевичъ наставительно говорилъ ему: Выбачай, мій голубе, мало за що... а бачъ ты жъ казавъ, що не можно (вытерпѣть и соблюсти условія наказанія. И. И.) а отъ же й можно... Я не знаю, що то тако за «неможна», яке то воно? Коли бы менѣ его побачыты» [1]). Одинъ Екатеринославскій помѣщикъ требовалъ отъ крестьянъ, чтобы они весною передъ ледоходомъ переходили Днѣпръ въ такое время, когда никто не рѣшался этого дѣлать: «ходятъ въ такое время по льду и ѣздятъ только одни синельниковцы. Баринъ приказываетъ, стращаетъ аранникомъ, — бѣдняжки ходятъ. Каждую весну потопаетъ синельниковцевъ до 18 душъ» [2]).

Нѣтъ возможности перечислять всѣ случаи жестокаго обращенія съ крѣпостными. За малѣйшую вину били розгами, палками, плетьми, кнутьями, при чемъ мѣры наказанія не знали и иногда засѣкали до смерти.

Тамбовскій помѣщикъ Кашкаровъ и его жена, дѣятельность которыхъ относится къ 30—50 годамъ, помимо разоренія своихъ крестьянъ тяжелыми повинностями и присвоеніемъ ихъ имущества, отличались необузданною жестокостью по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Кашкарова — «эта «вторая Салтычиха», повидимому, находила особенное наслажденіе въ тиранствѣ надъ беззащитными крѣпостными». У нея была опредѣленная мѣра наказаній — мужчинамъ 100 ударовъ кнутомъ, женщинѣ—80. «Всѣ эти экзекуціи производились самою Кашкаровой, слѣдовательно, con amore. Высшія же наказанія находились уже подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Кашкарова». Наказывали по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Поваръ былъ разъ наказанъ за то, что не такъ опалилъ свинью, второй разъ за то, что «супъ барынѣ пришелся не по вкусу», третій—за то, что въ ботвиньи «было мало луку». Кашкаровъ, наказывая, любилъ издѣваться надъ своими жертвами. Высѣченнымъ, по его приказанію, часто брили голову. У одной дѣвочки онъ даже сжегъ волосы на головѣ. Страхъ передъ нимъ среди крѣпостныхъ былъ такъ великъ, что съ пріѣздомъ его въ какую-либо деревню — а ихъ у него было много — на всѣхъ деревенскихъ жителей нападалъ паническій ужасъ: женщины и дѣти бѣжали тогда, куда попало, въ коноплю, въ рожь, а зимою къ гумнамъ и въ овраги. Во время слѣдствія о его злоупотребленіяхъ, начавшагося въ

---

[1]) «Отрывокъ изъ записокъ крѣпостного Савченко». «Кіевская Старина». 1899 г., кн. VIII, стр. 57—59.

[2]) «Изъ переписки Срезневскаго». «Кіевская Старина». 1901 г., кн. VII—VIII, стр. 223.

1845 году, въ числѣ пунктовъ обвиненія, выставленныхъ противъ него, было и то, что Кашкаровъ самъ судилъ своихъ крѣпостныхъ за уголовныя преступленія, какъ независимый владѣтель. Замѣчательно то, что во время слѣдствія мѣстное дворянство относилось къ Кашкарову весьма сочувственно и даже по мѣрѣ силъ вступалось за него. Въ концѣ-концовъ, за всѣ свои злоупотребленія Кашкаровъ отдѣлался пустяками: въ 1847 году онъ былъ вызванъ въ Тамбовъ и отданъ тамъ подъ надзоръ полиціи, а имѣніе было временно взято въ опеку. «Тѣмъ дѣло и кончилось» [1]).

Помѣщикъ Н., заставлявшій своихъ крестьянъ въ сильную вьюгу, заметавшую слѣдъ, воровать со степи сосѣднихъ помѣщиковъ сѣно, сѣкъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неумѣлые воры попадались [2]). Помѣщикъ Каленовъ, заставъ старосту одного изъ своихъ имѣній расположившимся во флигелѣ, гдѣ обыкновенно останавливался самъ баринъ, переколотилъ о голову старосты всѣ горшки, разставленные на полкахъ вмѣстѣ съ другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства. Тотъ же помѣщикъ засѣкъ до смерти своего кучера за то, что тотъ опрокинулъ экипажъ [3]). Сельскій священникъ упоминаетъ о помѣщикѣ Ч., который засѣкъ нѣсколькихъ крестьянъ, и каждый разъ убійство проходило безнаказаннымъ [4]). По указанію Мордовцева, архивныя дѣла Саратовской губ. обнаруживаютъ, что «засѣченіе крестьянъ помѣщиками является не единичными, не исключительными примѣрами увлеченій разнузданнаго самовластія, а представляется явленіемъ рядовымъ, обыкновеннымъ» [5]).

Изобрѣтательность помѣщиковъ въ области наказаній съ примѣненіемъ «пыточныхъ» и «истязательныхъ» орудій была поразительна. Въ одной Саратовской губерніи по архивнымъ дѣламъ видно, что въ имѣніяхъ примѣнялись розги, палки, шпицрутены, «битье по зубамъ каблукомъ», «битье по скуламъ кулаками», «бритье полуголовъ» и «полубороды», «подвѣшиванія» за руки и за ноги на шесты, «вывертываніе членовъ» посредствомъ подвѣшиванія и вновь «вправливанье» вы-

---

[1]) Дубасовъ «Елат. пом. Кашкаровъ» «Древн. и Нов. Россія», 1877 г., № 1.

[2]) В. А. Шомпулевъ. «Провинціальные типы сороковыхъ годовъ». «Русская Старина», 1898 г. августъ, стр. 323.

[3]) «Воспоминанія ...смоленскаго дворянина». «Русская Старина», 1895 г., стр. 71 и 77.

[4]) «Записки сельскаго священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 466—467.

[5]) Мордовцевъ «Нак. воли», стр. 86—87.

впхнутыхъ членовъ, «уточка» (связываніе рукъ и ногъ и продѣваніе на шестъ), надѣваніе «шейныхъ желѣзъ», «конскихъ кандаловъ», «личной сѣтки» (для пытки голодомъ), «прикладываніе при личныхъ сѣткахъ сюргучной печати на голое тѣло», «выщипываніе бородъ», опаливаніе лучиной волосъ у женщинъ «около естества», «взнуздываніе», «сажаніе въ кубъ», «ставленіе на горячую сковороду», «набиваніе деревянныхъ колодокъ на шею», сѣченье «солеными розгами» и «натираніе солью» по сѣченнымъ мѣстамъ, сѣченье не лозою, а терномъ, таволгою и крапивою, принужденіе работать съ колодками на шеѣ, лишеніе соли для пищи, «забиваніе въ ротъ кляпа», употребленіе желѣзныхъ ошейниковъ съ гвоздями, наказаніе плетьми изъ воловьихъ жилъ и т. д. [1]). Въ Рязанской г. употреблялся, напр., «щекобитъ», т.-е. деревянное орудіе для битья дѣвокъ и бабъ по щекамъ, чтобы не марать «дворянскія руки о хамскія рожи» [2]). Въ 1846 г. разбиралось дѣло помѣщика Трубицына, который вымогалъ дознаніе у двухъ крестьянъ по подозрѣнію ихъ въ кражѣ денегъ; баринъ сначала билъ ихъ костылемъ, а затѣмъ приказывалъ подвѣшивать за пальцы къ перекладинѣ каретнаго сарая [3]). Подобныя звѣрскія пытки употреблялись иногда за самые ничтожные проступки.

Саратовскій помѣщикъ Жарскій, дѣло о которомъ возникло въ 1827 году и кончилось въ 1830 году, употреблялъ наручни, шейныя цѣпи, прикрѣпленныя однимъ концомъ къ потолку на столько, чтобы наказываемый находился въ стоячемъ положеніи, рогатки, пытку, при помощи пригибанія колѣнъ къ груди, при чемъ руки связывались тонкою бечевкой за колѣнями, а подъ колѣни продѣвалась палка, такъ что человѣкъ не могъ пошевелиться: веревки врѣзывались въ руки, которыя отекали и запухали. Другая пытка — голодомъ — производилась при помощи мелкосплетенной изъ пряжи сѣтки, концы которой завязывались на шеѣ и припечатывались самимъ Жарскимъ, такъ что наказанный лишался возможности ѣсть и пить. Послѣ подобныхъ наказаній Жарскій приказывалъ еще сѣчь розгами. Крестьянъ такъ немилосердно били, что староста Платонъ Ивановъ умеръ послѣ жестокихъ побоевъ, что послужило началомъ дѣла противъ помѣщика. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя губернаторомъ княземъ Голицынымъ въ цѣляхъ раскры-

---

[1]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 313.
[2]) «Повалишинъ «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 104.
[3]) А. Любавскій. «Русскіе уголовные процессы», т. II, стр. 321—330.

тія жестокостей Жарскаго, дѣло это кончилось ничѣмъ. Сенатъ наложилъ церковное покаяніе на Жарскаго и оставилъ его въ сильномъ подозрѣніи. Дворянское же собраніе, сочувственно относившееся къ Жарскому, и на заключеніе котораго, по рѣшенію сената, былъ переданъ вопросъ о наложеніи опеки на его имѣніе, постановило оставить имѣніе въ его управленіи [1]).

Въ той же Саратовской губерніи въ началѣ 40-хъ годовъ обнаружилось, что одинъ аткарскій помѣщикъ примѣнялъ подобныя же личныя сѣтки для пытки голодомъ, «стойки», т.-е. такое же приковываніе цѣпью къ потолку, оставлявшее человѣка въ стоячемъ положеніи на время наказанія, родъ дыбъ или «люльку», «горячую рубашку», въ видѣ обыкновенной больничной рубашки для связыванія буйныхъ больныхъ, но сдѣланную изъ шерсти съ «рѣзанымъ конскимъ волосомъ» и надѣвавшуюся на голое тѣло; наконецъ въ ходу была для наказанія лѣнивыхъ «барская кровать», на которую клали наказаннаго и такъ прикрѣпляли его, что онъ не могъ пошевелиться, его оставляли безъ питья и ѣды по нѣскольку дней, а для увеличенія мукъ 2 раза въ день ставили возлѣ кровати «горячее кушанье», хлѣбъ, иногда мясо и воду. Для этихъ пытокъ и наказаній у помѣщиковъ была отдѣльная изба «жугулевка», при которой былъ особаго рода карцеръ, называвшійся «клоповникомъ»; въ немъ было обиліе клоповъ и другихъ паразитовъ, будто бы искусственно «разведенныхъ», по приказанію помѣщика. Крестьяне указывали еще на существованіе «комарни» въ лѣсу, «около поемныхъ луговъ». По показанію одного крестьянина, въ «комарнѣ» наказанныхъ привязывали обнаженными къ столбу на ночь, преимущественно во время косовицы. Однако, несмотря на то, что чиновники лично застали одного крѣпостного въ «стойкѣ», осмотрѣли «жугулевку», это дѣло не получило дальнѣйшаго движенія [2]).

Трудно себѣ представить, до какихъ истязаній додумывались иные помѣщики. Въ 1846 г. начато было дѣло о помѣщицѣ Минской губ. Стоцкой по поводу смерти принадлежавшаго ей крестьянскаго мальчика отъ жестокаго наказанія. На слѣдствіи выяснилось, что Стоцкая обращалась съ крестьянами крайне жестоко, наказывая ихъ собственноручно за малѣйшее упущеніе и даже безъ всякой вины. Она устроила въ своей комнатѣ два желѣзныхъ пробоя, изъ которыхъ одинъ былъ утвержденъ въ потолкѣ, а другой—подъ нимъ на полу, за ко-

---

[1]) Мордовцевъ. «Нак. воли», стр. 68—82.
[2]) Ibid., стр. 321—325.

торые сверху и снизу привязывались люди для наказанія. Она кусала своихъ людей, душила ихъ руками, накладывала на шею желѣзныя цѣпи, наливала за шею кипятокъ, принуждала ѣсть дохлыхъ піявокъ, жгла тѣло раскаленнымъ желѣзомъ, зауздывала женщинъ подъ предлогомъ, чтобы онѣ во время доенія коровъ не сосали молока. Одна изъ дворовыхъ дѣвушекъ, подвергаемая ежедневно наказанію розгами отъ 50 до 200 ударовъ, наконецъ, лишилась жизни [1]). Свирская, жена предводителя дворянства, дѣло о которой по жалобѣ крестьянъ на жестокое обращеніе было начато въ 1853 г., совершала такія жестокости, что съ трудомъ вѣрится ихъ возможности. Посылая дворовыхъ дѣвокъ за водою за двѣ версты въ одномъ платьѣ во всякую погоду, она заставляла ихъ пить принесенную воду съ мыломъ, если она казалась ей не изъ того колодца. Свирская заставляла своихъ дворовыхъ пить собственную мочу, ѣсть какъ собственный, такъ и приносимый калъ. Провинившихся она заставляла ѣсть протухлыя яйца, била арапникомъ до ранъ, сажала обнаженныхъ на ледъ или снѣгъ, катала по льду и по снѣгу безъ всякой одежды, заставляла дѣвочку Сиклетію ѣсть кирпичъ, битое стекло (отъ чего та умерла), бумагу, кости, обливала на морозѣ холодною водою; другую дѣвочку заставляла ѣсть наполовину обрѣзанную косу. На дворѣ у нея жила волчица, которую она напускала на провинившихся: однажды эта волчица чуть не разорвала крестьянку; у другой женщины, при разслѣдованіи, оказалось на тѣлѣ до 30 ранъ, нанесенныхъ этою волчицею. Трудно представить, за какія преступленія налагала она наказанія: одну крѣпостную истязали за то, что у нея шла кровь изъ ранъ, нанесенныхъ волчицею [2]).

Примѣняя на практикѣ свою вотчинно-судебную власть, помѣщики употребляли иногда тѣ же наказанія, какія налагались на преступниковъ въ обыкновенныхъ правительственныхъ судахъ. Нѣкоторые господа, для усиленія наказанія, брили волосы и бороды своихъ крѣпостныхъ. Такъ, помѣщикъ И. Н. Скобелевъ приказалъ дать своему крестьянину — за неплатежъ оброка и государственныхъ податей — «50 лозановъ и, сверхъ того, остричь половину головы» [3]). У иныхъ была своя домашняя Сибирь. Такъ, Романовичъ-Славатинскій слышалъ раз-

---

[1]) Делярю. «Эпизодъ изъ крѣпостного права». «Русскій Архивъ». 1882 г., № 4.

[2]) Мат. для ист. крѣп. права, стр. 154—155.

[3]) «Страничка изъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ». «Русская Старина», 1895 г., мартъ.

сказъ о малороссійской помѣщицѣ, «въ имѣніи которой среди степи стояла «пустка» — полуразвалившаяся изба; тамъ существовало нѣчто въ родѣ каторги, — самая безпощадная барщина, и сюда ссылались провинившіеся крестьяне» [1]). У такого помѣщика, какъ гр. Шереметевъ, одна вотчина служила мѣстомъ ссылки для его крестьянъ, Сибирью своего рода, куда ссылались изъ другихъ вотчинъ «за закоренѣлое упорство» [2]). Нѣкоторые помѣщики употребляли, въ видѣ наказанія, кандалы, цѣпи, рогатки, надѣвавшіяся на шею и мѣшавшія спать. У помѣщика Воронежской губ. Костомарова среди барскаго двора стояла большая деревянная колода; къ ней прикрѣплялась цѣпь, которую надѣвали на шею провинившемуся крестьянину, и оставляли его въ такомъ положеніи на день, два и даже на недѣлю [3]). Рязанскіе помѣщики Польскіе посадили одну дворовую дѣвушку «на цѣпь, къ которой прикрѣпленъ былъ обрубокъ дерева, вѣсомъ фунтовъ въ тридцать («цѣпной стулъ»), другую дѣвушку — въ желѣзную рогатку, вѣсомъ въ восемь фунтовъ, и держали такъ первую четыре, а послѣднюю двѣ недѣли за то, что онѣ пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращеніе съ ними. Во время наказанія, въ цѣпяхъ и рогаткѣ, онѣ должны были работать господскую работу, получая хлѣбъ и воду въ содержаніе [4]).

Это дѣло относится къ 1824 году; но вотъ такіе же факты, происходившіе передъ самою реформою 1861 г. Въ донесеніи государю Александру II и министру внутреннихъ дѣлъ о случаяхъ неповиновенія и безпорядкахъ между помѣщичьими крестьянами Сергачскаго уѣзда Нижегородской губ. губернаторъ Муравьевъ указывалъ, между прочимъ, на имѣніе Зиновьева, гдѣ, «несмотря на предстоящее улучшеніе быта крестьянъ, помѣщикомъ употреблялись при вотчинной конторѣ кандалы», въ которыхъ недавно содержалась, и притомъ совершенно безвинно, одна женщина, изъявившая желаніе слѣдовать за сво-

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, стр. 313.

[2]) Дѣйствія Нижегор. Арх. Ком. Сборникъ статей, описей и документовъ, III, статья Снѣжневскаго, стр. 69. Отецъ извѣстнаго Никитенки, крѣпостной графа Шереметева изъ села Алексѣевки Бирючинскаго уѣзда Воронежской губерніи былъ сосланъ въ наказаніе въ глухую деревню Чириловку Гжатскаго уѣзда Смоленской губерніи, и, по указанію самого Никитенки, такое наказаніе было обычнымъ въ графскомъ управленіи «за дѣйствительныя или мнимыя провинности». «Записки и дневникъ А. В. Никитенки», т. I, стр. 23.

[3]) «Н. И. Костомаровъ». Русск. Стар., 1886 г., январь, стр. 181.

[4]) Тр. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, ст. Повалишина, стр. 114.

имъ мужемъ въ Сибирь на поселеніе [1]). Помѣщица Орловской губ. кн. Трубецкая, какъ выяснилось при слѣдствіи въ 1846 г. по поводу смерти одного изъ ея крѣпостныхъ изъ-за истязаній, «неоднократно заковывала въ желѣза крестьянъ и крестьянокъ, заставляла ихъ въ такомъ положеніи работать, наказывая чрезмѣрно жестоко не только розгами, но и кнутомъ; наказаніе это она повторяла весьма часто, а надъ одною дѣвкою продолжала три года сряду». Крестьянинъ, по поводу смерти котораго назначено было слѣдствіе, отлучился изъ своей деревни для сбора подаяній, но былъ пойманъ по распоряженію своего владѣльца, закованъ въ желѣзо. За медленную работу въ такомъ положеніи кн. Трубецкая била его нѣсколько разъ палкою и, наконецъ, наказала кнутомъ, отъ чего онъ черезъ нѣсколько дней умеръ [2]). Въ этомъ отношеніи особенно интересно дѣло херсонскаго помѣщика Карцова, возникшее въ 1852 г. Дѣло началось по поводу самоубійства мальчика, покончившаго съ собою изъ-за страха передъ наказаніемъ за совершонное воровство. При слѣдствіи выяснилось жестокое обращеніе Карцова со своими крѣпостными. При обыскѣ были найдены въ господскомъ домѣ три желѣзныя цѣпи; были также, по словамъ крестьянъ, кандалы и рогатки, но Карцовъ успѣлъ спрятать ихъ до обыска. Одна крестьянка, послѣ возвращенія изъ бѣговъ, была закована въ кандалы, а на шею была надѣта рогатка. Послѣ попытки утопиться, ее приковали, по распоряженію Карцова, за ногу въ кухнѣ къ столбу, въ какомъ положеніи и продержали пять лѣтъ; послѣдніе годы ее пускали съ цѣпи только днемъ для господской работы. Другой крестьянинъ четыре года содержался въ ножныхъ кандалахъ и въ нихъ отбывалъ барщину, а на ночь приковывался къ столбу въ кухнѣ цѣпью за шею; онъ такъ и умеръ прикованнымъ. Сына этого крестьянина Карцовъ билъ во время молотьбы на господскомъ току до того, что у него пошла носомъ и ртомъ кровь, отчего онъ началъ чахнуть и черезъ три мѣсяца умеръ. Еще раньше онъ, такъ же, какъ отецъ, содержался въ кухнѣ на цѣпи; его спускали съ нея только для барщины. Крестьяне и дворовые показали, что, по распоряженію Карцова, очень часто крестьяне, а въ особенности дворовые люди, брались на цѣпь, заковывались въ кандалы, при чемъ на шею надѣвались рогатки. Люди съ рогатками на

---

[1] Дѣйст. Ниж. Арх. Ком. Сборникъ стат., оп. и докум., т. III. Снѣжневскій, стр. 66.

[2] Мат. для исторіи крѣпостного права, стр. 154.

шеѣ исполняли даже работы на барщинѣ. При слѣдствіи сосѣди Карцова заявили, что имъ хорошо извѣстно жестокое обращеніе его съ крѣпостными, а они сами видѣли людей, закованныхъ въ цѣпи и съ рогатками на шеѣ исполнявшихъ господскія работы [1]).

Неправда ли, какъ отсюда вѣетъ римскимъ невольничествомъ? Недостаетъ только хлопанья бича. Если бичъ въ соединеніи съ кандалами, быть-можетъ, встрѣчался, какъ рѣдкое исключеніе, то свистъ розогъ или удары палокъ зачастую раздавались надъ неисправнымъ рабочимъ. Тамбовскій помѣщикъ Кашкаровъ, заставляя крестьянъ работать на барщинѣ по 5 дней, не исключая праздниковъ и воскресныхъ дней, наблюдалъ самъ за работами, всегда вооруженный кнутомъ или плетью. Въ случаѣ малѣйшей неисправности крестьянъ, наказаніе производилось немедленно и отличалось крайней жестокостью. Давали по 400 ударовъ кнутомъ, такъ что наказанные лежали больными мѣсяца по 3. Одного крѣпостного Кашкаровъ высѣкъ въ теченіе Великаго поста 16 разъ, каждый разъ по 100 ударовъ. Были случаи такого варварскаго сѣченія, что черезъ 1½ года на спинахъ несчастныхъ видны были широкіе рубцы» [2]). Рязанскій помѣщикъ Захарьевскій, отправляясь для присмотра на барщину, всегда возилъ съ собою розги; если онъ замѣчалъ въ работѣ какую-нибудь ошибку, то виновнаго тутъ же на мѣстѣ приказывалъ разложить и «дѣлалъ жестокое наказаніе до крови, такъ что и переносить было невозможно» [3]). Помѣщикъ К. «самъ своихъ барскихъ рукъ о мужицкое рыло не поганилъ. Когда онъ бывалъ въ деревнѣ, а онъ жилъ тамъ большею частью, за нимъ два кучера съ кнутьями, какъ тѣнь, слѣдили всюду: баринъ въ поле — кучера за нимъ; баринъ на мельницу, — кучера за нимъ; баринъ на гумно, въ лѣсъ на охоту съ ружьемъ и пр. и пр., — кучера неотлучно. Лишь чуть что замѣтитъ баринъ неисправнаго, — кучера и въ кнутья!» Помѣщикъ Ч. совершалъ расправу съ крѣпостными еще проще. «Онъ надрессировалъ свою легавую собаку такъ, что она рвала всякаго, на кого онъ притравитъ, и рвала такъ, какъ онъ скажетъ, — кого за икры, а кого повыше. Лишь только какое-нибудь преступленіе — сейчасъ собака рвать: пашетъ мужикъ мелко — собака; коситъ не чисто — собака; укралъ что-нибудь отъ барина—

---

[1]) Любавскій. «Русскіе уголовные процессы», т. II, стр. 293—321.
[2]) Дубасовъ «Елат. пом. Кашкаровъ». «Др. и Нов. Россія.» 1877 г. № 1.
[3]) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, Повалишинъ, стр. 115.

собака. Но, если случались важныя преступленія, возбуждающія весь барскій гнѣвъ, тогда онъ поролъ, а собака уже на загладку». Другой помѣщикъ въ томъ же селѣ, нѣкій К**, «не разлучался съ плетью. Пойдетъ утромъ рано на гумно, да и станетъ у воротъ. Лишь только кто немного запоздаетъ, онъ и примется лупить съ плеча, а самъ мужичина высокій, здоровенный, толстый и уже выпивши. Баба, можетъ-быть, прибирала ребятишекъ, замѣшкалась у печки, запоздала, — баринъ встрѣтитъ ее и хватитъ плетью. Та упадетъ, а онъ не дастъ ей встать, а полосуетъ съ плеча, пока она не доползетъ на четверенкахъ до риги» [1]). — Эти факты не были, конечно, общимъ явленіемъ, но ужасно и характерно то, что они были извѣстны и не волновали общественнаго мнѣнія. Злодѣйства Карцова раскрылись только благодаря случаю: на слѣдствіи по дѣлу о самоубійствѣ вышеупомянутаго мальчика одинъ изъ дворовыхъ далъ подробныя показанія о поступкахъ Карцова. Сосѣди же давно о нихъ знали.

Какъ ни горько, какъ ни больно за человѣческую личность, но приходится признать, что крѣпостной неразвитой, тупой, не имѣвшій чувства собственнаго достоинства, способный цѣловать руку господина, только что избившаго его, былъ счастливѣе умнаго и развитого человѣка, находившагося въ крѣпостномъ состояніи; положеніе человѣка, сколько-нибудь сознающаго свое достоинство, при крѣпостныхъ отношеніяхъ было особенно ужасно. Не даромъ, по указанію Снѣжневскаго, причина самоубійства дворовыхъ опредѣлялась большею частью краснорѣчивой фразой: «отъ имѣемой въ немъ задумчивости». Самоубійство дворового, принадлежавшаго художнику Ступину, его товарищи, жена, самъ Ступинъ объяснили «начитанностью разныхъ сочиненіевъ», такъ какъ онъ имѣлъ «гибельную» страсть къ чтенію книгъ [2]).

Между тѣмъ помѣщики, преслѣдуя личныя выгоды, нерѣдко сами создавали «крѣпостную интеллигенцію». Нуждаясь въ грамотныхъ людяхъ, они заводили школы [3]). Имъ нужны

---

[1]) «Записки сельскаго священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 464.—466, 479, стр. 479. Для контроля надъ полевыми работами иные помѣщики, какъ указано, надѣвали на шею работникамъ рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю. Въ Саратовской губ. иногда во время жатвы и зноя не дозволяли пить, чтобы понудить къ скорѣйшему окончанію барскихъ работъ: для понужденія рабочихъ примѣняли палки, хлысты, нагайки.

[2]) Нижегородскій Сборникъ, изд. подъ редакціею Гадискаго. Т. X., ст. Снѣжневскаго, стр. 557—558.

[3]) Въ приложеніяхъ къ Труд. Ред. Ком. въ примѣчаніяхъ указано лишь 19 школъ, въ 11 губерніяхъ: изъ этихъ школъ одна была земледѣльческою,

были писаря, конторщики, управляющіе и т. д. У нихъ бывали свои землемѣры, фельдшера, были даже крѣпостные ходатаи по дѣламъ и судамъ [1]). Нѣкоторые помѣщики отдавали своихъ дворовыхъ въ правительственныя учебныя заведенія, напримѣръ, въ Технологическій Институтъ, при чемъ для поощренія ихъ иные обѣщали предварительно свободу этимъ ученикамъ подъ условіемъ добраго поведенія, прилежанія и выслуги опредѣленнаго количества лѣтъ помѣщику [2]). Крѣпостной человѣкъ саратовскаго помѣщика Талызина, А. Никольскій, за свое сочиненіе «Хозяйственное описаніе Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи» въ 50 гг. получилъ золотую медаль отъ Ученаго Комитета Министерства Госуд. Им. Въ предисловіи къ этой книгѣ сказано: «чтеніе этого труда показываетъ, что сочинитель не только человѣкъ наблюдательный, внимательно вникавшій въ бытъ народа, но, кромѣ того, приготовленный ученіемъ къ основательнымъ изслѣдованіямъ» [3]).

Помѣщики изъ собственныхъ выгодъ нерѣдко сами подмѣчали то или другое дарованіе или способности въ крѣпостномъ, развивали ихъ, а затѣмъ или лично эксплуатировали ихъ, или отпускали на высокій оброкъ. Помѣщики заводили у себя собственные оркестры, театры, оперы, балеты, составлявшіеся изъ крѣпостныхъ. Такъ какъ нерѣдко для этого набирали крѣпостныхъ безъ разбора, способныхъ и неспособныхъ къ этого рода искусствамъ, то помѣщики вколачивали

другая — ланкастерская; сверхъ того, одна была уже закрыта ко времени собиранія свѣдѣній; одно училище существовало на счетъ крестьянъ, 2 названы, «крестьянскими»; одна предназначалась только для дворовыхъ; всѣ эти училища были почти исключительно въ имѣніяхъ очень крупныхъ помѣщиковъ. Эти свѣдѣнія, очевидно, не полны, ибо въ одной только Смоленск. г., въ 1852 г. было 81 училище въ помѣщичьихъ селеніяхъ; въ нихъ училось 1344 человѣка, и, кромѣ того, 43 крѣпостныхъ училось въ городскихъ училищахъ. Одинъ ученикъ приходился на 566 крѣпостныхъ душъ обоего пола, Я. Соловьевъ, стр. 144. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., количество грамотныхъ среди крѣпостныхъ въ періодъ 1850—56 г., стало даже меньше на 1% сравнительно съ періодомъ 1844—50 г. Трубниковъ «Результаты народныхъ переписей въ Ардат. у., Симб. губ.» Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи. Изд. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.. кн. III. стр. 427.

[1]) См. объ этомъ ст. Стаховича: «Клочки воспоминаній». «Русск. Старина», 1896 г., кн. V, стр. 361.

[2]) Забл.-Десятовскій, т. IV, стр. 329—330.

[3]) Этимъ трудомъ А. Никольскаго приходилось пользоваться, какъ видно изъ предыдущаго, и при составленіи даннаго очерка. На заглавномъ листѣ книги обозначенъ своеобразный «титулъ» Никольскаго: «крѣпостной человѣкъ сенатора Талызина».

въ нихъ умѣнье играть, пѣть, плясать. Отъ помѣщика Баженова (Нижегородской губ.) бѣжало трое музыкантовъ отъ побоевъ «за нескорое пониманіе при ученіи игрѣ на инструментахъ» [1]). Одинъ помѣщикъ Б., какъ разсказываетъ де Пассенанъ (De Passenans), побывавшій у него въ деревнѣ и бывшій на представленіи его крѣпостной труппы, самъ ходилъ во время представленія съ трубкой во рту, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, между кулисами, подбадривая словами и *жестами* своихъ крѣпостныхъ артистовъ. Въ первый вечеръ пріѣзда де Пассенана играли Дидону. Въ одной сценѣ барину не понравилась игра артистки, исполнявшей роль Дидоны. «Онъ быстро идетъ на сцену и хлещетъ по щекамъ несчастную Дидону, со словами: «Я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія ступай на конюшню за заслуженной наградой». Дидона, поморщившись отъ пощечины, приняла снова гордый видъ и продолжала свою арію, какъ ни въ чемъ не бывало» [2]). Въ театрѣ графа Каменскаго въ Орлѣ висѣла огромная плеть; во время антрактовъ графъ снималъ ее, лично шелъ за кулисы и тамъ собственноручно разсчитывался съ провинившимися артистами такъ, что вопли наказываемыхъ отчетливо слышались зрителями [3]). Не всѣ помѣщики дѣйствовали такъ грубо, некрасиво. Помѣщикъ Н. И—чъ Б., о которомъ разсказываетъ сельскій священникъ, такъ грубо не обнаруживалъ своего жестокаго обращенія съ артистами, не измѣняя даже ласковаго тона при замѣченной ошибкѣ. У него былъ хоръ, пѣвшій также и въ церкви. «Если кто, къ несчастью, чуточку сфальшивитъ, т.-е. вмѣсто діэзной или бемольной нотки возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя послѣ обѣдни пѣвчихъ, говаривалъ: «Ты, Саша, опять сфальшивила въ «Достойно»—ля діэзное; а ты, Даша, въ концертѣ въ «Пріидите»—ди-фисъ». Это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладитъ; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діэзы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вкатывалъ и Сашѣ и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна и діэзовъ и бемолей была извѣстна — 25 розогъ. Вечеромъ эти же Саша и Даша должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разы-

---

[1]) Нижегор. Сборникъ, изд. подъ ред. Гацискаго, т. X, ст. Снѣжневскаго, стр. 558.

[2]) Лѣткова. «Крѣпостная интеллигенція». Отеч. Зап., 1883 г., кн. 11, стр. 168.

[3]) Тамъ же, стр. 165.

грывать какихъ-нибудь княгинь и графинь. Въ антракты баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: «Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN должна была держать себя съ достоинствомъ». И 15 — 20 минутъ антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ! Затѣмъ опять та же Саша должна была или держать себя съ полнымъ достоинствомъ графини, или играть въ водевилѣ, или отплясывать въ балетѣ». «Какъ ни бьешься, какъ ни стараешься,—говоритъ по этому поводу сельскій священникъ,—но никакъ не можешь представить себѣ, чтобы люди, да еще дѣвицы, послѣ розогъ, и, вдобавокъ, розогъ кучерскихъ, забывая и боль и срамъ, могли мгновенно превращаться или въ важныхъ графинь съ «достоинствомъ», или прыгать, хохотать отъ всей души, любезничать, летать въ балетѣ и т. п., а между тѣмъ дѣлать были должны и дѣлали, потому что онѣ опытомъ дознали, что, если онѣ не будутъ тотчасъ изъ-подъ розогъ вертѣться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Онѣ знаютъ горькимъ опытомъ, что даже за малѣйшій признакъ принужденности ихъ будутъ сѣчь опять и сѣчь ужасно. Представить ясно такое положеніе невозможно, а, однакожъ, все это было. Такія усилія, чтобы тотчасъ изъ-подъ кучерскихъ розогъ хохотать и плясать, можетъ дѣлать человѣкъ только или при непомѣрномъ страхѣ, или когда онъ доведенъ до скотоподобія... Какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ помѣщики розгами и кнутьями заставляли смѣяться и плясать людей» [1]).

Среди крѣпостныхъ, которыхъ побоями заставляли дѣлаться артистами, попадались люди дѣйствительно даровитые, иногда талантливые, и положеніе такихъ было поистинѣ ужасно. По пониманію требованій искусства, по нравственному и умственному развитію, такіе крѣпостные стояли иногда неизмѣримо выше своихъ господъ, а между тѣмъ должны были подчиняться ихъ прихотямъ, чувствовать себя въ ихъ полной власти, а главное — *сознавать* это. Что долженъ былъ испытывать артистъ, съ «искрой Божіей» въ душѣ, когда онъ, увлекшись тою или другою ролью, создавая на сценѣ типъ, вдругъ слышалъ окрикъ барина, которому не понравилась его игра, а затѣмъ свистъ плети надъ собою или пощечину! Иногда талантливые крѣпостные рѣшались лучше лишиться своего таланта, нежели унижать свое искусство или самолюбіе ради

[1]) «Записки сельскаго священника». «Русская Старина», т. 27, стр. 67.

прихотей барина. Одинъ помѣщикъ, имѣя громадную дворню, «послалъ самаго талантливаго изъ своихъ крѣпостныхъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. Баринъ, гордый репутаціей своего виртуоза, приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его пріѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго, вновь прибывшаго, онъ долженъ былъ повторять блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехчасовой игры онъ очень усталъ и просилъ у своего барина позволенія отдохнуть. «Нѣтъ, играй, — отвѣтилъ тотъ: — а если будешь капризничать, то вспомни, что ты — мой рабъ; вспомни о палкахъ». Молодой человѣкъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: «Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства» [1]). Одинъ художникъ крѣпостной, которому пришлось исполнять разныя прихоти барина, унижающія его искусство, повѣсился въ саду. Другой, живописецъ, съ истиннымъ призваніемъ къ искусству, былъ вынужденъ красить полы, крыши и, наконецъ, пасти свиней за непокорность господину; онъ утопился въ господскомъ саду [2]). Дворовый-художникъ Мясниковъ застрѣлился послѣ того, какъ господинъ, узнавъ, что его крѣпостной — художникъ, за которымъ признаетъ недюжинный талантъ Академія художествъ, а С.-Петербургское общество поощренія художествъ предлагало за выкупъ Мясникова 2.000 р., — приказалъ ему вернуться въ деревню [3]).

Конечно, не всѣ крѣпостные-интеллигенты кончали самоубійствомъ. Самымъ распространеннымъ порокомъ, отъ котораго гибла масса талантливыхъ крѣпостныхъ, было пьянство. Г-жа Лѣткова въ своей статьѣ приводитъ упоминаніе Клеркэ «объ одномъ, замѣчательномъ копіистѣ-рабѣ: онъ шелъ отъ мольберта къ своему обычному занятію, чисткѣ сапоговъ, и и потомъ напивался» [4]). Печальна въ этомъ отношеніи судьба Полякова, крѣпостного помѣщика Б., ученика академика Ва-

---

[1]) Лѣткова, «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11, стр. 176.

[2]) П. Рамазановъ. «В. А. Тропининъ»,— Русскій Вѣстникъ, 1861 годъ, кн. 11, стр. 54.

[3]) В. П. Снѣжневскій. Нижегор. Сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ губ. статистич. комитетомъ подъ редакціей А. С. Гацискаго, т. X., 1890 г., стр. 557.

[4]) Лѣткова, «Отеч. Зап.», 1883 г., кн. 11, стр. 180.

сильева. Онъ обнаружилъ большія способности къ живописи, получилъ академическія медали, познакомился съ образованнымъ обществомъ, писалъ портреты въ лучшихъ петербургскихъ домахъ и получалъ за нихъ по 400 рублей ассигнаціями. Внезапно баринъ потребовалъ Полякова къ себѣ, несмотря на данное раньше слово отпустить его на волю. Хлопоты Васильева ни къ чему не повели. Поляковъ, по настойчивому приказанію господина, долженъ былъ сопровождать его на запяткахъ по улицамъ Петербурга. Поляковъ вскорѣ спился съ круга и пропалъ безъ вѣсти [1]). Фонъ-Риттеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о крѣпостномъ времени описываетъ одного изъ музыкантовъ своего отца, двороваго, по прозванію «Флейта». Онъ замѣчательно хорошо игралъ на флейтѣ чужія произведенія и собственную импровизацію, чѣмъ славился во всемъ округѣ. «Держался онъ отъ остальной дворни какъ-то особнякомъ, и лучшимъ его наслажденіемъ было, послѣ игры на флейтѣ, удить рыбу или бродить по окрестностямъ съ ружьемъ... Бѣдный «Флейта», несмотря на весь свой талантъ и скромный и тихій характеръ, имѣлъ ужасный порокъ: онъ былъ пьяница и какой пьяница! Когда приходило ему время пить — а онъ пилъ запоемъ — «Флейта» куда-то исчезалъ, и тогда никакіе розыски, никакія мѣры узнать, гдѣ онъ обрѣтается, не имѣли успѣха. Въ этихъ случаяхъ онъ рѣшительно все пропивалъ: одежду, сапоги, ружье даже... и несчастный «Флейта» пилъ и пилъ до тѣхъ поръ, пока это только выдерживала его натура, а затѣмъ, больной, блѣдный, возвращался онъ домой съ повинной головой и начиналъ вымаливать себѣ прощеніе, обѣщая исправиться и не пить больше никогда». Никакія мѣры наказанія не помогали. Если его участіе въ оркестрѣ было необходимо въ то время, когда онъ находился въ періодѣ запоя, то его постепенно вытрезвляли, а въ день концерта привязывали за ногу на нарахъ, чтобы онъ не убѣжалъ. Послѣ отмѣны крѣпостного права «Флейта» постепенно спился и дошелъ до игры по кабакамъ [1]). Быть-можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ изъ «Флейты» вышла бы знаменитость, а при крѣпостномъ правѣ получился горькій пьяница.

У графа Шереметева былъ среди пѣвчихъ великолѣпный басъ, за отпускъ котораго на волю какіе-то иностранцы предла-

---

[1]) Рамазановъ, «В А. Тропининъ».— «Рус. Вѣстникъ», 1861 г., кн. 11, стр. 54.

[2]) Фонъ-Риттеръ. «Отзвуки минувшаго». Ср. судьбу музыкальнаго дарованія крѣпостного «Васьки-музыканта». «Воспоминанія» Е. Н. Водовозовой «Мин. Годы», 1908 г., май—іюнь, стр. 243—277.

гали громадныя деньги, но графъ отказалъ. Этотъ пѣвецъ впалъ впослѣдствіи въ безпробудное пьянство, былъ подвергаемъ наказанію и, какъ неисправимый, высланъ на родину. Автору воспоминаній о слободѣ Алексѣевкѣ Воронежской губерніи графа Шереметева приходилось встрѣчать этого пѣвца: онъ былъ въ то время уже старикомъ, постоянно пьянымъ, но «казалось, что у этого громовержца въ груди находится какой-то неимовѣрной цѣны музыкальный инструментъ» [1]). А. В. Никитенко видѣлъ въ 1836 году у графа Головкина 14-лѣтняго крѣпостного мальчика, въ которомъ замѣчался большой талантъ къ живописи. «Но, — замѣчаетъ Никитенко,— онъ уже начинаетъ думать о ничтожествѣ жизни, предаваясь тоскѣ и унынію. Графъ ни за что не хочетъ дать ему волю. Что будетъ изъ этого мальчика? Теперь онъ самоучкою снимаетъ копіи съ Рубенса. Черезъ 2 или 3 года онъ сломаетъ кисти, броситъ картины въ огонь и сдѣлается пьяницей или самоубійцей. Графъ Головкинъ, однако, считается добрымъ бариномъ и человѣкомъ образованнымъ. О Русь! О Русь!» въ отчаяніи восклицаетъ Никитенко [2]).

Сколько погибало такихъ личностей въ крѣпостной средѣ, нельзя представить себѣ. Талантливымъ людямъ трудно было выбраться изъ крѣпостного состоянія. Достаточно извѣстно съ какимъ трудомъ удалось вырваться на волю Шевченко, напримѣръ, и Щепкину. Иногда помѣщики не желали отпускать своихъ даровитыхъ крѣпостныхъ изъ одного тщеславія. Такъ, графъ Морковъ отпустилъ на волю извѣстнаго художника Тропинина только 47 лѣтъ, въ 1823 году, несмотря на то, что онъ былъ уже извѣстностью въ Россіи [3]), и на то, что въ Тропининѣ принимали участіе многія вліятельныя лица. Графы Шереметевы, напр., не любили, когда отъ нихъ уходили какіе-либо замѣтные люди: пѣвцы, музыканты, ученые и т. д. «Чѣмъ вамъ плохо у насъ», говорили такимъ крѣпостнымъ Шереметевы [4]). Бывшій крѣпостной гр. Шереметева, профессоръ и академикъ, извѣстный А. В. Никитенко, долго не могъ получить свободы, необходимой для поступленія въ университетъ. Несмотря на крупныя протекціи, ходатайство князя Го-

---

[1]) «Изъ недавняго прошлаго Слоб. Украйны». «Кіевск. Стар.», 1896 г., кн. IV, стр. 79.

[2]) «Записки и дневникъ А. В. Никитенки», т. I, стр. 271—272.

[3]) П. Рамазановъ, «Василій Андреевичъ Тропининъ». «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., кн. 4.

[4]) «Изъ недавняго прошлаго Слоб. Украйны», «Кіевск. Стар.», 1896 г., кн. IV, стр. 75.

лицына, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графъ Шереметевъ не желалъ дать ему вольную. Дядя графа, генералъ Шереметевъ, находилъ для карьеры и счастья молодого Никитенки вполнѣ достаточнымъ должность личнаго секретаря у самого владѣльца. Онъ доказывалъ Никитенкѣ, что дальнѣйшее ученіе для него совершенно излишне. «Все хорошо въ мѣру, — говорилъ онъ, — излишекъ въ просвѣщеніи такъ же вреденъ, какъ и во всемъ другомъ... Что же касается свободы, — я рѣшительно противъ нея. Люди, подобные вамъ, рѣдки и надобно ими дорожить». Только благодаря упорнѣйшимъ настояніямъ многихъ лицъ изъ высшихъ сферъ, которыя заинтересовались Никитенкой, послѣ неоднократныхъ просьбъ товарищей графа Шереметева объ освобожденіи его, Никитенко, наконецъ, получилъ вольную [1]). Иногда помѣщики заламывали громадныя выкупныя суммы. Сами крѣпостные не могли достать такихъ денегъ, а благодѣтельныя лица, помогавшія выбраться изъ крѣпостной зависимости, встрѣчались рѣдко.

ГЛАВА VIII.

Вліяніе крѣпостного права на умственное развитіе народа. — Отношеніе крестьянъ къ крѣпостному игу. — Значеніе борьбы крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью.

Крѣпостная зависимость, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она проявлялась въ жизни, не могла не оказать вліянія на умственное развитіе народа. Въ тѣхъ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ не жилъ самъ, этого вліянія почти совершенно не замѣчалось. Въ барщинныхъ же имѣніяхъ, гдѣ интересы самого помѣщичьяго хозяйства требовали строгаго надзора за жизнью, дѣйствіями отдѣльныхъ крестьянъ, крѣпостное право не могло не притуплять самостоятельности, сообразительности крестьянъ, доводя отдѣльныя личности, а иногда и цѣлыя деревни, до отупѣнія. Н. Рѣшетовъ нашелъ подобную деревню при введеніи имъ Положенія 1861 года въ Курской губерніи. Помѣщикъ Харкевичъ, имѣвшій небольшое имѣніе съ 50 душами крестьянъ и лично занимавшійся хозяйствомъ, перевелъ всѣхъ крестьянъ въ дворовые. Онъ отнялъ всю землю отъ крестьянъ, собиралъ весь хлѣбъ себѣ, выдавая крестьянамъ все необходимое, неустанно слѣдилъ за ними, наблюдая, чтобы ни

[1]) «Записки и дневникъ А. В. Никитенки», т. I, стр. 160—178.

одна минута у нихъ не пропадала даромъ. Крестьяне работали зиму и лѣто, не исключая праздниковъ. Они никуда не выходили изъ имѣнія, за исключеніемъ посѣщенія церкви по очереди по большимъ праздникамъ. Никто не посѣщалъ ихъ, такъ какъ самъ Харькевичъ велъ дѣла только съ купцами и скупщиками хлѣба. Послѣ 25 — 30 лѣтъ примѣненія подобной системы крестьяне потеряли способность самостоятельно разсуждать, дошли почти до идіотскаго состоянія. Всѣ усилія Рѣшетова растолковать имъ Положеніе и объяснить необходимость выбрать старосту, оставались тщетными. Крестьяне внимательно слушали, но не понимали объясняемаго [1]).

О вредномъ вліяніи крѣпостного права на умственное развитіе народа говорятъ Заблоцкій-Десятовскій, Кавелинъ, Самаринъ. Брачные союзы лишь съ разрѣшенія помѣщика настолько вошли въ привычки крестьянъ, что они бывали недовольны тѣми помѣщиками, которые не слѣдовали этому обычаю. Самаринъ разсказываетъ, между прочимъ, что иной крестьянинъ самъ просилъ приказать другому крестьянину выдать дочь послѣдняго за его сына; «если же помѣщикъ отказывался подбирать женіховъ и невѣстъ, вся деревня возропщетъ» [2]). Бывало, пишетъ М. К. Николаева, описывая свое пребываніе въ имѣніи дяди, помѣщика Петербургской губ., «явится «передъ барскія очи» старуха съ лицомъ кіевской вѣдьмы, крѣпкая, молодецъ-старуха, съ отчаянно кричащимъ пѣтухомъ подъ мышкой и съ сыномъ — косноязычнымъ, полоумнымъ парнемъ, котораго она же добила до идіотства. Горько плачется на свое сиротство и безпомощность старуха, съ причитаніями валяясь въ ногахъ и вымаливая, чтобы баринъ приказалъ отдать за сына Демкину Фемку, и удаляется въ концѣ-концовъ, недовольная категорическимъ отвѣтомъ барина, что онъ неволить дѣвушку не станетъ» [3]). Дворовый Бобковъ говоритъ, что хотя самъ онъ читалъ «Современникъ» и другіе журналы и полагалъ, что насильно отдавать замужъ нельзя, но тѣмъ не менѣе, пользуясь своимъ вліяніемъ при барынѣ, оказалъ давленіе на бурмистра, чтобы одну крѣпостную дѣвушку насильно обвѣнчали съ его братомъ, о чемъ послѣдній просилъ его [4]). При введеніи Положенія 19 февраля, какъ указываетъ бывшій мировой посред-

---

[1]) Н. Рѣшетовъ. «Эпизоды при введеніи Положенія 19-го февраля 1861 г.» Русскій Архивъ». 1885 г., кн. 10—12.

[2]) Самаринъ, т. II, стр. 26.

[3]) М. К. Николаева, «Деревня въ старину». «Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г. № 6, стр. 106.

[4]) Бобковъ. «Историч. Вѣстн.», 1907 г., № 6. стр. 738.

никъ Носовичъ, многіе крестьяне были недовольны разрѣшеніемъ брачныхъ союзовъ безъ дозволенія помѣщиковъ, говоря, что «въ старину было въ этомъ отношеніи лучше, когда помѣщики принуждали жениться, руководствуясь, какъ личными хозяйственными соображеніями, такъ и выгодами своихъ крестьянъ, которымъ нужны были работницы» [1]).

Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне такъ привыкли къ допрашиванію подъ розгами, что неупотребленіе ихъ при допросѣ считалось жалобщикомъ за явное пристрастіе помѣщика или его повѣреннаго къ обвиняемому [2]). Крестьяне настолько привыкли къ тѣлеснымъ наказаніямъ и произволу помѣщика, что теряли чувство стыда при наказаніяхъ.

Выше средняго уровня стояли крѣпостные, въ родѣ щедринской Аннушки, крѣпостной «тетенекъ-сестрицъ» г-жи Затрапезной: они несли иго рабства «безъ ропота и были, такъ сказать, рабами по убѣжденію». Въ основѣ убѣжденій этой Аннушки лежалъ афоризмъ, что «рабство есть временное испытаніе, предоставленіе лишь избраннымъ, которыхъ ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ... Доктрина эта,—говоритъ Салтыковъ,—была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ». Они (такіе крѣпостные) высказывали убѣжденіе, что и «господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности исполняютъ, и въ будущей жизни облегченіе получатъ» [3]). Это — крѣпостные, задумывавшіеся надъ своимъ положеніемъ и стремившіеся объяснить его такъ или иначе, но все же примирившіеся съ нимъ.

Но, кромѣ нихъ, какъ и вездѣ, были «вольники», бунтующія личности, которыя не удовлетворялись своимъ положеніемъ и или бѣжали, или кончали свою жизнь самоубійствомъ, начинали волненія, вообще въ различныхъ формахъ проявляли свое несогласіе съ существующимъ порядкомъ вещей. Какихъ стойкихъ личностей выдвигалъ народъ, видно изъ описанія нѣкоторыхъ бунтовъ. Такъ, при усмиреніи волненій крестьянъ въ имѣніи кн. Голицына, въ Рязанской губ., по поводу нежеланія ихъ подчиняться господину, одна старуха просила пощадить ея сына. Его вызвали отдѣльно и велѣли покориться князю. «Какъ міръ, такъ и я», отвѣчалъ тщедушный и больной на видъ парень, и, несмотря на жестокое сѣченье, онъ до конца не

---

[1]) Носовичъ, «Крестьянская реформа», стр. 20.
[2]) Самаринъ, т. II, стр. 27.
[3]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ Салтыкова», стр. 180.

покорился и отвѣчалъ то же самое [1]). Во время другого волненія въ имѣніяхъ Депрейса и Наумовой, въ 1834 г., крестьяне не желали подчиняться владѣльцамъ, считать себя происходившими отъ стрѣльцовъ. Виновные въ возмущеніи были подвергнуты жестокимъ наказаніямъ. Одна женщина при этомъ бросилась въ прудъ, потому что ея мужъ первый принесъ повинную и вернулся домой крѣпостнымъ [2]).

Въ этомъ отношеніи глубоко трагична судьба крѣпостного человѣка гр. Шереметева, изъ слободы Алексѣевки, Воронежской губерніи, Ивана Звонаренки, бурная дѣятельность котораго протекла между 1825 и 1837 гг., но память о которомъ на родинѣ была жива еще и въ 40-хъ гг. Иванъ Звонаренко кончилъ въ слободѣ Алексѣевкѣ 2-классное училище, готовился къ поступленію въ какое-либо высшее учебное заведеніе, но не былъ допущенъ къ экзамену, такъ какъ не могъ выхлопотать вольной. Это былъ, видимо, способный человѣкъ, выдѣлявшійся изъ среды товарищей и пользовавшійся среди нихъ вліяніемъ. Онъ игралъ на гитарѣ, писалъ стихи. Къ нему по вечерамъ собирались дѣти мѣстныхъ «купцовъ». «Молодые люди играли на скрипкахъ, на гитарѣ, пѣли, читали книги. Купцы съ ужасомъ замѣтили, что ихъ сынки сильно перемѣнились: не обвѣшиваютъ, не обмѣриваютъ, сдѣлались малодѣятельными въ торговлѣ, нѣкоторые изъ нихъ стали задумываться. Наконецъ попечительные родители дошли, что «портитъ» ихъ дѣтей никто иной, какъ только молодой Звонаренко». Богачи потребовали отъ матери Ивана, чтобы она запретила сыну собирать вокругъ себя молодежь. Иванъ подчинился этому, зная могущество богачей, но это его не спасло. Богатый и самый наглый міроѣдъ Дидухъ не могъ простить ему дружбы, которую питалъ къ Ивану его сынъ, не прекратившій посѣщеній опальнаго Звонаренки. Несмотря на существованіе въ шереметевскихъ имѣніяхъ запрещенія подвергать тѣлесному наказанію купцовъ, мѣщанъ, лицъ, обучавшихся въ школахъ и вообще принадлежавшихъ къ хорошимъ семействамъ, этотъ міроѣдъ добился разрѣшенія изъ главнаго управленія «дать Ивану Звонаренку на полномъ сходѣ 5 ударовъ розогъ за его развращающее вліяніе на молодыхъ людей». Звонаренко, узнавъ объ этомъ распоряженіи, скрылся. Его зачислили находящимся «въ бѣгахъ» и постановили «по поимкѣ сдать его въ рекруты безъ зачета за се-

[1]) С. Славутинскій «Отрывки изъ воспоминаній», въ «Древн. и Нов. Россіи», 1878 г., кн. III, стр. 38—53, 134—162.

[2]) «Столѣтіе вятской губерніи». Вятка. 1881 г., II, стр. 507—211.

мейство». Все это сильно озлобило Ивана Звонаренко «противъ крѣпостного права, противъ богачей, міроѣдовъ и вообще противъ всякаго насилія». Онъ примкнулъ къ шайкѣ разбойниковъ, мечтая лично отомстить Дидуху, и скоро сдѣлался главою ея и грозою мѣстныхъ помѣщиковъ и богачей. «Въ народѣ ходилъ слухъ, что всѣ награбленныя деньги Звонаренко отдавалъ бѣднякамъ. Говоря о Звонаренкѣ, народъ называлъ его полнымъ именемъ: «Иванъ Ивановичъ». Но передъ этимъ именемъ дрожали богатые купцы и помѣщики, а особенно тѣ изъ нихъ, которые жестоко обращались съ крестьянами... Суды были переполнены дѣлами о Звонаренкѣ. Но народъ охранялъ своего героя. Всѣ его слѣды были заметены такъ, что онъ дѣлался для полиціи совершенно невидимымъ. Народная фантазія видѣла въ Звонаренкѣ какого-то миѳическаго героя... Стали говорить, что это какая-то важная особа, преслѣдуемая помѣщиками за желаніе дать свободу крестьянамъ. Когда Звонаренко бросилъ разбой и исчезъ, «въ народѣ долго ходила о немъ молва. Крѣпостные люди ждали, что Звонаренко привезетъ имъ «волю», т.-е. манифестъ о свободѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ объявился въ Москвѣ въ пересыльной тюрьмѣ подъ видомъ Ивана Непомнящаго: его переслали въ Сибирь, какъ бродягу. Въ тюрьмѣ онъ видѣлся со своимъ братомъ, вызваннымъ имъ черезъ другое лицо. Иванъ былъ бодръ, спокоенъ, но «сильно задумчивъ»; говорилъ, что будетъ молиться за мертвыхъ, и просилъ не безпокоиться о немъ. Въ тюрьмѣ разсказывали, что этотъ арестантъ поступилъ подъ чужимъ именемъ въ монастырь, былъ уличенъ, почему и высылался, какъ бродяга [1]).

Въ Саратовской губ. въ 30-хъ и 40-хъ годахъ существовалъ цѣлый рядъ шаекъ, составленныхъ преимущественно изъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и имѣвшихъ «подобіе исторической понизовой вольницы. Первымъ дѣломъ такой шайки было обыкновенно мщеніе тѣмъ, кто былъ виновенъ въ ихъ несчастіи, и это мщеніе большею частью обрушивалось или на помѣщика, или на ближайшее начальство, на управляющаго, на немилостиваго бурмистра, на барскаго холопа, старосту и т. д.». Атаманъ одной изъ подобныхъ шаекъ, блуждавшей въ 40-хъ годахъ по заволжскимъ степямъ, во время одной изъ попоекъ «хвастался своею свободой и удалью и при этомъ упрекалъ

[1]) «Изъ недавняго прошлаго Слоб. Украйны». «Кіевск. Стар.» 1896 г., стр. 76—80. Авторъ этихъ воспоминаній лично зналъ зятя Звонаренки, богатаго и вліятельнаго крестьянина слободы Алексѣевки, Штурбу, а также брата его Василія, носившаго фамилію Сычова.

крестьянъ: «Дураки вы, мужики, гнете спины передъ барами напрасно. Если бы всѣ господскіе крестьяне обзавелись ружьями, да сѣли бы на лошадей, то и господъ бы въ заводѣ не было» [1].

Какъ же въ общемъ относилась крѣпостная масса къ своему положенію? Къ какимъ сторонамъ крѣпостного права относился народъ особенно нетерпимо, чѣмъ проявлялъ свое неудовольствіе? При существовавшихъ порядкахъ, при полной подавленности народной массы при крѣпостномъ правѣ, народъ не могъ высказываться. Даже пѣсни, въ которыхъ отчасти отражались его чувства и взгляды, запрещались иногда народу. Такъ, напр., въ Саратовѣ въ пятидесятыхъ годахъ полицмейстеръ, по полученіи строгаго выговора за напечатаніе одной народной пѣсни, ѣздилъ по городу и лупилъ плетью поющаго тѣ или другія пѣсни. Въ 50-хъ же годахъ кн. Волконскій приказалъ выпороть молодого ямщика, спѣвшаго, по его приказанію, по своему выбору «хорошую пѣсню», какова была, по мнѣнію парня, пѣсня о «Ваничкѣ-ключникѣ и князѣ Волконскомъ».

Народъ прежде всего считалъ временнымъ свое положеніе, которое должно было скоро измѣниться. Дворяне — царскіе слуги, а подчиненіе крѣпостныхъ есть лишь особаго рода жалованье за царскую службу. Поэтому послѣ манифеста 1762 г. о вольности дворянства стали разноситься слухи, что и крестьянамъ дана вольная грамота, но ее скрываютъ баре. Это послужило поводомъ ко многимъ волненіямъ. Вообще съ тѣхъ поръ при воцареніи каждаго новаго государя крестьяне волновались, убѣжденные, что онъ не замедлитъ объявить имъ вольную грамоту. Это убѣжденіе просуществовало до самаго паденія крѣпостного права. Воззрѣніе, что царь хочетъ дать волю, но господа не хотятъ и обманываютъ его, отразилось въ богатой по содержанію бѣлорусской пѣснѣ «Разговоръ Данилы и Съцѣпана». Два крестьянина сошлись въ праздникъ и стали толковать о житьѣ-бытьѣ своего брата-мужика.

«Говóряць на свѣцѣ, у гóлосъ талкýюць—
Атъ ксяндзóу, атъ жидóу,—усѣ люди чýюць,
Што вóльнасць намъ, бѣднымъ, дастъ Царь—безъ откладу.
Што только съ панáмъ не найдзѣ ёнъ лáду.
Чаго адны хочуць, то другімъ ня мíла.
Царь имъ паутарáиць, а яны хитрýюць.
Згаварыўшись съ собóю, Цару такъ толкýюць:
Пане найяснѣйшій, што съ гэтаго будзиць.

[1]) Мордовцевъ. «Пакан. воли», стр. 283, 368.

Дàуши усѣмъ вòльнасць, каженъ тòя згудзиць;
Бо мужѝкъ безъ па̀на быць ни якъ ня може —
Пабью̀тса, нако̀лютца, сцеражи насъ, Боже,
Надъ ими треба што дзень—скнутомъ стоять надъ каркамъ,
Рòзги кабъ лежа̀ли съ вòзамъ—за хвальваркомъ,
Гразы́ якъ ня бу̀дзеатъ двара надъ хамамъ,
Забьютца съ сабо̀ю на вѣкъ вѣко̀у—амэнъ.
Мужикъ безъ гарѐлки пирабыць ня може,
А якъ ста̀ниць бѝтца, кала̀ ямў треба,
Хахь дзицямъ у хацѣ—нима̀мъ куска̀ хлѣба,
Бо зна̀ниць ёнъ, што за усе панъ скара̀е,—
Съ хама ня бу̀дзиць ничо̀га, якъ пане не ма̀е».

Замѣчательно, какъ здѣсь отразились взгляды дворянъ, ихъ запугиванія правительства тѣнью народныхъ волненій, ихъ увѣренія, что народу слишкомъ тяжело будетъ лишиться помощи помѣщиковъ въ несчастныхъ случаяхъ, и что онъ лишь разорится, получивъ свободу. Народъ ставитъ такой приговоръ надъ дворянскими сужденіями:

«Вотъ, братка, якъ яны подлыга̀ць умѣюць,
Передъ Царо̀мъ у вòчи на насъ плесьцѝ смѣюць!
Имъ гэта не смачна, ко̀стка у го̀рлѣ стане,
Якъ мужикъ отъ Цара вольнасць достане,
Што хочуць, то баюць, лгуць, якъ сами зна̀юць —
Вѣрыць имъ Царь сьмѣла и ласку маюць,
А мы, бѣдные, цярпѝмъ скрозь нявòлю,
Проклинаемъ жицьце своё и го̀рькую до̀лю» [1]).

Изъ такихъ взглядовъ происходило недовѣріе народа не только къ панамъ, но и къ чиновникамъ, которые плясали подъ дудку господъ и держали ихъ сторону. Это часто вело къ волненіямъ, такъ какъ крестьяне не вѣрили читаемымъ начальствомъ указамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ видѣли несправедливое къ себѣ отношеніе, посылали ходоковъ въ Петербургъ. Иногда начальству приходилось увѣрять народъ пулями и картечью въ истинности царскихъ указовъ. Начальникъ Смоленской губерніи долженъ былъ офиціально сознаться въ этомъ въ 1851 году. «Недовѣріе къ лицамъ, служащимъ по выборомъ дворянства, — писалъ онъ, — и еще меньшее довѣріе къ полиціи вынуждаетъ крестьянъ Смоленской губ. обращаться съ жалобами на своихъ господъ въ С.-Петербургъ къ самому Государю Императору» [2]).

Интересно въ этомъ отношеніи волненіе крестьянъ въ 1848 г. въ имѣніи Дружинина, въ Тверской губ. Крестьяне просили государя черезъ двухъ ходоковъ, посланныхъ въ Петербургъ,

[1]) Шейнъ. «Русская Старина», 1886 г., т. 49, стр. 674—675.
[2]) «Мат. для ист. крѣп. пр.», стр. 188—190.

дозволить имъ выкупиться на волю на основаніи указа 8 ноября 1847 года. По собственноручной резолюціи государя ходоки были отправлены на родину. Посланный съ ними чиновникъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ въ присутствіи вице-губернатора, уѣздныхъ предводителей дворянства и земскихъ исправниковъ разъяснялъ крестьянамъ незаконность ихъ желаній выкупиться по указу 8 ноября. Крестьяне не вѣрили его разъясненіямъ и говорили, что они за помѣщикомъ Дружининымъ быть не хотятъ и повиноваться ему не станутъ, такъ какъ они дали другъ другу клятву и отъ нея не отступятъ, хотя бы пришлось имъ вытерпѣть всѣ тѣлесныя наказанія и даже подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь. Губернаторъ командировалъ въ имѣніе батальонъ воинской команды и отправился на мѣсто происшествія самъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ офицеромъ; въ то же время, по приказанію государя, туда же былъ командированъ флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ. Крестьяне продолжали отказываться отъ повиновенія, несмотря на объявленную Демидовымъ высочайшую волю, не довѣряя, что онъ прибылъ отъ имени царя. Они были убѣждены, что Демидовъ присланъ былъ къ нимъ, чтобы объявить имъ волю, и намѣревались вынудить у него силою указъ о вольности. Крестьянамъ пришлось увѣриться въ истинности объясняемаго, когда Демидовъ приказалъ батальону окружить толпу и наказывать поодиночкѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не изъявятъ покорности. Крестьяне смирились тогда, когда было наказано 54 человѣка.

Въ одной великорусской пѣснѣ крестьяне разсказываютъ о посылкѣ ходока къ царю даже по присылкѣ въ ихъ деревню эскадрона. Они удалились изъ деревни, оставивъ тамъ женъ и дѣтей, а сами рѣшили терпѣть холодъ, голодъ, позоръ семей, но добиться правды отъ царя. Въ народныхъ пѣсняхъ, поговоркахъ и пр. постоянно мелькаетъ непоколебимая вѣра народа въ царя, который лишь по невѣдѣнію и обманамъ окружающихъ не становится открыто на сторону народа. Одинъ дворовый человѣкъ помѣщика Баженова Нижегородской губ., писалъ, между прочимъ, въ 1826 г. въ прошеніи на имя Николая I: «просимъ Васъ, отъ господъ нельзя ли освободить, господъ всѣхъ на жалованье посадить, на насъ всю землю по душамъ раздѣлить, а потомъ просимъ, нельзя ли какъ отъ солдатства освободить» [1]). Крестьяне села Олекеиньца Волын-

[1]) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III, ст. Снѣжневскаго, стр. 60.

ской губерніи подавали жалобу на своего пана австрійскому императору.

Отношеніе народа къ землѣ видно изъ распространеннаго среди крестьянъ мнѣнія, что они — господскіе, а земля—ихъ. Въ этой фразѣ очень ясно выражается мысль о связи крестьянина съ землею. Въ донесеніи смоленскаго предводителя 1849 г. говорится то же. «Крестьяне издавна составили себѣ убѣжденіе, обратившееся съ теченіемъ времени въ твердую увѣренность, что земля, на которой они живутъ и которою пользуются, если не собственность ихъ, то, по крайней мѣрѣ, общая съ помѣщиками»[1]). Во время крестьянскаго волненія въ Кіевской губ. въ 1855 г. крестьяне, требуя отъ священниковъ грамоту о волѣ, говорили: «Вотъ вы посовѣтуйтесь между собой и рѣшайтесь — написать насъ всѣхъ вольными казаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе, что *поля и луга— наши, и все, что есть у пановъ, — наше-жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали*». Услышавъ о пріѣздѣ чиновниковъ въ мѣстечко Таганчу (одинъ изъ центровъ движенія), многіе крестьяне шли туда, ибо, объясняли они, «тамъ кажуть, пріѣхали паны одъ губернатора и одъ митрополита дилыть поля; то може и намъ выдилять по якій десятыни». Изъ краткихъ черточекъ можно сдѣлать заключеніе, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской г. крестьяне признавали необходимость при освобожденіи отчужденія всѣхъ земель и всего панскаго имущества въ пользу крестьянъ. Должны ли быть вознаграждены помѣщики за это отчужденіе или нѣтъ — неизвѣстно; судя по тому, что крестьяне признавали свое право на панское имущество, исходя изъ того, что они уже отработали за него, крестьяне считали, что во всякомъ случаѣ *имъ* не придется платить за то, что должно принадлежать имъ по праву. Земли, судя по другому вышеприведенному свидѣтельству, должны быть подѣлены между крестьянами, — на какихъ началахъ неизвѣстно. Изъ этихъ же словъ можно сдѣлать заключеніе, что распредѣленіе земли должно было быть произведено начальствомъ, но не громадою. При малой распространенности земельной общины въ малороссійскихъ губерніяхъ, такое ограниченіе власти громады вполнѣ понятно[2]).

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 23.

[2]) И. Игнатовичъ. «Крестьянскія волненія отъ 1854 по 1863 г.» «Мин. Годы», 1908 г. кн. V—VI, стр. 113—114.

Стремленіе крестьянъ освободиться отъ всякихъ отношеній къ помѣщику выражалось различными путями. Въ нѣкоторыхъ волненіяхъ крестьяне выражали желаніе перейти въ разрядъ казенныхъ крестьянъ. При массовыхъ побѣгахъ въ 40 и 41 гг. изъ Поволжья на «вольныя земли» бѣглые крестьяне при поимкѣ объясняли свой побѣгъ желаніемъ стать казаками. «Мы всѣ хотимъ въ казаки, чтобы только господъ не было, такъ и запиши, что всѣ идемъ въ казаки», говорилъ одинъ изъ нихъ слѣдователю. Во время одного изъ волненій крестьянъ въ Саратовской губ. въ 1842 г. (у помѣщиковъ Обольяниновыхъ и Симоновыхъ), крестьяне кричали на сходкѣ «у насъ барина нѣтъ, и мы всѣ царскіе» [1]).

Въ пѣснѣ «Разговоръ Данилы со Сьцѣпаномъ» крестьяне такъ выражаютъ свои стремленія къ независимости отъ господъ:

«Дай намъ толька, Бо̀жа! скаренько приждаци,
Кабъ могли мы спокойна посядсѐць у ха̀ци,
Пана не бояцца и войта загà̀ду,
Бы̀ло-бъ у насъ бо̀льше и добра̀ и ла̀ду» [2]).

«Ахъ, ты, барская душа, али нѣтъ тебѣ суда!» восклицаетъ дворовый въ пѣснѣ, описывая свое тяжелое подневольное житье. Ненависть къ господамъ выражается въ различныхъ мѣстахъ пѣсенъ. «Боярин-воръ», «злодѣй-боярин-господинъ» и т. п. постоянно слышится въ нихъ. Въ Малороссіи все господское имущество крестьяне называли «людска кровь». Въ одной изъ малороссійскихъ пѣсенъ пѣвецъ приглашалъ крестьянъ не пьянствовать, а бѣжать въ другія земли и начинать новую жизнь. Въ другой описывается рѣшеніе убить пана за притѣсненія. Но особенно любопытна пѣсня, въ которой крестьянинъ описываетъ свою тяжелую жизнь, заставившую его покинуть семью, бѣжать изъ родного села и начать жить свободно, занимаясь разбоемъ по дорогамъ. Здѣсь проявляется страстное желаніе свободы, заставляющее человѣка жить подъ страхомъ тяжелаго наказанія, безъ пріюта, безъ семьи, но свободно, здѣсь проявляется ненависть къ господамъ и глубокая грусть, что приходится вести бродячую жизнь безъ семьи и крова.

Если бы народное недовольство изливалось лишь въ пѣсняхъ, пѣвшихся тайно отъ строгихъ господъ, то никто не

---

[1]) Мордовцевъ. Нак. воли, стр. 334—337.
[2]) Шейнъ. «Русская Старина», 1886 г., т. 49, стр. 677.

обратилъ бы вниманія на него въ крѣпостное время. Но народъ проявлялъ свое недовольство и въ иныхъ формахъ.

Въ Саратовской губ., напр., въ 30-хъ и 40-хъ годахъ крестьяне выражали свой протестъ побѣгами единичными и массовыми съ фальшивыми паспортами и безъ паспортовъ: въ иные годы крестьянскіе побѣги пріобрѣтали стихійный характеръ, и даже войска не могли останавливать бѣглецовъ. Протестъ этотъ выражался также общественными сходами для смѣны всѣхъ экономическихъ властей и самовольнаго избранія новыхъ, общественными приговорами для избранія ходоковъ съ цѣлью принесенія жалобы самому барину, губернскимъ властямъ или даже государю, когда притѣсненія властей доходили до крайнихъ предѣловъ; избраніемъ ходоковъ для отысканія иногда дѣйствительныхъ, «иногда воображаемыхъ ими мнимыхъ правъ «вольности» или свободы отъ рабства; своевольными запашками для себя излишняго количества земли, порубками лѣса, наконецъ, въ цѣляхъ избавленія отъ неисправимо жестокаго помѣщика — убійствомъ господъ, отравленіемъ черезъ поваровъ и лакеевъ ихъ кушанья, поджогами барскихъ усадебъ, хлѣба и т. д. [1]). Изъ этихъ и другихъ подобныхъ протестовъ наиболѣе частыми и распространенными были жалобы.

Нужно вспомнить, какими трудностями обставлялась въ законѣ подача жалобы крѣпостными, чтобы понять значеніе приводимыхъ ниже цифръ. Мы уже видѣли, какому жестокому наказанію могъ быть подвергнутъ податель жалобы и сами крестьяне, рѣшившіеся на нее. Но, несмотря на это, жалобы учащались. За тридцатичетырехлѣтній промежутокъ времени, съ 1828 по 1854 г., по свѣдѣніямъ, приводимымъ въ трудѣ В. И. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», подано было 319 жалобъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и 33 всеподданнѣйшихъ жалобы. На каждый годъ въ среднемъ приходится по 32 жалобы, а вмѣстѣ со всеподданнѣйшими по 35. Нужно принять во вниманіе, что этотъ перечень неполонъ. А сколько жалобъ осталось безъ движенія, вслѣдствіе признанія ихъ мѣстными властями «неосновательными». Сколько жалобъ получало то или иное разрѣшеніе, не доходя до центральныхъ властей! По указанію Мордовцева относительно Саратовской губ., жалоба, вызвавшая разслѣдованіе, ободряла и другихъ крестьянъ, и жалобы начинались сыпаться, какъ изъ рога изобилія [2]). Помѣщики были хорошо знакомы съ этимъ явленіемъ въ крестьянской

---

[1]) Мордовцевъ, «Нак. воли», стр. 327.
[2]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 83.

жизни и нѣкоторые изъ нихъ именно изъ опасенія, чтобы не вызвать изобилія новыхъ жалобъ, не обращали на нихъ вниманія [1]). Назначеніе новаго губернатора, сенаторской ревизіи въ губерніи также пробуждало надежды среди крестьянъ, что жалобы ихъ могутъ быть услышаны свѣжими людьми, несвязанными тѣсными узами съ мѣстными помѣщиками, и жалобщики толпами шли къ этимъ лицамъ [2]). Особенно увеличилось количество крестьянскихъ жалобъ въ послѣдніе годы передъ реформой. Причиной этого были съ одной стороны возбудившіяся надежды крестьянъ получить защиту отъ помѣщичьей эксплуатаціи, съ другой — слухи о близкой волѣ. Все это дѣлало крестьянъ болѣе чувствительными къ тѣмъ проявленіямъ помѣщичьей власти и къ тѣмъ тягостямъ своего экономическаго положенія, которыя раньше сносились ими безропотно. Помимо этого передъ реформой измѣнилось и отношеніе, какъ мѣстной, такъ и центральной администраціи къ крестьянскимъ жалобамъ: давали ходъ и назначали формальныя слѣдствія по такимъ жалобамъ, которыя въ прежнее время положили бы подъ сукно, ограничившись «строгимъ внушеніемъ» крестьянамъ о повиновеніи владѣльцамъ, подвергнувъ жалобщиковъ полицейскому взысканію, т.-е. поркѣ.

Изъ жалобъ видно, что крестьяне побуждались къ подачѣ ихъ обременительностью оброка, барщины, жестокимъ обращеніемъ, недостаткомъ продовольствія.

Какъ ни мало было гарантій въ успѣшности жалобъ крестьянъ, какъ ни потворствовало начальство, полиція и чиновничество помѣщикамъ, тѣмъ не менѣе число имѣній, взятыхъ въ опеку, увеличивалось съ каждымъ годомъ. Въ 1838 г. въ опекѣ было 140 имѣній, въ 1840 г. — 159, въ 1851 г. — 200 имѣній, а въ 1852—1853 гг. — 193 имѣнія. Это — имѣнія, взятыя въ опеку вслѣдствіе злоупотребленій помѣщичьей властью [3]). Изъ перечня видно увеличеніе количества опекъ съ 1838 г. Это можетъ значить, съ одной стороны, что злоупотребленій стало больше, что крестьяне стали смѣлѣе подавать жалобы, что терпѣніе ихъ истощалось, но, скорѣе всего, здѣсь вліяло стремленіе императора Николая I къ ограниченію крѣпостного права: онъ началъ строже относиться къ злоупотребленіямъ

---

[1]) Повалишинъ. «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 245.

[2]) Мордовцевъ, стр. 255, 262—263.

[3]) Между тѣмъ, по указанію Мордовцева, въ одной Саратовской губ. только за 7 лѣтъ возникло 342 дѣла по злоупотребленіямъ помѣщичьей власти. Мордовцевъ. «Пак. воля», стр. 313.

помѣщичьей властью и стремился регулировать бытъ крестьянъ.

Другою формою протеста являлись самоубійства крестьянъ. Случаи самоубійствъ были часты. Самоубійства совершались зачастую изъ-за страха передъ наказаніемъ и послѣ жестокихъ наказаній; дѣвушки и женщины кончали съ собою часто послѣ изнасилованія. Изъ-за страха наказанія кончали самоубійствомъ даже малолѣтнія дѣти. О нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійства мнѣ уже приходилось говорить. Помѣщики жестоко наказывали за покушеніе на самоубійство. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ *его* рабочая сила, *его* собственность сама себя уничтожать? Господинъ можетъ изуродовать крѣпостного человѣка, измучить, замучить, убить, но это *его* воля лишить себя собственности. Карцовъ приказалъ крѣпостную, покусившуюся на самоубійство, приковать къ столбу. Даже правительственныя учрежденія приговаривали крѣпостныхъ за покушенія на самоубійство къ ссылкѣ въ Сибирь и даже къ наказанію плетьми [1]). Романовичъ-Славатинскій приводитъ сравнительныя цифры смертности крѣпостныхъ до 1861 г. и послѣ реформы. Въ періодъ 1855 — 1860 г. самоубійствъ и скоропостижныхъ смертей было 443 (въ крѣпостное время самоубійцъ-крѣпостныхъ зачастую вписывали въ рубрику внезапныхъ смертей); въ среднемъ на каждый годъ приходилось по 74 смерти. Въ періодъ же отъ 1861 — 1866 года такихъ случаевъ смерти было 272, т.-е. ежегодно — 45,66. Слѣдовательно, уменьшеніе произошло на 28,16%, что слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать уничтоженію крѣпостного права [2]).

Къ болѣе пассивному противодѣйствію крѣпостному праву нужно отнести побѣги крѣпостныхъ. Разъ крестьянину было тяжело, онъ бѣжалъ отъ гнета помѣщичьей власти. Побѣги крѣпостныхъ происходили большею частью изъ пограничныхъ губерній, а не изъ внутреннихъ, что объясняется отчасти близостью къ границѣ и къ мѣстамъ, куда устремлялись бѣглецы. Крѣпостные бѣжали на Кавказъ, въ Новороссію, Бессарабію, въ оренбургскія степи и за границу. Поводомъ къ побѣгамъ на Кавказъ, въ Новороссію, Бессарабію было то, что правительство до извѣстнаго срока оставляло въ этихъ мѣстностяхъ бѣглыхъ съ выдачею вознагражденія помѣщикамъ. Въ царствованіе Николая I случаи побѣговъ все учащались и учащались, доходя до громадныхъ размѣровъ.

---

[1]) Повалишинъ. «Ряз. пом. и ихъ крѣп.», стр. 101—103.
[2]) Романовичъ-Славатинскій. «Дворянство въ Россіи», стр. 358.

Какъ было уже упомянуто, въ Саратовской губ., напр., въ иные годы побѣги дѣлались настолько массовыми, стихійными, что бѣглецовъ не могли остановить даже войска. То же было въ Нижегородской и въ другихъ губерніяхъ [1]). «Архивныя дѣла уголовныхъ палатъ того времени и уѣздныхъ судовъ, говоритъ Мордовцевъ, почти наполовину наполнены приговорами о бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ крестьянахъ, а въ концѣ приговоровъ значатся постоянно: плети, розги, тобольскій приказъ о ссыльныхъ и т. п... Просматривая ревизскія сказки изъ крѣпостной эпохи, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — мы постоянно видимъ, что въ рѣдкомъ имѣніи противъ рѣдкаго крестьянскаго семейства не сдѣлана помѣтка «въ бѣгахъ», «въ безвѣстной отлучкѣ». Въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губ. за періодъ времени отъ 8 до 9 ревизіи число бѣжавшихъ крѣпостныхъ было втрое больше, чѣмъ между удѣльными крестьянами [2]).

Въ началѣ царствованія Николая I среди помѣщичьихъ крестьянъ распространился слухъ, что всѣ они будутъ поселены на свободныхъ земляхъ по Уралу. Основаніемъ для этихъ слуховъ были, по указанію кн. Горчакова, указъ 1822 г. о дозволеніи казеннымъ крестьянамъ переходить на свободныя земли въ Сибири, давшій поводъ помѣщичьимъ крестьянамъ толковать, что онъ распространяется и на нихъ, но предводители дворянства и исправники скрываютъ его. Указъ 1823 г. о ссылкѣ бродягъ, пойманныхъ внѣ губерніи ихъ постояннаго жительства, въ Сибирь увѣрилъ крестьянъ, что бѣглыхъ не будутъ возвращать помѣщикамъ [3]).

Въ Саратовской губ. въ 20-хъ годахъ изъ селенія въ селеніе разъѣзжала таинственная личность, имѣвшая на груди орденъ св. Анны, составлявшая реестры желающихъ переселиться и объявлявшая поголовную волю. То былъ нѣкій Геенковъ, малороссъ, имѣвшій дѣйствительно этотъ орденъ. Онъ былъ схваченъ и осужденъ въ концѣ 1825 г. къ наказанію 50 ударами кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы. Тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ составить реестры, крестьяне изъ разныхъ мѣстъ наряжали ходоковъ и соглядатаевъ для обозрѣнія новыхъ мѣстъ вольныхъ поселеній. Побѣги сдѣла-

---

[1]) Мордовцевъ. Пак. воли, стр. 326; о побѣгахъ см. также стр. 23—25, 13—145, 212—214, 240, 326—334.

[2]) Трубниковъ. Результаты народныхъ переписей въ Ардатовскомъ уѣздѣ, стр. 368.

[3]) Середонинъ, т. II, ч. I, стр. 224.

лись эпидемическими. «Дѣло объ этихъ волненіяхъ шло нѣсколько лѣтъ; множество народа невинно пострадало» [1]). Въ Воронежскую губ., гдѣ побѣги крѣпостныхъ были очень часты, въ 1826 г. былъ командированъ сенаторъ кн. Долгоруковъ, который доносилъ, что бѣжали даже зажиточные семейные и лучшіе въ селеніяхъ люди, обольщенные ложными слухами, будто по берегамъ Урала устраивается новая линія, гдѣ они могутъ поступить въ число казенныхъ крестьянъ; онъ сообщалъ, что сами уральскіе старшины заманиваютъ крестьянъ, а губернаторы ссылаютъ цѣлыя селенія бѣглецовъ, не возвращая ихъ помѣщикамъ. Такія же донесенія кн. Долгорукова были о бѣгствѣ крестьянъ изъ Пензенской, Симбирской и Саратовской губерніи [2]).

Въ началѣ 30-хъ годовъ движеніе въ Саратовской губ. возобновилось подъ вліяніемъ слуховъ о вызовѣ правительствомъ желающихъ поселиться на кавказской линіи съ предоставленіемъ имъ различныхъ льготъ. Поводомъ для этого слуха было то, что правительство разрѣшило водворять на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря людей, пришедшихъ безъ надлежащихъ видовъ; разрѣшеніе это было вскорѣ отмѣнено. Но слухъ уже оказалъ свое дѣйствіе, народъ увлекся идеей свободнаго казачества. «Въ 1830 г., прослышавъ о льготахъ на Кавказѣ, русскій народъ потянулся на линію, изъявляя желаніе записываться въ казаки. Желаніе это разомъ охватывало цѣлыя селенія, цѣлыя волости и даже отдѣльныя мѣстности, особенно тамъ, гдѣ жизнь была не особенно красна, гдѣ земли было или мало, или земля скудна и гдѣ недостаточно вознаграждался трудъ». Иные изъ нихъ уклонялись отъ Кавказа и шли дальше въ Бессарабію и даже въ Турцію. Бѣжали не только изъ Саратовской губ., гдѣ движеніе проявилось съ особенной силой, но и изъ другихъ мѣстъ. Въ числѣ задержанныхъ на Волжско-донскомъ перешейкѣ, черезъ который проходила большая часть бѣглецовъ, были великороссы и малороссы изъ Курской губ., помѣщичьи крестьяне Симбирской и Нижегородской губ. Это движеніе было настолько сильное, что для прекращенія его былъ командированъ на кавказскую линію флигель-адъютантъ, гвардіи полковникъ кн. Трубецкой. Ловля бѣглыхъ крестьянъ шла въ теченіе 1830, 1831 и 1832 гг. Побѣги лишь постепенно прекратились отчасти подъ вліяніемъ принятыхъ мѣръ, отчасти подъ вліяніемъ разочарованія въ воз-

---

[1]) Мордовцевъ, «Накан. воли», въ 1826 г., стр. 23—25.
[2]) Середонинъ, т. III, ч. I, стр. 224—225.

можности привольной жизни на Кавказѣ. «Пробравшись до линіи, они увидѣли и тамъ не мало горя: въ казаки ихъ не принимали, земли имъ не отводили «куда только глазъ хватитъ», а брали да и то съ большими прижимками въ услуженіе опять-таки къ господамъ или же въ батраки къ казакамъ» [1]). Многіе изъ бѣглецовъ потянулись обратно на родину, и ихъ возвращеніе понятно не поощряло другихъ искать «воли-доли» въ тѣхъ же мѣстахъ.

Въ концѣ 1833 г. и въ началѣ 1834 г. въ Саратовской губ. стали распространяться слухи, что какой-то еврей нанимаетъ желающихъ итти въ Іерусалимъ, предлагая плату по 3.000 р. въ годъ. Крестьяне Саратовской губ. пріѣзжали даже въ Пензу по этому поводу: «крестьяне долго волновались таинственными толками объ Іерусалимѣ и не одинъ изъ нихъ безъ вѣсти пропалъ, разыскивая таинственнаго вербовщика охотниковъ отважиться на походъ въ Іерусалимъ» [2]).

Въ 1834 г. крестьяне бѣжали изъ Воронежской губерніи цѣлыми партіями; въ 1837 году обнаружилось сильное движеніе на Кавказъ во внутреннихъ губерніяхъ и особенно опять въ Воронежской. На границахъ была даже разставлена стража изъ казацкихъ командъ, и задержано было однихъ воронежскихъ крестьянъ въ области Войска Донского около 900 человѣкъ, въ Черноморіи — около 250. Въ 1839 — 1840 году подавались жалобы помѣщиками Херсонской, Подольской и Волынской губ. на бѣгства крестьянъ. Дѣло дошло до того, что русское правительство вошло въ 1840 году въ соглашеніе съ австрійскимъ о задержаніи бѣглецовъ и возвращеніи ихъ въ Россію съ запрещеніемъ безпаспортнымъ русскимъ находиться въ австрійскихъ владѣніяхъ.

«Въ 40-хъ годахъ, — говоритъ Мордовцевъ, — побѣги являются чѣмъ-то болѣзненнымъ, и крестьяне толпами уходятъ то въ Анапу, то въ оренбургскія степи, то на какія-то «вольныя земли», на «новыя поселенія», на «новыя земли», даже въ «казаки». Большею частью бѣгутъ на югъ, на Кавказъ, въ Закавказье, въ Персію и даже въ Турцію. Начинаетъ привлекать и невѣдомая, повидимому, привольная жизнь въ «Цыцаріи» (въ Австріи)». Такъ, въ 1840 году, напр., разъѣзжалъ нѣкто Абутинъ, составляя реестры желающихъ переселиться «на линію» и берясь за извѣстное со стороны крестьянъ вознагражденіе исходатайствовать офиці-

---

[1]) Мордовцевъ. Нак. волн.. стр. 133,138.
[2]) Ibid.. стр. 209—213.

альное и открытое дозволеніе на переселеніе. Хотя Абутинъ былъ схваченъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, тѣмъ не менѣе на своемъ пути отъ границъ Тамбовской губ. до границъ области Войска Донского по Саратовской губ. онъ успѣлъ записать въ свой реестръ нѣсколько сотъ семействъ. Абутинъ хотѣлъ воспользоваться толками, что существуетъ вызовъ переселиться на линію, но помѣщики и чиновники «скрываютъ указъ», опасаясь остаться безъ крестьянъ. Движеніе, возбужденное Абутинымъ, такъ же какъ и движеніе 20-хъ гг., возбужденное Геенковымъ, не скоро улеглось. Въ ожиданіи возвращенія своего «ходатая» крестьяне тайно продавали свое имущество, изготовляли себѣ телѣги и фуры для слѣдованія въ невѣдомый край, и нѣкоторые изъ нихъ, не дождавшись мнимаго адвоката, дѣйствительно бѣжали. Въ 1841 г. весною началась ловля бѣглецовъ, при чемъ переловлено было болѣе 900 помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ 1841 г. до 1.000 человѣкъ бѣжало изъ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ., изъ Харьковской, Екатеринославской (по 200 — 250), Херсонской, Подольской и Волынской губ. Въ 1843 г. на Кавказъ бѣжало 157 человѣкъ изъ Пензенской и Тамбовской губ. по поводу распространившихся слуховъ объ отводѣ правительствомъ пустопорожнихъ земель въ Кавказской области для приписки туда всѣхъ желающихъ лицъ крѣпостного состоянія съ дарованіемъ имъ свободы [1]). Въ 1845 г. крестьяне цѣлыми толпами бѣжали на Кавказъ. Въ 1847 году сюда же устремились бѣглецы изъ Саратовской, Курской, Воронежской губ. (въ этомъ году правительство приглашало людей *свободныхъ* состояній селиться на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря). Крестьяне бѣжали, продавая за безцѣнокъ имущество или совершенно оставляя его, цѣлыми семьями и селеніями. Число бѣглецовъ доходило до 1.300 человѣкъ. Въ Курской губерніи готовились къ побѣгу 20.000 человѣкъ изъ 46 имѣній, но были остановлены насильственнымъ возвращеніемъ бѣглецовъ Воронежской губерніи. Кавелинъ указываетъ на движеніе массы крѣпостныхъ людей (до 90 тысячъ) изъ Могилевской и Витебской губ. «по одному слуху, что правительство даетъ свободу тѣмъ, которые будутъ работать въ теченіе опредѣленнаго времени на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ» [2]). «Огромныя массы людей двигались изъ Саратовской, Симбирской и сопредѣльныхъ губ. въ

---

[1]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 103.
[2]) Кавелинъ, т. II, стр. 32.

какую-то обѣтованную страну въ Кизляръ, гдѣ будто бы раздавались земли даромъ». Правительство запрещало бѣгства, возвращало крестьянъ помѣщикамъ, наказывало ихъ, употребляло въ дѣло войско (въ Курской губ. была сильная схватка между крестьянами и помѣщиками, при чемъ крестьяне перевязали полицейскихъ чиновниковъ), но ничто не помогало: крестьяне бѣжали цѣлыми массами. Правительству приходилось тратить людей и деньги на борьбу съ побѣгами крѣпостныхъ, а въ то же время не могло свободно происходить заселеніе пограничныхъ мѣстъ. Съ другой стороны, бѣгства разоряли помѣщиковъ, оставляя ихъ въ нужное время безъ работниковъ; даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не было побѣговъ, помѣщики должны были считаться съ ихъ возможностью, что̀ затрудняло правильное веденіе сельскаго хозяйства.

Активное проявленіе неудовольствія крестьянъ происходило въ видѣ поджоговъ, убійствъ и наказаній помѣщиковъ и управляющихъ. Какъ видно изъ статистики преступленій, число сосланныхъ за поджоги было больше всего въ мѣстностяхъ съ густымъ сельскимъ населеніемъ. Крестьяне подвергали господъ тѣлеснымъ наказаніямъ, на что указываетъ Самаринъ, говоря, что подобные случаи особенно часто стали происходить въ послѣднее время (записка составлена въ 1854 — 1856 гг.). Наказанія совершались нерѣдко для острастки господина, для того, чтобы заставить выдать себѣ вольную, и т. п. Покушенія на убійства совершались часто. Въ 1836 — 1854 гг. всего было 75 случаевъ. Ежегодное число случаевъ колебалось отъ 1 — 7, въ среднемъ по 4 въ годъ. Убійствъ помѣщиковъ было съ 1835 по 1854 гг. 144, въ среднемъ ежегодно по 29. Въ теченіе девяти лѣтъ (1835 — 1843 г.) въ Сибирь было сослано за убійство помѣщиковъ — 416 человѣкъ (298 мужчинъ и 118 женщинъ) [1].

Администраціи дѣлались извѣстными далеко не всѣ случаи подобныхъ расправъ съ помѣщиками. «Большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только позорящее для того, на кого нападеніе было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета» [2]. Нельзя забывать и того, что при Николаѣ I было установлено, чтобы при слѣдствіяхъ по поводу покушеній на убійство и т. п. расправъ съ помѣщиками присутствовалъ предводитель дворянства и жандармскій штабъ-офицеръ въ

---

[1] В. П. Семевскій. «Крестьянскій вопр.», т. II, стр. 581.
[2] Кн. Волконскій, стр. 42.

интересахъ раскрытія причинъ подобныхъ расправъ съ помѣщиками. Такъ какъ расправы бывали чаще всего слѣдствіемъ злоупотребленія помѣщичьей властью, то помѣщики, знавшіе за собой эту вину, изъ опасенія раскрытія ихъ злоупотребленій на слѣдствіи, предпочитали замалчивать факты нападенія на нихъ со стороны ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, начатое дѣло о побояхъ, нанесенныхъ крестьянином рязанскому помѣщику Еропкину, было прекращено по желанію самого потерпѣвшаго. Этотъ Еропкинъ систематически разорялъ своихъ крестьянъ путемъ вымогательства у нихъ денегъ или просто отбирая отъ нихъ имущество [1]). Одна великосвѣтская дама была высѣчена своими людьми, но никому ничего не сказала объ этомъ и даже не требовала отъ губернатора производства слѣдствія [2]). Помѣщикъ Поливановъ Юрьевскаго уѣзда въ 1854 г. перемѣнилъ дворню въ виду попытки одного камердинера взорвать его, но слѣдствія и суда не было, такъ какъ Поливановъ не хотѣлъ этого, а камердинеръ былъ сданъ въ солдаты [3]).

Причинами этихъ расправъ съ помѣщиками были чаще всего крайняя требовательность помѣщиковъ, страхъ передъ наказаніемъ или месть за него; видное мѣсто въ числѣ причинъ занимаетъ также развратъ помѣщиковъ; кромѣ того, убійства и покушенія на убійство совершались при сдачѣ въ рекруты, при введеніи общественной запашки, изъ-за опасенія переселеній, послѣ насильственнаго возвращенія изъ бѣговъ, при желаніи избавиться отъ услуженія въ господскомъ домѣ, получить свободу и проч. Способы убійства были различны: удушеніе, зарѣзаніе, выстрѣлъ изъ ружья [4]). Помѣщикъ Ярославской г. Щепочкинъ былъ ночью во время сна взорванъ порохомъ, подложеннымъ подъ спальню дворовыми людьми [5]). Самаринъ приводитъ случай, когда крестьяне замолотили (буквально) помощника управляющаго, выведенные изъ терпѣнія его притѣсненіями. Помощникъ здѣсь явился мишенью для ярости крестьянъ, такъ какъ имѣлъ несчастіе быть посланнымъ для распоряженія на барщинѣ [6]). Въ селѣ Устеринъ Корсунскаго уѣзда Симбирской губ. крестьяне подожгли суконную

---

[1]) Ф. Д. Бобковъ. «Ист. Вѣстн.», 1907 г., кн. VI, стр. 743—744.
[2]) «Записки гр. М. Д. Бутурлина». «Р. Арх.» 1898 г., кн. VII, стр. 413.
[3]) Ф. Д. Бобковъ. «Ист. В.», 1907 г., кн. VI, стр. 744.
[4]) В. И. Семевскій, «Кр. Вопр.», т. II, стр. 584—585.
[5]) Матер. для ист. крѣп. пр., стр. 48.
[6]) Самаринъ, т. II, стр. 13.

фабрику и бросили живого помѣщика въ огонь [1]). Въ 1846 г. двое дворовыхъ могилевскаго помѣщика Л - - скаго убили въ одинъ день въ трехъ имѣніяхъ шесть и ранили 8 человѣкъ дворянъ. По этому поводу Николай I послалъ флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла и розыска убійцъ. Слѣдствіе обнаружило, что причиной этого необычайнаго преступленія было крайнее озлобленіе вслѣдствіе предстоявшаго этимъ дворовымъ тѣлеснаго наказанія. Оба они были грамотные, болѣе или менѣе состоятельные, постоянно домогавшіеся свободы; распространеніемъ слуховъ объ освободительныхъ указахъ и инвентаряхъ они и прежде волновали крестьянъ и угрожали бунтомъ. Тѣлесное наказаніе для нихъ поэтому должно было быть особенно тяжелымъ и позорнымъ [2]).

Важное мѣсто среди способовъ противодѣйствія крестьянъ занимаютъ крестьянскія волненія. Крестьяне, ожидая выхода вольной грамоты, волновались въ началѣ каждаго новаго царствованія. Всего въ царствованіе Николая I было 556 волненій въ 29 лѣтъ, т.-е. по 19 волненій ежегодно.

Съ	1826—1829	было	41	волнен.
«	1830—1834	«	46	«
«	1835—1839	«	59	«
«	1840—1844	«	101	«
«	1845—1849	«	172	«
«	1850—1854	«	137	«

Увеличеніе идетъ правильно до конца сороковыхъ годовъ. Уменьшеніе въ послѣднемъ пятилѣтіи можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ это время наступила реакція въ правительственныхъ сферахъ, что отразилось и въ политикѣ по крестьянскому вопросу, такъ что слухи въ народѣ объ освобожденіи поутихли; можетъ-быть, это пониженіе только кажущееся, такъ какъ число волненій въ пятилѣтіе отъ 1845 — 1849 гг. сильно повысилось изъ-за указа 1847 г., за низведеніемъ котораго къ нулю одинъ поводъ къ волненіямъ былъ уничтоженъ. Волненія

---

[1]) П. А. Крыловъ. «Накан. вел. реф.». «Ист. В.», 1903 г., кн. IX, стр.

[2]) Середонинъ, т. II, ч. I, стр. 357—358.

[3]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ», т. II, стр. 595. Въ дѣйствительности, волненій несомнѣнно было больше, ибо не о всѣхъ случаяхъ «волненій» сообщалось въ Министерство Вн. Дѣлъ, на основаніи свѣдѣній котораго, главнымъ образомъ, составлена эта таблица. Такъ, 1842 г., напр., въ одной Саратовской губ. крестьянскія волненія были въ 37 имѣніяхъ, въ результатѣ которыхъ «нѣсколько сотъ мнимыхъ бунтовщиковъ было сослано въ Сибирь, отдано въ рекруты и нѣсколько тысячъ семействъ разорено», при чемъ «волненія проявлялись далеко не въ грозныхъ и не въ опасныхъ формахъ». Мордовцевъ. «Нак. воли», стр. 337.

достигали большихъ размѣровъ. Изъ 261 волненія — 132 были подавлены съ помощью воинскихъ командъ, при чемъ за усмиреніемъ слѣдовала обыкновенно экзекуція. Въ остальныхъ случаяхъ крестьяне усмирялись сѣченіемъ и преданіемъ суду зачинщиковъ. Въ 1840 г. въ Витебской губ. въ волненіи съ буйствомъ, грабежомъ господскаго имущества, сопротивленіемъ вооруженною рукою участвовало 1.000 человѣкъ. Въ 1845 г. волненія были въ 32 имѣніяхъ по 17-ти губерніямъ, при чемъ въ 10-ти случаяхъ была употреблена военная сила. Въ 1846 г. было 27 волненій въ 18-ти губерніяхъ. Въ 1847 г. были волненія въ 35 имѣніяхъ въ 22-хъ губерніяхъ. Въ 1848 г. были волненія въ 54-хъ имѣніяхъ въ 27 губерніяхъ. Двѣ трети этихъ волненій были усмирены при помощи военныхъ отрядовъ. Въ 1849 г. было также 24 волненія въ 15-ти губерніяхъ; двѣ трети крестьянъ были усмирены воинскими чинами. Въ этомъ году было волненіе въ Курской губерніи, въ которомъ приняли участіе крестьяне нѣсколькихъ имѣній въ количествѣ 10.000 человѣкъ; для усмиренія ихъ понадобилось четыре эскадрона кавалеріи Въ 1852 г. въ Черниговской и Тамбовской губерніяхъ крестьяне оказали сопротивленіе губернатору и войску.

Причины волненій были разнообразны. Изъ 275 волненій (1836 — 1849; 1851 — 1854) 132 произошло оттого, что крестьяне или считали себя уже вольными, или домогались свободы на какомъ-либо казавшемся имъ справедливомъ основаніи; въ 73-хъ случаяхъ причинами были притѣсненія, т.-е. обремененіе барщиною, жестокость помѣщика или управляющаго и т. под.; въ 12-ти случаяхъ волненія возникли вслѣдствіе слуховъ о возможности освободиться отъ крѣпостного права или о предстоящемъ освобожденіи: въ 11-ти (1848 г.) — вслѣдствіе введенія инвентарей; въ 10-ти — вслѣдствіе предстоящаго или совершившагося переселенія; въ 10-ти — вслѣдствіе «подстрекательствъ»; въ 5-ти—по недостатку продовольствія и т. д.

Въ этихъ волненіяхъ отразились ожиданія народа. Въ 1826 г. между крестьянами стали распространяться слухи (въ Вологодской и др. губ.), что они будутъ взяты въ казну; въ Кіевской губ. распространялись слухи, что нужно будетъ итти истребить всѣхъ пановъ; въ Уманьщинѣ ходили слухи, что панамъ предложено сыномъ Гонты отдать всю землю крестьянамъ. Въ 1845 г. крестьяне Подольской губ. при волненіи заявили свое желаніе быть казенными. О томъ же желаніи крестьянъ заявляютъ современники.

Очень сильныя волненія были во время Крымской войны вслѣдствіе указовъ о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 г.

и о народномъ ополченіи 29 января 1855 г. Первыя движенія произошли въ Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской и Пензенской губерніяхъ. Толпы крестьянъ шли въ Москву для заявленія о желаніи поступить въ ополченіе. Были посланы войска для ихъ усмиренія и возвращенія на мѣсто жительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ объявилъ, что крѣпостные крестьяне не могутъ поступать въ ополченіе безъ согласія помѣщиковъ. Но слухи, что поступившіе въ ополченіе крестьяне получатъ освобожденіе, сильно распространялись въ народѣ, что особенно сильно проявилось послѣ указа 1855 г. Волненія были въ Кіевской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Воронежской губ. и захватили многіе уѣзды. Волненія эти были настолько сильны, что въ одну Кіевскую губернію было выслано 16 эскадроновъ кавалеріи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ и 1 дивизіонъ. Военныя команды потребовались въ девяти мѣстахъ. Въ Кіевской губ., гдѣ неповиновеніе возникало въ многолюдныхъ селеніяхъ, толпы крестьянъ до 5.000 человѣкъ собирались разомъ съ требованіемъ освобожденія отъ господскихъ работъ; въ трехъ случаяхъ при усмиреніи бунтовавшейся толпы, по официальнымъ свѣдѣніямъ, убито было до 36 человѣкъ и ранено 57 [1]). Въ дѣйствительности убитыхъ и раненыхъ было значительно больше, ибо многіе крестьяне скрывали свои раны, боясь отвѣтственности за участіе въ движеніи, и умирали отъ нихъ по дорогѣ и дома. Въ слободѣ Масловкѣ Бобровскаго уѣзда Воронежской губ. толпа крестьянъ, человѣкъ въ 300, въ присутствіи губернатора, увидѣвъ, что предводителей ихъ приказано взять для наказанія розгами, бросилась на солдатъ съ цѣлью освободить товарищей; въ происшедшей при этомъ схваткѣ девять человѣкъ ранено (изъ нихъ пять тяжело) [2]). Крестьяне во всѣхъ этихъ случаяхъ отказывались повиноваться помѣщикамъ и желали поступить въ ополченіе, чтобы освободиться такимъ образомъ отъ крѣпостного права.

Вообще крѣпостная масса все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ нетерпѣніемъ сносила рабское иго, ожидая освобожденія отъ правительства. «При современномъ состояніи крѣпостного сословія, — говоритъ Самаринъ, — пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ государя въ Москву (какъ это было въ 1843 г.), всякое про-

[1]) Мат. для ист. упразд. крѣп. сост., т. I, стр. 80—97; см. также ст. И. Игнатовичъ. «Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.» «Минувшіе Годы», 1908 г., кн. V—VI.

[2]) Мат. для ист. крѣп. пр., стр. 287—288.

нешествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ такъ же легко перейти въ бунтъ, а бунтъ развиться до общаго возстанія. Все это возможно въ каждую минуту, и никакая полиція, разумѣется добросовѣстная, не поручилась бы за одинъ день спокойствія» [1]). Кавелинъ указываетъ, что полумирныя возстанія крѣпостныхъ принимаютъ все болѣе и болѣе обширные размѣры... Народъ сильно тяготится крѣпостною зависимостью, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ этого раздраженія можетъ вспыхнуть и разгорѣться пожаръ, послѣдствія котораго трудно предвидѣть [2]).

Въ обществѣ была увѣренность въ возможности народнаго возстанія, правительство также находилось подъ этимъ страхомъ. Здѣсь народъ слѣдовалъ инстинктивно политикѣ систематическаго устрашенія, не позволяя правительству медлить съ отмѣною крѣпостного права. Правительство всегда могло ожидать, что народное волненіе охватитъ многія губерніи и приметъ грозные размѣры. Особенно сильное вліяніе должны были оказать волненія народа въ 1854 и 1855 гг. Они показали, что народъ усиленно ждетъ освобожденія. Во время Крымской войны правительству приходилось и думать о борьбѣ со внѣшними врагами, и усмирять внутреннія волненія. Подобные случаи могли повториться. Правительство должно было находиться подъ постояннымъ страхомъ народнаго волненія, а потому должно было, побуждаемое самимъ народомъ, энергично приняться за дѣло освобожденія.

Устрашающее вліяніе имѣло противодѣйствіе крестьянъ и на дворянъ. Смоленскій дворянинъ указываетъ, что протестъ среди дворовыхъ уже въ сороковыхъ годахъ былъ настолько силенъ, что отецъ его былъ вынужденъ отдать нѣкоторыхъ изъ протестующихъ въ солдаты, а большинство отправилъ въ Петербургъ для обученія разнымъ ремесламъ. Страхъ передъ убійствомъ, возстаніемъ крестьянъ уменьшалъ произволъ помѣщиковъ. Кн. Волконскій въ своей брошюрѣ говоритъ, что во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ помѣщики въ Рязанской губерніи собирались даже вмѣстѣ для выработки мѣръ воздѣйствія на крестьянъ, въ виду часто повторявшихся нападеній крестьянъ на помѣщиковъ. При волненіяхъ и побѣгахъ помѣщичье хозяйство терпѣло большіе убытки, такъ

---

[1]) Самаринъ. т. II, стр. 33.
[2]) Кавелинъ, т. II, стр. 32—33.

какъ лишалось работниковъ иногда въ горячее время, крестьяне приходили въ разореніе, распродавая зачастую свое имущество за безцѣнокъ, но главное зло для помѣщиковъ заключалось въ страхѣ, что подобные случаи могутъ явиться каждую минуту и нарушить всѣ ихъ хозяйственные расчеты. Къ общей зависимости сельскаго хозяйства отъ разныхъ случайностей въ крѣпостное время, такимъ образомъ, прибавлялась новая. Насколько настроеніе дворянства было возбужденнымъ, показываетъ то, что въ 1848 г. по поводу европейскихъ событій стали распространяться въ провинціи среди помѣщиковъ тревожные слухи. Говорили, что недалеко «мужики рѣжутъ помѣщиковъ, и что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и у насъ скоро начнется то же самое». Даже дѣти, говоритъ смоленскій дворянинъ, были въ томъ же унылomъ настроеніи, въ которомъ были тогда всѣ [1]). Подобное же настроеніе въ то время было и въ Петербургѣ. По мѣрѣ полученія извѣстій о ходѣ революціи на Западѣ, «настоящее представлялось какимъ-то тяжелымъ сномъ, а близкое прошедшее — отдалившимся на цѣлые годы. Всѣ ходили озабоченные, въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Болѣе всего страшился и, можетъ-статься, одинъ имѣлъ поводъ страшиться классъ помѣщиковъ передъ вѣчнымъ пугалищемъ крѣпостного нашего состоянія» [2]). «Призракъ пугачевщины, — говоритъ В. И. Семевскій, — вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства и, какъ грозное memento mori, напоминалъ о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ интересахъ самихъ помѣщиковъ».

На общество волненія крестьянъ вліяли также возбуждающимъ образомъ, все ближе и ближе приводя къ сознанію необходимости уничтоженія крѣпостного права. Интеллигенція могла, опираясь именно на проявленія неудовольствія самого народа, настойчивѣе указывать на необходимость реформы. «Если бы, — говоритъ В. И. Семевскій, — крестьяне не выражали протеста противъ крѣпостного права и пассивно, и активно, то крѣпостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и долѣе 1861 года» [3]). Правительство, по инстинкту самосохраненія, не могло дожидаться пугачевщины, чтобы отмѣнить крѣпостное право.

---

[1]) «Воспоминанія... смоленскаго дворянина». «Русск. Старина», 1895 г., іюль, стр. 116.

[2]) «Изъ записокъ барона Корфа». «Русск. Стар.», 1900 г., мартъ, стр. 561—562.

[3]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 571.

ГЛАВА IX.

Невыгодность крѣпостного права для промышленнаго класса населенія.— Отношенія къ крѣпостному праву дворянства, интеллигенціи, правительства.— Заключеніе.

Не одно только крестьянство оказывалось заинтересованнымъ въ скорѣйшемъ уничтоженіи крѣпостного права. Вторымъ слоемъ русскаго народа, желавшимъ его паденія, былъ промышленный классъ. По мѣрѣ развитія промышленности, крѣпостной трудъ въ ея области становился менѣе и менѣе пригоднымъ. Уменьшеніе численности дворянскихъ фабрикъ— приблизительно съ 15% (въ 1832 г.) до 5% (въ сороковыхъ годахъ [1]), — постепенное увеличеніе числа вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ, развитіе кустарной промышленности, основанной на свободномъ трудѣ, показывали, что лишь при свободномъ трудѣ могла развиваться русская промышленность.

Невыгодность принудительнаго труда въ области промышленности и стремленіе промышленниковъ освободиться отъ подневольныхъ рабочихъ сильно отразилось на судьбѣ посессіонныхъ крестьянъ, на положеніи которыхъ поэтому необходимо нѣсколько остановиться. Этотъ разрядъ крестьянъ, приближающихся по своему положенію къ крѣпостнымъ, образовался, какъ извѣстно, въ силу указа Петра I, изданнаго въ 1721 г. и разрѣшившаго дворянамъ и купцамъ покупать къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ съ нѣкоторою помощью правительства. Купленные крестьяне считались не собственностью владѣльцевъ, а прикрѣпленными къ этимъ фабрикамъ и заводамъ, такъ что владѣлецъ не могъ ни продавать, ни закладывать и т. д. крестьянъ отдѣльно отъ заведеній, ни вообще распоряжаться такимъ имуществомъ безъ дозволенія бергъ-и мануфактуръ-коллегіи. Этотъ указъ былъ изданъ для того, чтобы обезпечить достаточнымъ числомъ наличныхъ рабочихъ обрабатывающую промышленность, создать которую такъ стремился Петръ. Самое названіе «посессіонныхъ» крестьяне получили лишь въ концѣ XVIII в. Кромѣ покупки крестьянъ на посессіонномъ правѣ, этотъ классъ увеличивался путемъ прикрѣпленія крестьянъ самимъ правительствомъ къ фабрикамъ и за-

[1]) Кошелевъ, стр. 73.

водамъ. Затѣмъ нерѣдко при передачѣ казеннаго завода или фабрики владѣльцу передавались приписанные къ нимъ солдаты, бродяги, преступники и пр.; по указу 1736 г. образовались такъ называемые «вѣчно-отданные мастеровые» изъ различныхъ лицъ, работавшихъ на посессіонныхъ фабрикахъ и заводахъ въ моментъ изданія указа, прикрѣпившаго ихъ къ мѣсту нахожденія; къ посессіоннымъ же нужно отнести приписывавшихся иногда правительствомъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ бродягъ и нищихъ; наконецъ разныя лица добровольно приписывались къ фабрикамъ.

Число посессіонныхъ крестьянъ, по таблицѣ Тройницкаго [1]), по десятой ревизіи было 48.366 душъ обоего пола (23.522 чел. мужескаго пола и 24.844 чел. женскаго пола), не включая сюда посессіонныхъ крестьянъ на горныхъ заводахъ. Часть этихъ крестьянъ занималась земледѣліемъ, а часть работала на фабрикахъ. «Повидимому, въ большинствѣ случаевъ фабричные крестьяне имѣли небольшіе надѣлы, по большей части пріусадебные участки земли, огороды, луга, сѣнокосы, лѣса. Пахотныя земли принадлежали имъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ» [2]). Рабочіе могли употребляться только на фабричныя работы, получая за это «достаточную» заработную плату: размѣръ этой платы, продолжительность рабочаго дня, высота уроковъ могли быть установлены фабрикантомъ, но рабочіе имѣли право обжаловать его распоряженія, и въ такихъ случаяхъ дѣло рѣшалось правительственною властью. Правительство имѣло право, по своему усмотрѣнію, устанавливать весь внутренній распорядокъ фабричныхъ работъ, опредѣлять всѣ отношенія рабочихъ къ владѣльцу; безъ его разрѣшенія фабрикантъ не имѣлъ даже права переводить рабочихъ съ одной фабрики на другую, измѣнять характеръ производства или сокращать его. Фабрикантъ имѣлъ право употреблять «домашнія наказанія», въ нѣкоторыхъ случаяхъ отправить въ Сибирь рабочаго, но съ разрѣшенія высшаго правительственнаго органа, вѣдавшаго посессіонныя фабрики. Произволъ фабриканта былъ ограниченъ, за неисполненіе владѣльцемъ посессіонной фабрики своихъ обязанностей фабрика отбиралась въ казну; за притѣсненія рабочихъ, за употребленіе ихъ на другія, кромѣ фабричныхъ, работы фабриканту

---

[1]) Тройницкій. «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи», стр. 17.

[2]) Туганъ-Барановскій. «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 113.

грозило освобожденіе рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ рабочій день продолжался 12 часовъ, но были фабрики, гдѣ рабочій день доходилъ до 17 и болѣе часовъ. Ночная работа не была общимъ правиломъ, но зато въ большинствѣ случаевъ употреблялся женскій и дѣтскій трудъ. Работа производилась круглый годъ за исключеніемъ праздниковъ и воскресныхъ дней. Заработная плата поссессіонныхъ крестьянъ была ниже, чѣмъ вольнонаемныхъ (иногда на $^1/_3$). Иногда (но рѣдко) платы не было, и работа производилась «братъ на брата», т.-е. крестьяне работали полгода на себя, а полгода на владѣльца.

Положеніе поссессіонныхъ рабочихъ было лучше положенія вольнонаемныхъ тѣмъ, что они были увѣрены въ заработкѣ; существованіе ихъ, хотя и ужасное, было обезпечено: они не могли быть выгнаны на улицу ради выгодъ капиталиста. Сравнительно съ крѣпостными помѣщичьими, а особенно съ фабрично-заводскими рабочими ихъ положеніе было лучше, такъ какъ они имѣли законное право жаловаться на владѣльца, ихъ обязанности были опредѣлены, а владѣльцы ограничены въ своемъ правѣ наказанія рабочихъ и подчинены контролю правительственной власти.

Но тѣмъ не менѣе и здѣсь, главнымъ образомъ вслѣдствіе бюрократизма и взяточничества, господствовавшаго особенно рѣзко въ дореформенную эпоху, злоупотребленія были, что и вызывало довольно сильныя волненія рабочихъ. Поводы къ волненіямъ были крайне разнообразны. Такъ — на одной фабрикѣ причиною волненія была работа малолѣтнихъ, такъ какъ на этой фабрикѣ десятилѣтнія дѣти работали 15—17, а лѣтомъ 14 — 16 часовъ въ сутки [1]). Вообще чаще всего причинами волненій были низкая заработная плата и желаніе сравняться въ ней съ вольнонаемными, продолжительность и трудность работы, штрафы и вычеты, жестокое обращеніе, принужденіе заниматься не фабричною, а другою работою, отнятіе пахотной земли, выпаса и т. п.

Правительство должно было считаться съ этими волненіями, и они производили на него извѣстное давленіе. Фабрикантамъ же, по мѣрѣ улучшенія техники производства, расширенія рынка, необходимости сообразовать размѣръ и родъ производства съ требованіями рынка, поссессіонный трудъ дѣлался невыгоднымъ. Трудъ поссессіонныхъ крестьянъ былъ менѣе интенсивенъ, а обходился дороже вольнонаемнаго даже

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 129.

при меньшей заработной платѣ. Увеличивать и сокращать производство, измѣнять его сообразно съ требованіями рынка, улучшать технику производства, что потребовало бы сокращенія рабочихъ рукъ на фабрикахъ, поссессіонные владѣльцы не могли, не имѣя права безъ разрѣшенія соотвѣтственнаго правительственнаго органа раздроблять фабрику, продавать крестьянъ отъ фабрики или переводить ихъ на другую; они должны были находить работу всѣмъ своимъ рабочимъ, такъ какъ ихъ содержаніе всецѣло лежало на отвѣтственности владѣльцевъ фабрики. Введеніе машинъ затруднялось еще и тѣмъ, что онѣ требовали большей ловкости и развитія со стороны рабочихъ, поссессіонные же рабочіе не имѣли побужденія выучиваться новымъ пріемамъ работы, такъ какъ и безъ этого они имѣли право получать отъ фабриканта опредѣленную работу и содержаніе. Въ 1833 г. поссессіонный фабрикантъ Осокинъ указывалъ, что «введеніе прядильныхъ и тренальныхъ машинъ, употреблявшихся на московскихъ суконныхъ фабрикахъ, чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣлись тридцать три машины, готовыхъ къ употребленію, онъ можетъ пускать въ дѣйствіе не болѣе семи, такъ какъ, если бы употреблялось для работъ большее число машинъ, многіе мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату они продолжали бы получать прежнюю». Поссессіонный фабрикантъ долженъ былъ «изготовлять изъ года въ годъ въ одномъ и томъ же количествѣ одни и тѣ же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались на рынкѣ. Между тѣмъ въ Россіи въ это время возникали новыя отрасли промышленности (напримѣръ, хлопчатобумажная), измѣнялись сорта и качество продуктовъ, приготовляемыхъ на фабрикахъ, начинала совершенствоваться техника. Въ силу этихъ причинъ поссессіонная фабрика стала стѣснять фабрикантовъ» [1]). Лучшею иллюстраціею этому служитъ уменьшеніе цѣнности поссессіонныхъ фабрикъ, такъ что послѣднія съ готовыми рабочими цѣнились менѣе, нежели одинъ фабрики безъ рабочихъ. Фабрикантовъ стѣсняли также постоянныя волненія рабочихъ, нарушавшія всѣ ихъ расчеты при веденіи дѣла.

Всѣ эти затрудненія вызывали со стороны фабрикантовъ протесты и жалобы. Правительство дѣлало имъ различныя уступки, но это мало помогало. Оно стало легче дозволять

---

[1]) Туганъ-Барановскій. «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 146—147.

посессіоннымъ владѣльцамъ переходъ къ новому производству, но это все же было связано съ долгими проволочками. Въ 1824 г. дозволено было отпускать фабричныхъ (посессіонныхъ) въ другія званія по просьбѣ фабриканта съ разрѣшенія комитета министровъ, съ цѣлью облегчить фабрикантамъ освобождаться отъ лишнихъ рабочихъ рукъ. Въ 1835 г. было разрѣшено отпускать посессіонныхъ рабочихъ по паспортамъ, при чемъ оброчныя деньги шли не владѣльцу, а въ пользу общественныхъ мірскихъ доходовъ, и фабрика не могла сокращать производства. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ развилось сознаніе необходимости ликвидировать посессіонное право, такъ какъ оно лишь мѣшало развитію промышленности. Наконецъ закономъ 1840 г. правительство рѣшительно приступило къ ликвидаціи этой категоріи крѣпостныхъ, давъ посессіоннымъ владѣльцамъ возможность освобождать своихъ рабочихъ. Увольненіе было предоставлено усмотрѣнію фабриканта. Если дѣло шло о фабрикахъ, купленныхъ самими владѣльцами или со внесеніемъ за нихъ денегъ въ казну, послѣдняя выдавала за каждую ревизскую душу по 36 руб. сер. Увольняемые рабочіе могли приписываться или въ государственные крестьяне, или въ городскія сословія. Приписывавшіеся въ государственные крестьяне переселялись на другія земли, при чемъ фабрикантъ долженъ былъ предоставлять на обзаведеніе по 50 руб. ассигнаціями на душу м. п. и по 20 руб. на душу ж. п., а также на перевозку по 20 руб. на душу обоего пола.

Посессіонные владѣльцы скоро начали прибѣгать къ этому средству избавиться отъ ставшаго неудобнымъ подневольнаго труда. М. И. Туганъ-Барановскій упоминаетъ объ освобожденіи крѣпостныхъ на 42 посессіонныхъ фабрикахъ въ количествѣ болѣе 15.000 душъ м. п., но эта цифра не точна, такъ какъ дѣла по нѣкоторымъ фабрикамъ утрачены. Просьбы объ освобожденіи на основаніи закона 1840 г. поступали до самой реформы 19 февраля. Рабочіе, получая освобожденіе, неохотно переселялись на другія земли и перечислялись въ другія сословія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось даже прибѣгать къ военной силѣ, чтобы удалить рабочихъ со владѣльческихъ земель. Изъ числа освобожденныхъ по закону 1840 г. 14.441 посессіонныхъ крестьянъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго, «6.329 приписались въ государственные крестьяне, изъ которыхъ 1.447 душъ м. п. переселены въ Западную Сибирь, а 4.882 — надѣлены землею (отъ 3 — 4 дес. на душу), выкупленною отъ прежнихъ вла-

дѣльцевъ» [1]). Остальные, бо́льшая половина (8.112), приписались въ мѣщане, и лишь небольшая часть въ купцы. Какъ показываетъ примѣръ фабричныхъ рабочихъ въ городѣ Богородскѣ, только немногіе могли выстроить себѣ дома и стать осѣдлыми, а остальная часть пошла на тѣ же фабрики.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что правительство само признавало невыгоду крѣпостного труда въ области промышленности и приняло мѣры къ его ограниченію. Фабриканты стали все чаще обращаться къ вольному труду. Уже въ 1825 г. число вольнонаемныхъ въ общей массѣ рабочихъ составляло 54% Эти рабочіе почерпались, главнымъ образомъ, въ средѣ крестьянъ, при чемъ помѣщичьи крестьяне преобладали надъ государственными. Помѣщичьи крестьяне предпочитались, главнымъ образомъ, въ силу большей ихъ подчиненности и благодаря тому, что фабриканты, уплачивая за помѣщичьихъ крестьянъ оброкъ помѣщику и тѣмъ самымъ закабаляя ихъ себѣ, пріобрѣтали себѣ постоянныхъ работниковъ, а это было важно въ крѣпостное время, когда было трудно найти вольнонаемныхъ рабочихъ [2]). Главное неудобство найма помѣщичьихъ крестьянъ — возможность вытребованія рабочаго помѣщикомъ во всякое время обратно въ имѣніе — правительство поспѣшило устранить. Закономъ 1835 г. было дозволено лицамъ всѣхъ податныхъ сословій наниматься на фабрику по полученіи узаконеннаго паспорта на срокъ не свыше срока паспорта. До истеченія срока найма ни рабочій не имѣлъ права уйти съ фабрики, ни помѣщикъ или вообще начальство, выдавшее паспортъ, не имѣли права потребовать его къ себѣ обратно. Фабрикантъ же могъ прогнать рабочаго до срока «по причинѣ неисполненія имъ обязанностей или дурного поведенія» [3]).

Какъ извѣстно, къ сороковымъ годамъ въ Россіи сильно развилась кустарная промышленность. Сильно возвысились такія промышленныя села, какъ Иваново, Павлово, Ворсма (гр. Шереметева) и нѣкоторыя другія, гдѣ капиталистами-фабрикантами являлись крѣпостные-оброчные. Зависимость отъ помѣщичьей власти, которая могла во всякое время разорить крестьянина, отнять у него имущество, угнетающимъ образомъ дѣйствовала на промышленную дѣятельность такихъ

---

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 159.
[2]) Ibid., стр. 90—92.
[3]) Ibid., стр. 166—167.

крестьянъ. Поэтому для свободнаго и быстраго развитія промышленности среди населенія крѣпостное право должно было быть уничтожено.

Здѣсь должно было играть роль и другое обстоятельство. Наша обрабатывающая промышленность должна была опираться, главнымъ образомъ, на внутренній рынокъ, такъ какъ конкурировать съ иностранною промышленностью, далеко ушедшею въ техническихъ усовершенствованіяхъ и завоевавшею себѣ многочисленные рынки, она не могла. Между тѣмъ, внутренній рынокъ могъ расшириться лишь при ростѣ благосостоянія массы населенія. Крѣпостное же населеніе — значительная часть цѣлаго — разорялось все болѣе и болѣе и со своей стороны расширять рынокъ не могло; наличность крѣпостныхъ, большой дворни уменьшала на рынкѣ спросъ на продукты обрабатывающей промышленности, такъ какъ часть потребностей удовлетворялась при помощи крѣпостного труда. Поэтому для промышленности было очень важно уничтоженіе крѣпостного права. Правительство же, заботясь о развитіи промышленности, должно было стремиться къ устраненію препятствій на пути этого развитія. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что крѣпостное право пало потому, что классъ промышленниковъ того требовалъ: для этого онъ былъ слишкомъ незначителенъ и слабъ. Если развитіе промышленности въ числѣ другихъ многихъ причинъ оказало долю вліянія на уничтоженіе крѣпостного права, то, главнымъ образомъ, потому, что содѣйствіе этому развитію лежало въ интересахъ правительства и давало лишній стимулъ къ его реформаторскимъ стремленіямъ.

Присматриваясь къ другимъ факторамъ, имѣвшимъ значеніе при отмѣнѣ крѣпостного права, необходимо отмѣтить роль дворянства. Насколько эта реформа вызывалась нуждами самихъ дворянъ, и какіе взгляды на освобожденіе циркулировали среди нихъ? Судя по тому отпору, какой встрѣчали освободительныя попытки правительства въ высшихъ слояхъ дворянства (Николай I указывалъ, что въ правительственныхъ сферахъ только Киселева онъ можетъ считать своимъ единомышленникомъ), судя по тому волненію и враждѣ, съ которыми былъ встрѣченъ помѣщиками приступъ къ реформѣ Александра II, можно было бы сказать, что отмѣна крѣпостного права была вредна для дворянъ. Но, присматриваясь къ степени развитія крѣпостного права въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и встрѣчая въ николаевское время ходатайства самихъ дворянъ объ освобожденіи крестьянъ или объ улучшеніи ихъ быта (проектъ

тульскихъ дворянъ, совѣщанія въ Смоленской, Тверской, Рязанской и Петербургской губерніяхъ, проектъ Желтухина и др.) — нельзя не усомниться въ этомъ. Нельзя говорить объ отношеніи къ крѣпостной реформѣ дворянскаго сословія въ цѣломъ. Въ средѣ его можно было встрѣтить крайне разнообразное отношеніе къ реформѣ, въ зависимости отъ различнаго экономическаго положенія, отъ степени распространенія образованія и т. п.

Присматриваясь къ самому состоянію помѣщичьихъ хозяйствъ, можно a priori сказать о разнообразныхъ отношеніяхъ къ крѣпостному праву различныхъ слоевъ дворянства.— Въ сѣверныхъ губерніяхъ преимущественно встрѣчались оброчныя имѣнія, особенно въ промысловыхъ губерніяхъ. Здѣсь земледѣліе было мало развито; главный доходъ помѣщикъ получалъ съ личности крестьянина, землею же онъ мало дорожилъ. Освобожденіе крестьянъ здѣсь не могло быть выгоднымъ, такъ какъ вмѣстѣ съ личностью крестьянина помѣщикъ лишился бы части дохода съ имѣнія. Но, въ случаѣ неминуемаго освобожденія, помѣщикамъ сѣверныхъ губерній было бы невыгодно безземельное освобожденіе, такъ какъ они не могли бы взять подъ видомъ платы за землю плату за самую личность крестьянина. Безземельное освобожденіе не только лишило бы сѣверныхъ помѣщиковъ даровыхъ работниковъ и плательщиковъ, но, не привязавъ крестьянъ къ мѣсту жительства, лишило бы ихъ, быть-можетъ, и платныхъ рабочихъ. Можно было ожидать, что населеніе уйдетъ въ болѣе плодородныя и многоземельныя мѣста, такъ какъ распредѣленіе населенія по территоріи страны вслѣдствіе историческихъ причинъ, какъ было указано выше, было крайне неравномѣрно. — Это сознавалось современниками. Безземельное освобожденіе съ правомъ свободнаго перехода, говоритъ Кошелевъ, «разорило бы, по крайней мѣрѣ, половину помѣщиковъ, т.-е. почти всѣхъ имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости, ушли бы въ страны болѣе хлѣбородныя» [1]). Въ этихъ губерніяхъ, напротивъ, было бы важно земельное освобожденіе, но поставленное такъ, чтобы оно не давало крестьянину полной независимости отъ помѣщика, и чтобы въ платежахъ за землю заключалось вознагражденіе за потерю права на личный трудъ крестьянъ. Сѣвернымъ помѣщикамъ важна была возможно большая плата за землю.

---

[1]) Кошелевъ, стр. 96.

Не то было въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщикамъ, ведшимъ денежное хозяйство, крѣпостной трудъ могъ мѣшать. Мѣсячники, какъ уже было указано выше, требовали много расходовъ на свое содержаніе. Подневольный трудъ былъ очень дорогъ, такъ какъ былъ мало интенсивенъ и затруднялъ введеніе различныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Помѣщикъ, имѣя извѣстное количество крѣпостныхъ, долженъ былъ использовать ихъ трудъ. Промышленныя предпріятія, основанныя на рабскомъ трудѣ, въ половинѣ XIX вѣка пришли къ полной несостоятельности, такъ что помѣщики бросали эти затѣи. Появленіе затяглыхъ, отпускъ по паспортамъ, ссылка, отдача въ рекруты съ цѣлью избавиться отъ лишнихъ рабочихъ силъ являлись результатомъ этого. Остающимся въ имѣніи силамъ помѣщикъ все же долженъ былъ найти работу. Вилькинсъ въ одной изъ статей разсказываетъ, что одинъ помѣщикъ въ отвѣтъ на предложеніе завести у себя молотилку, признавая ея полезность, наотрѣзъ отказался отъ предложенія. Если бы онъ завелъ у себя въ имѣніи молотильную машину, то его крѣпостнымъ женщинамъ нечего было бы дѣлать. Самаринъ указываетъ далѣе на медленность распространенія въ Россіи машинъ и улучшенныхъ способовъ производства въ области земледѣлія. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ черезъ два-три года мѣнялась мебель въ домѣ, часто не было ни молотилки, ни вѣялки, ни сѣялки. «Усовершенствованіе сельскаго хозяйства въ Россіи есть дѣло охотниковъ, любителей, къ которому масса помѣщиковъ равнодушна именно потому, что не видитъ въ немъ ни нужды ни денежнаго расчета» [1]). Здѣсь интересно указаніе Самарина, что такія попытки усовершенствованія сельскаго хозяйства малочисленны, исключительны. Это вполнѣ понятно въ силу невыгодности ихъ при существованіи крѣпостного права.

Дворянское земледѣльческое хозяйство находилось какъ бы въ броженіи, и помѣщики къ опредѣленному сознанію о невыгодности крѣпостного права еще далеко не пришли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики начинали сознавать выгоды приложенія свободнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь еще разъ напомню о свекло-сахарныхъ плантаціяхъ въ Малороссіи, гдѣ нанимались въ работники крестьяне сосѣднихъ деревень и о довольно широкомъ примѣненіи наемнаго труда въ Новороссіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій въ своей за-

---

[1]) Самаринъ, т. II, стр. 43, 44.

нискѣ 1845 г. въ числѣ причинъ, по которымъ дворянство уже въ то время безъ страха относилось къ возможности уничтоженія крѣпостного права, упоминаетъ, что опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и др. показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной* земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противъ *помѣщика*». Другими причинами такого настроенія дворянства Перовскій называетъ «возвысившуюся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкую обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ» [1]).

Въ губерніяхъ южныхъ, преимущественно земледѣльческихъ, освобожденіе было бы встрѣчено безъ особенной враждебности въ нѣкоторой части дворянства, но среди помѣщиковъ-рутинеровъ и ведшихъ натуральное хозяйство приступъ къ реформѣ долженъ былъ вызывать злобу и ожесточеніе. Когда реформа была окончательно рѣшена, то помѣщики черноземныхъ губерній должны были стремиться къ безземельному освобожденію: они могли быть увѣрены, что само населеніе будетъ брать у нихъ землю въ аренду за дорогія цѣны, и что они никогда не останутся безъ рабочихъ. Цѣна выкупа земли, въ случаѣ земельнаго освобожденія, не должна была ихъ особенно интересовать, такъ какъ высокія арендныя цѣны, которыя поднялись бы при наличности малоземельнаго населенія, жаждущаго сѣсть на землю и не находящаго заработка въ другихъ отрасляхъ промышленности, возмѣстили бы имъ временный убытокъ. Величину надѣла имъ было выгодно уменьшить до минимума.

Единственною общею чертою для всей массы дворянства могло быть, въ виду неизбѣжности уничтоженія крѣпостного права, сознаніе необходимости не останавливаться на полумѣрахъ, а окончательно развязать всякія обязательныя отношенія къ крестьянамъ. Здѣсь интересы какъ дворянъ, такъ и крестьянъ сходились, расходились они лишь въ условіяхъ разрыва этихъ обязательныхъ отношеній.

Изъ этого бѣглаго очерка можно видѣть то разнообразіе мнѣній и отношеній къ крѣпостному праву среди дворянъ, которое обусловливалось различіемъ экономическаго положенія различныхъ группъ. Но еще разнообразнѣе дѣлались взгляды дворян-

[1]) В. И. Семевскій. «Кр. Вопросъ», т. II, стр. 138.

ства подъ вліяніемъ другихъ факторовъ. Хотя помѣщики южныхъ губерній въ силу своихъ экономическихъ интересовъ должны были стоять за безземельное освобожденіе крестьянъ, но, съ другой стороны, знакомство съ настроеніемъ крестьянъ и ожиданіями ихъ отъ воли, съ ихъ взглядами на землю, какъ свою собственность и съ ихъ убѣжденіемъ въ невозможности безземельнаго освобожденія («волчьей» воли, по выраженію народа), вызывало въ нихъ страхъ передъ возможностью возстанія при подобномъ освобожденіи и заставляло ихъ соглашаться на извѣстное минимальное обезпеченіе крестьянъ землею.

Немаловажнымъ факторомъ являлись и протесты самихъ крестьянъ противъ крѣпостного права, о чемъ уже приходилось говорить. Въ вышеприведенной запискѣ Перовскаго обращаетъ на себя вниманіе указаніе на неудобство для помѣщиковъ «раздоровъ» съ крестьянами. Волненія крестьянъ, неповиновенія, особенно возникавшія въ горячую рабочую лѣтнюю пору, были крайне невыгодны для помѣщиковъ. Враждебное настроеніе крестьянъ, стремленія ихъ къ волѣ, тревожныя ожиданія ея, иногда продолжительные иски о свободѣ, разорявшіе крестьянъ, также неблагопріятно отражались на помѣщичьихъ хозяйствахъ, лишая владѣльцевъ возможности производить точные расчеты въ торговыхъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Уголовныя преслѣдованія крестьянъ за проступки противъ помѣщиковъ, влекущія за собою продолжительное тюремное заключеніе, иногда ссылку въ Сибирь, сдачу въ рекруты и т. под., только озлобляли крестьянъ и лишали помѣщиковъ рабочихъ силъ, иногда наиболѣе сильныхъ и способныхъ работниковъ, что также не было выгоднымъ для помѣщиковъ. Въ случаѣ долгаго, затяжного волненія помѣщикъ предпочиталъ или продать имѣніе въ другія руки, или даже обращался къ правительству съ просьбою пріобрѣсти имѣніе въ казенное вѣдомство. Имѣнія, гдѣ крестьяне отличались непокорностью, волновались по какой-либо причинѣ, неохотно пріобрѣтались и нерѣдко теряли въ своей цѣнности. Иногда помѣщикъ, узнавъ, что въ пріобрѣтенномъ имѣніи крестьяне передъ тѣмъ волновались, или волненіе еще не улеглось, старался быстро перепродать его въ другія руки. Московскій помѣщикъ А. В. П. купилъ имѣніе въ 1854 г. только послѣ того, какъ получилъ отъ крестьянъ «полное и добровольное согласіе на отбытіе помѣщику тѣхъ же самыхъ работъ, на плату такого же оброка, на надѣлъ ихъ такимъ же количествомъ земли и угодій (какъ въ его имѣніи), словомъ, на безпрекословное испол-

неніе всего заведеннаго» въ его имѣніи [1]). Саратовскій помѣщикъ Колонтаевъ, въ имѣніи котораго крестьяне волновались болѣе 10 лѣтъ и возбудили искъ о свободѣ, доказывая жестокое обращеніе помѣщика съ ними, писалъ гр. Бенкендорфу въ прошеніи: «когда крестьяне сіи и прежде были судимы и наказаны, то кольми паче за сугубое ихъ нынѣ неповиновеніе должны понести и сугубое противъ прежняго наказаніе, а можетъ-быть, и ссылкою нѣкоторыхъ изъ нихъ на поселеніе. Разновидныя отъ сего проистекутъ невыгоды для помѣщика: не получая отъ нихъ ни малѣйшей пользы въ теченіе 8 лѣтъ, онъ, бывъ завлеченъ въ производство дѣла, совершенно себя разстроилъ, такъ что крестьяне, по строгимъ мѣрамъ правительства хотя и могли бы быть обузданы и приведены ему въ должное повиновеніе, нельзя и затѣмъ улучшить состоянія помѣщичьяго, когда изъ крестьянъ сихъ бунтовщики будутъ посланы на поселеніе, за коихъ должно будетъ оплачивать повинности безъ всякаго за то вознагражденія, пропитывать оставшіяся ихъ семейства, какъ между тѣмъ и наличная часть крестьянъ не въ состояніи по малому количеству и въ той потерѣ, что потерпѣлъ помѣщикъ, когда они вообще черезъ 8 лѣтъ ничего ему своими трудами и работами не доставляли. По опытамъ же замѣчено, что таковые крестьяне, о коихъ идетъ рѣчь, для владѣльца не могутъ быть прочны, если бы и совершенно кончилось дѣло тѣмъ, что они должны быть въ безусловномъ и рѣшительномъ повиновеніи. Исполненные духомъ своевольства, неповиновенія и грубостей, — а все сіе глубоко внѣдрилось въ заблудшія ихъ сердца,—они не могутъ быть послѣ того по злобѣ своей въ такомъ расположеніи къ своему помѣщику, какъ должны, питая къ нему мщеніе за товарищей своихъ, получившихъ по законамъ наказаніе» [2]). Все это побуждало помѣщика просить гр. Бенкендорфа взять отъ него крестьянъ за деньги и настаивать на усмиреніи его крестьянъ помощью военной команды; онъ умолялъ доложить объ этомъ государю.

Такая просьба помѣщика не была единичнымъ явленіемъ. Между тѣмъ, какъ было указано, протесты крестьянъ въ видѣ волненій и т. под. росли, нетерпѣніе, съ которымъ крестьяне переносили крѣпостное право, усиливалось, что должно было наталкивать помѣщиковъ на освобожденіе крестьянъ, какъ

---

[1]) «Описаніе улучшенія быта крестьянъ Московск. губ., Подольскаго у., въ имѣніи А. В. П.» «Журн. Землевлад.», 1858 г., № 3, стр. 5.

[2]) Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 96–97.

одинъ изъ выходовъ изъ создавшагося затруднительнаго положенія. Впрочемъ, среди помѣщиковъ были распространены и обратныя опасенія. Они боялись, что при освобожденіи крестьяне начнутъ мстить помѣщикамъ за прежнія притѣсненія. Многіе помѣщики поэтому готовы были влачить неудобныя для нихъ самихъ цѣпи крѣпостного права, лишь бы избѣжать народнаго возстанія, второй пугачевщины, казавшейся имъ неизбѣжной спутницей освобожденія крестьянъ.

Задолжаніе дворянскихъ имѣній наталкивало мысль дворянъ на освобожденіе крестьянъ и облегчало дѣло освобожденія самому правительству. Въ 1843 году въ государственномъ заемномъ банкѣ и сохранныхъ казнахъ было заложено 5.575.515 душъ мужескаго пола. Въ 1852 году заложено было 5.843.735 д. м. п.; если принять цифру всѣхъ крѣпостныхъ людей по девятой ревизіи (1851 г.) въ 10.708.856 д. м. п., то оказывается, что было заложено 54% крѣпостныхъ. Въ 1856 году на одну ревизскую душу въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось долгу по 69 рублей, а къ 1 января этого года въ государственномъ заемномъ банкѣ и по опекунскимъ совѣтамъ было заложено 6.028.794 д. м. п. «Уплата процентовъ по этимъ долгамъ лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было бы не дурно раздѣлаться съ этими долгами, хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ» [1]).

Съ другой стороны, нельзя забывать вліянія такихъ важныхъ факторовъ, какъ распространеніе образованія и культуры среди русскаго общества въ половинѣ XIX вѣка. Въ началѣ царствованія Николая I, какъ извѣстно, Московскій университетъ началъ расцвѣтать. Появилось много талантливыхъ профессоровъ, изъ которыхъ выдѣлялись Павловъ и Надеждинъ. Вліяніе университетовъ, не подвергавшихся до 1848 г. особеннымъ преслѣдованіямъ, было очень сильно. Грановскій, Кавелинъ, Мейеръ и др. профессора своими лекціями будили въ молодежи, преимущественно дворянской, умственные интересы, будили интересъ къ народному благу,

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 617. У В. И. Семевскаго приведены цифры изъ книги Ходскаго «Поземельный кредитъ», стр. 81—83. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ распоряженіи Редакціонныхъ Комиссій, въ 1855 г. было заложено 6.606.909 д., въ 1859 г.—7.107.184 д.; на 100 душъ м. п. крѣпостного населенія, по IX ревизіи, приходилось въ 1855 г.—62 заложенныхъ души, въ 1859 г.—65; долгу на 1 душу приходилось въ 1855 г.—60 р. 27 коп., въ 1859 г.—59 р. 87 к. (Скребицкій, т. IV, стр. 1248—1249). Количество заложенныхъ душъ въ 1859 г. составляло 66,46% всѣхъ рев. душъ крѣпостного населенія по 10-й ревизіи.

гуманизировали ее. Возвращаясь въ свои медвѣжьи уголки, эти молодые люди не могли относиться къ крѣпостнымъ съ тою же холодною жестокостью. Даже преслѣдуя свои личные интересы и стремясь къ болѣе успѣшному веденію сельскаго хозяйства, они должны были наталкиваться на необходимость отмѣны крѣпостного права. Если же это были люди честные, но недѣятельные, то, возвращаясь въ деревни, они или распускали своихъ крестьянъ, или освобождали ихъ, или давали свободу, не давая отпускной. Нерѣдко они сами разорялись такимъ путемъ, но во всякомъ случаѣ уже однимъ своимъ «дурнымъ примѣромъ» они благодѣтельно дѣйствовали на сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе боялись эксплуатировать своихъ крѣпостныхъ, если въ сосѣдней деревнѣ крестьяне пользовались относительной свободой. Личности, сами по себѣ, по своему развитію, по любви къ рабочей массѣ не удовлетворявшіяся современною имъ дѣйствительностью, — въ родѣ Буташевича-Петрашевскаго, Черносвитова, — приходили къ необходимости уничтоженія крѣпостного права какъ препятствія для всѣхъ остальныхъ реформъ. На этомъ выводѣ сходились всѣ лучшіе русскіе люди того времени, во главѣ которыхъ стояли Герценъ и Бѣлинскій.

До 1848 г. и само правительство еще проявляло интересъ къ крестьянскому вопросу. Поэтому не было и въ печати того гоненія, какое замѣчается послѣ 1848 г., когда подъ вліяніемъ революцій на Западѣ настала рѣшительная реакція. Въ литературѣ, правда, въ беллетристикѣ преимущественно, проскальзывали намеки на мерзости крѣпостного права; такъ, въ 1852 году были изданы «Записки охотника», и печатались нѣкоторые разсказы Тургенева. Въ живыхъ и яркихъ образахъ представляя ужасы и язвы крѣпостного права, литература вліяла гуманизирующимъ образомъ на общество. Беллетристика, критика, распространяясь въ широкихъ кругахъ, облагораживала нравы общества, воспитывала молодежь въ ненависти къ крѣпостному праву. Объ отмѣнѣ крѣпостного права говорили постоянно славянофилы и западники; въ дѣятельности по крестьянской реформѣ заключается главнѣйшая заслуга славянофиловъ. Широкою струею разливалось вліяніе университета, литературы, науки по всѣмъ медвѣжьимъ уголкамъ Россіи въ лицѣ молодыхъ дворянъ-помѣщиковъ. Изъ этой молодежи вышло много защитниковъ отмѣны крѣпостного права. Умы подготовлялись постепенно къ открытому провозглашенію начала реформы. Интеллигенція русская, воспитанная на примѣрахъ западной исторіи, проникнутая западными идеалами,

съ одной стороны, а съ другой — видящая всѣ мрачныя стороны русской дѣйствительности, должна была съ горячею ненавистью относиться къ крѣпостному праву, лежавшему поперекъ всѣхъ реформъ, соціальныхъ и политическихъ. Конечно, нельзя называть интеллигенціею въ этомъ смыслѣ всю массу славянофиловъ и западниковъ, потому что среди нихъ могли встрѣчаться и усердные защитники помѣщичьихъ интересовъ подъ видомъ защиты интересовъ народа. Интеллигенція въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не принадлежащая ни къ какому классу, а являющаяся защитницей интересовъ трудящейся массы въ ея цѣломъ, — эта часть русскаго образованнаго общества была до реформы и во время ея защитницею народныхъ интересовъ. Уничтоженіе крѣпостного права было въ ея глазахъ первою, главною цѣлью, на которой должны были сосредоточиваться всѣ усилія, и ради которой отодвигались на второй планъ всѣ остальныя. Отсюда взглядъ Герцена, что всякая политическая форма хороша, если только она способствуетъ соціальнымъ реформамъ. По своему умственному и нравственному вліянію интеллигенція становилась силою, которую могло призвать на свою помощь правительство, когда оно, подъ вліяніемъ неотложныхъ нуждъ и критическихъ обстоятельствъ, перешло къ прогрессивной политикѣ въ области крестьянскаго вопроса.

Какія же обстоятельства вынуждали русское правительство стремиться къ уничтоженію крѣпостного права? Государство толкали на путь реформы уже его собственныя нужды, на первомъ планѣ фискальныя. Государственные финансы не могли окрѣпнуть при крѣпостномъ порядкѣ. Главная доля всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ Россіи шла съ крестьянскаго населенія. Между тѣмъ при томъ состояніи, въ которомъ находилось крестьянское сословіе до реформы, оно неизбѣжно шло къ постепенному обѣднѣнію и къ уменьшенію платежныхъ силъ. Съ государственныхъ крестьянъ доходы поступали довольно правильно, но, какъ указываетъ Кавелинъ, крѣпостное право и на нихъ отзывалось вредно. Для уплаты податей крестьянину нужно продавать часть сельскихъ продуктовъ или зарабатывать подати на сторонѣ. Хлѣбная торговля не могла развиваться, хлѣбныя цѣны были низки въ силу отсутствія удобныхъ путей сообщенія и въ силу крѣпостного права. Заработки также не могли развиваться при наличности подневольнаго труда въ силу его дешевизны. Все это не позволяло увеличивать налоги и не давало расти государственнымъ финансамъ.

Государство получало съ помѣщичьихъ крестьянъ лишь подушную подать, и львиная доля крестьянскихъ платежей шла въ карманъ помѣщиковъ. При низкомъ уровнѣ благосостоянія помѣщичьи крестьяне не могли много покупать на рынкѣ и довольствовались своими собственными издѣліями; слѣдовательно, и путемъ косвенныхъ налоговъ государство не могло собрать много съ помѣщичьихъ крестьянъ. Мало того, какъ видно изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ современниковъ, а также изъ приведенныхъ выше примѣровъ, самое поступленіе подушной подати, за исправный взносъ которой отвѣчали помѣщики, не было обезпечено. По мѣрѣ паденія дворянскаго землевладѣнія, задолжанія дворянскихъ имѣній, должна была расти дворянская недоимка казнѣ. О ней упоминаетъ Фантонъ-де-Веррайонъ при представленіи смоленскихъ депутатовъ наслѣднику въ 1847 г. Кавелинъ въ своей запискѣ ставитъ начинавшее ощущаться уменьшеніе государственныхъ доходовъ въ прямую связь съ постепенно увеличивающимся обѣднѣніемъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Государство при крѣпостномъ правѣ имѣло ту выгоду, что освобождалось отъ расходовъ на управленіе и отъ заботъ о продовольствіи части народной массы. Между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ, помѣщики бѣжали изъ имѣній во время голодовокъ, допускали крестьянъ до нищенства, такъ что самому правительству приходилось все чаще и чаще отпускать суммы на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ. Мало того, правительство, выдавая продовольственныя суммы на руки помѣщикамъ, не было увѣрено въ правильномъ израсходованіи ихъ, такъ какъ часто дворяне прикарманивали себѣ эти деньги, выдавая лишь ничтожную часть крестьянамъ. — Во времена Павла I помѣщики считались лучшими даровыми «полицмейстерами», освобождая правительство отъ извѣстныхъ расходовъ. Но эти незабвенные полицмейстеры слишкомъ хорошо доказали свою полную несостоятельность, доводя крестьянъ до частыхъ волненій, возстаній и проявленій недовольства, такъ что правительство не могло быть увѣрено въ государственномъ спокойствіи.

Крѣпостныя отношенія не допускали и развитія промышленности. Это сознавалъ еще Николай I. «Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности»[1].

---

[1] П. В. Анненковъ и его друзья. I. Письмо Бѣлинскаго къ Анненкову, стр. 599—607. Изд. 1892.

говорилъ онъ въ рѣчи смоленскимъ депутатамъ отъ дворянства, указывая, почему необходимо подумать серьезно о прекращеніи крѣпостного состоянія. Здѣсь опять-таки непосредственно замѣшаны были интересы государства. Ружья, пушки, сукно для казенныхъ надобностей производились на фабрикахъ, основанныхъ на подневольномъ трудѣ. Правительство всячески взращивало, лелѣяло нашу промышленность, но тѣмъ не менѣе она плохо развивалась, и это въ самой значительной степени зависѣло отъ невыгодности подневольнаго труда. — Въ Крымскую войну особенно ясно проявилась непригодность и дурное качество продуктовъ, производимыхъ на фабрикахъ помощью подневольнаго труда. «Наши ружья, орудія, военные и артиллерійскіе снаряды, заготовленные на казенныхъ фабрикахъ, во многихъ случаяхъ оказывались дурного качества и не выдерживали сравненія съ иностранными. Люди спеціальные, близко знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ, что одно только и есть средство сравняться въ этомъ отношеніи съ иностранными государствами — заказывать снаряды и оружія частнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ» [1]). Развитіе же частныхъ фабрикъ и заводовъ возможно было лишь при наличности свободныхъ, вольнонаемныхъ рабочихъ, для чего требовалось уничтоженіе крѣпостного права. Такимъ образомъ, само правительство въ своихъ ближайшихъ нуждахъ оказывалось заинтересованнымъ въ развитіи промышленности, основанной на свободномъ трудѣ.

Въ Крымскую войну явно обнаружилась вся несостоятельность и невозможность того бюрократизма, который царствовалъ въ николаевское время. Со своими порядками Россія дошла до паденія Севастополя. Между тѣмъ переустройство арміи, судовъ и т. п. реформы управленія были такъ тѣсно связаны съ крѣпостнымъ правомъ, что невозможно было начинать одну реформу безъ другой. Крѣпостное право развращало чиновничество, пропитывало насквозь весь государственный организмъ. Чиновники, привыкнувъ брать взятки съ помѣщиковъ, существовать на ихъ счетъ, переносили свои привычки на все. Взяточничество, презрѣніе къ человѣческой личности, произволъ старшихъ надъ младшими существовали всюду, въ арміи, флотѣ, въ канцеляріяхъ, въ высшихъ инстанціяхъ и въ низшихъ. Никакіе законы, распоряженія, угрозы высшаго правительства не могли искоренить взяточничества

---

[1]) Кавелинъ, т. II, стр. 15.

чиновниковъ, когда чуть не половина населенія находилась въ рукахъ помѣщиковъ, распоряжавшихся личностью своихъ крѣпостныхъ, какъ имъ заблагоразсудится. Да и какъ чиновникъ, самъ имѣющій — законнымъ или незаконнымъ образомъ — крѣпостныхъ, могъ уважать личность подчиненнаго въ канцеляріи или правленіи, когда, придя домой, онъ, безо всякаго вниманія къ личности своего слуги, могъ сѣчь, бить его безнаказанно за малѣйшую провинность, женить, сослать и т. д.

Передъ правительствомъ стоялъ призракъ возможнаго повторенія пугачевщины. Это опасеніе выражали сами государи. Еще Екатерина II писала въ 1767 г. о крѣпостномъ состояніи: «Если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго наказанія (крѣпостного права), — то и противъ воли сами (крестьяне) оную (свободу) возьмутъ рано или поздно» [1]), Николай I выразилъ ту же мысль въ рѣчи къ депутатамъ отъ смоленскаго дворянства: лишь переводъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные можетъ предупредить «крутой» переломъ. «Лучше намъ отдать добровольно, чѣмъ допустить, чтобы отъ насъ отняли», говорилъ онъ [2]).

Въ своихъ письмахъ къ кн. Паскевичу Николай I отчасти указываетъ причины, по которымъ онъ такъ опасался крестьянскихъ волненій. Неодобрительно относясь къ политикѣ австрійскаго правительства въ Галиціи, косвенно поощрявшаго враждебное отношеніе крестьянъ къ полякамъ-помѣщикамъ, Николай I пишетъ въ 1846 г. по поводу галиційскаго возстанія крестьянъ. «Вѣрю очень, что теперь австрійцамъ не легко будетъ приводить народъ къ порядку, ибо сколько народное орудіе въ томъ случаѣ имъ не было полезно, оно самое опасное, ибо выводитъ изъ порядка и послушанія, *а тутъ и коммунизмъ готовъ*» [3]). Поручивъ Бибикову не допускать въ Подольской и Волынской губерніяхъ ничего подобнаго тому, что было въ Галиціи, Николай I замѣчаетъ, что «никогда не дозволитъ распорядковъ снизу, а хочетъ, чтобы ждали сверху». Совѣтуя кн. Паскевичу предупредить движеніе крестьянъ противъ польскихъ пановъ. Нико-

---

[1]) Милюковъ. «Крестьяне». Словарь Брокгауза Ефрона. XVI А. стр. 693.

[2]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 163—165; отрывокъ изъ письма В. Г. Бѣлинскаго къ П. В. Анненкову.

[3]) Кн. Щербатовъ. «Кн. Паскевичъ Эриванскій», т. V, стр. 361-373, 552—580, т. VI, стр. 213—214, а также «Николай I въ его письмахъ къ кн. Паскевичу». «Русск. Архивъ», 1897 г., кн. 1. Курсивъ мой. *П. П.*

лай I пишетъ: «Они (крестьяне) доноси, сжели подозрѣваютъ, но не распоряжайся сами». Въ другомъ письмѣ того же года онъ пишетъ: «Происходящее въ Галиціи—урокъ добрый и доказываетъ еще разомъ болѣе, что никогда черни воли давать не должно, что у насъ отнюдь не допущу. Чернь должна слушать, а не дѣйствовать по себѣ». Вполнѣ согласно съ такими взглядами, Николай I былъ сторонникомъ суровыхъ репрессій по отношенію къ крестьянамъ, выходящимъ изъ повиновенія помѣщикамъ. Онъ учредилъ въ 1826 г. смѣшанные военные суды (изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ), которымъ предавались крестьяне, виновные въ неповиновеніи помѣщикамъ. Преданіе военному суду крестьянъ стало обычнымъ явленіемъ въ николаевское время, при чемъ если число осужденныхъ не превышало 9 человѣкъ, то приговоръ утверждался самимъ губернаторомъ. Въ голодный 1833 г., когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среди крестьянъ возникли волненія на почвѣ недостатка продовольствія, онъ положилъ такую резолюцію на одной изъ бумагъ по поводу усмиренія крестьянъ: «строжайше подтвердить всѣмъ мѣстнымъ властямъ всѣ буйства укрощать не потворствомъ, а наказывая виновныхъ силою» [1]). Въ письмѣ къ князю Паскевичу отъ 15 ноября 1846 г. онъ писалъ по поводу волненія въ Гродненской губ.: «бунтующихъ мужиковъ въ Бѣлостокѣ надо примѣрно наказать, какъ и вездѣ, гдѣ затѣваютъ выходить изъ повиновенія» [2]).

Подобныхъ взглядовъ, видимо, держался и наслѣдникъ престола, Александръ Николаевичъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ 5 членовъ секретнаго комитета 1848 г., которые признали нужнымъ отмѣнить указъ 8 ноября 1847 г., между прочимъ, потому, что «духъ безпокойства, возбужденный этимъ указомъ среди необразованной части народонаселенія, угрожаетъ государству весьма вредными послѣдствіями, и что мѣры къ ихъ предупрежденію съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе настоятельно необходимыми. Предвидя, что отмѣна этого указа можетъ возбудить безпорядки, они полагали, что лучше подавить ихъ однажды, нежели безпрестанно возбуждать ихъ объявленіями о выкупѣ» [3]). Въ рѣчи къ московскому дворян-

---

[1]) «Русск. Архивъ», 1895 г., № 5, стр. 28.—Ср. Мордовцевъ. «Накан. воли», стр. 190.

[2]) «Ник. I въ его письмахъ къ кн. Паскевичу». «Русск. Архивъ», 1897 г., кн. I, стр. 41.

[3]) В. И. Семевскій. «Кр. вопр.», т. II, стр. 265.

ству въ 1856 году Александръ II очень ясно сказалъ: «Лучше, чтобы освобожденіе произошло сверху, нежели снизу».

Особенно сильное вліяніе могла оказать на правительство Крымская война. Необходимость въ критическій моментъ борьбы со внѣшнимъ врагомъ считаться съ внутренними волненіями, для усмиренія которыхъ требовались даже военныя силы, громко напоминала правительству о невозможности сохраненія крѣпостного права. Волненія эти обнаружили внутреннюю слабость Россіи передъ внѣшними врагами, ослабляли ее, показывая, что государство въ критическія минуты своего существованія не можетъ разсчитывать на внутреннее спокойствіе. Обширность мѣстностей, захваченныхъ волненіями 1854 и 1855 гг. показала правительству, что народъ нетерпѣливо ждетъ освобожденія. Можно было ожидать еще сильнѣйшихъ волненій по окончаніи Крымской войны. Правительство понимало это, и, можетъ-быть, именно Крымская война повліяла въ такомъ смыслѣ на императора Александра II, что онъ выступилъ послѣ заключенія Парижскаго мира убѣжденнымъ сторонникомъ крестьянской реформы.

Правительство много разъ приступало къ крестьянскому вопросу съ намѣреніемъ разрѣшить его тѣмъ или другимъ способомъ; встрѣчая сильную оппозицію со стороны дворянъ и высшихъ чиновныхъ лицъ, попытки эти сходили на нѣтъ. Надъ уничтоженіемъ крѣпостного права задумывалась еще Екатерина II. Она предложила въ 1766 г. С.-Петербургскому Вольно-Экономическому обществу тему на премію: насколько полезно для общества предоставленіе крестьянамъ правъ собственности на землю, и насколько должно простираться право собственности, — тему, возбудившую интересъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Александръ I серьезно интересовался крестьянскимъ вопросомъ. При немъ былъ даже изданъ знаменитый указъ 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Съ твердымъ намѣреніемъ предпринять рядъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ вступилъ на престолъ Николай I. На него повліяло, можетъ-быть, то обстоятельство, что въ кружкахъ декабристовъ крѣпостной вопросъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ, волновавшихъ членовъ общества. Какъ извѣстно, при Николаѣ I засѣдало девять секретныхъ комитетовъ, но всѣ они привели къ ничтожнымъ результатамъ. Николай I встрѣчалъ оппозицію даже среди приближенныхъ къ себѣ лицъ: онъ называлъ Киселева единственнымъ лицомъ, сочувствовавшимъ ему въ его освободительныхъ планахъ. — При Николаѣ I было сдѣлано много мелкихъ измѣненій и улуч-

шеній въ положеніи крестьянъ, но они оставались по большей части мертвою буквою. Изъ мѣръ, принятыхъ имъ, наиболѣе важны въ смыслѣ ликвидаціи крѣпостного права указы 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ и 1847 г. о выкупѣ помѣщичьихъ имѣній съ публичнаго торга самими крестьянами въ тридцатидневный срокъ.

Указъ 1803 г. былъ самымъ дѣйствительнымъ, такъ какъ на основаніи его съ 1804 по 1858 гг. освободилось 107.796 чел. помѣщичьихъ крестьянъ [1]). — Условія освобожденія по этому указу были троякаго рода: 1) крестьяне получали свободу съ землею, внося господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) при увольненіи сумма разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности; 3) крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами [2]). Указъ имѣлъ ту несомнѣнно хорошую сторону, что ставилъ непремѣннымъ условіемъ земельное обезпеченіе крестьянъ при освобожденіи. Неблагопріятнымъ условіемъ для крестьянъ было требованіе подѣлить землю между крестьянами по участкамъ такъ, чтобы и по освобожденіи каждый самъ отвѣчалъ за свои повинности. Кошелевъ указываетъ, что это обстоятельство удерживало многихъ помѣщиковъ отъ освобожденія, такъ какъ этимъ раздѣломъ нарушался существующій у крестьянъ институтъ круговой поруки, который могъ служить обезпеченіемъ исправной уплаты выкупной суммы. Впрочемъ, это требованіе рѣдко исполнялось въ дѣйствительности, такъ какъ большею частью дѣлежъ земли предоставлялся самимъ крестьянамъ. Въ 1838 г. было дозволено то, что совершалось въ жизни: крестьяне могли сами производить дѣлежъ земли, если это было оговорено въ условіяхъ освобожденія. Дѣлежъ производился по числу душъ, по количеству внесеннаго каждымъ выкупа, а въ иныхъ случаяхъ было предоставлено крестьянамъ произвести раздѣлъ земли «полюбовно». Иногда встрѣчалось повтореніе передѣловъ земли пропорціонально суммѣ выкупа въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ дѣлежъ былъ произведенъ на этомъ основаніи. «Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянамъ самимъ предоставлялось произ-

---

[1]) Милюковъ. «Крестьяне». стр. 698. Словарь Брокгауза и Ефрона, полутомъ 32.

[2]) В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ». Введеніе, стр. XV—XVI.

вести раздѣлъ земли, они обыкновенно продолжали владѣть ею на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, т.-е. съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Тамъ же, гдѣ уцѣлѣло участковое землевладѣніе, оно привело, судя, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ въ Московской губерніи, къ печальнымъ послѣдствіямъ» [1]). По указу 1803 г. за неисправное исполненіе своихъ обязанностей свободные хлѣбопашцы могли быть обращаемы опять въ крѣпостные. Это не улыбалось помѣщикамъ, такъ какъ съ крестьянами, привыкшими уже къ личной свободѣ, трудно было бы справляться. Поэтому помѣщики большею частью освобождали крестьянъ лишь при единовременной уплатѣ выкупной суммы, что могли исполнить лишь рѣдкіе крестьяне; въ силу этого случаи освобожденія встрѣчались рѣдко [2]). Правительство же очень рѣдко приходило на помощь крестьянамъ путемъ кредита. Нерѣдко помѣщики для устраненія риска заключали домашнее условіе и дѣлали офиціальное лишь послѣ уплаты крестьянами полной суммы выкупа. При этомъ нерѣдко происходили злоупотребленія. Иногда помѣщикъ, заключившій домашнее условіе, умиралъ, а наслѣдники ничего не желали знать про заключенное условіе. — Препятствовало дѣйствію указа 1803 г. множество инстанцій, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе освобожденія. Это было необходимо, такъ какъ условія могли быть невыгодными для крестьянъ, но за то помѣщики могли останавливаться передъ массою формальностей. Иногда дѣло объ освобожденіи тянулось нѣсколько лѣтъ. Крестьянъ освобождали на условіяхъ крайне разнообразныхъ, начиная съ полнаго выкупа съ единовременною уплатою или съ разсрочкою платежа на извѣстное число лѣтъ и кончая вѣчнымъ обязательствомъ передъ различными учрежденіями, большею частью благотворительными. Безъ всякой платы крестьяне были освобождены при Николаѣ I лишь въ 9-ти случаяхъ изъ 250-ти, а при Александрѣ I — въ 17-ти изъ 160.

По указу 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ было освобождено крѣпостныхъ менѣе, чѣмъ по указу 1803 г., а именно по десятой ревизіи ихъ числилось 59.998 д. обоего пола (изъ нихъ 29.748 д. м. п.). Въ силу этого указа по добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ послѣдніе могли сохранять принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю со всѣми ея угодьями и богатствами,

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II. стр. 220—221.
[2]) Кошелевъ, стр. 102—105.

какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, крестьяне же получали отъ господина участки земли въ пользованіе за условленныя повинности, которыя могли быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обрабатываніемъ помѣщичьей земли или другою работою. Помѣщикъ сохранялъ право на вотчинный судъ, расправу и наблюденіе за сельскою полиціею. Заботы о продовольствіи и вспомоществованіи въ несчастныхъ случаяхъ падали на собственныя средства обязанныхъ крестьянъ подъ наблюденіемъ помѣщика, который могъ и эту обязанность передать правительству. Въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ было запрещено увольнять крестьянъ въ обязанные по духовному завѣщанію [1]). — Ничтожное количество освобожденныхъ по этому указу объясняется въ значительной мѣрѣ неопредѣленностью въ условіяхъ освобожденія. Кошелевъ въ одной изъ своихъ записокъ по крѣпостному праву указываетъ на недостатки указа. Главный недостатокъ — его половинчатость. Желаютъ уничтожить крѣпостное право и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ его. Крестьяне не могли считать крѣпостное право уничтоженнымъ при сохраненіи барщины и вотчинной власти помѣщика; они не освобождались даже отъ тѣлесныхъ наказаній по волѣ помѣщика. Крестьяне какъ будто освобождены и вмѣстѣ съ тѣмъ остаются прикрѣпленными къ землѣ, и не къ своей, а къ чужой, они видятъ въ землевладѣльцѣ своего судью, исправника и чуть-чуть не прежняго своего помѣщика. Крестьянинъ имѣлъ право жалобы на помѣщика, но при матеріальной силѣ и власти помѣщика, при подкупности чиновниковъ ему слишкомъ трудно было бы добиться правды. Съ другой стороны, «помѣщикъ, лишаясь части своихъ прежнихъ правъ и долженствуя уважать постановленныя ограниченія его власти, сохраняетъ преимущество судить и наказывать, но при неисполненіи договора крестьянами имѣетъ жаловаться полиціи и, съ неубраннымъ хлѣбомъ и незасѣянными полями, ожидать отъ нея должнаго удовлетворенія» [2]). Даже исходъ дѣла въ пользу помѣщика не облегчалъ его положенія при обыкновенно долгомъ веденіи дѣла, такъ какъ ему нужна немедленно работа крестьянина, чтобы не потерпѣть убытка; описать же имущество крестьянина — это значитъ разорить его, а отсюда пойдетъ необезпеченность крестьянскихъ платежей. Нужно замѣтить, кромѣ того, что *добровольно* (чего требовалъ указъ

---

[1]) Матеріалы для исторіи упразднен. крѣп. состоянія, т. II, стр. 117.
[2]) Кошелевъ. «Записки», стр. 99.

1842 г.) лишить себя крѣпостного труда согласились бы очень немногіе помѣщики даже при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ освобожденія [1]).

По указу 8 ноября 1847 г., позволившему крѣпостнымъ выкупаться при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, выкупилось лишь ничтожное количество крестьянъ, а именно 964 души мужескаго пола. Крестьяне могли выкупаться путемъ взноса состоявшейся на торгахъ цѣны или полной оцѣночной суммы въ теченіе тридцати дней со времени выслушанія ими о томъ объявленія. Казна при этомъ не открывала крестьянамъ никакого кредита. Естественно, что крестьяне, желая выкупиться, продавали послѣднее имущество, разорялись, закабаляли себя напередъ купцамъ и другимъ лицамъ, дававшимъ имъ взаймы, лишь бы выйти на свободу. Если же имъ не удавалось собрать денегъ къ сроку, то они просили отсрочки, просили у казны пособій на выкупъ, а отказы вызывали у нихъ раздраженіе и волненія. Помѣщики, покупавшіе такія имѣнія, встрѣчались очень враждебно, и имъ зачастую не желали подчиняться. Безпорядки по поводу этого указа были въ 14-ти губерніяхъ, и въ трехъ случаяхъ потребовалась военная сила. Дворянство относилось очень враждебно къ указу, роптало, говоря, что крестьяне нарочно перестанутъ исполнять повинности, чтобы разорить помѣщиковъ и вызвать продажу имѣнія съ публичнаго торга. — Правительство негласно отмѣнило дѣйствіе указа въ 1849 г.: полученіе крестьянами продающихся съ торговъ имѣній было поставлено въ зависимость отъ согласія помѣщика освободить ихъ на основаніи указа 1803 г., внеся всю сумму долга или переведя послѣдній на крестьянъ. Однако выкупы на основаніи указа 1847 г. продолжались до 1852 г. включительно. Этотъ указъ былъ бы полезенъ, если бы государство открыло кредитъ крестьянамъ, желающимъ выкупиться. Онъ важенъ тѣмъ, что признавалъ землю за крестьянами и оговаривалъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія при переходѣ земли въ собственность крестьянъ. Эти двѣ основы крестьянской реформы получили, стало-быть, право гражданства въ правительственныхъ сферахъ.

Были и другіе способы сокращенія массы крѣпостныхъ. Укажу ихъ вкратцѣ. Въ царствованіе Николая I въ велико-

[1]) Указъ 2 апрѣля 1842 г. вызвалъ въ народѣ ложные толки, повлекшіе за собой въ нѣкоторыхъ случаяхъ волненія; всѣхъ такихъ случаевъ было 17. Никакихъ серьезныхъ замѣшательствъ и недоразумѣній этотъ указъ не вызвалъ. — В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ», т. II. стр. 67—68, 620—625.

россійскихъ губерніяхъ, съ 1838 по 1855 гг., было куплено въ казну 54.349 д. м. п.; всѣ крѣпостные, взятые въ рекруты, дѣлались свободными; крестьяне, высланные и отчужденные въ казну, поступали въ сословіе государственныхъ крестьянъ; извѣстное число крѣпостныхъ освободилось по отдѣльнымъ отпускнымъ; правительство оставляло иногда на мѣстѣ поселенія бѣглыхъ крѣпостныхъ (въ Новороссіи, Бессарабіи и Закубаньѣ), вознаграждая помѣщиковъ опредѣленною суммою; не мало имѣній было конфисковано въ западныхъ губерніяхъ послѣ польскаго возстанія 1831 г. Въ силу всѣхъ этихъ мѣръ количество крѣпостныхъ постепенно уменьшалось [1]).

По 5 рев.	(1794—96)	въ	Евр. Рос.,	Сиб. и	Остз. краѣ	было	9.889.680 д.
« 6 «	(1811)	«	«	«	«	«	10.416.813 «
« 8 «	(1835)	«	«	(освоб. въ Остз. краѣ 416.013 д. м. п.)		было	10.872.229 «
« 9 «	(1851)	«	«	«	«	«	10.708.856 «
« 10 «	(1859)	«	«	«	«	«	10.696.136 «

Эта медленность въ уменьшеніи количества крѣпостныхъ показывала, что мѣры, существующія и принимаемыя правительствомъ для ликвидаціи крѣпостного права, были слишкомъ недостаточны.

Сводя вмѣстѣ вышеизложенное, мы видимъ, что невозможно говорить объ единомъ факторѣ, подготовившемъ паденіе крѣпостного права. Народъ лишь пугалъ призракомъ пугачевщины и какъ бы подгонялъ и вызывалъ освободительное движеніе. Дворянство представляло слишкомъ разношерстную массу; у него были слишкомъ разнообразные интересы, чтобы говорить о вліяніи дворянства, какъ класса, въ освободительномъ движеніи. Наши промышленные капиталисты, конечно, желали освобожденія, но эта группа была слишкомъ незначительна, слаба, чтобы оказывать подавляющее, главнѣйшее вліяніе на правительство, хотя, конечно, такое вліяніе отчасти и было. Интеллигенція, хотя страстно желала освобожденія, но въ силу отсутствія свободы не могла имѣть сильнаго вліянія на правительственную власть. Этихъ причинъ было недостаточно не только для того, чтобы произвести самую крестьянскую реформу, но и для того, чтобы побудить правительство приступить къ реформѣ. Хотя само правительство было заинтересовано въ уничтоженіи крѣпостного права, но оно приступало къ его ликвидаціи робко, несмѣло. Необходимъ былъ какой-либо сильный толчокъ, который могъ бы вызвать рѣши-

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ», т. II. стр. 570.

тельный шагъ правительства, которое, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, было единственнымъ активнымъ элементомъ въ государствѣ, могущимъ начать реформу. — Такимъ толчкомъ, заставившимъ правительство выступить съ энергичными мѣропріятіями, послужила Крымская война. Россія должна была сознаться въ собственномъ безсиліи передъ иностранными державами и заключить позорный Парижскій миръ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ непорядковъ. Наше оружіе, приготовленное на казенныхъ заводахъ, было никуда негодно, пути сообщенія плохи, въ войскахъ свирѣпствовали эпидеміи вслѣдствіе недостатка продовольствія и врачебной помощи, такъ какъ взяточничество и недобросовѣстность господствовали отъ низшихъ сферъ до высшихъ; финансы были истощены: торговля была парализована; внутри Россіи крѣпостные волновались, желая получить свободу вступленіемъ въ ополченіи. Правительство должно было послѣ войны принять мѣры для улучшенія порядка управленія, для реорганизаціи суда, арміи, для поднятія экономическаго благосостоянія народа, чтобы получить возможность занять прежнее мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и не притти къ полному банкротству. Это заставило приступить къ радикальнымъ реформамъ.

ТАБЛИЦА № 1. **Распредѣленіе оброчныхъ и отдѣльныхъ по районамъ (во всѣхъ имѣніяхъ).**

РАЙОНЫ.	Крестьянъ.			% %		
	Оброчныхъ.	Издѣльныхъ.	Всего.	Оброчныхъ.	Издѣльныхъ.	Крѣпостнаго населенія относительно всѣхъ крестьянъ.
I. Великороссія:						
а) Нечерноземный [1]	1.576.845	1.098.595	2.675.440	58,9	41,1	28,5
б) Черноземный [2]	497.088	1.225.810	1.722.898	28,8	71,2	22,5
в) Поволжскій [3]	147.001	402.679	549.680	26,7	73,3	6,0
г) Пріуральскій сѣверный [4]	13.827	126.729	140.556	9,8	90,2	1,9
д) Астраханская губ.	2.296	343	2.639	87,0	13,0	0,1
е) Восточныя степныя [5]	26.340	128.485	154.825	17,0	83,0	1,7
II. Новороссійскія степныя [6]	342	273.814	274.156	0,1	99,9	3,2
III. Малороссія:						
а) Лѣвобережная [7]	4.966	713.778	718.744	0,7	99,3	7,8
б) Правобережная [8]	27.287	1.024.993	1.052.280	2,6	97,4	10,0
IV. Сѣверо-западный край [9]	77.334	932.406	1.009.740	7,6	92,4	9,7
V. Земля Войска Донского	85.993	2.555	88.548	2,8	97,2	1,3
	2.420.110	2	8.596.502	28,1	71,9	92,7

[1] Губ.: Вологодская, Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Псковская. [2] Губ.: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская. [3] Казанская, Саратовская, Симбирская. [4] Вятская, Пермская. [5] Оренбургская, Самарская. [6] Екатеринославская, Таврическая, Херсонская. [7] Полтавская, Черниговская, Харьковская. [8] Кіевская, Подольская. [9] Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Ковенская.

Данная таблица вычислена на основаніи «Трудовъ Ред. Ком.», т. III и IV; % крѣпостного населенія по отношенію ко всѣмъ крѣпостнымъ, вычисленъ на основаніи таблицъ Тройницкаго «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10 переписи». Закавказскія губ. исключены при составленіи таблицы. За неимѣніемъ распредѣленія крестьянъ на оброчныхъ и издѣльныхъ въ таблицу не введены губерніи: 1) Витебская (2% крѣпостнаго населенія), 2) Волынская (4%), 3) Петербургская (1,1%), 4 и 5) Ставропольская и Бессарабская (по 0,1% и 6) Архангельская (болѣе 0,01%).

Таблица

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество крестьянъ.	Т Я	
			Оброчныя.	Смѣшанныя.
Владимирская	390	147.700	53.913½	14.450
Ярославская	474	114.790	37.206½	16.490¾
Костромская	508	142.474	40.836¼	19.377½
Олонецкая	16	2.097	428½	484½
Московская	593	171.921	53.298¼	11.977½
Вологодская	167	41.185	11.415¼	2.893½
Нижегородская	506	186.252	37.837¾	24.798
Тверская	690	175.828	26.813¼	27.702¾
Новгородская	373	90.583	11.140¾	14.773¾
С.-Петербургская	161	46.197	7.680¾	5.230¾
Калужская	511	165.008	31.757½	10.252½
Смоленская	608	180.745	15.032¾	14.273½
Псковская	408	99.445	16.648½	1.194
Въ 13 нечерноземныхъ губ.	5.405	1.564.225	344.009½	163.899
Воронежская	373	148.582	45.663½	7.709
Рязанская	670	183.705	26.673½	7.668
Тульская	250	205.590	14.176½	7.096
Саратовская	496	186.001	10.098⅜	10.162
Орловская	705	191.897	9.055¾	10.530¾

ц а № 2.

Г Л А.							
Издѣльныя.	Всего.	% оброч-ныхъ.	% смѣшан-ныхъ.	% издѣль-ныхъ.	% оброч-ныхъ и смѣ-шанныхъ.	% издѣль-ныхъ и смѣ-шанныхъ.	Количество душъ прихо-дящихся на 1 тягло.
5.884 1/4	74.247 3/4	72,61	19.46	7.93	91.53	8.47	1.99
5.196 3/4	58.894	63.17	28.00	8.83	90.87	9.13	1.95
7.138	67.351 3/4	60.63	28.77	10.60	89.13	10.87	2.11
117	1.130	41.60	47.04	11.36	88.64	11.36	2.03
15.943 1/2	81.219 1/4	65.62	14.75	19.63	80.27	19.73	2.12
3.263 1/4	17.572 1/2	64.96	16.47	18.57	80.04	19.96	2.34
21.195	83.830 3/4	45,14	29,58	25,28	74.38	25.62	2,21
25.176	89.692	33.65	34.76	31.59	68.25	31.75	2,21
13.499 1/2	39.414	28.27	37.48	34.25	65.14	34.86	2,30
6.941 3/4	19.853 1/4	38.69	26.35	34.96	63.14	36.86	2,33
29.378 1/2	71.388 1/2	44.49	14.36	41.15	58.79	41.21	2.31
52.209 1/2	81.515 3/4	18.44	17.51	64.05	33.89	66.11	2.22
34.680	52.522 1/2	31.70	2.27	66.03	32.81	67.19	1.89
220.623 1/2	728.532	47.23	22.49	30.29	68.78	31.22	2.15
37.161	90.533 1/2	50.44	8.52	41.04	58.76	41.24	2.62
37.232	71.573 1/2	37.27	10.71	52.02	47.98	52.02	2.56
56.097 1/4	77.369 3/4	18,33	9.17	72,50	27.23	72.77	2,65
53.159 1/2	73.419 7/8	13.76	13.84	72.40	25.99	74.01	2.53
54.928 1/2	74.515	12.15	14.13	73.72	25.88	74.12	2.57

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество крестьянъ.	Т Я	
			Оброчныя.	Смѣшанныя
Симбирская	437	152.955	10.585½	4.794½
Тамбовская	798	238.514	9.618½	10.579
Самарская	266	83.249	1.064½	5.533¼
Пензенская	465	167.560	7.010½	4.316½
Курская	611	183.108	7.348¾	2.419½
Въ 10 черноземныхъ губ. . . .	5.071	1.741.161	141.295⅜	70.809
Въ 23 великорусскихъ губ. . .	10.476	3.305.386	485.304¾	234.707¾
		Оброчныхъ крестьянъ.		
Харьковская	31	14.319	—	—
Черниговская	41	4.201	—	—
Полтавская	61	2.453	—	—
Екатеринославская [1]	—		—	—

[1] Нужно замѣтить, что въ малороссійскихъ губерніяхъ и Екатеринослав указано количество оброчныхъ тяголъ, иногда оброчныхъ душъ, иногда лишь о оброчныхъ и издѣльныхъ можно принимать лишь, какъ приблизительный. В тягла переведены на души, руководствуясь среднимъ числомъ душъ на 1 тягл ніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на эти крупн ихъ, указанное въ свѣдѣніяхъ губернскихъ комитетовъ. Напр., въ Полтавской гу дахъ Ред. Ком. лишь 1.739 д.; въ Черниговской губ. въ Трудахъ Ред. Ком. губ. показано 255 душъ, тогда какъ въ Приложеніяхъ нигдѣ не отмѣчено чис роятно, больше, ибо наличность оброчныхъ, съ обозначеніемъ и безъ обозначен тавской — въ 61, въ Харьковской — въ 60, и въ Екатеринославской въ

Г Л А.							
Издѣльныя.	Всего.	% оброч-ныхъ.	% смѣшан-ныхъ.	% издѣль-ныхъ.	% оброч-ныхъ и смѣ-шанныхъ.	% издѣль-ныхъ и смѣ-шанныхъ.	Количество душъ, прихо-дящихся на 1 тягло.
44.970 1/6	60.370 1/6	17.54	7.94	74.52	25.48	74.52	2.50
68.704 1/2	88.902	10.82	11.90	77.28	21.60	78.40	2.68
28.361	34.958 3/4	3.04	15.83	81.13	18,87	81.13	2.40
49.281	60.608	11.57	7.12	81.31	18.52	81,48	2.76
48.845	58.613 1/4	12.54	4.13	83.33	16.67	83.33	3.14
478.740	690.844 3/8	20.45	10.25	69.30	30.30	69.70	2.52
699.364 1/4	1.419.376 3/4	34.19	16.54	49.27	50.05	49.95	2.33
					Оброч-ныхъ.	Издѣль-ныхъ.	
—	—	—	—	—	9.56	90.44	2.60
—	—	—	—	—	2.56	97.44	2.27
—	—	—	—	—	1.14	98.86	2,31
—	—			—	—	100.00	1.90

·кой оброчные показаны лишь въ примѣчаніяхъ, а не въ особой графѣ; иногда :начено, что есть оброчные, но сколько ихъ неизвѣстно. Поэтому и процентъ :илу этихъ же обстоятельствъ количество оброчныхъ приведено числомъ душъ і процентъ вычисленъ по отношенію къ общему числу крестьянъ въ имѣ-недостатки приводимыхъ данныхъ, количество оброчныхъ превышаетъ количество ъ Приложеніяхъ къ Тр. Ред. Ком. отмѣчено 2.453 оброчныхъ крестьянъ, въ Тру-:азано лишь 450 д.; въ Харьковской губ.—2.777 д.; лишь въ Екатеринославской :рестьянъ, отпускаемыхъ на оброкъ. Въ дѣйствительности оброчныхъ было, вѣ-ихъ количества, показана въ Черниговской губ. въ 74 имѣніяхъ, въ Пол-имѣніяхъ.

Таб

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество въ нихъ крестьянъ, надѣлен. землею.	У крестьянъ. Удобной земли. / Неудобной.	У крестьянъ. Всей земли на 1 душу.	У крестьянъ. Удобной земли на 1 душу.	У по Удобной земли. / Неудобной.
Владимирская	399	154.742	577.042,87 / 13.714.11	3.81	3.72	543.155.47 / 33.473.50
Вологодская	200	49.598	430.731.76 / 9.841.58	8.88	8.68	273.482.00 / 2.903,78
Воронежская	373	199.470	600.582.12 / 3.952.74	3.03	3.02	802.476.41 / 88.994.73
Екатеринославская . . .	356	81.842	267.192.69	3.26	3.26	1.218.590.27 / 142.675.75
Калужская	488	155.920	526.757.47 / 1.236,27	3.39	3.38	463.426.26 / 35.346.91
Костромская	526	151.301	885.666.00 / 10.655.32	5.92	5.85	1.220.041.87 / 33.058.68
Курская	623	216.987	538.798.52 / 818.14	2.49	2.48	675.808.29 / 11.277.53
Московская	595	174.239	498.453.11	—	2.86	—
Новгородская	285	73.125	629.030.66	—	8.61	843.119.20
Нижегородская	542	224.329	859.128.76 / 12.060.84	3.88	3.83	730.447.32 / 38.172,79
Олонецкая	12	1.516	11.581.53 / 201.00	7.77	7.64	82.985.14 / 580.00
Орловская	720	203.945	714.336.44	—	3.50	857.101,41
Пензенская	522	190.646	617.690.49	—	3,24	771.283.56

л и ц а № 3.

м ѣ щ и к о в ъ.		% всей удобной земли.		% всей удобной земли безъ лѣсу.		Количество имѣній.	Количество пахотной земли.	Пахотной земли на 1 душу.
Въ томъ числѣ лѣсу.	Удобной безъ лѣсу десятинъ.	у крестьянъ.	у помѣщиковъ.	у крестьянъ.	у помѣщиковъ.	Количество въ нихъ крестьянъ.		
394.547.19	148.608.28	51.51	48.49	79.52	20.48	—	—	—
117.170.23	156.311.77	61.17	38.83	73.37	26.63	—	—	—
101.882.27	703.594.14	42.71	57.29	46.05	53.95	—	—	—
36.340.50	1.182.249.77	17.98	82.02	18.43	81.57	—	—	—
297.239.93	166.186.33	53.30	46.70	76.02	23.98	481 / 154.501	402.282.02	2.60
335.327.68	884.714.19	42.06	57.94	50.02	49.98	—	—	—
74.289.56	601.518.73	44.36	55.64	47.25	52.75	623 / 216.987	434.994.89	2.00
—	—	—	—	—	—	595 / 174.239	284.569.25	1.63
539.610.99	303.508.21	42.73	57.27	67.45	32.55	—	—	—
504.795.85	225.651,47	54.05	45.95	79.20	20.80	542 / 224.329	634.895.61	2.83
76.915,80	6.069,34	12.25	87,75	65.61	34.39	11 / 1.390	2.592.79	1.87
20.794,64	836.306.77	45.46	54.54	46.67	53.33	—	—	—
310.054.13	461.229.43	44.47	55,53	57.25	42,75	—	—	—

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество ихъ крестьянъ, надѣленн. землею.	У крестьянъ.			У по
			Удобной земли. / Неудобной.	Всей земли на 1 душу.	Удобной земли на 1 душу.	Удобной земли. / Неудобной.
Петербургская	167	46.758	299.365.13 / 22.924,78	6.89	6.40	380.410.17 / 65.915.32
Полтавская	685	211.995	432.673,67	2.04	2.04	968.364.67 / 64.571.75
Псковская	446	113.334	571.070.00 / 34.381,15	5.34	5,04	899.704.60 / 41.398.64
Рязанская	681	188.235	518.563.47 / 1.682.84	2.74	2.74	567.488.02 / 56.980.40
Самарская	175	62.420	328.987,63 / 7.980.60	5.40	5.27	700.554.81 / 102.904.97
Саратовская	493	198.933	894.788.31 / 5.656.66	4.53	4.49	1.280.469.97 / 131.031.61
Симбирская	449	154.525	543.891,68 / 6.998,03	3.57	3.52	803.154.86 / 28.500.96
Смоленская	518	139.430	738.189.48 / 26.155.59	5.48	5.29	838.678.83 / 45.903.93
Тамбовская	765	232.423	669.539.95 / 429,04	2.88	2.88	1.064.828.78 / 82.975.03
Тверская	495	115.730	610.619.86 / 13.519.04	5.27	4.41	466.882.42 / 20.152.76
Тульская	278	215.049	619.352.64 / 2.633.42	2.89	2.88	604.327.28 / 7.236.65
Черниговская	593	161.718	512.822.94	3.17	3.17	693.535.16 / 80.276.25
Харьковская	458	139.955	353.741.59	2,53	2.53	923.023.21 / 82.150.26
Ярославская	577	150.871	709.008.84 / 12.533.45	4.78	4.70	431.452.20 / 9.433.31

мѣщиковъ.		% всей удобной земли.		% всей удобной земли безъ лѣсу.		Количество имѣній.	Количество пахотной земли.	Пахотной земли на 1 душу.
Въ томъ числѣ лѣсу.	Удобной безъ лѣсу десятинъ.	У крестьянъ.	У помѣщиковъ.	У крестьянъ.	У помѣщиковъ.	Количество въ нихъ крестьянъ.		
303.990.54	76.419.63	44.04	55.96	79.66	20.34	—	—	—
21.914,00	946.450.67	30.88	69.12	31.37	68.63		—	—
633.809,71	265.894.89	38.83	61,17	68.24	31.76			—
157.691.59	309.796,43	47.74	52.26	52.60	47.40		—	—
140.455,11	560.099.70	31.95	68.05	37.00	63.00	256 / 77.144	283.941.43	3,68
301.598,50	978.871.47	41.13	58.87	47.76	52.24	500 / 200.845	666.336,64	3.32
397.217,52	405.937.34	40.38	59.62	57.26	42.74	456 / 158.371	455.956,06	2.88
543.058,67	295.620.16	46.81	53.19	71.41	28.59	—		—
315.810,62	749.018.16	38.60	61.40	47.20	52.80	—	—	—
286.335.87	180.546.55	56.67	43.33	77.18	22.82	405 / 115.592	262.147.72	2.27
32.875.16	571.452.12	50.61	49.39	52.00	48.00	185 / 177.055	413.177.30	2.33
370.508,00	323.027.16	42.51	57,49	61.35	38,65	—	—	—
165.205,33	757.817.91	27.71	72,29	31,82	68.18	—	—	—
245.623,97	185.828.23	62.17	37,83	79,23	20,77	365 / 97.940	226.392.85	2,31

Таблица № 4.

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество тяголь.	Сумма оброка, взимаемаго съ нихъ.		Средній оброкъ съ тягла.	
			Руб.	К.	Руб.	К.
Самарская	22	625	17.227	79	27	56
С.-Петербургская	38	3.601 1/4	98.171	40	27	26
Саратовская	171	7.724 3/8	201.679	36	26	11
Тульская	124	5.774	134.978	84	23	38
Орловская	66	5.608	124.179	32	22	14
Пензенская	104	5.920 3/4	118.612	66	20	3
Ярославская	231	30.263 3/4	606.019	76	20	2
Калужская	267	26.226	518.443	39	19	77
Тамбовская	103	6.811 3/4	134.542	96	19	75
Новгородская	114	7.033	137.473	8	19	55
Псковская	151	11.488	224.645	79	19	55
Костромская	289	32.415 1/2	628.867	14	19	40
Рязанская	199	24.245 1/4	469.118	98	19	35
Симбирская	118	10.359	196.074	44	18	93
Нижегородская	186	30.319 1/2	568.807	52	18	76
Воронежская	68	45.055	831.904	42	18	46
Вологодская	98	8.487	151.351	43	17	83
Московская	116	16.350 3/4	288.984	45	17	67
Тверская	183	17.410	305.254	19	17	53
Владимирская	181	38.422	663.754	60	17	27
Харьковская [1]	12	641	10.911	42	17	2
Смоленская	133	11.329	190.594	54	16	82
Курская	45	2.574	40.152	66	15	60
Олонецкая	4	168	2.103	—	12	51

[1] Въ 14 имѣніяхъ съ 9.096 **душъ** взималось 40.099 р. 60 коп., т.-е. по 4 р. 41 коп. съ 1 **души.**

По Полтавской, Черниговской, а также по Екатеринославской г. свѣдѣнія о количествѣ взимаемаго оброка ничтожны и неясны. Въ Черниговской губ. съ полнаго хозяйства брали рублей 20 въ среднемъ, но иногда оброки доходили до 70 р.; съ безземельныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ брали по 10 р. Въ Полтавской губ. оброки колебались между 1 р. 50 коп. и 75 р. съ души. Въ Екатеринославской губ. оброкъ показанъ въ 2-хъ имѣніяхъ: въ одномъ брали 34 р. 30 коп. съ тягла, въ другомъ—42 р. 50 коп. съ тягла.

Таблица № 5.

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество крестьянъ.	Количество дворовыхъ.	% дворовыхъ.	% дв. и кр. на двор. пол. и т.п.	Количество кр. и др. во всѣхъ имѣніяхъ (по Тройницкому).	% кр. и двор., помѣчен. въ „Извлеченіяхъ", по отнош. къ общ. числу ихъ.
Екатеринославская	422	94.299	13.603	12.61	—	163.058	66.17
Харьковская . . .	461	149.739	19.260	11.33	16.00	230.096	73.45
Курская	630	220.133	23.436	9.62	9.62	349.003	66.79
Орловская	720	208.052	18.370	8.11	8.18	350.750	64.55
Тамбовская . . .	811	245.745	20.136	7.57	7.88	370.664	71.74
Самарская	270	84.705	6.599	7.24	8.25	113.360	80.54
Воронежская . .	382	202.152	14.296	6.60	9.52	258.034	83.88
Тульская	279	217.002	13.939	6.03	6.66	396.603	58,23
Пензенская . . .	522	190.646	10.536	5.24	5.70	267.732	84.57
Саратовская . . .	502	201.327	11.050	5.20	5.86	323.400	65.67
Симбирская . . .	456	159.174	8.403	5.01	5.33	214.920	77.97
Рязанская	688	190.516	9.969	4.97	5.22	392.080	51.13
Новгородская . .	387	94.982	4.170	4.21	5.77	200.467	49.44
Тверская	724	197.583	8.286	4,19	5.67	361.702	56.92
Смоленская . . .	623	196.435	8.470	4,13	4.13	367.115	55.81
Черниговская . .	604	164.134	6.831	4,00	—	266.410	64.17
Калужская . . .	525	167.884	6.538	3,75	3,76	284.624	61.28
Псковская	446	113.404	4.392	3.73	4.76	184.538	63.83
Ярославская . . .	548	151.650	5.222	3,33	3.33	257.296	60.97
С.-Петербургская .	173	48.927	1.613	3.19	3.19	122.450	41.26
Московская . . .	611	181.051	5.447	2.92	2.92	298.019	62.58
Вологодская . . .	202	49.676	1.478	2,89	4.22	102.805	49.71
Костромская . . .	528	157.233	4.339	2,68	2.70	292.589	55.22
Владимирская . .	400	156.585	3.285	2,05	2.05	326.695	48.93
Нижегородская .	546	232.187	4.755	2.01	2.01	347.392	68.20
Олонецкая	16	2.100	41	1,91	1.95	5.411	39.57
Полтавская . . .	695	215.055	1.269	0.59	—	326.404	66,27

Таблица № 6.

ГУБЕРНІИ.	Количество имѣній.	Количество въ нихъ крестьянъ.	ТЯГЛЯ. Тяглыя.	ТЯГЛЯ. Полутяглыя.	ТЯГЛЯ. Пѣшія.	ТЯГЛЯ. Имѣющія только усадьбу.	ТЯГЛЯ. Всего.	% % Тяглыя.	% % Полутяглыя.	% % Пѣшія.	% % Имѣющія только усадьбу.	На 1 тягло душъ.	Количество крестьянъ, надѣленныхъ землею.	% % хозяевъ, надѣлен. землею къ общ. чис. тяглъ.
Черниговская . .	604	161.134	16.221	—	24.093	2.052	72.396	63.84	—	33.28	2.88	2.27	—	—
Полтавская . .	694	214.945	17.314	7.459	68.180	—	92.953	18.63	8.02	73.35	—	2.31	85.982	92.91

Таблица № 7.

ГУБЕРНІИ.	Колич. имѣній.	Количество ихъ крестьян.	Тягла. Водовыя.	Конныя.	Пѣшія.	Всего.	% % Водовыя.	Конныя.	Пѣшія.	На 1 тягло душъ.
Харьковская [1].	454	138.209	16.893	20.433 1/4	15.737 1/2	53.063 3/4	31.84	38.50	29.66	2.60
Екатеринославская [2]	398	91.203	16.918	1.882	29.165	47.965	35.27	3.92	60.81	1.90

Таблица № 8.

Земельные надѣлы тяглыхъ и пѣшихъ тяголъ въ Черниговской г.

Тягла.	Количество имѣній.	Количество тяголъ.	Количество земли.	Десятинъ земли на 1 тягло [3].
Тяглыя . . .	336	27.111	169.323.84	6.25
Пѣшія . . .	163	11.170	40.556.00	3.63

[1] Количество крестьянъ приведено безъ крестьянъ, состоящихъ на дворовомъ положеніи. Въ общемъ количествѣ тяголъ—113 (294 р. д. м. п.)—не надѣлены землею.

[2] Въ указанныхъ 398 имѣніяхъ показано 47.487 хозяевъ, надѣленныхъ землею. Въ 23 имѣніяхъ указано 1.408 дворовыхъ, надѣленныхъ землею.

[3] Принимая во вниманіе, что на 1 тягло приходилось въ среднемъ 2,27 души, у тяглыхъ приходилось 2,75 дес. на 1 р. д. м. п., у пѣшихъ—1,60 дес.

Таблица

Распредѣленіе земли между тяглыми,

Количество имѣній.	Количество крестьянъ.	Тягла. Надѣленныя землею. Тяглыя.	Полутяглыя.	Пѣшія.	Всего.	Безземельныя [1].	Всего.	Десятинъ земли. У тяглыхъ.	У полутяглыхъ.	У пѣшихъ.	Всего.
179	45.329	3.337	1.145	12.051	16.533	1.577	18.110	20.884,35	3.564.94	33.565,35	58.014.64

Таблица

Распредѣленіе земли между воловыми, конными

Колич. имѣн.	Количество крестьянъ.	Тягла. Воловыя.	Конныя.	Пѣшія.	Всего.	Десятинъ земли. У воловыхъ.	У конныхъ.	У пѣшихъ.	Всего.
433	119.944	15.637	16.543¼	13.745½	45.925¾	110.346.72	103.002.77	61.705.46	275.054.95

[1] Изъ нихъ 24 полутяглыхъ и 1.553 пѣшихъ тягла.

ц а № 9.

полутяглыми и пѣшими въ Полтавской губ.

% % Тягла. Надѣленныя землею. Тяглыя.	Полутягл.	Пѣшія	Всего.	Безземельныя.	% % Десятинъ земли. У тяглыхъ.	У полутяглыхъ.	У пѣшихъ.	Десятинъ земли на 1 тяг. Тяглое.	Полутяглое.	Пѣшее.	Средней надѣлъ.
20.19	6.92	72.89	90.46	9.54	36.00	6.32	57.68	6.26	3.11	2.79	3.51

ц а № 10.

и пѣшими тяглами въ Харьковской губ.

% % Тягла. Воловыя.	Конныя.	Пѣшія.	% % Десятинъ земли. У воловыхъ.	У конныхъ.	У пѣшихъ.	Десятинъ земли на 1 тягло. Воловое.	Конное.	Пѣшее.	Средній надѣлъ.
34.05	36.02	29.93	40.12	37.45	22.43	7.06	6.23	4.49	5.98

Списокъ источниковъ и пособій.

Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Извлеченія изъ описаній имѣній по великороссійскимъ губерніямъ. Т. I—VI.

Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Тт. III, VI, XV и XVI. С.-Петербургъ, 1860 г.

Тройницкій. „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи". С.-Петербургъ, 1861 г.

Матеріалы для исторіи крѣпостного права въ Россіи. Извлеченіе изъ секретныхъ отчетовъ мин. внутр. дѣлъ за 1836—56 гг.

Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II. Тт. I—II. Берлинъ, 1861 г.

Ю. Янсонъ. „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". С.-Петербургъ, 1881 г.

Скребицкій. „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II". Тт. I, II, III. Боннъ на Рейнѣ, 1862 г.

А. Гакстгаузенъ. „Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи". Т. I. Москва, 1869 г.

Baron Auguste de Haxthausen. „Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie". Vv. II и III. Berlin, 1853 г.

Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права". С.-Петербургъ, 1870.

Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ Киселевъ и его время". Т. IV. С.-Петербургъ, 1882 г.

Самаринъ. Сочиненія, т. II.

Кавелинъ. Сочиненія, т. II.

А. И. Кошелевъ. „Записки". Берлинъ, 1884 г. (Въ приложеніи: „Записка по уничтоженію крѣпостного состоянія въ Россіи".)

В. И. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II". Т. I. С.-Петербургъ, 1903 г.

В. И. Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". Тт. I—II. С.-Петербургъ, 1888 г.

В. И. Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова". Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній, т. I.

В. И. Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка" Ст. въ сборникѣ „Крестьянскій строй". С.-Петербургъ, 1905 г.

В. И. Семевскій. „По поводу статьи г. Рожкова". „Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи". „Рус. Мысль", 1902 г., кн. IV.

Кн. Н. Волконскій „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ". Рязань, 1898 г.

П. Б. Струве. „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ" Міръ Божій", 1899 г., кн. 10—12.

П. Б. Струве. „Попытки артельныхъ организацій". „Начало", 1899 г., №№ 1—2.

П. Милюковъ. „Крестьяне". Энциклопедическій словарь, т. XVI, А. Изданіе Брокгауза и Ефрона.

А. Семеновъ. „Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 г.". С.-Петербургъ, 1859 г.

Ст. О. Гулишамбаровъ. „Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи". С.-Петербургъ, 1898 г.

Туганъ-Барановскій. „Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ".

А. Бажановъ. „Опытъ земледѣлія вольнонаемнымъ трудомъ". Москва, 1860 г.

Ф. Д. Бобковъ. „Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка". „Историч. Вѣстникъ". 1907 г. V—VI.

Н. В. Веригинъ. „Записки" „Рус. Стар.", 1893 г., кн. IV и VII.

Е. Н. Водовозова. „Воспоминаніе". „Минувшіе Годы", 1908 г., кн. II—XII.

Н. Волковъ. „Соображенія объ устройствѣ крестьянъ Черниговской губ., „Журналъ Землевладѣльцевъ", 1858 г., кн. XII.

С. Волковъ. „Объ отдачѣ земель въ аренду и о вольнонаемномъ трудѣ въ Моск. губ". „Журналъ Землевладѣльцевъ", 1858 г., кн. XII.

Воспоминанія декабриста Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г. „Русск. Стар.", 1886 г., февраль.

Воспоминанія, мысли и признанія доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина. „Русск. Стар.", 1895 г., май, іюль, сентябрь.

Воспоминанія крѣпостного. Опубликовано Н. Щербанемъ, „Русск. Вѣстникъ", 1877 г., кн. 7 и 9.

Воспоминанія подольскаго старожила. „Кіев. Стар.“, 1898 г., кн. II.

Воспоминанія ген.-лейт. Дм. Григ. Колокольцева. Русск. Стар.“, 1891 г., кн. III.

Воспоминанія В. И. Сафоновича „Русск. Архивъ“, 1903 г., кн. V.

Воспоминанія А. М. Ѳаддеева. „Русск. Архивъ“, 1891 г., кн. V.

Воспоминанія А. В. Панаева. „Русск. Стар.“, 1902 г., кн. I.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Николая Репнина. „Русск. Стар.“, 1896 г., кн. X.

Н. В—цкій. „Очерки дореформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи“. „Кіев. Стар.“, 1896 г., кн. VII—VIII.

Г. Данилевскій. „Харьковскій крестьянинъ“. „Журналъ Землевлад.“, 1858 г., кн. XII.

Два письма кн. Воронцова къ гр. Бенкендорфу“. „Русск. Арх.“, 1890 г., кн. VII.

Делярю. „Эпизодъ изъ крѣпостного права“. „Русск. Архивъ“, 1884 г., № 4.

Н. Демидовъ. „Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губ.“ Н.-Новгородъ, 1884 г.

Дневникъ И. М. Снѣгирева. „Русск. Арх.“, 1903 г., кн. V.

Джаншіевъ. „Эпоха великихъ реформъ“. 7-е изданіе.

С. Дмитріевъ. „Опытъ практическихъ замѣчаній Кинешемскаго земледѣльца“. Москва, 1855 г.

И. Дубасовъ. „Елатомскій помѣщикъ Кашкаровъ“. „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., кн. I.

Дубасовъ. „Къ исторіи крестьянской реформы“. „Еженедѣльное Новое Время“, 1880 г., № 53.

Ф. П. Еленевъ. „Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ“. „Русск. Арх.“, 1886 г., кн. VII.

Еимонтовскій. „Описаніе Суражскаго у., Черниговской губ.“ С.-Петербургъ, 1846 г.

Житова. „Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева“. „Вѣстникъ Европы“, 1884 г., ноябрь.

Записки гр. М. Д. Бутурлина. „Русск. Арх.“, 1898 г., кн. II.

Записки Л. П. Никулиной-Косицкой. „Русск. Стар.“, 1880 г., т. 21.

Записки сельскаго священника. „Русск. Стар.“, 1880 г., т. 27.

Императоръ Николай I въ его письмахъ къ кн. Паскевичу. „Рус. Архивъ“, 1897 г., кн. I.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украйны. „Кіевск. Стар.“, 1896 г., кн. IV.

Изъ переписки И. И. Срезневскаго. „Кіевск. Стар.“, 1901 г., кн. VII—VIII.

Изъ записокъ барона Корфа. „Русск. Стар.“, 1900 г., кн. III.

П. А. Кисловскій. „Статистическія свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства въ Кашинскомъ у., Тверской губ.“ „Журналъ сельскаго хозяйства“, 1851 г., № 12.

А. А. Корниловъ. „Крестьянская реформа въ Калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ“. С.-Петербургъ, 1904 г.

Н. А. Крыловъ. „Наканунѣ великихъ реформъ“. „Истор. Вѣстникъ“ 1903 г., кн. IX.

Колонта́ева. „Воспоминанія о селѣ Спасскомъ“. „Историческій Вѣстникъ“, 1885 г., № 10.

Н. И. Костомаровъ. „Русск. Стар.“, 1886 г., январь.

„Къ исторіи русской промышленности“. Памятная книга крестьянина с. Иванова, Шуйскаго у., Н. А. Полушина. „Русск. Архивъ“, 1898 г., кн. VI.

Ор. Левицкій. „О положеніи крестьянъ юго-западнаго края во 2-й четверти XIX ст.“ „Кіев. Стар.“, 1906 г., VII—VIII.

И. Лучицкій. „Изъ недавняго прошлаго“. „Кіев. Стар.“, 1901 г., кн. IV.

П. И. Лященко. „Очерки аграрной эволюціи Россіи“, т. I. Разложеніе натуральнаго строя и условія образованія сельско-хозяйственнаго рынка. С.-Петербургъ, 1908 г.

Ек. Лѣткова. „Крѣпостная интеллигенція“. „Отеч. Зап.“, 1883 г., кн. 11.

А. Любавскій. „Русскіе уголовные процессы“. Спб., 1866 г.

Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. *Екатеринославская* губ., составилъ генеральнаго штаба капитанъ В. Павловичъ. С.-Петербургъ, 1862 г.

То же. *Гродненская* губ., составилъ членъ Импер. Русск. Геогр. Общества генер. штаба подполковникъ П. Бобровскій. С.-Петербургъ, 1863 г.

То же. *Ковенская* губ., сост. Д. Афанасьевъ, членъ-сотруд. Импер. Русск. Геогр. Общества. С.-Петербургъ, 1861 г.

То же. *Минская* губ., сост. генер. штаба подполковникъ П. Зеленскій. С.-Петербургъ, 1864 г.

Д. Л. Мордовцевъ. „Наканунѣ воли“. Архивные силуэты. С.-Петер., 1889 г.

Н. М. „Матеріалы для новѣйшей исторіи юго-западнаго края“. „Кіев. Стар.“, 1899 г., кн. VI.

Ал. Никольскій. „Хозяйственное описаніе Балашовскаго у., Саратовской губ.“ С.-Петер., 1855 г.

А. В. Никитенко. „Записки и дневникъ“, т. I и II.

М. К. Николаева. „Деревня въ старину“. „Сѣв. Вѣстникъ“, 1891 г., № 6.

Носовичъ. „Крестьянская реформа“. С.-Петербургъ, 1900 г.

Обозрѣніе Кіевской, Волынской и Подольской губ. 1838—1850 г. „Русскій Архивъ“, 1884 г., т. III.

Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного И. Савченко. „Кіев. Стар.“, 1899 г., кн. VIII.

Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана. „Кіев. Стар.“, 1899 г., кн. XI.

Кн. Д. Д. Оболенскій. „Наброски изъ прошлаго“. „Истор. Вѣсти.“, 1893 г., кн. VII—XII.

Отмѣтки императора Николая I на представленныхъ ему бумагахъ. „Русск. Архивъ“, 1895 г., кн. V.

Описаніе улучшенія быта крестьянъ въ Подольскомъ у., Московской губ., въ имѣніи А. В. П. „Журналъ землевлад.“. 1858 г., кн. XIII.

Т. И. Осадчій. „Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губ., въ связи съ платежами крестьянъ“. Херсонъ, 1894 г.

По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 г. „Рус. Стар.“, 1896 г., кн. X.

В. Преображенскій. „Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. С.-Петербургъ, 1854 г.

М. Н. Покровскій. „Крестьянская реформа“. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ, изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ, вып. 9—10, 1909 г.

Пушечниковъ. „Замѣтки старожила“ Елецкаго у., съ 1842 по 1872 г. „Русск. Архивъ“, 1905 г., кн. IV.

Письмо пензенскаго помѣщика к. Н. А. Ж. Труды Императ. Вольн. Эк. Общ., 1845 г., № 5.

Пѣсня крѣпостного быта про галаганцевъ. „Кіев. Стар.“, 1899 г., кн. IV.

А. Д. Повалишинъ. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Рязань, 1903 г.

А. Д. Повалишинъ. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссіи. 1895 г., т. X, вып. I.

А. Д. Повалишинъ. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные (условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства“. Труды Ряз. Арх. Уч. Комиссіи, 1899 г., т. XIV, вып. 1.

А. Д. Повалишинъ. „Очерки крѣпостного права. Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными“. Труды Рязан. Арх. Уч. Комиссіи, 1896 г., т. XI, вып. II.

Процессъ крестьянъ села Лютаригъ графа А. В. Бобринскаго, обвинявшихся въ сопротивленіи должностнымъ лицамъ“. „Юридич. Вѣстникъ“, 1881 г., № 2. Хроника уголовнаго суда.

Приказъ помѣщицы Черниковой о выборѣ рекрутъ. Орелъ, 1817 г. „Русск. Стар.“, 1896 г., іюль.

Р. „Былое“ „Русск. Стар.“, 1901 г., кн. IX.

Н. А. Рожковъ. „Экон. развитіе Россіи въ 1-й половинѣ XIX вѣка“. „Ист. Россіи въ XIX в.“, изд. Тов. бр. А. и И. Гранатъ, вып. II.

Н. Рамазановъ. „Василій Андреевичъ Тропининъ“. „Русск. Вѣстникъ“, 1861 г., кн. 11.

Фонъ-Риттеръ. „Отзвуки минувшаго“. Москва, 1895 г.

Н. Рѣшетовъ. „Дѣла давно минувшихъ дней“. „Русскій Архивъ“, 1885 г., т. II, 1886 г., т. I.

Н. Рѣшетовъ. „Эпизоды при введеніи Положенія 19 февраля 1861 г.“ „Русск. Архивъ“, 1885 г., кн. 10—12.

С. „Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ“. „Устои“, 1882 г.

Н. П. Семеновъ. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“. С.-Петербургъ, 1894 г.

В. И. Снѣжневскій. „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ“. Нижегородскій сборникъ, издаваемый нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакціей А. С. Гацискаго. Т. X. Н.-Новгородъ, 1890 г.

Снѣжневскій. „Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея“. Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей и документовъ, т. III.

Сообщенія Красильникова. „Русск. Архивъ“, 1873 г., № 4.

Страничка изъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. „Русск. Стар.“, 1895 г., мартъ.

Д. Столыпинъ. „Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостного права“, „Русскій Архивъ“, 1874 г., тетрадь 5-я.

Статистическое описаніе Кіевской губ., изданное тайнымъ совѣт. сенаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. С.-Петербургъ, 1852 г.

Середонинъ. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. II ч. I. С.-Петербургъ, 1902 г.

„**Соображенія касающіяся до улучшенія быта крестьянъ**“ пензенскаго помѣщика Ивана Сабурова. „Журналъ Землевлад.“, 1858 г., № 12.

Я. Соловьевъ. „Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губ.“. Москва, 1855 г.

А. Стаховичъ. „Клочки воспоминаній“ „Русск. Стар.“. 1846 г., кн. V.

В. Снѣжневскій. „Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства въ Нижегородскомъ у.“ Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи, т. VI. Н.-Новгородъ, 1905 г.

Его же. „Быковская вотчина“ Демидовыхъ (матеріалы изъ исторіи крѣпостного хозяйства). Дѣйств. Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи, т. VII. Н.-Новгородъ, 1909 г.

Столѣтіе Вятской губ., т. II. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Вятка, 1881 г.

А. Тарачковъ. „Отчетъ о путешествіи по уѣздамъ придеснинскаго бассейна Орловской губ. для статистич. изслѣдованій“. Орелъ, 1865 г.

В. В. Трубниковъ. „Результаты народныхъ переписей въ Ардатовскомъ у., Симбирской губ.“. „Сборникъ статистическихъ свѣд. о Россіи.

издаваемый статистич. отдѣленіемъ Импер. Русск. Географ. Общества". Книжка III, изд. подъ редакц. В. П. Безобразова. С.-Петерб., 1858 г.

Г. А. Тепловъ. „Опытъ улучшенія быта крестьянъ". М., 1870 г.

Н. М. Толстой. „Дворовые люди въ старые годы". „Отеч. Зап.", 1860 г., № 1.

Хозяйство ген.-лейт. фонъ Шлиппенбаха въ Александровскомъ у., близъ С.-Петербурга, составилъ членъ Импер. Вольно-Экон. Общества Я. Іонсонъ. С.-Петерб., 1857.

Цензура въ царствованіе имп. Николая I. „Русск. Стар.", 1903 г., кн. IV.

Кн. Д. Шаховской. „По крестьянскому вопросу". „Журналъ. Землевлад.". 1858 г., № 10.

В. Я. Шульгинъ. „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова". „Древн. и Пов. Россія", 1879 г., кн. V—VI.

Шейнъ. „Пѣсни". „Русск. Стар.", 1886 г., мартъ.

Н. Шиповъ. „Исторія моей жизни и мояхъ странствій". Разсказъ бывшаго крѣпостного крестьянина Николая Шипова. „Русск. Стар.", 1881 г., тт. 31 и 32.

В. А. Шомпулевъ. „Мнимоумершій". „Русск. Стар.", 1898 г., май.

В. А. Шомпулевъ. „Провинціальные типы 40-хъ годовъ". „Русск. Стар.", 1898 г., августъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
ГЛАВА I.	Обязанности помѣщика передъ закономъ по отношенію къ крѣпостнымъ.—Право владѣнія крѣпостными.—Права помѣщиковъ на трудъ и личность крестьянъ.— Судебно-вотчинная власть помѣщиковъ.—Отвѣтственность передъ закономъ за злоупотребленія помѣщичьей властью.	5 — 45
ГЛАВА II.	Численность крѣпостныхъ предъ освобожденіемъ.— Процентное распредѣленіе ихъ по губерніямъ.— Процентное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами.— Земельные надѣлы крестьянъ.	45 — 77
ГЛАВА III.	Оброчные крестьяне.—Величина оброка.—Занятія оброчныхъ крестьянъ.—Самоуправленіе.	78 — 98
ГЛАВА IV.	Крестьяне, работающіе на барщинѣ.— Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и борьба помѣщиковъ съ невыгодными сторонами крѣпостного права. —Размѣръ барщины.— Тягла.—Крѣпостные, отбывающіе барщину на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ.—Общинный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ	98— 153
ГЛАВА V.	Крестьяне въ юго-западномъ краѣ.— Положеніе крестьянъ до инвентарей 1847—1848 гг.—Инвентари 1847—1848 гг.— Положеніе крестьянъ наканунѣ реформы 1861 г.— Крестьяне въ бѣлорусскихъ губ.—Крестьяне въ литовскихъ губ. . . .	153—184
ГЛАВА VI.	Общій очеркъ положенія крестьянъ въ Малороссіи.—Система землепользованія.—Зависимость крестьянскихъ надѣловъ отъ количества скота.—Экономическое неравенство между крестьянами.—Безземельные.— Распредѣленіе земли между различными группами крестьянъ. —Крестьяне въ Ново-	

россіи.—Количество крѣпостныхъ. - Недостатокъ рабочихъ рукъ. Господство барщины.—Значеніе дворовыхъ.—Распредѣленіе земли между крестьянами.—Причины тяжелаго экономическаго положенія крестьянъ.—Побѣги. . . . . 184—207

ГЛАВА VII. Дворовые.—Величина дворни передъ освобожденіемъ. — Бытъ дворовыхъ. — Развратъ помѣщиковъ.—Жестокое обращеніе съ крѣпостными.—«Крѣпостная интеллигенція». . . . . 207—239

ГЛАВА VIII. Вліяніе крѣпостного права на умственное развитіе народа.—Отношеніе крестьянъ къ крѣпостному игу.—Значеніе борьбы крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью. . . . . 239—262

ГЛАВА IX. Невыгодность крѣпостного права для промышленнаго класса населенія.—Отношенія къ крѣпостному праву дворянства, интеллигенціи, правительства.—Заключеніе . . . . . 263—288

Таблицы . . . . . 289—303

Списокъ источниковъ и пособій . . . . . 304—310

41
6001

HD
715
I45
1910

Ignatovich, Inna Ivanovna
Pomieshchich'i krest'iane nakanunie osvobozhdeniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 13 06 02 019 4